ВЕСТНИК

Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств

Научный журнал

№ 3 (12) • сентябрь • 2012

ВЕСТНИК
Санкт-Петербургского государственного
университета культуры и искусств
№ 3 (12) • сентябрь • 2012

Издается с ноября 2003 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств»

Редакционный совет
А. С. Тургаев (председатель, ректор Санкт-Петербургского государственного университета культуры
и искусств, д-р ист. наук, проф., заслуженный работник высшей школы РФ),
М. А. Ариарский (д-р культурологии, проф., заслуженный работник культуры РФ, член-корреспондент РАО),
В. М. Грусман (директор Российского этнографического музея,
д-р пед. наук, доцент, заслуженный работник культуры РФ),
А. Н. Губанков, кандидат культурологии, министр культуры Московской области,
С. Н. Иконникова (д-р филос. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ,
действительный член РАЕН и МАН ВШ),
И. Л. Линден (зам. ген. директора по международной деятельности
Российской национальной библиотеки, канд. пед. наук, доцент),
О. Л. Орлов (д-р культурологии, проф., народный артист РФ),
А. В. Соколов (д-р пед. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ, действительный член РАЕН и МАИ)

Редакционная коллегия
О. Б. Кох (главный редактор, д-р ист. наук),
Г. В. Михеева (заместитель главного редактора, д-р пед. наук, проф., заслуженный работник культуры РФ),
С. А. Владимирова (ответственный секретарь), В. В. Головин (д-р филол. наук, проф.),
Т. В. Захарчук (канд. пед. наук, доцент), Е. В. Клименко (канд. культурологии),
С. Т. Махлина (д-р филос. наук, проф., заслуженный работник высшей школы РФ, действительный член МАИ),
В. В. Молзинский (д-р ист. наук, проф., заслуженный работник высшей школы РФ)

Редакторы: Г. В. Михеева, М. Е. Лисовская
Выпускающий редактор: С. А. Владимирова
Техническое редактирование: М. Е. Лисовская
Компьютерная верстка: С. А. Владимирова, М. Е. Лисовская

Журнал зарегистрирован управлением Федеральной службы
по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия по Северо-Западному федеральному округу
Свидетельство ПИ № ФС2-7528 от 18.04.2005

191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 2. СПбГУКИ. каб. 2556, тел. 312 85 73.
www.spbguki.ru • e-mail: sv-spbizdat@mail.ru Лиц. ИД № 05313 от 09.07.2001
Подписано в печать 26.07.2012. Формат 60×84 1/8. Усл. печ. л. 24. Тир. 500 (1-й завод 1–250). Зак.
Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии Издательства Политехнического университета.
195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
Подписной индекс 80434
ISSN 2220-3044
© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств», 2012

СОДЕРЖАНИЕ • CONTENTS

Культурология • Cultural Studies

С. Н. Артановский. Понятие Родины: современные модификации
(Sergey N. Artanovsky. The notion of homeland in modern modifications) 6

О. В. Прокуденкова. Категория «месторазвития» в концепции евразийцев
(Olga V. Prokudenkova. Category «mestorazvitie» in the concept of Eurasians) 11

В. С. Купрякова. Зеркало как символ роскоши и тщеславия
(Vera S. Kupryakova. The mirror as a symbol of luxury and vanity). 16

Е. О. Васильчук. Субкультурные идентификации современной молодежи:
особенности и факторы появления
(Yevgeny O. Vasilchuk. Features of subcultural authentication of modern youth) 21

М. А. Алякринская. Танец и идеология: фокстрот в советской культуре 1920–1930-х гг.
(Marina A. Alyakrinskaya. Dance and ideology. Foxtrot in the 1920–1930s Soviet culture). 24

Н. М. Боголюбова, Ю. В. Николаева. Культурный аспект современного спортивного движения
(Natalja M. Bogolubova, Julia V. Nikolaeva. Cultural aspect of modern sports movement) 31

Социально-культурная деятельность • Socio-Cultural Activity

В. Е. Триодин. Социально-культурная деятельность: pro et contra
(Vladimir E. Triodin. Social-cultural activity: pro et contra) 40

Е. В. Клименко. Этнические различия и толерантность: к проблеме разработки
социально-культурных программ формирования межэтнической толерантности
(Ekaterina V. Klimenko. Ethnic difference and tolerance: introducing of socio-cultural
projects of developing of inter-ethnic tolerance) 46

М. В. Ухтинская. Туристско-экскурсионная деятельность в организации досуга подростков
(Mariya V. Ukhtinskaya. The tourist and sightseeing activities in organisation of leisure
of the teenagers) 51

Библиотековедение, библиографоведение и книговедение •

Library science, Bibliography, Bibliology

Р. С. Гиляревский. О возникновении и развитии информатики в России
(Rudzhero S. Giliarevski. On beginnings and development of the Informatics in Russia). 60

А. В. Соколов. Приключения Информации на библиотечном факультете
(Arkadiy V. Sokolov. Adventures of Information in Library Faculty) 63

Т. В. Захарчук. Научная школа Л. В. Зильберминц – В. А. Минкиной:
попытка идентификации (Tatiana V. Zakharchuk. Scientific school
of Ludmila V. Zilbermints – Valentina A. Minkina: an attempt to identify) 69

Д. Б. Сугак. Роль веб-сайта в научно-образовательной деятельности вуза
(Dmitriy B. Sugak. The role of the web site in the scientific-educational activity of the University) 77

Г. В. Михеева. Научно-информационная библиография по историческим наукам
в России в первое послереволюционное пятилетие (1917–1921 гг.). Часть 1
(Galina V. Mikheeva. The scientific and informational references for the historical science
in Russia in the first post-revolution years (1917–1921). Part 1) 82

Искусствоведение • Art History

Е. В. Старинкова. Проявление биоморфизма в эстетике человеческого бытия
(Elena V. Starinkova. Biomorphism manifestation in an esthetics of human life). 90

Р. В. Щипина. «Пещера нимф»: основные этапы становления символического реализма
в искусстве Византии (Rimma V. Shhipina. «Cave of the nymphs»: the main stages of the symbolic
realism in the art of Byzantium) 95

П. К. Корнев. Повторная цикличность становления и развития джазового искусства
XX в.: традиционное, новое, авангард. Часть 2 (Petr K. Kornev. Recurrent cycle series the
making and evolution art of jazz in 19th century: traditionalism, modernism, bebop. Part 2) 104

Музеология • Museology

О. А. Божченко. Историческая память как форма музейной рефлексии
(Olga A. Bozhchenko. Historical memory as the form of the museum reflection) 112

Е. Н. Мастеница. Современный музей в ракурсе корпоративной культуры
(Elena N. Mastenitsa. The contemporary museum from the perspective of corporate culture) 117

Л. И. Петрова. Музей города и Петербургский городской музей: проблема преемственности
(Ludmila I. Petrova. Museum of the City and St. Petersburg City Museum: problem of continuity . . . 124

Н. Г. Самарина. Культурное наследие Ростовской земли (по материалам продолжающихся изданий Государственного музея-заповедника «Ростовский кремль»)
(Natalya G. Samarina. Cultural heritage of the Rostov region
(on materials of proceeding editions of the State museum «Rostov Kremlin»)) 129

Е. Н. Мастеница. Памяти коллеги: Наталья Гурьевна Самарина (1958–2011)
(Elena N. Mastenitsa. To the memory of colleagues: Natalya Gurevna Samarina (1958–2011)) 133

О. И. Усачева. Художественные музеи и выставки на службе идеологии Третьего рейха
(Olga I. Usatchova. The art museums and exhibitions under the ideology of the Third Reich) 134

Л. В. Жуковская. Витраж из серии «Императоры Священной Римской империи германской нации» Страсбургского кафедрального собора Нотр-Дам, Франция
(Lyudmila V. Zhukovskaya. Stained-glass window from the series «The Emperors of the Holy Roman Empire of the German nation» of the Strasbourg Cathedral of Notre-Dame, France) 139

А. А. Барахоева. Атрибуция некоторых рельефов буддийской тематики с каменных перил комплекса Махабодхи в Бодхгае (Anastasia A. Barahoeva. The First Buddhist temple Mahabodhi in India: attribution of Jataka railing sculpture) 144

Философия •Социология• Philosophy • Sociology

А. А. Ледебев. Материальное и материя в культуре и природе: различие и взаимосвязь
(Anatoly A. Lebedev. Material and Matter in the culture and nature: the distinction and relationship) 152

К. С. Пигров. Одиночество Василия Розанова: вечное и плодоносное
(Konstantin S. Pigrov. Loneliness Vasily Rozanov: eternal and fruit) 157

П. Б. Клевцов. Философское наследие русского космизма в контексте XXI в.
(Pavel B. Klevtsov. Philosophical heritage of Russian cosmism in the context of the 21st century) 164

В. Е. Семенков. Одиннадцатый тезис Маркса о Фейербахе: новая наука или новая прагматика философии? (Vadim E. Semenkov. The eleventh's thesis of Marx about Feuerbach: new science or new pragmatics of philosophy?). 170

М. Б. Глотов. М. В. Ломоносов о демографических проблемах России
(Michail B. Glotov. Michaylo V. Lomonosov on the demographic problems of Russia). 176

Научная жизнь университета • Scientific life of University

П. Н. Базанов. Международная конференция «Смирдинские чтения»
(Petr N. Bazanov. International conference «Smirdinskiy Reading») 183

Рецензии • Reviews

П. Н. Базанов. Рецензия на монографию М. В. Соколова «Соблазн активизма» (М., 2011)
(Petr N. Bazanov. Review of the monograph by Mikhail V. Sokolov «The Temptation of activism» (M., 2001)) 185

В. Е. Семенков. Рецензия на монографию «Университет и город в России (начало XX в.)» (М., 2009) (Vadim E. Semenkov. Review of the monograph «University and city in Russia (beginning of the XX century)» (M., 2009)) 187

Сведения об авторах 189

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Cultural Studies

УДК 314.125

С. Н. Артановский

Понятие Родины: современные модификации

Родина как традиционное понятие – это страна, в которой человек родился. Но современная политическая действительность подсказывает новые значения понятия Родины. Эти понятия разобраны в данной статье.

Ключевые слова: малая Родина как территория древнего племени, малая Родина как историко-культурный регион, малая Родина как ностальгия, вторая Родина: результат эмиграции, интеграция в новую Родину, образование замкнутых диаспор, историческая Родина

Sergey N. Artanovsky

The notion of homeland in modern modifications

The traditional notion of Homeland is the land, where person is born. But the new political reality gives new meanings to this word. These meanings are rewired in this article.

Keywords: the little Homeland as territory of the ancient tribe, the Homeland as historical and cultural region, the little Homeland as nostalgia, the second Homeland, historical Homeland

Согласно словарным определениям, Родина есть страна, в которой человек родился. Это определение неточно и неглубоко. Конечно, среднестатистически это верно. Но человек может родиться там, где его родители проживают временно между тем как его Родина там, где они живут постоянно. Содержательное определение Родины говорит нам, что Родина есть продукт исторического развития народа, который переделывает естественную среду в соответствии с представлениями своей культуры. Это преобразование – дело рук наших предков и нас самих. Изменив естественную среду согласно нашим представлениям и вкусам, мы полюбили ее как творение нашего разума, нашей воли и наших рук.

В этой статье мы остановимся на модификациях понятия Родины, которым она подверглась в ходе исторического развития, и в особенности в наши дни.

Начнем с понятия «малая Родина» – древнейшего среди понятий, которые мы собираемся рассмотреть. Это понятие имеет три взаимосвязанных смысла. Во-первых, исторически первоначальную небольшую Родину малых человеческих групп, во-вторых, территорию региона, населенного этнически своеобразной группой и в силу некоторых причин относительно обособленную от большой Родины, или просто обособленную от остальной страны. В-третьих, место рождения индивида, проживающего ныне в другой географической точке своей Родины, но сохранившего воспоминания о родном гнезде.

Понятие «малой Родины» в первом смысле структурно полностью совпадает с понятием Родины вообще. В древние времена небольшие человеческие группы, роды, племена, небольшие народы оседали на ограниченной территории, осваивали ее, превращая ее в свою Родину. Позже эти группы укрупнялись, превращаясь в народы в полном смысле этого слова, образовывая большую Родину. В настоящее время малая Родина в этом смысле является достоянием истории. Однако во многих странах мира сохранились анклавы небольшого размера, которые в той или иной мере изолированы от своей большой Родины. Это территория расселения особых этнических групп (например, баски в Испании) или регионы, в которых в силу каких-то исторических причин со времен феодальной раздробленности проживали этнические группы относительно обособленно. Иногда они имеют собственные государства. Таково, например, государство Андорра на границе Франции и Испании. Такие анклавы могут быть и в пределах одного государства. Население этих анклавов иногда имеет некоторые культурные особенности, впрочем, не слишком большие. Обычно в маленьком городке, принадлежащем этому анклаву, есть любители старины, которые организовывают краеведческий музей, изучают родной край, гордятся его историческим прошлым. Такие явления заслуживают похвалы, ибо они способствуют сохранению этнического и культурного своеобразия обитателей нашей планеты.

К сожалению, это наблюдается не во всех регионах. Но там, где это есть, возникает своего рода «региональное самосознание». Оно помогает лучше познать и полюбить родной край, а с ним, возможно, и всю Родину. Увлечение своей маленькой территорией, ее особенностями в сфере быта, культуры, фольклора, народного говора создает явление, получившее в Западной Европе название **регионализма**. Регионализм может иметь и

отрицательный смысл. Иногда он становится теоретическим обоснованием сепаратизма.

Регионализм имеет точки соприкосновения с неприятием большого города, все шире распространяющемся в современном урбанизованном мире. Это настроение было уже в древние времена. Еще Вергилий и Гораций воспевали прелести деревни, умилялись здоровым бытом сельской местности. Сегодня суматоха большого города вредно отражается на здоровье его обитателей, а материальное изобилие мегаполиса, контрастирующее с более скромным достатком регионов, вызывает раздражение тех, кто наблюдает жизнь мегаполиса со стороны. Отсюда тяга ко всему обособленному, местному, к маленькому городку, к деревне.

За рубежом, да и в России, давно уже существует литература, сочувственно изображающая местный быт, духовное здоровье жителей регионов в противоположность болезненности и моральной испорченности жителей больших. Назовем только немногие имена. В XX в. это итальянский писатель Чезаре Повезе, норвежский – Кнут Гамсун и другие. Такого рода настроения были и в русской литературе, как в XIX, так и в XX в. Упомянем только «деревенскую литературу» – течение, возникшее в СССР в последние десятилетия советской власти. Здесь известны имена В. Солоухина, Ф. Абрамова, В. Шукшина и самого значительного из них – Валентина Распутина. Своего рода квинтэссенцией можно считать маленькое стихотворение близкого к «деревенщикам» поэта Николая Рубцова. Вот оно.

Я запомнил, как диво,
Тот лесной хуторок,
Задремавший счастливо
Меж звериных дорог…

Там в избе деревянной,
Без претензий и льгот,
Так, без газа, без ванной,
Добрый Филя живет.

Филя любит скотину,
Ест любую еду,
Филя ходит в долину,
Филя дует в дуду!

Мир такой справедливый,
Даже нечего крыть…
– Филя, что молчаливый?
– А о чем говорить?

Регионализм и буколические настроения – не одно и то же, но между ними есть общее, они питаются одной идеей: это идея **общины** в противоположность **гражданскому обществу**.

Характерно воспоминание М. К. Тенишевой о ее возвращении в родное поместье после долгого пребывания в Париже. «Весной нас непреодолимо потянуло в деревню. Страдали в тайне, скрывали тоску по родине. Мерещились дорогие картины простора русской деревни, слышались песни, доносились как будто запахи». Дворянская усадьба долгое время была связующим звеном между городской жизнью и деревней. Ныне это звено распалось. Сельская местность почти что исчезла из поля зрения горожанина, живущего только своими урбанистическими интересами. Вместе с ней притупилось и чувство Родины.

Это социально-культурные явления, но есть и психологический коррелят этих тенденций. Речь идет о тяге человека к своему месту рождения. В наше время случается часто, что человек, выросший и проведший детство и юность в маленьком местечке, отправляется в поисках жизненного успеха в большой город, иногда расположенный за тысячу километров от его малой Родины. Многие годы он очень занят, погружен в работу и развлечения, и ему некогда вспоминать о своих ранних годах. Но приходит старость, возможности вести активную жизнь становится все меньше, времени для размышлений – все больше. И теперь он вспоминает свою малую Родину, она представляется ему прекрасной, его тянет вернуться туда, где прошли его лучшие годы. Немногим удается это сделать, но ностальгический образ малой Родины витает в его воображении. Это еще одно значение современного модифицированного понятия «малой Родины». В жизни современного человечества малая Родина не имеет особенного значения. В наши дни на первом плане – **большая Родина**.

В противоположность малой Родине, большая Родина являет собой многообразие ландшафтов, один большой народ, но с примесью ассимилированных или полуассимилированных пришельцев, один язык, но с различными вариантами. Одно из явлений рассматриваемого круга вопросов – Родина в условиях многонационального государства. Российская Федерация (РФ) является таким государством, и его можно взять в качестве примера, не забывая о том, что каждое многонациональное государство своеобразно. Но поговорим о России.

Каждый из народов РФ, которых насчитывается более полутора сотен, имеет свою историческую территорию, это и есть его Родина. Мы называем такие народы коренными. Но в РФ живет и много представителей других народов, некогда приехавших в нашу страну и осевших в ней. Эти народы такие же полноправные граждане РФ, как и коренное население. Но их Отечество находится где-то в других местах. В советское время были сделаны попытки организовать собствен-

ную Родину для некоторых пришлых народностей – такова была Республика немцев Поволжья и Биробиджан как Отечество для евреев. Но в Биробиджан мало кто поехал, а немцев выселили во время Великой Отечественной войны, потом некоторые вернулись назад, но государственная структура была разрушена и вряд ли будет восстановлена. Мы не видим никакой необходимости в организации таких искусственных Отечеств. Если такие народности желают организовать какие-нибудь землячества или культурные союзы, внести вклад в развитие своего языка и духовной культуры, в устройство национальных праздников, – пожалуйста. Но, по нашему глубокому убеждению, государства в государстве в РФ не нужно.

Таков взгляд на Отечества различных народов РФ с точки зрения истории. Но уже давно со времен присоединения Казани к России, создается единство российского государства в политическом, экономическом и культурном плане. Народы России общаются друг с другом, в какой-то степени территориально перемешиваются, имеют общие устремления, используют русский язык как язык межнационального общения. В итоге создается государственное, геополитическое, культурное и отчасти языковое единство населения РФ. Постепенно возникает чувство общей Родины. Укрепление этого чувства происходит волнообразно, оно то усиливается, то ослабевает в связи с историческими событиями. После распада Советского Союза многонациональную Родину пришлось как бы формировать заново, но все же она существует. Большим вкладом в становление общего чувства Родины была Великая Отечественная война. В настоящее время обилие международных контактов и инокультурных влияний в сегодняшней России ведет к ослаблению внутренней сплоченности и чувства общей российской Родины, хотя в то же время внешние угрозы должны были бы сплотить ее граждан.

Несколько слов об особенностях общей Родины в других многонациональных государствах. Римская империя была примером государства, в котором наблюдалось единство власти, отчасти экономики и языка, но в котором начисто отсутствовало единое чувство Родины. Римская держава основывалась только на силе и в некоторой степени на преимуществах торговли в пределах ойкумены. В этом отношении от нее мало отличались и европейские колониальные империи Нового времени. В таких больших многонациональных странах, как Индия, Индонезия и других процесс образования общей Родины вряд ли можно считать завершенным, хотя он, несомненно, продвигается вперед.

Продолжим тему многонациональной Родины, но теперь уже совсем в другом аспекте. Речь будет идти о смене Родины индивидами и группами людей.

Бесписьменное общество не знало обширных передвижений в пространстве. Но, если такие передвижения случались, с места сдвигался весь этнос, отправляясь в поисках новой территории. Переход же отдельных людей из племени в племя был весьма редким явлением. Однако американские этнографы установили, что некоторые индейские племена принимали людей из других этнических сообществ, и эти люди навсегда оставались у них. Начиная с античности люди стали много путешествовать в различных целях, торговли, колонизации, завоеваний и т. д. Иногда, как в случае с колонизацией, они навсегда оставались в новых местах, нередко смешиваясь с местным населением. Но лишь в Новое время переезд из страны в страну стал распространенным явлением. Этот переезд не был похож на переселение народов в древние времена. Из страны в страну переезжали отдельные индивиды или группы людей, которые искали себе место на своей новой Родине. В отличие от этого, древнее переселение народов носило лавинообразный характер, чаще всего сопровождаясь завоеванием, уничтожением или ассимиляцией местного населения, построением новых государств. Эти древние переселения стали предметом внимания европейской науки XIX в. Ученые того времени, воодушевленные процессом консолидации европейских наций, искали те географические регионы, где возникли народы-пришельцы. Им пыталась помочь в этом индоевропейское языкознание, тоже поглощенное поисками некоего «праязыка» индоевропейской группы наречий. Поиски эти оказались безуспешными, хотя и обогатили науку множеством сведений о древних языках. Более плодотворными были поиски «прародины» европейских народов, но и они во многих случаях остались гадательными. В настоящее время такая модификация понятия Родины, как **прародина**, интересует лишь узкий круг историков. Но мы сочли нужным упомянуть его для полноты картины. Зато вопрос о современной миграции населения стран мира приобрел в наше время чрезвычайное значение, как в научном, так и в политическом плане.

Но проблема заключается в том, что чувство Родины возникает в лоне национальной жизни и деятельности, окрашивается тонами национальной культуры. Чувство Родины, ощущение принадлежности к ней, привязанность к ней, наконец, любовь к ней – все это является особенным для каждой нации, для каждой создаваемой нацией Родины. Как может чувство Родины, эта

привязанность к своему, быть перенесенной на чужую Родину, страну с другой природной средой, с другой архитектурой, с другими нравами и обычаями, с другим языком? Легко ли отрешиться от своего, усвоенного в течение всей жизни, и полюбить чужое? Можно уважать чужую страну, другой народ, его достижения в культуре, его мужество и талантливость, но как полюбить сердцем то, может быть, очень хорошее, но далекое от родного, что мы нашли на новой Родине?

В то же время Родина – это устоявшееся, будничное, не дающее пищи нашей любознательности и стремления к лучшей жизни. В детстве маленький ребенок ограничен пределами своей колыбели, позже он осваивает дом, потом двор, наконец, Родину-поле богатырское, на котором он должен проявить себя, показать свои таланты, утвердить себя в обществе. Когда это достигнуто, он обращает свои взоры за пределы Родины. Ему хочется повидать чужие края и, если они будут ему по душе, поселиться там.

Но может как раз случиться, что он не устроится у себя на Родине, и это тоже может явиться стимулом поисков новой Родины. Его могут заставить стать эмигрантом политические события на его Родине. И вот он отправляется в чужую страну, которая должна стать его **второй Родиной**.

Впрочем, второй Родиной она становится не сразу. Более того, она вообще может не стать его Родиной. Ее точнее назвать страной пребывания. Соотечественником этого нового для него национального коллектива человек становится тогда, когда овладевает культурой этого коллектива и у него появляется интуитивно-сознательная привязанность к своей новой Родине. Но это не простой процесс. Человек, поселившийся в чужой стране, волен усвоить по отношению к ней двоякий образ мыслей и поведения. Он может принять ее как свою Родину, приложить усилия, для того чтобы приспособиться к новым условиям своего существования. Однако он может избрать и другой путь. Он может отказаться от духовного вхождения в чужой коллектив, показывая лишь внешнюю принадлежность к нему. Ему по всей вероятности придется в той или иной мере усвоить чужой язык, приспособиться к чужим нравам, научиться не оскорблять обычаи страны его проживания. Но в душе он может остаться чуждым всего или почти всего, что его окружает. Он может сделать это либо из некоторого безразличия, либо из желания остаться по обычаям вместе со своими старыми соотечественниками, которые вместе с ним приехали в эту страну.

Это может быть и осознанной позицией. Так, русские эмигранты, бежавшие из большевистской России и осевшие в зарубежных странах, сознательно оберегали свою русскость, стремясь сохранить себя для возвращения на Родину, в уже небольшевистскую Россию. Они прилагали усилия, чтобы организовать русское образование, русское книгоиздательство, русскую прессу, они ежегодно праздновали День рождения Пушкина. Однако могло произойти и другое. Человек, проживающий в другой стране, мог сосредоточить свои усилия на том, чтобы по возможности глубже войти в жизнь нового сообщества, стать его членом, почувствовать эту страну своей Родиной.

В современной публицистике и науке вхождение человека или группы людей в новое сообщество обозначается различными терминами: адаптация, ассимиляция, интеграция. Скажем несколько слов об оттенках, которые имеют эти термины. Слово «адаптация» означает «приспособление», биологическое или общественное. Приспосабливаться можно к чему угодно: к высокой температуре, к недостатку свежего воздуха в комнате или к обычаям новой страны и т. д. Это очень широкое по объему понятие, относится оно и к вхождению людей в чужое сообщество. «Ассимиляция» гораздо более конкретный термин, он имеет отношение именно к рассматриваемому явлению, но в последнее время это слово, хотя и продолжает употребляться, впало в немилость. Дело в том, что ассимиляция означает потерю первоначальных этнонациональных признаков человека и приобретение им новых. Но как же можно лишить пришельцев из республики Чад или иного места в том же роде их исконных качеств? Это же будет нарушение прав человека! С другой стороны, снабдить их знанием местного языка и европейских обычаев тоже необходимо. Значит надо снабдить их новым и сохранить их старое. А это очень сложно, если вообще возможно. И вот стали употреблять слово «интеграция», подразумевающее вхождение в новое сообщество с сохранением старых качеств. Правда, вряд ли реальная проблема была решена таким образом.

Конечно, истории известны многие случаи успешной ассимиляции, когда пришельцы приносили много пользы стране, в которой они поселились и которая действительно стала их второй Родиной.

До сих пор у нас шла речь об индивидуальном пребывании в чужой стране и проблеме столь же индивидуального приспособления к ней. Но люди приезжают на чужбину довольно часто группами, иногда, как мы сейчас увидим, они образуют постепенно целые сообщества. Это многое меняет в процессе адаптации. Появление в чужой стране лиц одной этнической принадлежности или национальности попадает

под рубрику диаспоры. Под словом диаспора мы подразумеваем переселение больших групп людей, часто их «излучение» из одного этнонационального центра, нередко во многие страны. Диаспора образует более или менее крепко спаянные группы соотечественников по бывшей Родине. Приехав в чужую страну или сформировавшись в ней, диаспора оказывается перед лицом инокультурного и далеко не всегда дружелюбного коренного населения. В этих условиях диаспора пытается защитить свои права сплоченностью, поддержкой друг друга. Для этого требуется сохранение старой культуры и в особенности религии, поддержание единого национального самосознания. Однако это вызывает отчуждение диаспоры от местного населения, в итоге чего культурные различия выступают особенно подчеркнуто, в свою очередь, порождая непонимание и враждебность.

Диаспора вынуждена искать свое место в новом сообществе. Она ищет его уже не как совокупность разрозненных индивидов, а как единая группа, требующая от своих членов более или менее единообразного поведения. Обычно путь в элиты и властные структуры страны-восприемника для пришельцев закрыт. Диаспора обращается к менее престижным сферам деятельности: коммерции, торговле, сфере обслуживания. Так было по крайней мере до XX столетия. Однако уже в XIX в. мировые диаспоры завоевывали все более прочное положение в финансах, международной торговле, отчасти интеллектуальной деятельности. После Первой мировой войны рухнули властные структуры ряда стран – в первую очередь, побежденных стран. В других странах эти структуры ослабли. Удар по привилегиям аристократических и богатых буржуазных элит был нанесен левыми движениями, в которых некоторые диаспоры, считая себя обездоленными, приняли активное участие. В Германии и России представители диаспор прорвали вековые заслоны, и пришли к власти. Однако это вызвало бурную реакцию со стороны коренного населения. Результатом стало появление новых социальных режимов, в которых диаспорам либо было отведено определенное место, либо из которых они были вытеснены вовсе.

В наши дни к традиционным диаспорам, появление которых в Европе относится к давним временам, прибавились обширные новые диаспоры. В основном они идут с Востока. Это турки, узбеки, таджики и т. д. Западные страны, переживающие кризис рождаемости и депопуляцию, склонны приглашать как можно больше мигрантов, которые приезжают на временную работу или на постоянное жительство. Тем самым они стремятся обеспечить промышленность и сферу обслуживания рабочей силой. Особенно нужны мигранты в тех областях хозяйственной деятельности, которых чуждается хорошо обеспеченные аборигены западных стран. Но коренное население встречает мигрантов поразному, нередко без особого дружелюбия. Так возникает проблема мигрантов, которая сегодня будоражит умы жителей Западной, Центральной и Восточной Европы, включая нашу страну.

Мы не будем подводить итоги сказанному о второй Родине. Наша задача была философско-семантического плана, мы стремились дать определение понятия второй Родины и указать на некоторые проблемы, с ним связанные. Вместо заключения я расскажу об одном разговоре, который состоялся у меня во время путешествия по Западной Богемии. Я познакомился с одним туристом, мужчиной в расцвете сил, российским немцем, по программе возвращения на историческую Родину переселившемся в Германию. Он сказал мне на прекрасном русском языке: «Я доволен тем, что переехал в Германию. По отношению к России у меня нет никакой ностальгии». Вот это и есть пример успешного обретения второй Родины – с сохранением русского языка как культурной ценности. Возможно, и других культурных благ.

Мы уже употребляли понятие исторической Родины как территории знающего уже много веков расселения ее обитателей. Но сегодня это понятие приобрело новый оттенок. Исторической Родиной называют страну, которую человек когда-то покинул или покинули его предки. Теперь он собирается вернуться на бывшую Родину, что влечет за собой некоторые проблемы: его проверяют на предмет знания языка исторической Родины, иногда требуют документы, подтверждающие, что он или его предки жили на бывшей Родине. В частности, в России была принята правительственная программа приема и адаптации наших соотечественников, оказавшихся за рубежом в результате распада Советского Союза – их от 25 до 30 миллионов, и многие действительно тоскуют по Родине, но эта программа оказалась практически невыполненной. Приехали отдельные семьи, им предложили работу в глухих уголках Дальнего Востока и других подобных районах нашей Родины.

В качестве дополнения к нашему повествованию отметим, что существует метафорическое употребление слова Родина как образа чего-то очень родного, духовно близкого: «Отечество нам Царское Село» (А. С. Пушкин), «Ранние христиане искали свою новую Родину в пределах монастырской ограды и прилегающих к ней земель» (Георгий Флоровский), или, как любил говорить один мой приятель, «Моя духовная Родина – это гетевский Веймар». На этом мы и закончим.

УДК 32.001:1

О. В. Прокуденкова

Категория «месторазвития» в концепции евразийцев

В статье рассматривается ключевая для евразийской философии категория «месторазвитие», посредством которой анализировались взаимосвязь и целостность социально-исторической и географической среды. Применение данной категории позволяло евразийцам, используя цивилизационный подход, обосновывать своеобразие историко-культурного развития России.

Ключевые слова: евразийство, географическое пространство, месторазвитие, геополитика, цивилизационных подход, Г. В. Вернадский, Л. П. Карсавин, П. Н. Савицкий, П. П. Сувчинский, Н. С. Трубецкой, Н. А. Бердяев, П. М. Бицилли, Фридрих Ратцель, А. А. Кизеветтер, А. Г. Дугин, П. Н. Милюков, Ф. А. Степун, Карл Шмитт

Olga V. Prokudenkova

Category «mestorazvitie» in the concept of Eurasians

This article discusses the basic for the Eurasianist philosophy category «mestorazvitie» by means of which the relationship and the unity of the socio-historical and geographical environment are analyzed. The using of category «mestorazvitie» by Eurasianist philosophers allowed, using civilizational approach, to justify the identity of historical and cultural development of Russia.

Keywords: Eurasianism, geographical area, mestorazvitie, geopolitics, civilizational approach, G. V. Vernadsky, L. P. Karsavin, P. N. Savitsky, P. P. Suvchinsky, N. S. Trubetskoy, N. A. Berdyaev, P. M. Bitsilli, Friedrich Ratzel, A. A. Kiesewetter, A. G. Dugin, P. N. Miliukov, F. A. Stepun, Carl Schmitt

В современной российской науке термин «месторазвитие», впервые сформулированный в рамках философии евразийцев, прочно вошел в широкое употребление, поэтому можно говорить о его укорененности в отечественной историографии. В самом общем виде он означает качественное влияние географического фактора – ландшафта, окружающей среды – на исторические события, культуру, социальные и политические системы этносов.

Евразийство как идейно-политическое течение возникло в русской эмиграции в начале 20-х гг. XX в. и в изначальном своем виде просуществовало около двух десятилетий[1]. Идеология этого движения была впервые обнародована в 1921 г. в манифесте «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения». Затем евразийцы начали напористо заявлять о себе во всех центрах русской эмиграции. С 1921 по 1931 г. вышло в свет более десятка тематических сборников, среди которых «Евразийский временник», «Евразийские хроники», журнал «Версты». Так же под их редакцией издавалась газета «Евразия» – еженедельник по вопросам культуры и политики (Париж 1928–1829).

Во главе евразийства встали историк Г. В. Вернадский, историк-медиевист и философ Л. П. Карсавин, экономист П. Н. Савицкий, искусствовед П. П. Сувчинский, филолог Н. С. Трубецкой. На страницах евразийских изданий они излагали свои взгляды на историю, культуру, политику России, обсуждали возможное будущее страны.

Новое течение приобрело огромную популярность в эмигрантской среде, поскольку претендовало на объединительную роль, отличаясь этим как от левых, так и от правых политических группировок, сформировавшихся еще до 1917 г. в России, а также от тех движений, которые сложились после исхода из страны, – сменовеховство, младороссы, Народно-трудовой союз и др.

Уже в самом начале становления евразийского движения на него обрушились с критикой видные деятели русской эмиграции первой волны – Н. А. Бердяев, П. М. Бицилли, А. А. Кизеветтер, П. Н. Милюков, Ф. А. Степун и др., но как бы велико ни было неприятие идейно-политических воззрений евразийцев, критики с интересом относились к их геополитическим и геософским идеям. В частности, П. Н. Милюков признавал теорию «месторазвития» весьма прогрессивной и даже позаимствовал сам термин «месторазвития» для обоснования собственной культурологической концепции[2].

Евразийцы представили собственную программу государственного построения, выдвинули положения о необходимости создания бесклассового идеократического государства, предложили заимствовать у большевиков идею системы советов как формы выражения народной воли.

Ими не отвергались идеи жесткой дикта-

туры одной партии или, по их терминологии, «правящего слоя» как основы государственного строя. И, соответственно, они признавали заслуги коммунистов в практическом выполнении этой идеи, позволившем решить ряд важных проблем – создать систему советов и сильную централизованную власть. И в целом социалистическую революцию в России они рассматривали как естественный итог предшествующего развития русской истории, видя в ней культурно-исторический поворот к Азии, отказ от обветшавших идеалов Европы. Дальнейший ход революции, по мысли евразийцев, должен был проявиться в замене коммунистической идеологии, которую они считали европейской и, уже в силу этого, исторически обреченной, на их собственную, опирающуюся на русское православие и интерпретацию отечественной культуры как особого культурного мира на стыке Европы и Азии. Таковая смена, полагали они, не нуждается в применении насилия, ибо идеология самопроизвольно отомрет, а какие-либо военные мероприятия по ее ликвидации могут привести лишь к хаосу. Необходимо органически заменить одну идеологию другой, а для этого следует вернуться в Россию и планомерно способствовать реформированию страны изнутри. Попутно отметим, что установка на сотрудничество с советской властью привела к потере евразийцами большинства своих сторонников в русской эмиграции. К тому же разногласия по этому поводу во многом стали причиной раскола в самом евразийстве.

В отечественной исторической науке евразийство – одно из немногих направлений, которое объясняет историю России, используя цивилизационный подход, вырабатывая для анализа исторического пути российской цивилизации особую категорию – «месторазвитие». С одной стороны, теория месторазвития является разновидностью органических теорий социальных единств, с другой – становится схемой цивилизационной эволюции русской (евразийской) истории, где интерпретация исторического бытия осуществляется через понимание мира как единства существования природы и человеческих обществ (совместного общежития).

Судьба этой идеи весьма примечательна. Впервые термин «месторазвитие» появляется в работе П. Н. Савицкого «Геополитика», где его значение интерпретируется как «общежитие широкого порядка», складывающееся на основе «генетических вековечных связей» между растительными, животными и минеральными царствами, с одной стороны, и человеком, его бытом и духовным миром – с другой. «Взаимное приспособление живых существ друг к другу… в тесной связи с внешними географическими условиями, – писал П. Н. Савицкий, – создает … свой порядок, свою гармонию, свою устойчивость». И далее продолжал: «…широкое – общежитие живых существ, взаимно приспособленных друг к другу и к окружающей среде и ее к себе приспособивших, понимается нами под выдвигаемой в этих строках категорией „месторазвитие“»[3].

П. Н. Савицкий показывает, что существует множественность месторазвитий, связанных с конкретной географической средой, выстраивая, таким образом, своеобразную иерархию месторазвитий. Наименьшими месторазвитиями являются двор, деревня, город, сливающиеся в большие месторазвития, из которых в дальнейшем вырастают более крупные месторазвития. Таким образом, евразийская степь становится большим месторазвитием по отношению к составляющим ее месторазвитиям – естественным областям, но меньшим в отношении всего континента России–Евразии. В свою очередь, Россия–Евразия как большее месторазвитие не ограничивается степью, сочетая в себе степь с лесной, пустынной и тундровой зонами, становится интегральной формой более мелких, входящих в нее месторазвитий. Наибольшее месторазвитие – это весь земной шар, местообитание всего человеческого рода[4].

Данная категория получила свое дальнейшее определение у Г. В. Вернадского, который дополнил ее представлением об историческом времени. «Под месторазвитием человеческих обществ, – указывал он, – мы понимаем определенную географическую среду, которая налагает печать своих особенностей на человеческие общежития, развивающиеся в этой среде. Социально-историческая среда и географическая обстановка сливаются в некое единое целое, взаимно влияя друг на друга. В разные исторические периоды и при разных степенях культуры человеческих обществ различная совокупность социально-исторических и географических признаков образует различные месторазвития в пределах одной и той же географической территории. Таким образом, может быть установлена система сменяющихся типов „месторазвития“»[5].

Из этой развернутой дефиниции отчетливо видны характерные доминанты культурологического мышления евразийцев: упор на идею системной целостности социально-исторической и географической сред и культурно-историческая колонизация человеческих обществ, распределенных во времени относительно одной

и той же территории. Выдвинутое евразийцами определение «месторазвития» отнюдь не являлось беспрецедентным. Оно в значительной степени согласуется с понятием «Lebensraum» (букв. – «жизненное пространство»), введенным в науку немецким исследователем, антропогеографом и геополитиком Ф. Ратцелем, стоявшим у истоков зарождения таких направлений в науке, как антропогеография и геополитика[6]. Это понятие и стоящая за ним концепция были призваны теоретически обосновать характерную для германской политической географии, а затем и геополитики, идею «кровь и почва» – где германская кровь, там и германская земля. В понимании Ф. Ратцеля, народ, проживающий в течение долгих столетий на одной и той же земле, преобразуется в соответствии со своей культурой. «Культура часто изменяет страну в гораздо большей степени, – писал он, – чем природные условия, человек производит изменения известной страны просто уже одним своим присутствием, и он это делает не только там, где он поселяется, но даже и там, где он просто останавливается и движется…»[7].

Именно Ф. Ратцелем и было впервые осмыслено взаимовлияние природы и культуры в темпоральном аспекте. Он, в частности, указывал на ошибочность трактовки отношений человека и географической среды как неизменных, качественно константных на всех этапах человеческой истории. Ратцель утверждал, что действует природный фактор, который опосредуется в своем влиянии на человека хозяйственными, экономическими и культурно-историческими условиями. П. Н. Савицкий особенно высоко ценил мысль Ф. Ратцеля о взаимовлиянии географической среды и человеческой культуры, послужившую обоснованием специфического для евразийского умозрения учения о географическом детерминизме.

Положив в основу своего культурно-исторического анализа и геополитических спекуляций концептуальное представление о месторазвитии, евразийцы предприняли попытку исследования отечественной культуры вне бытовавших прежде историографических схем. Они радикально отвергали европоцентристский шаблон рассмотрения русской культуры как периферийной относительно западноевропейских культур. В их рассуждениях, история России, ее культура представали как независимые от Западной Европы, ибо Россия – это особый географический и культурно-исторический мир, принадлежавший одновременно и Европе, и Азии. Такое культурное пространство и получило в их интерпретации название «Евразия». «Поскольку мы приписываем понятиям„Европы“ и„Азии“ также некоторое культурно-историческое содержание, мыслим, как нечто конкретное, круг „европейских“ и „азиатско-азийских“ культур, – декларировал позицию евразийцев П. Н. Савицкий, – обозначение„Евразия“ приобретает значение сжатой культурно-исторической характеристики»[8]. И резюмировал: «Россия–Евразия есть обособленное и целостное „месторазвитие“»[9].

Евразийцы выступали с позиции отрицания универсализма в рассмотрении исторического процесса. «Мы утверждаем прежде всего, – заявляли они, – что общезначимых законов исторического развития не существует. Ибо история имеет дело с явлениями индивидуально-неповторимыми и качественно-своеобразными»[10]. Соответственно этому они стремились определить уникальную специфику этногенеза русских, полагая, что «русская национальность» не может быть сведена к славянскому этносу, что в ее образовании значительную роль сыграли финно-угорские и тюркские племена, которые тесно взаимодействовали со славянством и оказывали на него огромное влияние. Формирование национального субстрата России происходило, согласно евразийской концепции, по своим собственным самобытным законам как разноязычных этносов, населяющих сердцевину континента, в единую многонациональную нацию – евразийскую. А государство, вместившее в свои пределы эту гипернацию, и есть Россия.

Именно Н. С. Трубецкой называл Россию «евразийской», связанной воедино государственной системой, которая конституировала, по его мысли, не только «месторазвитие», но и общее национальное самосознание. А это в свою очередь означало, что изучение культурно-исторического процесса должно строиться с учетом становления «евразийской нации» как основы российского государства.

Западноевропейская культура, как следовало из экспозиции евразийских основополагающих идей, не могла выступать исходной парадигмой для русской культуры, а стремление к Западу зародилось в России в ходе Петровских реформ. Эти реформы расценивались евразийцами как направленные на искусственную «европеизацию» России и оказавшие отрицательное воздействие на весь дальнейший культурно-исторический процесс. В частности, неорганическая европеизация способствовала проникновению в национальное самосознание порочной идеи социально-политической отсталости России, хотя романо-германский идеал цивилизован-

ности не является универсальным и подходит только для Европы. Следует подчеркнуть, что евразийцы одними из первых указали на такую неуниверсальность и необоснованные претензии Запада быть лидером человеческих цивилизаций. Так, Н. С. Трубецкой писал: «Европейская культура не есть культура человечества. Это есть продукт истории определенной этнической группы»[11]. Евразийцы критически отмечали свойственный Западу европоцентризм и стремление европейцев к глобальной гегемонии, воплощающееся в агрессивном навязывании другим народам своей культуры, своего понимания степени культурно-исторического развития. Н. С. Трубецкой называл таковые проявления Запада романо-германским шовинизмом, акцентируя тем самым автономность от западноевропейского пути, от романо-германской культуры. Россия, будучи по своей сути Евразией, имеет свой собственный исторической путь развития, исключающий сравнение с Западом как с эталоном.

Важный тезис евразийства состоял в утверждении о ведущей роли православия в истории русской культуры – роли восточного христианства как идеократического стержня Московского царства.

С. Н. Трубецкой, противопоставляя старую религиозность – допетровское русское православие послепетровскому, писал: «…глубокое всенародное православно-религиозное чувство, которое силою своего горения переплавило татарское иго во власть православного русского царя и превратило улус Батыя в православное Московское государство, является в глазах евразийцев главной ценностью русской истории»[12]. Начиная с Петра I, полагали евразийцы, русское православие утратило прежний идеократический характер под воздействием насильственной «европеизации». В «имперский» период религия перестает функционировать в качестве национальной идеи, превращаясь в идеологический «аксессуар» самодержавия. Евразийцы подчеркивали и то обстоятельство, что русское православие далеко отошло от западного христианства, выродившегося постепенно в холодную религию рационализма. По их мнению, русскому православию оказались в конечном итоге ближе «языческие религии Востока» (так евразийцы определяли буддизм и ислам), ибо с православием их роднит живое религиозное чувство. И как следствие этого религиозным учениям Евразии предстоит слиться в едино целое с русским православием. В частности, П. Н. Савицкий подчеркивал: «Как потенциальное христианство, как смутное и печальное опознание истины, язычество само по себе особенной стойкостью не отличается. С другой стороны, если мы сосредоточимся на язычестве, этнографически и географически близком России и частью входящем в ее состав, мы легко обнаружим некоторое особо близкое родство его первичного религиозного уклада именно с русским православием. Это родство позволяет предполагать, что русское и среднеазиатское язычество в христианизации своей создаст формы и аспекты Православия, более близкие и родственные русским, чем европейским. Факт „родства“ уже давно отмечен и русскими, и иностранными наблюдателями. Для пояснения только указываем на живое и глубокое сознание примата религии, т. е. религиозного основания всего бытия, на специфическое отношение к природе и миру, причем, православная идея преображения мира (а не – как в католичестве – замены его другим) и признание существенной оправданности этого Богом созданного и обожаемого мира усматривают нечто ее предчувствующее в отношении к миру у буддистов»[13].

Введенное евразийцами понятие «месторазвития» близко согласуется с современным термином «номос», который предлагает использовать К. Шмитт для обозначения особой роли структурализации пространства. Номос – это «нечто взятое, оформленное, упорядоченное, организованное» в сфере пространства, где находят свое проявление, по мысли Шмитта, специфические социокультурные импульсы каждой цивилизации, растворяясь, сливаясь, соединяясь с окружающей средой[14]. Номос Земли отражает неподвижность, устойчивость, надежность суши, с неизменными географическими и рельефными особенностями. Это пространство с возможностью легкой детальной структуризации, где всегда можно четко зафиксировать политические границы и наладить постоянные коммуникации. Напротив, номос Моря символизирует подвижность, изменчивость и непостоянство водной стихии. Морское пространство не поддается детальной структуризации, в нем невозможно четко определить политические границы, проложить фиксированные пути. Номос Суши – это Восток, представленный единой твердой массой суши: Россия, Китай, Индия, а номос Моря – это Запад. Понятие, определяемое как Запад, является одним из мировых Океанов, полушарием, в котором расположены Атлантический и Тихий океан. Поэтому конфронтация Востока и Запада

объясняется дуализмом пространства Суши и Моря. Таким образом, евразийцы в рамках решают не просто вопрос о специфике развития одного национального государства, а становятся предтечей современной дискуссии о цивилизационном глобальном противостоянии Востока и Запада.

Как верно отмечает в своей работе А. Г. Дугин, апелляция к теории «месторазвития» как «географического индивидуума» позволила евразийцам избежать конкретных «рецептов» относительно национальных, расовых, религиозных, культурных, языковых, идеологических проблем. Интуитивно ощущаемое всеми жителями «географической оси истории» геополитическое единство обретало тем самым новый язык, «синтетический», не сводимый к неадекватным, фрагментарным, аналитическим концепциям западного рационализма[15].

Современное состояние отечественной исторической и культурологической науки характеризуется поиском концептуальных оснований, теоретического и методологического базиса, на основе которого станет возможным адекватное понимание цивилизационных процессов, касающихся исторических судеб нашей страны в прошлом, настоящем и будущем. Поэтом теория евразийства с присущими ей, с одной стороны, персонологическими поисками, обусловленными самоидентификацией личности и определением человеком собственного бытия, а с другой – выработкой принципов и норм, на основе которых возможно объединение и солидарность народов, населяющих огромное пространство России–Евразии, по-прежнему сохраняет свою значимость в современном социогуманитарном знании.

Примечания

[1] Современный этап воззрений идеологии евразийства, нашедший отражение, в частности, в трудах А. Г. Дугина, в настоящей статье не затрагивается как нерелевантный теме.

[2] Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры: в 3 т. М.: Прогресс, 1993. Т. 1. С. 67.

3 Савицкий П. Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. С. 283.

[4] Там же. С. 283–285.

[5] Вернадский В. Г. Начертания русской истории. Пг., 1927. С. 26–27.

[6] Русский антропогеограф Л. Д. Синицкий так оценивал вклад Ф. Ратцеля в науку: «Ф. Ратцель, зоолог, географ, и этнограф, принципиально повлиявший на развитие этих дисциплин… Всего больше антропогеография обязана Ф. Ратцелю, давшему и имя, и первый очерк науки» (Цит. по: Синицкий Л. Д. Лекции по землеведению (антропогеографии). М.,1915. С. 7).

[7] Ратцель Ф. Земля и жизнь: сравнительное землеведение. СПб., 1905. Т. 1–2. С. 682.

[8] Савицкий П. Н. Указ. соч. С. 82.

[9] Там же. С. 283.

[10] Пушкарев С. Г. Россия и Европа в их историческом прошлом // Евразия: ист. взгляды рус. эмигрантов. М.: Ин-т всеобщ. истории РАН, 1992. С. 70.

[11] Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. М.: Эксмо, 2007. С. 34.

[12] Его же. Мы и другие // Русский узел евразийства: Восток в рус. мысли: сб. тр. евразийцев. М.: Беловодье, 1997. С. 101–102.

[13] Савицкий П. Н. Указ. соч. С. 29–30.

[14] См.: Шмит К. Планетарное напряжение между Востоком и Западом и противостояние Земли и Моря // Дугин А. Основы геополитики. М.: Арктогея-центр, 2000. С. 528.

[15] Дугин А. Указ. соч. С. 29.

УДК 003.62:316.728

В. С. Купрякова

Зеркало как символ роскоши и тщеславия

В настоящее время большое внимание исследователей привлекают знаковые артефакты культуры повседневности, например зеркало. Зеркало начиная с глубокой древности было не только предметом быта, но важнейшим элементом ритуально-магических представлений той или иной традиционной культуры. Зеркало – один из наиболее семантически насыщенных артефактов повседневной культуры человечества. Поэтому обращение к теме зеркала в свете культурологического исследования представляется интересным и актуальным.

Ключевые слова: зеркало, символ, культура повседневности, стекольное производство, символика вещности

Vera S. Kupryakova

The mirror as a symbol of luxury and vanity

At the present time attracting much attention of researchers iconic cultural artifacts of everyday life, such as a mirror. From ancient times mirror was not only a matter of everyday life, but the most important element of ritual and magical views of a traditional culture. Mirror – one of the most semantically rich artifacts of everyday culture of mankind. Therefore, reference to the subject of a mirror in the light of cultural studies is interesting and relevant.

Keywords: mirror, symbol, culture of everyday life, glass production, the symbolism of objectivity

По мнению Ю. М. Лотмана, «слово символ одно из самых многозначных в системе семиотических наук. Выражение „символическое значение“ широко употребляется как простой синоним знаковости»[1]. С. С. Аверинцев считает, что «смысл символа не существует в качестве некоей рациональной формулы, которую можно „вложить“ в образ и затем извлечь из образа»[2]. В пространстве повседневности находится огромное количество символов. С любой утилитарной вещи мы можем считать ее знаковую символику, проследить многовековую историю преобразования предмета. Смысловая нагрузка, которая трансформирует предметы и предает им многоразличность, может восприниматься по-разному. С течением времени символика вещности претерпевает существенные изменения. За плечами почти каждого предмета из нашего повседневного обихода – огромный пласт истории, который уходит в глубь веков. Вещи зачастую становятся демонстраторами статуса их обладателя. По ним можно получить разнообразную информацию о владельце.

Одним из атрибутов, указывающим на высокое социальное положение и место в обществе, было зеркало. Оно выступало в роли индикатора и показывало значимость и состоятельность его владельца. Конечно, в истории культуры к нему не выработалось однозначного отношения. В различное время его интерпретировали совершенно по-разному. К примеру, в Европе в средние века отношение к зеркалу было амбивалентным: иногда его воспринимали как атрибут роскоши, показатель тщеславия и символ безумия. Но, с другой стороны, зеркало воспринимали как предмет для созерцания, познания истины. Его сопоставляли с глазом, всевидящим оком. А. Я. Гуревич описывает это так: «Природа толковалась как зеркало божественного замысла; зеркало также выступает символом слова Божьего. В иконографии оно изображалось в руках Девы Марии, которая, таким образом, показывается как бы отражающей божественный свет Христа; кроме того, оно символизировало чистоту и непорочность богоматери»[3].

В средневековой Европе зеркала, сделанные из стекла, вызвали волну порицания со стороны церкви. Их считали медиатором между человеком и дьяволом. Но металлические зеркала, как ни странно, не вызывали такого суеверного ужаса, поэтому барышням для ухода за собой приходилось пользоваться отполированным металлом и тазами с водой. Страсти, которые бушевали на тот момент в церковной политике, затронули и зеркало: обвинение в колдовстве было тогда нормой, и всех, кто экспериментировал с зеркалами, могли приговорить к суду. В средневековье зеркала имели выпуклую форму и темную поверхность и поэтому особенно вызывали страх и трепет перед простецами, их прозвали зеркалами для колдуний и ведьм.

Реабилитация зеркал из стекла произошла в XIII столетии. Стоит отметить, что зеркала того времени сильно отличались от современных гладких, плоских зеркал. Они были достаточно

объемными и в то же время вогнутыми. Технология изготовления выглядела следующим образом: олово заливали в округлую емкость из стекла, а затем делили его на отдельные части. Отражение в таких зеркалах, конечно, было не очень четким. Огромное количество ремесленников и мастеровых бились над решением задачи: как изготовить плоское, прозрачное, светлое зеркало?

Первооткрывателями стали мастера стеклоделия из Венеции. Они нашли способ, с помощью которого можно было покрывать стеклянную поверхность составом из олова, который мог защищать и отражать. Благодаря их трудам и умениям, модницы, наконец-то смогли увидеть более четко свое отражение в зеркале.

К сожалению, зеркала того времени сильно отличалось от современных. Дело в том, что в состав зеркальной смеси добавляли такие металлы, как золото и бронза. Благородные металлы теплых оттенков обладают некоторыми особенностями: они способны скрывать недостатки реального изображения и выгодно подчеркивать порой мнимые достоинства. Знатные придворные дамы желали заполучить в свою собственность этот заманчивый предмет, который был способен подчеркнуть их внешность и неотразимость. Но тех, кто мог позволить себе такой предмет роскоши, было совсем немного. «Все потому что в XVI в. зеркала из Венеции продавались по баснословной цене. Небольшое зеркало приравнивалось к стоимости корабля или пригоршни драгоценных камней»[4], – указывает нам Мельшиор-Бонне в своей книге «История зеркала».

На протяжении трех столетий зеркало было предметом, недоступным для большинства людей. Мастера зеркального дела тщательно скрывали секреты изготовления зеркал. Догадаться о способе производства было достаточно тяжело, так как комбинировать очень тонкий оловянный лист с бумагой, укрепленной составом из ртути, да еще и в определенной последовательности, было трудоемким процессом. При этом еще было необходимо соединить отточенными движениями такую подкладку со стеклом, что без четких инструкций почти невозможно.

Конечно, многие стремились раскрыть секреты венецианских мастеров. Это удалось французам. Компания «Сан-Гобен», специализирующаяся на производстве изделий из стекла, все-таки смогла организовать производство зеркал. Ее поддерживал могущественный и властный король Людовик XIV. Пройдя путем проб и ошибок, зеркальная мануфактура все же смогла наладить массовое производство зеркал. С этого момента приобрести зеркало могли не только богатые и королевские особы, но и население среднего сословия.

«В конце XVI в., поддавшись моде, французская королева Мария Медичи решила обзавестись зеркальным кабинетом, для чего в Венеции было приобретено 119 зеркал. Видимо, в благодарность за большой заказ венецианские мастера подарили королеве уникальное зеркало, отделанное агатами, ониксами, смарагдами и инкрустированное драгоценными камнями. Сегодня оно хранится в Лувре»[5].

Английский король Генрих VIII и французский Франциск I также зарекомендовали себя как страстные коллекционеры. Известны и другие особы, для которых зеркало было важным предметом: графиня де Фиеск, проживающая во Франции, продала свое родовое имение, а на вырученные деньги приобрела желанное зеркало в раме. Герцогиня де Люд поступила тоже достаточно экстравагантно: продала свою мебель, сделанную из серебра, для того чтобы купить зеркальную мебель. У царевны Софьи имелось зеркало в киоте, оно было украшено прекрасным кружевом из олова. Впоследствии прекрасное зеркало было подарено князю В. В. Голицыну, который был сердечным другом царевны при маленьких правителях Иване и Петре. Но вскоре светлейший князь и его сын Алексей попали в опалу и их имущество было описано. В государственную казну поступили и прекрасные зеркала из коллекции Голицина, в количестве 76. Но зеркало, подаренное царевной, князь все же смог утаить и увезти с собой в ссылку в Архангельский край. «После его смерти зеркало среди других вещей по завещанию князя попало в монастырь под Пинегой, уцелело и дожило до наших дней. Сейчас оно хранится в фондах Архангельского краеведческого музея»[6].

С течением времени зеркало стало непременным атрибутом богатства. Оно помогало подчеркивать статус своего обладателя. Каждый дворянин мечтал обладать зеркалом и для этого иногда отказывал себе в других удовольствиях. В то время зеркала стоили баснословно дорого. Порой стоимость большого зеркала, украшенного изысканной рамой, доходила до стоимости небольшого морского судна. И конечно мастера из Венеции тщательно оберегали секреты производства зеркал. Для этого им понадобилось изолировать всех стекольщиков на охраняемый остров Мурано. Так мастера зеркальных дел были почти полностью оторваны от внешнего мира и не могли утратить секрет изготовления зеркал. Такое положение дел серьезно угрожало казне Франции, так как аристократы не скупились на приобретение зеркал, их нисколько не пугала дороговизна предмета. После того как

французская королева появилась на балу в платье, усыпанном кусочками зеркал, министр финансов Кольбер схватился за голову. «Еще один такой бал, и Франция разорена», – подумал он и решился на крайние меры. Кольберу было необходимо предпринять решительные действия: он организовал побег стекольных мастеров с острова Мурано. «Вскоре во Франции появилась первая в Европе зеркальная мануфактура»[7].

Зеркальная галерея – самый известный интерьер Версальского дворца. Вместе с исчезнувшей Лестницей Послов и капеллой входила в тройку самых масштабных интерьеров резиденции Людовика XIV. Зеркальная галерея была создана между 1678 и 1684 г. Жюлем Ардуэн-Мансаром; она соединяла большие апартаменты короля с апартаментами королевы.

Своему придворному живописцу Шарлю Лебрену король поручил выполнить росписи сводов потолка. В них необходимо было отобразить значительные события, экономические преобразования и военные победы за 17 лет правления «короля-солнце». Художник обладал поистине уникальным талантом. Он смог передать эти сцены, используя разнообразные художественные приемы: визуальный обман, игра с перспективой, использование аллегорий, а также барельефы из стука. Центральную часть росписи занимал сам король, который восседал на троне. Живописец отказался от традиционных для того времени изображений известных героев и величественных богов. «Этой картине Расин дал знаменитое название: „Король правит сам“. Эта тысяча кв. м росписи потолка представляет собой самый крупный живописный ансамбль во Франции»[8].

Зеркальная галерея знаменита еще и тем, что в ее великолепных залах свершались бракосочетания особ королевских кровей, таких как король Людовик XVI и Мария Антуанетта. Помимо этого там проходили и другие яркие придворные торжества. Эти изящные апартаменты как воплощение французского гения служили и подходящим местом для пышных приемов и аудиенции для почетных иностранных гостей. В этой галерее и после падения монархии свершались другие не менее значимые события: прием королевы Виктории в 1855 г. Наполеоном III и императрицей Евгенией (во времена Второй империи). Это событие в последний раз воскресило былое великолепие Зеркальной галереи, был организован пышный прием и бал. Именно в галерее была провозглашена 18 января 1871 г. Германская империя, и 18 июня 1919 г. был подписан Версальский мирный договор, положивший конец Первой мировой войне (1914–1918).

«Представший перед публикой во всем великолепии первозданного освещения, заново отреставрированный огромный зал (длиной 173 м, шириной 10,5 м и высотой 12,5 под куполом) в течение всех трех лет работ, впрочем, никогда и не закрывался для экскурсий. Невозможно было лишить такого удовольствия 4 млн туристов, ежегодно посещающих дворец. Около 6000 посетителей, из которых примерно 1000 человек – молодые люди, даже смогли подняться на леса, чтобы приобщиться к профессии реставратора и с восхищением наблюдали вблизи за возрождением великолепной живописи Лебрена, иногда испорченной неудачной предыдущей реставрацией или просто потемневшей от времени»[9], – сообщает Канетти.

За три столетия залы Зеркальной галереи пришли в упадок, и на них уже появился отпечаток времени. Реставратор Фредерик Дидье отмечает, что помещения были грязными и неухоженными, а стены и зеркала потемнели от времени и стали выглядеть неприглядными. А ведь Лебрен, живописец галереи, был прекрасным мастером и колористом. На помощь были призваны известные реставраторы, которые провели около трех лет, расчищая росписи плафона и стен. Все они признают, что это была их лучшая и самая значимая работа. После скрупулезной работы и огромных усилий и терпения было сделано несколько важных открытий. Одним из достижений реставраторов стало открытие чудесного цвета лапис-лазурита, который был скрыт под более поздними записями, им был расписан потолок. Эта была стилизация под небо, которая давала свет всему залу. По мере того как исчезали поздние не совсем удачные записи и реставрации, были открыты и другие не менее красивые цвета: красный, желтый, сиреневый, жемчужно-серый. Реставраторы установили, что 80 % площади галереи были покрыты наслоениями краски, которые наносили последующие поколения живописцев. «Все когда-нибудь входили в Зеркальную галерею, но кто мог сказать до сегодняшнего дня, что он ее видел? Никто. Причина проста: она была невидима». Это уже потерявшее актуальность замечание принадлежит Жаку Тюилье, автору замечательной небольшой книги «Зеркальная галерея – вновь обретенный шедевр».

Увлечение таким предметом, как зеркало, было присуще и русской знати. Среди зажиточного населения оно пользовалось особой популярностью. У императрицы Екатерины II самым любимым интерьером был Зеркальный кабинет, который был создан в Царском Селе по ее приказу. Живописец Э. Гау написал две акварели с изображением этого кабинета, на одной

из них представлены и правящие особы. «Эта уникальная иконография дает возможность отметить, что отделка помещения не претерпела видимых изменений с 1795 г., однако из предметов, входивших в его убранство в конце XVIII в., оставались лишь хрустальные вазы-треножники, расположенные в нишах у окон». Работа Э. Гау «Зеркальный кабинет Марии Александровны в Большом Царскосельском дворце» демонстрирует нам обитателей дворца того времени. Мы можем увидеть княгиню Марию Александровну, занятую рукоделием, и великого князя, который просматривает корреспонденцию. Мастеру удалось передать теплую семейную ауру, которая присутствовала в отношениях молодой великокняжеской четы в первые несколько лет совместной жизни. Они были наполнены особыми чуткими взаимопониманиями и искренностью по отношению друг к другу. В те времена на регулярных приемах у юной княжеской четы, – вспоминал В. Н. Татищев, – царствовали веселье и непринужденность; гости были заняты чтением, музыкой, игрой в вист; августейшие хозяин и хозяйка очаровывали своих гостей приветливостью и благосклонностью к их персонам. Все принадлежавшие ко двору представляли некое подобие большой и дружной семьи. Стоит отметить, что наличие в зале цветной достаточно пестрой мебели создавало диссонанс на фоне огромных зеркальных панно в майоликовых полихромных рамах. Эта разноголосица в некоторой степени разрушала общее представление о кабинете.

Вследствие этого нельзя не вспомнить высказывание Г. К. Лукомского, который описывал покои южной части дворца: «Здесь больше, чем где-либо, чувствуется изнеженный и фривольный дух конца XVIII столетия. Много изящества и вкуса в отделке Серебряного кабинета, Опочивальни, Зеркального кабинета и других миниатюрных комнат. Бронза, стекло, фаянс, стекло на фоне белой фланели, фольги – в изобилии украшают эти маленькие интимные комнаты. <…> Ныне здесь – апартаменты супруги Александра II. Обстановка 1850–1860 гг. Уютно – но безвкусно»[10].

На всемирной выставке в Париже в 1900 г. были представлены удивительные и притягательные экспонаты: Дворец иллюзий и Дворец миражей. Именно они пользовались особым спросом у зрителей. «Во Дворце иллюзий каждая стена большого шестиугольного зала представляла собой огромное полированное зеркало»[11]. Те, кто решался испытать на себе Дворец иллюзий, оказывались потерянными среди своих многочисленных двойников и повторений. Зритель внутри этого зала видел себя затерянным среди 468 своих двойников. Дворец миражей отличался тем, что в каждом углу зеркального зала была размещена какая-либо картина. Части зеркал, на которых помещалось изображение, менялись местами при помощи хитроумных скрытых механизмов. Таким образом зритель, перемещаясь по залу, попадал то в красивый индуистский храм, то в арабский дворец или сказочный тропический лес.

Этими «зеркальными» секретами пользуются и в современном мире. К примеру, фокусник и иллюзионист Дэвид Копперфильд. Для знаменитого номера с исчезновением вагона поезда, был использован механизм работы Дворца миражей.

Дворец иллюзий представлял собой своеобразный неподвижный калейдоскоп. Это зал с шестью углами, каждая сторона которого состоит из огромного гладкого зеркала. По углам такого зала установлены декоративные античные колонны и портики, которые представляют собой единое целое, сливаясь с лепкой на потолке. В таком зале зритель видит огромное количество своих двойников, затерянных, как и он, в череде залов и колонн и при этом еще устремляющихся вдаль.

«Причина „чуда“ ясна всякому, кто знаком с законами отражения света: ведь тут имеются три пары параллельных зеркал и десять пар зеркал, поставленных под углом; неудивительно, что они дают такое множество отражений»[12]. Еще любопытнее те оптические эффекты, которые были достигнуты на Парижской выставке в так называемом Дворце миражей. Устроители этого дворца присоединили к бесчисленным отражениям еще мгновенную перемену всей картины. Они как бы устроили подвижный, огромных размеров калейдоскоп, внутри которого помещались зрители. Весь секрет «волшебства» основан на таком простом физическом явлении, как отражение световых лучей.

Как мы можем проследить, в истории европейской культуры зеркало служило атрибутом тщеславия и роскоши. Практически все королевские и царствующие особы не упускали возможности подчеркнуть свое высокое социальное положение и могущество с помощью такого предмета, как зеркало. Поскольку техника изготовления в то время была очень трудоемкой, оно стоило огромных денег. Но, несмотря на это, зеркало использовали и в декорировании интерьеров, украшении покоев, создавали панно и мебель, украшали одежду и, конечно, преподносили его в подарок. Наличие такого предмета во владении могло многое рассказать о его хозяине. В зависимости от размеров, обрамляющей рамы, чистоты

поверхности можно было судить об имущественном положении его обладателя.

Примечания

[1] Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства. М.: Акад. проект, 2002. С. 211.

[2] Аверинцев С. С. Словарь. 2-е. изд., испр. Киев: София-Логос, 2001. С. 155.

[3] Гуревич А. Я. Словарь Средневековой культуры. М.: РОССПЭН, 2007. С. 121.

[4] Мельшиор-Бонне С. История зеркала. М.: Новое лит. обозрение, 2005. С. 216.

[5] Камона М. Мария Медичи. М.: Феникс, 1998. С. 118.

[6] Зеркало / Архангел. обл. краевед. музей // Музеи России: сайт. URL: http://www. museum. ru (дата обращения: 30.06.2012).

[7] Иловайский Д. И. Век Людовика XIV. М.: Современник, 1997. С. 432.

[8] Канетти К. Вновь обретенное великолепие зеркальной галереи Версаля. СПб.: ГКФ, 2007.

[9] Там же.

[10] Лукомский Г. К. Царское село. Мюнхен, 1923. С. 37.

[11] Перельман Я. И. Дворец иллюзий и Дворец миражей. М.: Прогресс, 2008. С. 106.

[12] Там же. С. 119.

УДК 316.723-053.81

Е. О. Васильчук

Субкультурные идентификации современной молодежи: особенности и факторы появления

В статье проанализированы особенности субкультурной идентификации современной молодежи, выделены факторы, влияющие на процесс появления субкультурных идентичностей молодежи.

Ключевые слова: молодежная субкультура, нормы, ценности, социализация, отчуждение

Yevgeny O. Vasilchuk

Features of subcultural authentication of modern youth

The features of subcultural authentication of modern youth are analysed in the article, factors influencing on the process of appearance subcultural to the identicity young people are distinguished.

Keywords: youth subculture, norms, values, socialization, alienation

Попытки модернизации позднесоветского общества в конце 1980-х гг. сопровождались стремительным разрушением мировоззренческо-идеологической, социально-экономической, государственно-политической систем, комплекса морально-этических норм советского общества, что в конечном итоге привело к становлению и развитию новых социокультурных тенденций, большинство из которых ранее находилась под гласным или негласным запретом.

Эти процессы существенно отразились на дальнейшем развитии молодежной среды, в которой интенсивно начали формироваться субкультурные объединения различной направленности. Поэтому исследование вопросов, связанных с образованием и функционированием молодежных субкультур, актуализируется в период общественных деформаций, сопровождающихся изменением социальных ориентиров и переосмыслением устоявшихся в социуме морально-этических ценностей молодого поколения, требующего изучения запросов, потребностей, ценностных ориентаций, стиля жизни и поведения, особенностей адаптации в разных сферах общественной жизни. Необходимость изучения данных процессов обуславливается закономерными процессами возникновения, развития и взаимодействия молодежных субкультур, как между собой, так и с базовой культурой трансформационного постсоветского общества.

С целью сохранения собственной индивидуальности молодежь создает многочисленные субкультурные образования со специфическим набором норм и ценностей, что позволяет найти необходимые средства идентификации, которые формируются в молодом возрасте в процессе социализации. В диссертационном исследовании С. Левиковой под термином «молодежная субкультура» понимается частичная культурная подсистема внутри системы «официальной», базовой культуры общества, которая определяет стиль жизни, ценностную иерархию и менталитет ее носителей. Развивая эту мысль, она приходит к выводу, что молодежная субкультура – это эзотерическая, эскапистская, урбанистическая культура, созданная молодыми людьми для себя и является «элитарной» культурой, направленной на включение молодых людей в общество[1].

В контексте своего исследования О. Якуба под понятием и феноменом молодежной субкультуры понимает систему ценностей, норм, способов поведения и жизненных стилей, которые являются свойственными конкретной социально-демографической группе. Она отмечает, что субкультурные атрибуты, ритуалы как образцы поведения, а также система ценностей молодежи, как правило, отличаются от ценностей доминирующей культуры, хотя и являются связанными с ней[2].

И. Ковшова, анализируя взаимосвязь официальной культуры и субкультур, считает, что под феноменом субкультур следует понимать суверенные целостные образования внутри господствующей культуры, которые отличаются собственным ценностным комплексом, обычаями, нормами, но являются в то же время прямым генетическим порождением официальной культуры. По ее мнению, субкультуры являются подсистемами конкретной культурной системы[3].

По мнению Р. Февралевой, основным фактором, влияющим на обращение молодежи к субкультурным проявлениям собственной идентичности, является стремление приобрести внешние, формальные характеристики, позволяющие выделиться из общей обезличен-

ной массы населения мегаполиса. Невзирая на декларирование представителями субкультуры своих пристрастий к определенным идеологическим, религиозным, политическим концепциям, как правило, они не владеют исчерпывающей информацией относительно них, и в качестве объединительного фактора выступают внешние эстетические проявления, такие как одежда, прическа, музыка, места общения и т. п.[4]

В процессе своего развития субкультурные образования способны активно продуцировать нормы, стереотипы поведения и ценности, которые явно противоречат официальной культуре, ее содержанию и формам, приобретая контркультурные, а, в отдельных случаях, антикультурные формы собственной манифестации. Поэтому И. Чупахина отмечает, что субкультурные ориентации актуализируются в поведенческих стереотипах, в языковых конструкциях, в настроениях, в доминирующих мотивациях, особенностях мышления и закрепляются в нормах, правилах, ценностях, оценках, поведенческих шаблонах, свойственных его носителям. Обычно субкультура является достаточно лояльной и не претендует на разрушение «большой культуры», которая обусловила ее появление, хотя ее носители достаточно часто вызывают негативные реакции с ее стороны[5].

Культура как социальный феномен находится в состоянии фрагментации, что дает основания определять субкультурные образования как специфические способы дифференциации развитых национальных и региональных культур, способных дополнять, расширять и обогащать доминирующую в обществе культурную систему. Мировоззрение носителей субкультурных тенденций может быть оппозиционным относительно официальной культуры, которая проявляется в определенных чертах внешнего стиля, поведении, языке и тому подобном, отличающемся от культурных стереотипов, которые сложились в общество. Однако такая «оппозиционность» не означает наличие конфликта между официальной культурой и субкультурами, которые лишь закладывают противоречие, способное под воздействием разных причин перерасти в противостояние с доминирующей культурной системой.

Рассматривая процесс формирования субкультурных конструкций в системе базовой культуры, Н. Слюсаревский предлагает схему субкультуры[6], которую расшифровывает таким образом:

– картина мира (в узком смысле) – это совокупность знаний и представлений индивида об окружающей действительности, согласно которым, индивид выстраивает целостный образ социального мира и своего места в нем;

– ценности как компонент социальной системы, которая приобретает особое значение в индивидуальном или общественном сознании;

– стиль и образ жизни, т. е. социально-психологические категории, которые выражают определенный тип поведения людей, социальные роли и статусы, поскольку образ жизни индивида предусматривает наличие определенного набора ролей, выполняемых индивидом при разных обстоятельствах;

– социальные институты, деятельность которых определяется набором специфических социальных норм и предписаний, регулирующих соответствующие типы поведения индивида и обеспечивающих его интеграцию в социально-политическую, идеологическую и ценностно-нормативную структуру общества;

– процедурные знания: навыки, умения, способы осуществления, методы, т. е. знания, необходимые для выполнения набора ролей, предусмотренных для индивида определенной субкультурой;

– потребности и склонности как основа мотивации деятельности индивида[7].

Таким образом, по мнению Н. Слюсаревского, комплекс этих элементов и определяет возникновение и существование такого специфического социального образования, как субкультура.

Особое значение в молодежных субкультурах приобретают символика и атрибутика, к которым относятся места встречи, характерные детали внешнего вида, символика, специфические слова и выражения, условные знаки, которые на внешнем уровне отличает одно субкультурное образование от других. Для каждой молодежной субкультуры характерным является свой специфический набор атрибутики, причем само сочетание нескольких атрибутов указывает на принадлежность молодого человека к конкретному субкультурному течению.

В качестве символики обычно выступают специфические символы разных рок-групп, группировок, общественных объединений и политических движений. Особенность общемолодежной атрибутики заключается в необходимости обозначить отличие от взрослых, причем каждый отдельный возрастной состав молодежи пытается сформировать собственную молодежную моду.

Важным фактором консолидации и идентификации в молодежной субкультуре является язык коммуникации, которая включает идеологию, ментальность, общность мировоззрения и символику (язык, жесты, атрибутика) и является средством трансляции субкультурной традиции и передачи информации, выстраивая особен-

ную коммуникативную систему. Рассматривая значение сленга в формировании молодежной субкультуры, необходимо остановиться на своеобразном языковом поведении, которое отвечает правилам, установленным представителями конкретной молодежной субкультуры. С. Кожевникова склонна рассматривать сленг как тип языка, который используется в неформальных ситуациях внутри определенного субкультурного образования с целью сделать язык группы непонятным для других и выделить представителей своей группы на фоне остального общества, тем же выполняя функцию идентификации. С помощью сленга, по ее мнению, информация становится понятной лишь определенным людям и обеспечивает им взаимопонимание.

В пределах молодежной субкультуры он является интегрирующим стержнем, с помощью которого происходит вхождение в субкультуру, освоение и принятие ее правил, обеспечивается самореализация человека, укрепляется вековая солидарность и подчеркивается уникальность молодежной субкультуры путем условной кодировки ее представителей, дифференцируя общество на социальные группы и усложняя процесс коммуникации между разными субкультурами[8]. Поэтому Н. Иванова, по нашему мнению, достаточно справедливо считает язык одним из доминирующих средств самоутверждения молодежи. Она обращает внимание на то, что креативные возможности сленга позволяют его носителям не только использовать уже существующие элементы, но и по желанию создавать новые, с использованием собственной картины мира, которые развивают языковое чувство и повышает культуру человека в целом[9].

Таким образом, молодежная субкультура является стойкой общностью людей, которая выделяется на возрастной основе, имеет собственные регуляторы социального поведения, отработанный механизм воссоздания и сохранения исторически сложившейся социальной практики и способна формировать образ жизни группы. Специфический образ жизни субкультуры предусматривает наличие особых форм общения, контактов, связей, механизмов социального регулирования, шкалы ценностей, сферы потребления, языка, знаково-символьной системы, ритуалов и собственной мифологии.

Роль молодежных субкультур особенно усиливается в периоды общественного развития, связанные с кризисом традиционных институтов социализации, помогая молодым людям интегрироваться в общество путем обретения определенного статуса, которого они были лишены. При обретении молодыми людьми полноценного статуса в обществе молодежные группы субкультурного типа распадаются, выполнив свою социализационную функцию, или преобразуются в другие неформальные сообщества досугово-развлекательного типа.

Примечания

[1] Левикова С. И. Феномен молодежной субкультуры: (социал.-филос. аспект): автореф. дис. … д-ра филос. наук: спец. 09.00.11: социальная философия. М., 2002. С. 11–12.

[2] Якуба О. Н. Неформальные молодежные движения: причины и история возникновения // Sociology holl / Харьков. нац. ун-т им. В. Н. Каразина. URL: http://www. sociology. kharkov. ua (дата обращения: 02.07.2012).

[3] Ковшова И. В. Философско-теоретическая модель контркультуры: автореф. дис. … канд. филос. наук: спец. 09.00.13: религиоведение, философская антропология и философия культуры. Саратов, 2007. С. 12.

[4] Февралева Р. С. Подростковая субкультура как фактор социального становления личности. Пенза, 2010. С. 3.

[5] Чупахина И. В. Типология субкультур // Культура народов Причерноморья. 2005. № 68. С. 38.

[6] Слюсаревский Н. Н. Субкультура как объект исследований // Социология: теория, методы, маркетинг. 2002. № 3. С. 124.

[7] Там же. С. 124–127.

[8] Кожевникова С. И. Язык коммуникации в молодежной субкультуре // 5-е Лазаревские чтения «Лики традиционной культуры»: материалы междунар. науч. конф. Челябинск, 25–26 февр. 2011 г.: в 2 ч. / Челяб. гос. акад. культуры и искусств; ред. проф. Н. Г. Апухтина. Челябинск, 2011. Ч. 2. С. 236.

[9] Иванова Н. С. Язык молодежи и его субкультурная природа // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2007. Вып. 21. С. 128.

УДК 793.38:316.75

М. А. Алякринская

Танец и идеология: фокстрот в советской культуре 1920–1930-х гг.

В статье рассматривается история усвоения советской культурой 1920–1930-х гг. одного из самых популярных массовых танцев XX в. – фокстрота. Автор полагает, что фокстрот, полностью отвергнутый официальной идеологией в 1920-е гг., в 1930-е парадоксальным образом стал составной частью идеологизированной тоталитарной культуры, отражая, однако, не официальное ее лицо, а «теневое» – сферой бытования танца в сталинскую эпоху стали ресторанная, парковая, курортная субкультуры.

Ключевые слова: советская культура 1920–1930-х гг., фокстрот, западные бальные танцы в СССР

Marina A. Alyakrinskaya

Dance and ideology. Foxtrot in the 1920–1930s Soviet culture

The article analyses the adoption of one of the most popular social dances of the 20th century, foxtrot, by the Soviet culture. The author claims that foxtrot (which was previously completely condemned by the official ideology in 1920s) becomes an essential part of the ideology-driven culture in 1930s. However, foxtrot has been supported not officially, but informally – the dance has received enormous popularity among restaurant, street and resort subcultures.

Keywords: Soviet culture of 1920–1930s, foxtrot, Western ballroom dances in the USSR

В 1920 г. в петроградской газете «Жизнь искусства» появилось сообщение о том, что Париж увлекается «фокс-троттом» – новым танцем, который «проник в клубы, театры и даже политику: появилась карикатура на конференцию экспертов об уничтожении большевизма при помощи фокс-тротта»[1]. Так в послереволюционной России произошло знакомство с танцем, который, родившись в Нью-Йорке в 1914 г., к 1920-му смог покорить все сцены и все танцевальные залы Европы.

Изначально фокстрот относился к группе американских или так называемых эксцентрических танцев, возникших в конце XIX в. как альтернатива классическому салонному танцу и хореографии в целом. Сильное влияние на американские танцы оказала негритянская культура, которая придала им своеобразную, отличную от европейской, эстетику и новый тип движения – не «танцевального», шагового. «Если я говорю „идите“, – писал об этом типе движения известный танцор, педагог и популяризатор американских танцев Вернон Кастл, – это значит „идите“. Не надо волочить ноги или приседать, или вытягиваться, или бежать вприпрыжку. Просто идите, спокойно и гладко, настолько, насколько это возможно»[2].

Молодая советская авангардистская хореография отнеслась к американским танцам с громадным интересом, объясняя их появление и стремительное распространение наступлением индустриальной механистической цивилизации. «В походке человека города чувствуется машина»[3], – утверждал крупнейший советский балетмейстер 1920-х гг. Ф. Лопухов, гениально предугадывая в 1925 г. тип городского социального танца XX в. «От городского танца требуется прежде всего массовая, однообразная возможность танцевания, одностильность построения, повторяющееся в порядке последовательности небольшое число танцевальных движений, проводимых всеми совершенно одинаково, без всякого индивидуального творчества»[4]. Всем этим требованиям соответствовал новый танец фокстрот.

В 1921–1923 гг. молодые ищущие хореографы активно использовали американские танцы в своих постановках, особенный интерес к ним проявлял балетмейстер К. Голейзовский; в театре «Кривой Джимми» шли миниатюры «Чемпионат фокстрота», «Фокс-Тротт» и другие в его постановке. Не оставались равнодушными к американским – эксцентрическим – танцам и драматические режиссеры, по свидетельству Н. Фореггера, летом 1923 г. все театры Москвы… танцевали «степы, шимми, фокстроты»[5]. Некоторыми критиками тогда эти танцы рассматривались как революционные и даже предлагались в качестве замены «пошлым» и «мещанским» европейским салонным танцам для оздоровления танц-залы[6].

Однако новая советская идеология, не разбираясь в тонкостях хореографического искусства, хорошо знала, что фокстрот – танец буржуазной Европы и, главное, танец эпохи нэпа. Поэтому, параллельно свертыванию новой

экономической политики, со второй половины 1923 г. в прессе развернулась пропагандистская кампания против фокстрота. Открыла ее статья со знаменательным названием «Новый вид порнографии. Танец фокстрот», опубликованная в журнале «Жизнь искусства» в качестве передовицы. Автор статьи – редактор журнала, несомненно, выразил не личную, но официальную точку зрения, квалифицировав танец как «болезнь века» и факт «сексуальной патологии», в заключение он потребовал от товарищей из Репертуарной комиссии «принять меры» к «прекращению этой замаскированной порнографии»[7].

С начала 1924 г. активную борьбу с фокстротом начала комсомольская пресса, печатая «антифокстротные» статьи и даже стихи[8]. Комсомольских активистов возмущал сам факт исполнения танца[9]. В газетных публикациях более явно, чем в журнальных, обнажена идеологическая подоплека неприятия фокстрота: он не просто именуется «развратом», но танцем, при исполнении которого «шампанское массами льется в утробы ненасытных капиталистов»; «в стороны летят миллионы денег, целые капиталы»; а на «фокстротные платья, туфли, сумочки, на оборудование „полусветов" и „полумраков" уходят тысячи ежедневно…»[10].

В журналах тем временем проблему фокстрота пытались рассмотреть аналитически и даже в культурологическом контексте. Так в статье журнала «Новый зритель» танец трактуется как символ «заката Европы». Фиксируя факт мировой популярности фокстрота[11], автор не замалчивает и популярность танца в России: «У нас тоже танцуют… с упоением. Танцуют и на эстраде, и parmi le publique (среди населения. – *М. А.*)… Эстрадные тангофилы перешли на фокстрот и с каждым разом все более и более завоевывают публику… Дансинги образуются всюду, где только можно. Танцуют на иностранных миссиях, на вечерах, в клубах. Фокстрот стал уже полноправным и убил не только все прежние салонные танцы, но покушается и на всю нашу хореографию в целом»[12]. Однако, несмотря на кажущуюся объективность статьи, оценка танца полностью совпадает с идеологизированными оценками советской прессы, фокстрот объявляется не чем иным, как «простейшей имитацией самого интимного акта», а всеобщее увлечение им – проявлением деградации мировой культуры: «Ницше когда-то мечтал о танцующем человечестве. Мечты осуществились. Буржуазное человечество на склоне своей цивилизации затанцевало. На рубеже западноевропейской культуры раздался последний финальный аккорд танцующей дегенерации»[13].

Первый этап «антифокстротной» кампании 1923 г. – первой половины 1924 г. завершился циркуляром Главреперткома, который появился 2 июля 1924 г. и запретил исполнение американских танцев на эстраде и в советских учреждениях. «В последнее время одним из самых распространенных номеров эстрады, вечеров (даже в клубах), – говорилось в циркуляре, – является исполнение „новых" или „эксцентрических", как они обычно именуются в афише, танцев – фокстрот, шимми, ту-степ и проч. …Танцы эти направлены несомненно на самые низменные инстинкты. В своей якобы скупости и однообразии движений они по существу представляют из себя салонную имитацию полового акта и всякого рода физиологических извращений… В нашей социальной среде, в нашем быту для фокстрота нет предпосылок. За него жадно хватаются эпигоны бывшей буржуазии… Все наглее, все развязнее выносят они его на арену публичного исполнения, навязывая его пряно-похотливые испарения массовому посетителю пивной, открытой сцены, увлекая часто на этот путь и руководителей клубов. С этим надо покончить… Как отдельные номера, ни фокстрот, ни шимми, ни другие эксцентрические вариации к их публичному исполнению допущены быть не могут. Равным образом, означенные танцы ни в коем случае не должны разрешаться к исполнению на танцевальных вечеринках в клубах»[14]. За распоряжением Главреперткома последовали циркуляры областных комитетов культуры. В Ленинграде постановлением Губернского репертуарного комитета было «воспрещено исполнение на сцене, эстраде, балах, вечерах и т. п. так называемых эксцентрических танцев (фокстрот, шимми, уанстеп, апаш, танго и пр.)»[15].

После официального запрета на фокстрот негативно настроенная к танцу пресса торжествовала, создавая сатирические «антифокстротные» тексты. Газеты и журналы наполнились неологизмами, пародийно интерпретирующими название танца: «фокин-стротт»; «фокстроттуарное общество» и другими; на сцене танцевали «хвострот». В иронической заметке «Моя слеза над могилой фокстрота» автор ликует по поводу того, что фокстрот – этот танец «ресторанных магдалин и эстетов, страдающих тайными пороками» – мертв: «Его (фокстрот. – *М. А.*) встретили шумными овациями, цветами, его возвели в культ… а теперь он умер… для нас он труп… не говори фокс, пока не перетроттишь»[16].

Однако на самом деле пресса выдавала желаемое за действительное – фокстрот не умер, он продолжал жить и развиваться; и музыка танца набирала популярность, проникая на советскую эстраду, причем этот процесс не-

возможно было остановить. Тогда, уже в 1925 г., была сделана попытка реабилитировать если не танец, то хотя бы его музыку. «В Советской России воздвигнуто гонение на фокстрот… под подозрение взяты вообще „эксцентрические" танцы, по отношению к которым у нас определенно жесткая линия, – пишет критик. – И это правильно»[17]. Однако, обличая фокстрот, называя его «гниющим плодом падающей культуры вырождающегося класса», автор статьи настаивает на том, что музыка фокстрота ни в чем не повинна. Наоборот, с его точки зрения, музыка, в отличие от танца, «близка революции»; в ней можно услышать «напряженную динамику эпохи, гудки автомобилей, радиовещание, шум вертящегося пропеллера, ожесточенное классовое расслоение, бешеный разгул спекуляции, излишества, уродства и благодеяния урбанизма, мерную поступь выстраивающихся пролетарских батальонов…»[18].

Борьба с фокстротом в прессе продолжалась и после 1925 г. Критика пролеткультовских ориентаций продолжала привычно доказывать, что фокстрот – рудимент, салонный наркотик, танец нездоровый и негигиеничный, «танец-вырождение», «луч пурпурного заката дегенерирующего буржуа», «сексуальный пароксизм современной Европы», проникнутый «скепсисом и извращенной сексуальностью капиталистического города, эротикой замочной скважины и кокаином»[19]. В качестве художественного приема – символа разлагающейся культуры западного общества – стилизации фокстрота с целью дискредитации «паразитирующих классов» были использованы в советском балете («Красный мак», «Золотой век»). «…Всюду, где надо было „обличать", – заметила по этому поводу Е. Суриц, – звучал одуряющий ритм фокстрота, шаркали ногами люди-манекены с тупыми, густо накрашенными лицами»[20].

Специалисты, а также одиночки-интеллектуалы пытались противостоять тенденциозной идеологической доктрине, высказывая здравомыслящую точку зрения на западные танцы и фокстрот. Так, О. Брик справедливо писал о том, что упрекам в сексуальности традиционно подвергается любой появляющийся в культуре танец, что преследовать танцы, ломающие «заэстетизированную», привычную глазу форму и в силу этого обнажающие плотскую природу человеческого тела, неправильно; что, «допуская» танец вообще, необходимо допустить и его развитие[21]. Архитектоника фокстрота («тротта») была рассмотрена на третьей выставке «Искусства движения» О. С. Лизуновой; на этой и других выставках западные танцы были представлены рисунками О. Энгельса, фотографиями А. Гринберга, Н. Свищова-Паола и других[22].

И, хотя отдельные голоса не могли противостоять мощной идеологической машине, объективное развитие событий подтверждало их правоту. Несмотря на гонения в прессе, предсказания скорой смерти и цензурные барьеры, фокстрот продолжал набирать популярность. С 1925 г. непрерывно издавались ноты все новых и новых фокстротов, созданных уже в СССР[23], а музыку фокстрота использовали в своих сочинениях выдающиеся советские композиторы, в частности Д. Шостакович и И. Дунаевский. Советские журналы во второй половине 1920-х гг. с удовольствием публиковали карикатуры на западные танцы, и в том числе и на фокстрот, так как тема эта была чрезвычайно интересна публике. По той же причине фокстрот – в сатирической интерпретации – проник в советскую живопись и скульптуру, а на советской эстраде большой популярностью пользовались номера, воспроизводящие западные танцы – безусловно, в сатирическом ключе, хотя даже в таком виде они нередко запрещались цензурой. Пресса возмущалась растущей популярностью фокстрота – тем, что танец исполняется даже на школьных вечеринках: «Смокинги, фраки, изящные сюртуки, бальные туалеты и фокстторирующая толпа… Вы думаете, что это киносъемка „разлагающейся буржуазии"? – Глупости! Это просто закрытый концерт-бал какой-то там „советской" школы, именуемой „фрачниками" Петер-шуле»[24].

К концу 1920-х гг. революционный угар сменился более трезвыми оценками, и идеологическая кампания против западных танцев, и фокстрота в частности, начала потихоньку угасать, хотя инструктивное письмо Главрепертко-ма 1931 г. еще требует «повести решительную борьбу с фокстротом», распространяющимся «через грампластинки, Мюзик-холл и эстраду, в последнее время через звук-кино и радио»[25]. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. против американских танцев выступают исключительно ортодоксально настроенные критики – практически только деятели Пролеткульта. В 1931 г. была издана тиражом в двадцать тысяч экземпляров небольшая брошюра «Американский танец», написанная Л. Лебединским – одним из руководителей РАПМ. Эксцентрические танцы рассмотрены в ней в ракурсе вульгарного социологизма: автор полагает, что новый тип «механического» движения, пришедший из «страны рабов» Америки, символизирует «покорность воли и тела рабочего силе, управляющей им»[26]. Утверждая, что такой танец выгоден капиталу, что он насаждается искусственно с целью сде-

лать рабочего человека покорным, безвольным, «чувствующим отвращение к революции»[27], Лебединский традиционно требовал изгнать американские танцы из клубов. Однако брошюра стала «лебединой песнью» опять же не фокстрота, а Российской ассоциации пролетарских музыкантов, которая, как и все другие объединения 1920-х гг., в 1932 г. была ликвидирована постановлением ЦК КПСС «О перестройке литературно-художественных организаций».

В начале 1930-х гг. культура практически полностью поменяла ценностные ориентации, знаковую систему. В это время массовый танец в СССР получил легитимизацию как знаковое выражение счастливой жизни в стране победившего социализма, к тому же, после разгрома пролетарской культуры и Пролеткульта, танец стало просто некому критиковать. И хотя на гребне культуры в 1930-е гг. оказались только две разновидности танца – народный и классический, идеологическая позиция в отношении бальных танцев и, в частности, западных, значительно смягчилась – западные танцы, и среди них фокстрот, получили «официальную прописку» в культуре, стали ее элементом, хотя и не приветствуемым, но все же допустимым.

Фокстрот занял свою нишу в определенных сферах культуры – официально не пропагандируемых, закрытых. В СССР и особенно Москве тех лет бурно развивалось парковое искусство, создающее аллегорию государства как цветущего сада, один за другим открывались сады и парки. А в парках обязательно присутствовали танцевальные эстрады, или веранды танцев. При них начали работу школы, обучающие бальному танцу, в том числе модному западному. Из рекламных объявлений, публиковавшихся в журналах 1930-х гг., видно, что в Москве такие школы были при танцплощадке Парка культуры и отдыха им. Сталина в Измайлово, в парке ЦДКА, в Сокольниках, и, безусловно, в крупнейшем «комбинате развлечений» – парке М. Горького.

Развивались бальные танцы и на курортах. Так как государственная политика уделяла культурному досугу отдыхающих большое внимание, существовала практика длительных летних гастролей крупнейших симфонических и джазовых оркестров страны в курортных городах[28]. И, конечно, под оркестры танцевали, вследствие чего на курортах процветали школы танцев. В Кисловодске в связи с популярностью танцев в 1937 г. был открыт специальный большой танцевальный зал – дансинг, где ежедневно проводилась учеба для курортников. На базе этого танцевального зала Филармония на Кавминводах организовала курсы по переподготовке и обучению педагогов бального танца; для слушателей курсов был выпущен первый в СССР учебник по западному танцу[29].

Официальному разрешению танцевать фокстрот также в высшей степени способствовала социально-политическая ситуация конца 1920-х – начала 1930-х гг. В это время активно формировалась новая управленческая элита, которая, в отличие от поколения деятелей эпохи революции, была совершенно не склонна к революционному ригоризму. В Москве начиная с 1934 г. возобновило работу большое количество ресторанов, закрывшихся после нэпа – «Метрополь», «Националь», «Прага», «Европа» и других; рекламами этих ресторанов пестрят журналы 1930-х гг. И везде, во всех ресторанах, согласно рекламным объявлениям, с 23.00 до 3 часов ночи, а в воскресные дни до 5 утра танцевали под джазовую музыку. Танцы в писательском ресторане, причем именно фокстрот («Аллилуйя» американского композитора Винсента Юманса) великолепно описаны М. А. Булгаковым в романе «Мастер и Маргарита»[30], ноты фокстрота «Аллилуйя» сохранились в архиве М. А. Булгакова.

Безусловно, западные танцы требовали соответствующей экипировки – и в Москве был открыт ряд дамских ателье, в частности, на Кузнецком мосту, где принимались заказы на бальные вечерние туалеты. Фокстрот танцевали не рядовые работницы, а советские леди, имевшие высокопоставленных мужей и домработниц; в неофициальной – теневой – культуре культивировался образ женщины, принципиально отличный от официально принятого образа женщины-труженицы. Это отмечают исследователи, так, официальные и частные фотографии символа сталинской эпохи кинозвезды Любови Орловой «представляют собой два мира»: если на официальных представлена «веселая комсомолка в пестреньком платьице и белых носочках» или «строгая дама в закрытом жакете с орденом и прямыми плечами», то на частных – элегантная леди в мехах и шляпе[31].

В связи с бытованием в 1930-е гг. бальных танцев в системе неофициальной (закрытой) культуры – парковой, курортной, ресторанной – пособия по западному бальному танцу в СССР печатались не в центральных издательствах, а в периферийных, или вообще издавались кустарным способом. Так, в Российской национальной библиотеке сохранилась книга, датированная 1936 г. и представляющая собой размноженную на стеклографе тиражом в двести экземпляров машинописную рукопись, которая, согласно титульному листу, является разработкой Научно-методического центра парка им. Горького. Книга не имеет автора – в ней вообще не указано ни

одной фамилии, зато снабжена предисловием, оговаривающим, что данное издание рекомендовано для ограниченного круга лиц[32]. Кисловодский учебник В. Н. Крылова и Г. И. Беляева и основанное на нем учебное пособие Г. Тропина, вышедшее в 1938 г. в Ростове-на-Дону, также явно предназначены для служебного пользования, а не для продажи, неслучайно на них стоит пометка «бесплатно». Ну и, безусловно, везде присутствует – хотя очень скромно – идеологический контекст: говорится, что в **цикле западных танцев** «устранены все элементы движения, **органически чуждые нашему танцу** и создающие упаднический („кабаретный") стиль» (выделено мной. – *М. А.*)[33]; о том, что цель танцевальной грамотности заключается в подготовке учащихся, при которой они смогут **критически** разобраться в каждом танце.

Во всех названных учебных пособиях уже описан фокстрот, правда, в московской брошюре 1936 г. он назван еще не фокстротом, а «Таити-троттом» – по наименованию популярной мелодии В. Юманса; представляется, что подобное название в СССР было как бы эвфемизмом, позитивным эквивалентом слова «фокстрот»[34]. В книге В. Н. Крылова и Г. И. Беляева описаны фокс-блюз, фокс-марш и квикстэп; в книге Г. Тропина[35] – фокс-марш, слоуфокс и квик-степ. Источниками при описании танца, и особенно характерных танцевальных схем, совершенно явно послужили западные издания, но ссылки, по понятным причинам, в учебниках сделаны только на советские источники, в основном, на балетмейстеров и артистов балета, уже получивших официальную возможность «освоить» фокстрот в связи с его, пусть и сатирическим, воспроизведением на сцене. В книге Крылова-Беляева идут ссылки на некий сборник ГАБТ, составленный артистами ГАБТ А. М. Гавриловым, С. В. Чудиновым и С. Я. Степановым; Г. Тропин ссылается на «объяснения по курсу современного танца балетмейстера тов. Кохановского».

В связи с популярностью фокстрота делались интересные попытки адаптации его к русской народной культуре. Так, в 1938 г. в Москве был опубликован нотный сборник танцевальной музыки, составленный композитором Николаем Чаплыгиным[36], где западные танцы представлены в аранжировке для русских народных инструментов; фокстрот, в частности, переложен для музыкального ансамбля, состоящего из мандолины, балалайки, гитары, баяна, треугольника, бубна и барабана.

Таким образом, в 1930-е гг. в связи с фокстротом наблюдается характерное для сталинского времени явление культуры – ситуация «двойной жизни». Официально фокстрот не пропагандировался, напротив, на эстрадной сцене шли такие сатирические номера, как «Урок западных танцев» Л. Беркович – С. Ягодинского; интермедия «Лекция о западном танце» А. Бонди; эстрадный номер «На балу» Р. Зеленой и другие. Вместе с тем в неофициальной культуре фокстрот был модным и востребованным танцем, он пользовался чрезвычайной популярностью, о чем свидетельствует любопытный документ – «Список музыкальных произведений, разрешенных главным управлением по контролю за репертуаром и зрелищами к записи на грампластинках, с правом их повсеместного исполнения»[37] 1937 г. Список этот отражает не столько социальный заказ на танцевальную музыку, сколько объективный потребительский спрос, показывающий реальную популярность танца. В списке – 204 музыкальных танцевальных произведения, жанр их указан. Из них 67 – это фокстроты, 21 вальс, 26 танго, 19 маршей, 13 румб, 4 лезгинки, 4 интермеццо. Остальные произведения, ввиду малочисленности, можно объединить в группы: по 3 танца – блюз, пасодобль и полька; по 2 – квикстеп, краковяк, мазурка, испанский танец; по 1 – болеро, венгерка, гопак, кавказский танец, матлот, па д'эспань, па-де-катр, па-де-патинер, рэгтайм, плясовая, чардаш, яблочко, русско-славянский танец. По процентному соотношению танцевальных мелодий нетрудно убедиться, что фокстрот – абсолютный чемпион (34 %) танцплощадок 1930-х гг., он держит лидерство со значительным отрывом от остальных танцев, пользуясь большей популярностью, чем вальс (14 %) и танго (13 %), вместе взятые. А мелодии модных западных танцев – фокстрота, танго и румбы – составляют в сумме 71 % от общего количества мелодий, из чего можно сделать вывод о том, что популярность этих танцев в 1937 г. превышала популярность всех остальных. При этом надо учитывать, что некоторые танцевальные жанры – к примеру, марш или лезгинка – пользовались в 1930-е гг. достаточно сильной идеологической поддержкой, но, несмотря на это, на порядок проигрывали фокстроту при тиражировании на грампластинках.

Таким образом, судьбы фокстрота тесно связаны с особенностями развития советской культуры 1920–1930-х гг. На первом этапе бытования танца (1920–1922 гг.) он был воспринят авангардисткой советской хореографией как интересная новинка и в этом качестве пользовался большой популярностью на театральной и эстрадной сценах. На втором этапе (1923–1926 гг.) танец был квалифицирован идеологами Пролеткульта как часть буржуазной идеологии,

против него была развернута мощнейшая идеологическая кампания. На третьем (1927–1931 гг.) фокстрот в сатирической, пародийной форме постепенно усваивался советской культурой. И, наконец, на четвертом этапе (1932–1941) танец получил легализацию в идеологизированной тоталитарной культуре, однако сферой его обитания в сталинскую эпоху стала не официальная культура, а ресторанная, парковая, курортная субкультуры.

Примечания

[1] На Западе // Жизнь искусства. 1920. 18 июня, № 481. С. 1. Подп. Б. П.

[2] Цит. по кн.: Алякринская М. А. Бальный танец в европейской культуре. Ташкент, 2007. С. 83.

[3] Лопухов Ф. Пути балетмейстера. Берлин, 1925. С. 153.

[4] Там же. С. 158.

[5] Фореггер Н. Кое-что по поводу моды // Зрелища. 1923. № 55. С. 4.

[6] «Мы много раз отмечали пошлость танцулек, но в то же время приходилось констатировать громадное тяготение массы именно к танц-зале! Очевидно, что для массы потребность в ритмических движениях огромна, и замалчивать это, а тем более бороться с этим, значит „прать противу рожна". Джаз – великолепное средство для оздоровления танц-залы!» (Франк. Джаз-банд // Зрелища. 1923. № 7. С. 24–25).

[7] Гайк Адонц. Новый вид порнографии: танец фокстрот // Жизнь искусства. 1923. № 37. С. 2.

[8] Дружинин П. «Пляшет НЭП отвратительный танец…» // Юнош. правда. 1924. 12 янв., № 3. С. 1.

[9] Так, когда после Краснопресненской комсомольской конференции в саду им. К. Либкнехта состоялся концерт, лучшим номером которого был фокстрот, в газете появилась негодующая заметка: «Хочется только узнать, для кого этот концерт был поставлен – для комсомольцев или нэпмановских мещан?» (Зоркий. За внимание – спасибо, фокстрот – по шапке // Молодой ленинец. 1924. № 59. С. 4).

[10] Уральский Н. Фокстрот в Харбине // Молодой ленинец. 1924. № 39 (97). С. 6.

[11] «Фокс-мания! …От Мельбурна до Парижа, от Лондона до Москвы разливающиеся волны дансингов буквально наводняют мир всепобедительными „прелестями" „самого модного танца в мире"… Глагол „жить" просто заменяется другим словом – танцевать… фокстрот» (Абрамов А. Танец на ущербе // Новый зритель. 1924. № 12. С. 4).

[12] Абрамов А. Указ. соч. С. 6.

[13] Там же.

[14] Цит. по: Блюм А. В. За кулисами «Министерства правды»: тайная история совет. цензуры. СПб., 1994. С. 172–173.

[15] Запрещение эксцентрических танцев // Жизнь искусства. 1924. № 34. С. 24.

[16] Угрюмов Д. Моя слеза над могилой фокстрота // Там же. № 36. С. 6–7.

[17] Блюм В. Фокстрот – танец и музыка // Там же. 1925. № 31. С. 4.

[18] Там же. С. 5.

[19] Бескин Э. Вот почему не фокстрот // Новый зритель. 1926. № 52. С. 4–5.

[20] Суриц Е. И. Хореографическое искусство 1920-х гг. М., 1979. С. 255.

[21] Брик О. Судьба танца // Зрелища. № 23. С. 11.

[22] См. об этом: Мислер Н. В начале было тело: ритмопласт. эксперименты начала XX в.: хореол. лаборатория ГАХН. М., 2011. С. 337–346.

[23] См.: Бисенгалиев В. Неизвесная русская графика: 131 нотная обложка. М., 2006.

[24] Рабочий и театр. 1927. № 48. С. 9.

[25] Цит. по: Мислер Н. Указ. соч. С. 337.

[26] Лебединский Л. Американский танец. М., 1931. С. 4.

[27] Там же. С. 6.

[28] Так, летом 1934 г. в Кисловодске играли оркестры Московской филармонии и Центрального комитета радиовещания; в Железноводске, Сочи и Мацесте – оркестр ГАБТ; в Ессентуках – оркестр Ленинградского малого театра оперы и балета. Однако не только классика привлекала внимание курортников, и лучшая эстрадная площадка в Союзе тех лет – раковина при Курзале в Кисловодске – была отдана джазу, там выступал джаз-оркестр под управлением А. Цфасмана.

[29] Крылов В. Н., Беляев Г. И. Памятка по современному бальному танцу для учащихся дансинга на КМВ с рисунками и диаграммами. Кисловодск, 1937.

[30] «И ровно в полночь… что-то грохнуло, зазвенело, посыпалось, запрыгало. И тотчас тоненький мужской голос отчаянно закричал под музыку: „Аллилуйя!!". Это ударил знаменитый грибоедовский джаз. Покрытые испариной лица как будто засветились, показалось, что ожили на потолке нарисованные лошади, в лампах как будто прибавили свету, и вдруг, как бы сорвавшись с цепи, заплясали оба зала, а за ними заплясала и веранда. Заплясал Глухарев с поэтессой Тамарой Полумесяц, заплясал Квант, заплясал Жукопов-романист с какой-то киноактрисой в желтом платье. Плясали: Драгунский, Чердакчи, маленький Денискин с гигантской Штурман Жоржем, плясала красавица архитектор Семейкина-Галл, крепко схваченная неизвестным в белых рогожных брюках. Плясали свои и приглашенные гости, московские и приезжие, писатель Иоганн из Кронштадта, какой-то Витя Куфтик из Ростова, кажется, режиссер, с лиловым лишаем во всю щеку, плясали виднейшие представители поэтического подраздела Массолита, т. е. Павианов, Богохульский, Сладкий, Шпичкин и Адельфина Буздяк, плясали неизвестной профессии молодые люди в стрижке боксом, с подбитыми ватой плечами, плясал какой-то очень пожилой с бородой, в которой застряло перышко зеленого лука, плясала с ним пожилая, доедаемая малокровием девушка в оранжевом шелковом измятом платьице».

[31] Булгакова О. Советские красавицы в сталинском

кино // Советское богатство: ст. о культуре, лит. и кино. СПб., 2002. С. 402.

[32] «Памятка рассчитана исключительно на инструкторов и затейников, знакомых с основными элементами танца, и только для них может служить необходимым пособием. Пользование же памяткой лицам, не знакомым с основными элементами танца, редакция не рекомендует» (Массовые и бальные танцы. М., 1936, б. с.).

[33] Крылов В. Н., Беляев Г. И. Указ. соч. С. 5; Тропин Г. Памятка по современному танцу. Ростов н/Д, 1938. С. 3.

[34] В книге Н. Мислер рассказывается, как в 1920-е гг. критика обвиняла заведующую Московским хореотехникумом Н. Гремину за то, что на одном из закрытых концертов учащиеся активно танцевали фокстрот. В оправдание замзаведующего МОНО заявил, что на самом деле исполнен был не фокстрот, а «тайский танец» – «таити-трот» (Мислер Н. Указ. соч. С. 346).

[35] Тропин Г. Указ. соч.

[36] Бальные и западные танцы / сост. Н. Чаклыгин. М., 1938.

[37] Репертуарный бюллетень: Театр. Кино. Музыка. Эстрада. М., 1937. № 8. С. 13–17.

УДК 796:008

Н. М. Боголюбова, Ю. В. Николаева

Культурный аспект современного спортивного движения

Статья посвящена феномену Культурных Олимпиад и взаимосвязи спорта и культуры. Авторы обращаются к истории и современному состоянию олимпийского движения, другим крупным международным спортивным соревнованиям, например, Международным играм Франкофонии, и отмечают возрастающий интерес к культурной составляющей спортивных мероприятий.

Ключевые слова: спорт, культура, международное спортивное движение, олимпийские игры, международные игры Франкофонии, Культурная Олимпиада

Natalja M. Bogolubova, Julia V. Nikolaeva

Cultural aspect of modern sports movement

Article is devoted a phenomenon of the Cultural Olympic Games and interconnection of sports and culture. Authors address to history and a current state of the Olympic movement, other large international sports competitions, for example, to the International Francophony games. Authors mark increasing interest to a cultural component of sports actions.

Keywords: sports, culture, international sports movement, Olympic games, International Francophony games, Cultural Olympic Games

Спорт и спортивные игры как часть человеческой культуры неразрывно связаны с искусством и различными видами творчества, которые не только отражали те или иные спортивные события, успехи и свершения спортсменов, но и на протяжении всей истории сопровождали многие важнейшие мероприятия, являлись оригинальной частью спортивных программ.

История самых крупных соревнований современности – Олимпийских игр – убедительно показывает, что они зародились в тесном союзе с искусством. В IV в. до н. э. в программу Олимпиад были добавлены состязания между трубачами и глашатаями – спондофорами, что, безусловно, отражало основные мировоззренческие концепции древних греков о сочетании спорта и эстетического начала. Павсаний сообщает, что при Перикле (середина V в. до н. э.) во время проведения Олимпийских игр «писатели и поэты читали вслух свои творения, художники выставляли на агоре свои произведения»[1]. Да и другие священные игры в честь античных богов зачастую включали в себя не только спортивные, но и творческие состязания. Например, в программу Пифийских игр, проходивших в Дельфах с 586 г. до н. э. в честь бога Аполлона, входили творческие соревнования музыкантов, играющих на кифаре, а на Панафинейских играх, устаивавшихся в Афинах с 580 г. до н. э., соревновались не только атлеты, но и трубачи. Слава победителей античных Олимпиад служила источником творческого вдохновения и была воспета известными поэтами (Пиндар, Вакхилид, Архилох) и увековечена многими великими скульпторами (Скопас, Поликлет, Мирон) той эпохи.

Спорт и культура действительно имеют много общего. Это и массовость, и зрелищность, и особая драматургия состязаний, которая роднит их с театральными представлениями, творческими фестивалями и конкурсами. Однако в отличие от драматических представлений спортивные состязания всегда несут в себе непредсказуемость, эмоциональность, искренность. Кроме того, многие виды спорта, например, художественная гимнастика, фигурное катание, синхронное плавание, непосредственно связаны с такими видами искусства, как музыка, театр, хореография. В этих спортивных соревнованиях особо ценится красота движений, грация, пластика, изящество и эстетика исполнения.

Сегодня проведение массовых спортивных мероприятий невозможно представить без культурной программы. Открытие таких масштабных событий, как Олимпийские игры, Универсиады, чемпионаты мира по футболу или хоккею всегда сопровождается культурными фестивалями, выступлением мировых звезд музыки и театра, которые зачастую рассматриваются как важнейшая часть спортивного праздника и привлекают внимание многомиллионной аудитории зрителей, даже подчас далеких от спорта.

Нельзя не отметить, что взаимосвязь спорта и культуры имеет и философский смысл, который отражен в фундаментальных принципах олимпий-

ского движения. Спорт открывает уникальные возможности для движения по пути к идеалу, гармонии, высшим достижениям и красоте. Эта взаимосвязь отражена в важнейшем документе современного олимпизма – Олимпийской Хартии. Основополагающие принципы Хартии содержат следующий раздел: «Олимпизм представляет собой философию жизни, возвышающую и объединяющую в сбалансированное целое достоинство тела, воли и разума. Олимпизм, соединяющий спорт с культурой и образованием, стремится к созданию образа жизни, основывающегося на радости от усилия, на воспитательной ценности хорошего примера и на уважении к всеобщим основным этическим принципам»[2].

В дальнейшем Пьер де Кубертен сумел развить положения, зафиксированные в Олимпийской Хартии. В речи, произнесенной в 1906 г., он отметил: «Мы организуем стимулирующее сотрудничество между искусством, наукой и возрожденными Олимпийскими играми…»[3]. Кубертен был убежден, что успех Олимпийских игр возможен только тогда, когда спорт объединится с культурой. Поэтому он предложил включить в программу Олимпийских игр состязания в различных видах искусства. Эстетические акценты были поставлены основателем современного олимпизма и в девизе движения, который был сформулирован афористично и пафосно: «Mens fervida in corpore lacertoso» («В развитом теле – возвышенный дух») вместо знаменитого высказывания Ювенала: «Mens sana in corpore sano» («В здоровом теле – здоровый дух»)[4].

Практическое воплощение идеи олимпизма нашли в работе Олимпийского конгресса «Спорт и искусство» (1906 г.), который был посвящен возрождению «высококультурного, совершенного образа жизни». В этом же году участники Международного олимпийского комитета (МОК) приняли решение включить в программу Олимпийских игр творческие конкурсы: состязания по архитектуре, живописи, скульптуре, музыке и литературе, что еще раз подтвердило взаимосвязь спорта и искусства. В предолимпийский 1911 г., накануне открытия очередных V Игр в Стокгольме, прошел весьма значимый архитектурный конкурс, в котором победили два архитектора из Лозанны – Моно и Леверьер.

Конкурс во время Игр 1912 г. запомнился представлением в культурной программе «Оды спорту», подписанной фамилиями Г. Хохрода и М. Эшбаха, которые, как позже выяснилось, были псевдонимом самого Кубертена. Именно тогда, на V Олимпийских играх в Стокгольме впервые в новой истории Игр в их программе появились конкурсы искусств как дань античным олимпийским традициям.

Эта инициатива сразу нашла одобрение и творческой общественности и была охотно поддержана. В 1924 г. на Олимпийских играх в Париже в творческой программе соревнований участвовали уже 193 артиста, среди которых был и русский художник, член кружка «Мир искусства» Александр Яковлев. В состав жюри Парижской творческой Олимпиады был приглашен выдающийся русский композитор Игорь Стравинский[5]. Традиция творческих конкурсов продолжилась и в 1928 г. на Олимпийских играх в Амстердаме. Последний раз культурные состязания были проведены во время Олимпийских игр в Лондоне в 1948 г.

Состязания в области искусств проходили в рамках Олимпийских игр с 1912 по 1948 г. Их содержание неоднократно менялось, однако практически всегда в программу Игр были включены произведения прозы и поэзии, живописи, рисунка, графики, скульптуры, архитектуры и музыки, всего по пяти творческим номинациям[6].

В 1952 г. участниками олимпийского движения была предпринята попытка возродить конкурсы в области искусств, но она не увенчалась успехом. «Культурная программа» была вынесена за официальные рамки Олимпиад и стала рассматриваться лишь в контексте открытия и закрытия Игр или неофициальных мероприятий. Как считают теоретики спорта, ликвидацию художественной составляющей Олимпиад следует рассматривать «как самый тяжкий удар по делу барона Кубертена»[7].

Однако идеи основателя самых популярных спортивных игр современности не были преданы забвению. С конца XX – начала XXI в. спорт и культура вновь были объединены в одной программе, причем вопросы их взаимодействия сегодня имеют как теоретическое, так и практическое развитие. Свою вторую жизнь культурная программа Олимпиад обрела уже 1992 г., когда право принимать у себя летние Олимпийские игры получила Барселона. По инициативе Организационного комитета Олимпийских игр Барселоны была разработана программа Культурной Олимпиады, проходившей в течение четырех предолимпийских лет и на протяжении самих Игр. Культурная Олимпиада началась с фестиваля «Городская фиеста», во время которого прозвучала знаменитая песня «Барселона» в исполнении Фредди Меркюри и Монсеррат Кабалье. Среди других заметных событий Культурной Олимпиады «Барселона–1992» была выставка, посвященная каталонскому модернизму рубежа XIX–XX вв. «Modernism 1990». Эстафетную палочку проведения Культурных Олимпиад приняла и следующая Летняя Олимпиада в Атланте–1996. За четыре предолимпийских года

прошли многочисленные выставки, концерты, среди участников которых был и выдающийся музыкант, дирижер из России Михаил Плетнев.

Культурная Олимпиада 2000 г. в Сиднее прошла под знаком культуры коренных народов Австралии. Каждый год получил собственную тему. Первый год из четырехлетнего цикла проходил под названием «Фестиваль мечты» и посвящался искусству аборигенов Австралии, следующий год проходил под названием «Преображение» и был посвящен истории освоения и заселения Австралии. Третий год назывался «Входя в мир»; он был призван показать миру современное искусство Австралии и особенно то, как в нем уживается творчество коренных народов и современные художественные тенденции. Наконец, непосредственно год олимпийский получил имя «Гавань жизни». В основе его многочисленных мероприятий лежало стремление показать гуманистическую сущность искусства во всех ее проявлениях. «Этническая тематика» присутствовала и в программе Культурной Олимпиады зимних Олимпийских игр в Солт-Лейк-Сити–2002, во время которой была представлена культура штата Юта, принимавшего у себя Игры. Под знаком культуры коренных народов прошла и Культурная Олимпиада зимних Олимпийских игр в Ванкувере в 2010 г., центральной темой которой стало искусство индейцев.

Культурная Олимпиада «Афины–2004», к сожалению, была связана с многочисленными финансовыми сложностями и организационными трудностями. Однако и это мероприятие получилось ярким и запоминающимся. Среди событий афинской Культурной Олимпиады особого внимания заслуживает концерт знаменитого греческого композитора Вангелиса и постановка оперы «Лисистрат»[8]. Насыщенной и богатой была программа Культурной Олимпиады зимних Олимпийских игр в Турине–2006, во время которой были показаны 54 культурные программы, более 200 культурных мероприятий, посвященных всем граням и эпохам великой культуры Италии – от Древнего Рима до современного авангарда[9]. Большой интерес у зрителей вызвал фестиваль уличных искусств «Олимпийские ночи». Инсталляции, концерты, световое шоу в Турине, работавшие всю ночь напролет музеи и выставочные залы были украшением этого фестиваля.

Среди Культурных Олимпиад, состоявшихся в начале XXI в., наибольший размах и заметный резонанс имела Культурная Олимпиада, организованная на Олимпийских играх в Пекине–2008. За время Культурной Олимпиады–2008, проходившей под лозунгом «Встретимся в Пекине», было организовано и проведено пять фестивалей, прошли мировые премьеры, в которых приняли участие китайские артисты и мировые звезды. Центральным культурным событием стал концерт на Великой Китайской стене при участии 1,5 тыс. музыкантов[10].

Культурная Олимпиада в Пекине стала самой масштабной в истории этих мероприятий. В столице Китая в организации спортивных и культурных акций принимали участие более 400 млн молодых людей и студентов[11]. Кроме того, 1/5 всего населения страны участвовала в организации Игр и без преувеличения прониклась духом олимпизма[12]. Отметим, что все дети школьного возраста в Китае имели возможность познакомиться с основополагающими принципами и ценностями олимпийского движения, историей становления и развитием Олимпийских игр. Это осуществлялось в рамках специальной образовательной программы, которая была организована в школах и проходила в течение всего олимпийского года. Как отметили исследователи, в программе приняли участие более 400 000 начальных и средних школ Китая[13]. Пример КНР может быть назван весьма показательным. Он заслуживает внимания как в организационном, так и в содержательном плане. Идеи олимпизма получили широкое распространение в огромной стране с населением более 1 млрд человек.

Сейчас заканчивается проведение Культурной Олимпиады «Лондон–2012». В ее программе зрителям были представлены фестиваль цифрового кино для молодежи, музыкальный фестиваль «День национальной песни», Международный шекспировский фестиваль, фестиваль карнавалов, всего более 500 мероприятий[14].

В настоящее время МОК осуществляет множество культурных и образовательных программ и мероприятий, среди которых можно отметить Мировые форумы (World Forums), оригинальные соревнования по литературе и искусству, молодежные лагеря.

В Форумах принимают участие представители и партнеры олимпийского движения: спортсмены, артисты, представители научного сообщества и творческой интеллигенции. В рамках подобных встреч осуществляется сотрудничество МОК с различными организациями и, прежде всего, с такой авторитетной международной организацией в области культуры, как ЮНЕСКО. Цель таких встреч заключалась, в том числе, и в объективной оценке деятельности олимпийского движения в области образования, культуры и спорта. Помимо этого участники мероприятий вырабатывают и новые подходы в решении данного вопроса. Происходит обмен опытом

между представителями разных авторитетных организаций, организуются дискуссии, в которых принимают участие спортсмены, представители культуры, искусства, бизнеса, научного сообщества. Одним словом, в работе мероприятий, благодаря участию достаточно широкой международной аудитории, действительно появляется возможность наметить пути развития образовательного направления в деятельности Международного олимпийского комитета.

В сентябре 2008 г. в городе Бусан (Корея) прошел очередной VI Мировой Форум по вопросам образования, культуры и спорта[15]. В нем приняли участие более 600 делегаций от национальных олимпийских комитетов, международных спортивных федераций, культурных и образовательных учреждений, экспертов из ЮНЕСКО, различных правительственных и неправительственных организаций. Результатом высокой встречи стало принятие специального Бусанского плана (The Busan Action Plan), который был назван по месту принятия документа в г. Бусан. В данном документе особое внимание уделяется молодежи и молодежной политике. Подчеркивается, что «молодежь рассматривается как будущее спорта»[16]. А в качестве важнейшего инструмента воспитания молодежи в Бусанском плане был назван спорт. «Необходимо использовать любую возможность для продвижения спортивных идеалов и культурных ценностей посредством олимпийского образования»[17]. В целом, Бусанский план можно назвать «хартией» молодежной политики международного олимпийского комитета.

Форум и выработанные на нем документы вновь обратили внимание международного сообщества на актуальность молодежной политики, сделав акцент на молодежи как важнейшем участнике спорта и политики, от которой непосредственно будет зависеть будущее спорта и воплощение в жизнь олимпийских идеалов. Наверное, поэтому участники встречи большое внимание уделили вопросам участия молодежи в процессе обсуждения и принятия важнейших решений. В вопросах непосредственного вовлечения молодежи в международную спортивную деятельность МОК и другие авторитетные организации, и, прежде всего, ЮНЕСКО, большое внимание уделяется деятельности так называемой Комиссии атлетов, которую, по мнению участников встречи, следует расширить за счет новых молодых членов.

Сегодня можно ответственно заявить, что Форумы являются весьма важными международными встречами, авторитетными дискуссионными клубами, на которых обсуждаются актуальные гуманитарные вопросы, выявляются стратегические задачи, намечаются планы на будущее. Причем обсуждение тех или иных тем приобретает продолжение и в практических мероприятиях, конкретных проектах, которые имеют большое значение для спортивного движения и международного гуманитарного сотрудничества.

Международный олимпийский комитет, участвуя в дискуссиях с представителями международных организаций, учеными, представителями культуры и искусства, известными спортсменами, пришел к весьма значимому выводу. Олимпийское движение сегодня имеет возможность оказывать непосредственное влияние на молодежную аудиторию, пропагандируя не только здоровый образ жизни и интерес к спорту, но и, прежде всего, общечеловеческие ценности, идеи равенства, уважения, толерантности, признавая многообразие культур, выступая за охрану окружающей среды.

Практическим продолжением дискуссий на форуме в Бусане можно назвать решение о создании Молодежных Олимпийских игр, цель которых – объединить с помощью спорта молодежь во всем мире[18]. Как отметил первый вице-президент МОК Ламбис Николау, «чтобы привлечь молодежь в спорт необходимо использовать новые методы»[19]. Такими «методами» стали Молодежные Олимпийские игры, которые впервые состоялись в 2010 г. в Сингапуре и отныне будут проводиться каждые четыре года.

Самостоятельное значение на Форуме приобрели вопросы, связанные с культурным наследием стран, принимающих Олимпийские игры. По замыслу участников встречи, каждый город-столица Олимпийских игр должен, кроме спортивных объектов, подготовить специальную образовательную и культурную программу, которая рассказывает о культуре принимающей страны и станет важной частью официальных спортивных состязаний. На Форуме было подчеркнуто, что, хотя практика проведения культурных программ в рамках Олимпийских игр существует довольно давно, однако зачастую культурная составляющая спортивных состязаний не очень активно освещается прессой. Нередко различные выставки, выступления артистов, другие мероприятия проходят практически незамеченными для широкой общественности и мирового сообщества. В соответствие с Бусанским планом было принято решение привлечь более активное внимание международного сообщества именно к культурным программам, различным мероприятиям, которые, по мнению участников Форума, должны проходить в течение всех Игр, сопровождая всю программу спортивных состязаний[20].

Кроме проведения Мировых форумов под патронажем МОК организуются специальные соревнования и разнообразные мероприятия по литературе и искусству. В 2001 г. были созданы оригинальные соревнования, которые в своей программе успешно объединили спорт и литературу. Сегодня можно отметить, что с каждым годом интерес к ним растет, а в 2005 г. в них приняли участие более 50 национальных олимпийских комитетов[21]. Эти соревнования проводятся в трех возрастных категориях. Работы, отобранные для участия в соревнованиях, должны быть посвящены спорту, олимпийскому духу и ценностям олимпизма. Участники творческих состязаний пишут свои литературные произведения исключительно на своем родном языке. Их в дальнейшем и оценивает жюри из своего национального олимпийского комитета. Работы-победители издаются специальной брошюрой, выпускаемой на разных языках. В результате конкурса решаются разнообразные задачи: выявляются талантливые писатели, подающие надежды литераторы и, кроме того, распространяются идеи олимпизма, олимпийские принципы, которые благодаря таланту авторов популяризируются в широкой читающей аудитории[22].

Самостоятельное развитие идеи и идеалы олимпизма получают в специальных соревнованиях в художественной сфере: скульптура, графика и пр. Здесь основной формой состязаний являются конкурсы, которые организует Международный олимпийский комитет. Спорт, спортивные состязания воплощаются в работах мастеров во всем мире. Атлеты, победители Олимпиад привлекали внимание художников еще в эпоху античности. Сам образ героя, победителя оказался исключительно интересен для многих выдающихся мастеров мирового искусства.

В настоящее время наша страна готовится принять у себя зимние Олимпийские игры, которые пройдут в городе Сочи в 2014 г. Это почетное право принять у себя самые известные спортивные состязания в мире Россия получает второй раз в истории, после перерыва длиной более тридцати лет. Культурная программа является важной частью организации и подготовки Олимпийских игр 2014 г. в Сочи. Согласно требованиям МОК, Культурная Олимпиада начинается за четыре года до начала Олимпийских и Паралимпийских игр, а ее кульминация приходится на период их проведения. Все мероприятия в рамках Культурной Олимпиады проходят на основных концертных площадках города Сочи: в Зимнем театре, в Зале органной и камерной музыки, в концертном зале «Фестивальный», в Художественном музее[23]. О масштабах подготовки красноречиво свидетельствует запланированный бюджет: на финансирование сочинской Культурной Олимпиады планируется потратить 900 млн рублей, из которых «600 млн пойдут на реконструкцию объектов культуры и создание открытых площадок, а еще 250 млн рублей будут направлены на финансирование концертных программ»[24].

Цель Культурной Олимпиады – через культуру и искусство, музыку и театр широко и многогранно представить не только город, в котором пройдут Игры, но и культурные традиции России во всем их богатстве и многообразии. Обобщая опыт других Культурных Олимпиад, а также используя свой инновационный подход, Оргкомитет «Сочи–2014» предложил обширную программу, рассчитанную более чем на четыре года.

Помимо Оргкомитета «Сочи–2014», организаторами Культурной Олимпиады являются Министерство культуры Российской Федерации, администрация Краснодарского края и администрация города Сочи. Кроме того, Оргкомитет тесно сотрудничает с различными международными организациями, представителями самой широкой общественности. В Культурной Олимпиаде «Сочи–2014» примут участие представители классического и авангардного искусства, артисты, собирающие стадионы, и камерные исполнители, выдающиеся представители различных стилей и многообразных направлений[25].

Культурная Олимпиада «Сочи–2014» – это грандиозный проект, который продолжается более четырех лет. В рамках Культурной Олимпиады заявлено много ярких культурных событий, более тысячи мероприятий, 10 тыс. исполнителей со всей России и из-за рубежа, более 100 тыс. участников и более 1 млн зрителей, а также более 1 млрд телезрителей[26]. Для того чтобы каждый желающий мог следить за событиями Культурной Олимпиады, был открыт официальный портал, основная задача которого – сделать проект по-настоящему массовым и доступным.

Свой старт Культурная Олимпиада в Сочи получила еще во время церемонии закрытия Зимних игр в Ванкувере. «Дни Сочи–2014 в Ванкувере» должны были показать богатую и многогранную культуру России – от классики до современности. И, надо сказать, организаторам это удалось сделать. В рамках «Дней» прошли концерты с участием оркестра «Солисты Москвы» под управлением Юрия Башмета, солистки Мариинского театра Ульяны Лопаткиной, рок-группы «Парк Горького», Кубанского казачьего хора[27].

Каждый год Культурной Олимпиады «Сочи–2014» отмечен самостоятельным тематическим проектом. 2010 – Год кино; 2011 – Год театра; 2012 – Год музыки; 2013 – Год музеев. В январе–марте 2014 г. будут показаны лучшие проекты всех лет[28]. В программе каждого года принимают участие как ведущие спортсмены, так и представители культуры и искусства. Год кино представили известный российский кинорежиссер Алексей Учитель и трехкратная олимпийская чемпионка по фигурному катанию Ирина Роднина.

Программы Года кино–2010 состояла из различных мероприятий: фестивалей, мастер-классов, показов фильмов. Кинофестиваль «Кино без барьеров» был посвящен людям с ограниченными возможностями, а проект «Кино в твоем дворе» объединил фильмы «золотого фонда» мирового киноискусства на экранах, которые были установлены в разных районах города Сочи. Специально для школьников и студентов были проведены мастер-классы. Особое внимание участников и гостей привлекли Фестиваль спортивного кино, киноцикл «Спортивные кинодержавы в гостях у Сочи»[29].

Программа Года театра–2011 была представлена лучшими спектаклями–лауреатами фестиваля «Золотая маска». Также с успехом прошли выставки театральных коллекций. Яркими гастрольными событиями данного года были гастроли Мариинского театра. Жителям Сочи запомнились Фестиваль кукольных театров и Фестиваль «Протеатр». Цель данного фестиваля – поддержка театрального творчества людей с особенностями развития, помощь в становлении и развитии «особых» театров России. Настоящее мероприятие было созвучно со спортивной Параолимпиадой. Спектакли фестиваля современных российских и зарубежных театральных коллективов «Территория Сочи» (руководитель – Евгений Миронов) вызвали огромный отклик у зрителей. До конца 2011 г. в рамках Года театра Культурной Олимпиады «Сочи–2014» театральные коллективы из Кабардино-Балкарии, Дагестана, Чечни, Северной Осетии, Ставропольского края и Карачаево-Черкесии дали 17 спектаклей[30].

Программа Года музыки–2012 представлена чрезвычайным разнообразием музыкальных жанров с участием звезд музыкальной сцены. Год музыки официально представили музыкант и композитор Игорь Бутман, и Посол «Сочи–2014», всемирно известный дирижер Юрий Башмет. В 2012 г. в программе Года заявлен фестиваль с участием Анны Нетребко и Валерия Гергиева, Всероссийские Филармонические Сезоны, «Зимний музыкальный фестиваль» Ю. Башмета, Фестиваль авторской песни «Лето – это маленькая жизнь» О. Митяева, фестиваль И. Бутмана «Аква–джаз», фестиваль «Песни России» Н. Бабкиной[31]. Таким образом, можно без преувеличения отметить, что Сочи в 2012 г. станет действительно музыкальной столицей России, городом, который примет одних из лучших музыкантов России и мира.

Интереснейшая программа будет представлена в Сочи в рамках Года музеев–2013. В городе откроются выставки из Государственного Эрмитажа и Государственной Третьяковской Галереи, из фондов Всероссийского музея декоративно-прикладного искусства и частных коллекций. Также пройдут и тематические экспозиции «Экспо–Музеум», Международный Пленер современного визуального искусства, выставки современного российского искусства, выставки классической русской фотографии, выставка «Современное искусство Кубани»[32].

Подготовка и реализация проектов Культурной Олимпиады осуществляется в тесном взаимодействии с различными международными организациями, с учетом международного опыта и национальной специфики. Одной из задач данного проекта является представление культурного богатства и разнообразия России, привлечение внимания к особенным достижениям различных народов.

В преддверии 9 августа, провозглашенного ООН Международным днем коренных народов мира[33], Культурная Олимпиада «Сочи–2014» представила в культурной программе уникальные традиции малых народов Российской Федерации. В рамках VII Всероссийского фестиваля «Манящие миры. Этническая Россия» (2011 г.) 9 августа в Москву и 15 августа в Сочи приехали представители более 15 этнических групп. В центре этих городов, на площади Революции и в парке «Ривьера», были представлены традиционные жилища северян – чумы, а также прошли выступления этнических ансамблей и мастер-классы по бисероплетению, резьбе по кости и изготовлению национальных кукол.

Основная идея фестиваля – под флагом олимпийского движения показать культурное разнообразие и богатейшие традиции редких народностей, которые вместе составляют уникальную этническую карту России. Оргкомитет «Сочи–2014» традиционно приветствует участие этнических групп в Олимпийском проекте. В октябре 2010 г. в рамках Культурной Олимпиады с успехом прошли «Кавказские игры», раскрывшие обычаи и культурные особенности народов, населяющих регион проведения Игр. В них приняли участие более 200 представителей республик Северного

Кавказа, в том числе несколько ансамблей из Карачаево-Черкесии[34].

В программе фестиваля «Манящие миры. Этническая Россия» жители и гости Сочи и Москвы услышали горловое пение артиста Дмитрия Сафьянова из Хакасии, увидели северные танцы «русских индейцев» – Ительменского фольклорного ансамбля «Эльвель» (Камчатский край). Вместе с эвенком Владимиром Хоменко зрители исполнили свою знаменитую песню «Нарьян-Мар». В программе были представлены выступления корякского фольклорного ансамбля «Ангт», Национального фольклорного ансамбля «Чукотка», в котором танцует потомок рода кереков Милитина Тевлянаут, а также ансамбля песни и танца народов Севера «Хэйро» (Таймыр), который за 40 лет своего существования гастролировал во многих странах мира.

Фестиваль «Манящие миры. Этническая Россия» прошел при поддержке Министерства регионального развития Российской Федерации и Оргкомитета «Сочи–2014». Этот межрегиональный проект объединяет культуры более 40 редких народностей России. В частности, кеты, нганасаны, саамы, юкагиры насчитывают менее 2000 человек, алеуты, негидальцы, орочи, тофалары, челканцы, чульмцы – менее 1000 человек, ижорцы, тазы, ульты, энцы – менее 500 человек. Самая малочисленная народность, которая была представлена в фестивальной программе «Манящие миры», – это кереки: их на всей Земле в настоящее время осталось всего восемь человек. Однако, несмотря на малую численность, все принимающие участие в фестивале народности сохранили уникальную культуру своих предков, которые веками жили в гармонии с природой[35]. Зрители фестиваля «Манящие миры» увидели и этнические ансамбли коренных народов Северного Кавказа, которые осенью стали гостями I Арктического фестиваля «Притяжение Таймыра»[36].

До Олимпиады в Сочи осталось еще два года, и сегодня подготовительные работы на многих участках близки к завершению. Однако многие проекты Культурной Олимпиады уже завершены и стали важным и заметным явлением в культурной жизни России. Очень важно, что именно в культурной программе наиболее успешно представлены традиции России во всем их многообразии, уделено должное внимание не только традиционным видам творчества и известным исполнителям и коллективам, но и совсем еще молодым участникам. Удачным можно признать и структуру культурных сезонов и мероприятий, в которых успешно сочетаются как тематический подход, так и стремление организаторов в рамках конкретной темы рассмотреть важнейшие проблемы сохранения культурного многообразия, обратить внимание на наследие самых малочисленных народов. Одним словом, Культурная Олимпиада – это реальная возможность, используя спортивное событие, которое имеет огромный международный резонанс, привлечь внимание к важнейшим проблемам культуры всего мирового сообщества.

Несмотря на то, что Культурная Олимпиада сегодня является важной частью спортивного праздника, тем не менее нельзя не отметить, что существуют определенные проблемы в ее проведении. Нередко в спортивном сообществе и зрительской аудитории вызывает нарекания «неспортивный» характер мероприятий, который осуществляется в национальных павильонах. Кроме того, по мнению организаторов, культурная составляющая спортивных событий освещается поверхностно, а иногда и крайне негативно, без должного внимания к достаточно ярким событиям. Часто критика бывает связана и с дополнительными финансовыми затратами, которые, вполне естественно, увеличивают бюджет «олимпийской стройки». Тем не менее, Культурная Олимпиада способна решать многие важнейшие задачи, связанные с внешней культурной политикой, с формированием позитивного представления о стране в исключительно массовой аудитории.

Было бы ошибочным полагать, что только Олимпийские игры объединяют спорт и культуру. Не менее ярким примером включения творческих конкурсов в программу международных спортивных состязаний являются Международные игры Франкофонии. Неслучайно их девиз – «молодежь, искусство, спорт». На официальном сайте Игр об их происхождении сказано следующее: «Когда спорт смешивается с культурой, чтобы продемонстрировать миру солидарность франкоговорящей части населения, получаются игры Франкофонии»[37]. Игры Франкофонии проводятся по олимпийской системе, т. е. раз в четыре года, на следующий год после проведения Летних игр Олимпиады. Эти игры, основанные на общности французского языка и франкофонной культуры стран-участниц, проводятся под эгидой Международной организации Франкофонии и поддерживаются МОК. Игры сочетают в своей программе искусство, спорт и французский язык, включая спортивные соревнования и конкурсы в различных видах творчества.

В программу спортивных соревнований входят такие виды спорта, как легкая атлетика, баскетбол, футбол, дзюдо, африканская борьба, настольный теннис и в качестве показательных выступлений – велогонки. Культурная програм-

ма включает пластические и визуальные искусства (живопись, скульптуру, инсталляции), уличные виды искусства (хип-хоп, театр марионеток, искусство жонглеров), а также рассказ, песню, танец, литературу, фотографию. Помимо этого, в программу Игр Франкофноии включен конкурс работ по экологической проблематике и в области цифрового искусства[38].

В рамках Игр Франкофонии реализуется множество культурных проектов. Например, в Бейруте, где в 2009 г. проходили очередные Игры, было организовано специальное творческое пространство для проведения выставок, творческих встреч и обменов, открытое для широкой публики и получившее название «Городок Партнеров».

Игры Франкофонии – это уникальный пример успешного сочетания в рамках одного масштабного проекта спортивных состязаний и творческих конкурсов. Они направлены на решение гуманитарных проблем, активизацию межкультурного общения и служат примером гармоничного сочетания спорта и культуры, сформированного еще в эпоху античности.

История взаимодействия спорта и культуры уходит в далекое прошлое, однако только в конце XX – начале XXI в. мы можем говорить о возрождении культурной составляющей спортивного движения и о реальном продолжении идеи основоположника олимпизма Пьера де Кубертена, который считал, что «спорт следует рассматривать как источник искусства»[39]. Но и само искусство можно по праву назвать источником развития спортивных игр и состязаний. Безусловно, подобное взаимодействие сегодня следует рассматривать как прочную основу для дальнейшего развития современного спорта, который становится все более зрелищным и ярким явлением современной жизни, современной культуры.

Примечания

[1] Гаспаров М. Занимательная Греция. М., 2004. С. 124.

[2] Олимпийская Хартия // Международное гуманитарное взаимодействие и содружество независимых государств: сб. / сост. Н. М. Боголюбова, Ю. В. Николаева. СПб., 2005. С. 10.

[3] Чернецкий Ю. М. Концептуальные основы олимпийского образования: автореф. дис. … д-ра пед. наук: 13.00.14. Челябинск, 2001. С. 5.

[4] Там же.

[5] Зуев К. Культурные олимпиады прошлых лет // Культурная олимпиада: rev.: Коммерсантъ прил.: темат. изд. 2011. 15 июня, № 30. С. 5. URL: http: // www. kommersant. ru (дата обращения: 11.11.2011).

[6] Олимпийский конкурс по литературе и искусству. URL: http: // slovari. yandex. ru (дата обращения: 11.11.2011).

[7] Там же.

[8] Зуев К. Указ. соч.

[9] Там же.

[10] Там же.

[11] The Busan Action Plan. URL: http: // multimedia. olympic. org (дата обращения: 11.11.2011).

[12] Focus on young people. URL: http: // www. olympic. org (дата обращения: 11.11.2011).

[13] Ibid.

[14] Зуев К. Указ. соч.

[15] World Forum on education, culture and sport. URL: http: // www. olympic. org (дата обращения: 11.11.2011).

[16] The Busan Action Plan. URL: http: // multimedia. olympic. org (дата обращения: 11.11.2011).

[17] Ibid.

[18] Ibid.

[19] Focus on young people. URL: http: // www. olympic. org (дата обращения: 11.11.2011).

[20] Ibid.

[21] Olympic Sport and Literature Competition URL: http: // www. olympic. org (дата обращения: 11.11.2011).

[22] Боголюбова Н. М., Николаева Ю. В. Спорт в палитре международных отношений: гуманит., дипломат. и культ. аспекты. СПб., 2011. С. 178–181.

[23] Культурная Олимпиада 2010–2014. URL: http: // www. culture. sochi 2014. com (дата обращения: 11.11.2011).

[24] Кузнецова Е. Названа цена Культурной олимпиады в Сочи. URL: http: // www. dni. ru (дата обращения: 11.11.2011).

[25] Культурная Олимпиада 2010–2014. URL: http: // www. culture. sochi 2014. com (дата обращения: 11.11.2011).

[26] Там же.

[27] Зуев К. Указ. соч.

[28] Там же.

[29] Там же.

[30] Культурная Олимпиада 2010–2014. URL: http: // www. culture. sochi 2014. com (дата обращения: 11.11.2011).

[31] Там же.

[32] Там же.

[33] Решение об объявлении 9 августа Международным днем коренных народов мира было принято Генеральной Ассамблеей ООН в декабре 1994 г. Впервые он был отпразднован 9 августа 1995 г. В 2011 г. Международный день коренных народов мира будет отмечаться в 17-й раз.

[34] Культурная Олимпиада 2010–2014. URL: http: // www. culture. sochi 2014. com (дата обращения: 11.11.2011).

[35] Там же.

[36] Этноинфо: информ. агентство. URL: http: // www. ethnoinfo. ru (дата обращения: 11.11.2011).

[37] Les Jeux de la Francophonie: офиц. сайт. URL: http: // jeux. francophonie. org (дата обращения: 11.11.2011).

[38] Ibid.

[39] Olympic Art and Sport contest. URL: http: // www. olympic. org (дата обращения: 11.11.2011).

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Socio-cultural Activity

УДК 374.7

В. Е. Триодин

Социально-культурная деятельность: pro et contra

Статья – ответ на публикацию Г. Ю. Литвинцевой «Исследовательское пространство социально-культурной деятельности» (Вестн. СПбГУКИ. 2012. № 1). Социально-культурная деятельность – самостоятельная отрасль научного знания, имеющая свой объект, предмет. Сведение социально-культурной деятельности к культурно-досуговой искажает ее сущность и назначение. Подготовка специалистов социально-культурной сферы апробирована теорией и практикой последних двух десятилетий.

Ключевые слова: социально-культурная деятельность, досуг, культурно-досуговая деятельность, культурно-просветительная работа, социально-культурные услуги

Vladimir E. Triodin

Social-cultural activity: pro et contra

The article is the answer to G. J. Litvintsevoj's publication «Research space of social-cultural activity» (Vestn. SPbGUKI. 2012. № 1). Social-cultural activity is the independent branch of scientific knowledge having its object, subject matter. The information of social-cultural activity to cultural-leisure activity deforms its essence and purpose. Preparation of experts in social cultural area is approved by the theory and practice of last two decades.

Keywords**:** social cultural activity, leisure, cultural leisure activity, cultural and educational work, social-cultural services

1. Одноцветная история

Известно, что социально-культурной деятельности предшествовало понятие культурно-просветительная работа. Вот как объясняет Г. Ю. Литвинцева «перестройку» понятийного аппарата. «Так как культурно-просветительная деятельность отождествлялась с коммунистической идеологией, использующей ее как средство идеологического воздействия на массы, манипулирования их сознанием, то стало очевидным непригодность данного термина»[1].

Интересно, почему же педагоги не отказались от термина педагогика, философы – философия, писатели – литература? Разве художники того периода не писали завораживающе талантливо о том, в какой стране им удалось родиться? Разве социологи, философы, экономисты не обосновывали экономические и духовные преимущества социализма? Разве педагоги не любовались новым выращенным типом человека?

Но это скорее замечание-ассоциация, эмоциональная реакция, чем ответ на поставленный вопрос.

Для Г. Ю. Литвинцевой вся история культурно-просветительной работы выкрашена в один прокоммунистический цвет. Между тем в рамках термина «культурно-просветительная работа» шла острая борьба за смягчение идеологических догматов путем **трактовки культурно-просветительной работы как инициативного движения масс**. Период «оттепели» дал выход мощному самодеятельному культурно-просветительному движению. Возникли известные по всей стране клубы «Сигма», «Под интегралом», «Терпсихора», клубы авторской песни, любителей фантастики. Это были вышедшие из-под контроля власти массовые культурно-просветительные институты, расшатывающие устои режима. Революционной перестройке 1990-х гг. предшествовали магнитофонная революция 1960-х гг., «самиздат», «тамиздат», фестивали авторской песни. Самодеятельные клубы, к примеру клуб «Перестройка» Дворца культуры им. Ленсовета, оттачивали иной тип мышления, способы поведения. Это был массовый прорыв в свободу. Из различных модификаций клубов два десятилетия спустя выросли многие партии и движения, новая генерация политиков, опрокинувших тоталитарный режим.

Причастностью к просветительству надо бы было гордиться, а не скрываться от него за новым термином. Социально-культурная деятельность требует расколдованную историю.

2. Обогащение через сохранение и развитие

Вместе с тем возникла потребность в термине, **не отменяющем культурно-просветительную работу** (тем более по политическим или идеологическим соображениям), **а развивающем и обогащающем его**.

Дело в том, что круг явлений общественной жизни, традиционно исследуемый культурно-просветительной работой, был шире и

богаче обозначавшего их термина. В понятие «культурно-просветительная работа» хорошо вписывались школы взаимного просвещения (ланкастерские школы), воскресные школы, публичные лекции, кружки. Но ограниченность термина сразу же ощущалась, когда речь шла о петровских ассамблеях, салонах, коммунах, артелях. Жизнь рождала все новые и новые формы социальной практики, выходящей за рамки просветительства.

Другая причина была связана с характером воздействия на человека. Строго говоря, просвещение – односторонний акт, предполагающий активность просветителя. Он – и только он – носитель определенных норм и ценностей, которые должна усвоить масса. Просветитель – сеятель знания. Народ – почва. Н. А. Некрасов так и писал: «Сеятель знанья на ниву народную». На почве взрастает то, что в нее брошено.

Великие просветители-проповедники Кирилл и Мефодий несли свет истинной веры славянам-язычникам. Разбуженные «Историческими письмами» П. Л. Лаврова «критически мыслящие личности» шли в народ, чтобы расплатиться за прогресс, купленный кровью, страданиями миллионов. Политпросветчики 1920-х гг. учили читать неграмотный народ. Это все однонаправленный процесс от незнания к знанию, это улица с односторонним движением. Г. В. Плеханов, между прочим, критиковал метод террора народников как раз за то, что он разделял людей на героев-террористов и праздную толпу, с любопытством или равнодушием следящую за событиями детективно развивающейся политической жизни. Плеханов отдавал предпочтение рядовой забастовке, ибо в забастовке каждый отдельно взятый человек – действующее лицо.

Просветительство было, есть и будет важной и необходимой стороной общественной жизни. И человечество с благодарностью чтит своих Учителей. Но надо иметь в виду, что общественная жизнь не исчерпывается отношениями «учитель–ученик». В свободной деятельности люди встречаются на паритетных началах как равноправные субъекты, взаимно воздействующие друг на друга. Люди не только физически, но и духовно творят друг друга (К. Маркс). И потому необходим был термин, в котором нашли бы отражение отношения не между субъектом и объектом культурного влияния, а между равными по значению субъектами. Богатство и разнообразие форм общественных связей, явлений общественной жизни вобрал в себя термин «социально-культурная деятельность». Еще раз подчеркну: **социально-культурная деятельность не альтернатива культурно-просветительной работы, а ее логическое продолжение и развитие**.

Социально-культурная деятельность – **родовое понятие**. Культурно-просветительная работа, культурно-массовая работа, культурно-досуговая деятельность (к ним можно добавить множество, вновь возникающих дисциплин: музейная педагогика, педагогика досуга и т. д.) – **видовые понятия**. Они имеют право на существование, если не ставят перед собой задачу подменить социально-культурную деятельность, если сохраняют за ней статус методологически значимой дисциплины.

3. Оскопление социально-культурной деятельности

Доминирующая идея Г. Ю. Литвинцевой – ограничение социально-культурной деятельности рамками досуга. Оскопленная социально-культурная деятельность получает у нее логическое завершение в новом названии – **культурно-досуговая деятельность**. Но почему бы стороннице досугоцентризма не прислушаться к мнению именитых менеджеров учреждений культуры? М. Б. Пиотровский, возглавляющий Союз музеев России, пишет, что эта организация делает много для того, чтобы создать в обществе правильный образ музеев. Есть люди, объясняет он, пытающиеся сформировать стереотип бесполезности и устарелости сегодняшних музеев. Но даже доброжелательные люди понимают музей как средство досуга и средство привлечения туристов. Они забывают часто о **государственной функции музеев – образовательной и научной. Это основа и смысл жизни музеев и главное оправдание их существования**[2].

По М. Б. Пиотровскому получается, что Г. Ю. Литвинцева, поставившая во главу угла досуг, **искажает образ музеев**.

Чтобы придать этой конструкции основательность, Г. Ю. Литвинцева очередной раз подстраивает историю под свою концепцию. В вузах культуры и искусства, утверждает она, с самого начала их существования шла активная подготовка специалистов по организации досуга (с. 99). По Г. Ю. Литвинцевой получается, что, когда политпросветчики обращались к неграмотной массе с лозунгом «Рабы немы, рабы – не мы», когда подвижнически вовлекали население в «ликбезовскую спартакиаду», когда во время Гражданской войны пламенные трибуны агитпоездов «глаголом жгли сердца людей», они всего-навсего организовывали их досуг.

Объективно, независимо от того, хотела

этого Г. Ю. Литвинцева или нет, мир человека у нее представлен как совокупность **несообщающихся сосудов**. Есть самодостаточный изолированный от других органов досуг, вот им и надо заниматься. Но между трудом и досугом, экономикой и нравственностью куда как более сложные отношения взаимосвязанных сфер. На это обратил внимание патриарх Кирилл, когда охарактеризовал кризис как человеческий грех, пустивший корни в экономику.

Жизнь давно уже перемешала все искусственные схемы. Историкам хорошо известно, что еще Петр I **соединил работу и досуг**. Петровская ассамблея поэтому не вписывается в культурно-досуговую концепцию Г. Ю. Литвинцевой.

А модные нынче корпоративные праздники? Они продолжают петровскую линию соединения труда и досуга, создают новую рабочую ауру. Появился специальный термин тимбилдинг – корпоративный выезд на природу, направленный на повышение эффективности работы в команде. Сплошь и рядом на рабочем месте решается и личная жизнь (служебный роман). Сегодня все чаще деловые вопросы решаются в ресторане. Недавно промелькнула любопытная газетная заметка. Основным рычагом управления в Санкт-Петербургском государственном университете ректор считает приглашение на чай и свободную дискуссию за чашкой этого напитка до тех пор, пока не будут найдены верные решения.

Вдоль канал Грибоедова вывешены копии картин Русского музея, так называемая «музейная миля», или вот уличные художники «граффити» покрывают стены здания надписями, изображениями. Это все организация досуга или нечто выходящее за его рамки?

Уязвимость позиции Г. Ю. Литвинцевой особо рельефно проявляется при анализе праздничных ситуаций. В стране всего семь государственных праздников, за которыми законодательно закреплены нерабочие праздничные дни. По классификации Г. Ю. Литвинцевой, это пространство для культурно-досуговой деятельности. Но подавляющее число праздников не имеет статуса выходного дня. Как быть с ними? Ждать окончания рабочего дня и тогда праздновать всем миром?

Увы, праздник напрямую не связан ни с рабочим, ни со свободным временем, и даже принятое словосочетание «праздничный день» весьма условное. Праздник – не день, не досуг, а эмоциональное, сакральное состояние человека. Праздника вне человека не существует. Любопытно, что советская власть попыталась вырастить тип человека, соединившего в себе праздники и будни («Трудовые будни праздники для нас»). Новой, никогда не виданной формой праздничной культуры стал коммунистический субботник.

Чай с оппонентом в рабочем кабинете, обед с деловым партнером в ресторане – это все внешние формы проявления смещения границ будней и праздников. Глубинные же процессы возникают в самом **отношении к труду**. Все больше профессионалов высокого уровня воспринимает труд как **свободную деятельность**, т. е. деятельность, в которой нет давления извне, и которая доставляет **психологическое удовольствие**. Возникает новая характеристика труда как **труда-досуга**, труда, утепленного домашним уютом, снимающего извечное противоречие производство–дом. Директор Эрмитажа М. Б. Пиотровский говорит о своем музее как о втором доме. Музей-семья создает на рабочем месте ощущение комфортности, внутренней поддержки. Мастерскую Петра Фоменко называют театр-дом. В нем человеческие связи более сильные. А на сцене главное, чтобы люди друг друга слышали. Ректор Санкт-Петербургского государственного университета «ЛЭТИ» В. М. Кутузов выделил в своем исследовании группу студентов, которая рассматривает университет как дом. Важно обратить внимание на то, что это не частные примеры, а **определяющая тенденция развития общества**.

4. Без руля и без ветрил

Еще одна забота Г. Ю. Литвинцевой – **предметное поле специалистов социально-культурной деятельности**. По ее версии, его, разумеется, нет у современных выпускников вузов культуры.

Ну, хорошо. Нет, так нет. А каково, любопытно, предметное поле церкви? Может быть, там тоже все делают не по правилам? Паства, ведь, приходит в храм в свободное от работы время. Стало быть, церковь – чисто досуговое учреждение? И духовным академиям надо соответственно пересмотреть учебные планы, чтобы готовить священников для сферы досуга, тогда-то все и станет на свое место.

Слава Богу, церковь до таких научных высот еще не дотянулась. Она вот уже второе тысячелетие занимается взращиванием пустынной души человека, оплодотворяет ее живительным семенем христианской истины. И с удовольствием примечает, что человек, уверовавший в Бога, ведет себя как православный не только в церкви, но и на работе, дома, в общественном транспорте.

Еще один пласт – партии, институты гражданского общества, к примеру, Общероссийский народный фронт, «Большое правительство», движение «рассерженных» граждан, правозащитные организации – это все культурно-досуговые объединения? Ведь действуют они, как правило, в нерабочее время. Очевидно, что структура бюджета времени, положенная в основу классификации воздействия на аудиторию, непродуктивна. Для Г. Ю. Литвинцевой митинг – форма досуга, для автора этой статьи – форма сознания.

А. И. Герцен, рассказывая о Н. П. Огареве, очень точно о нем сказал – **открытый стол**, за который садится каждый, возобновляет силы, отдыхает, становится бодрее[3]. Разве это не предметное поле? Предметное поле социально-культурной деятельности – объединения людей: большие и малые. Сегодня это поле оказалось без руля и без ветрил. Рыночной экономике очаги культуры оказались не нужны. В небытие ушли учреждения культуры производственных коллективов, кинотеатры, такие интересные формы повышения образовательного уровня масс, как народные университеты. Две трети сельских населенных пунктов страны вообще их не имеют. Россия, насыщенная социально-культурными институтами, исчезла как Атлантида. В 1930-е гг. популярна была книга А. С. Макаренко «Флаги на башнях». Сегодня не осталось ни флагов, ни башен. Показательный штрих. Процесс культурного опустынивания, разбиблиотечивания общества, в конечном счете, его расчеловечивания не стал предметом анализа Г. Ю. Литвинцевой. А это куда как важнее «терминологического переворота».

Ответственность за культурный обвал исследователи привычно возлагают на культурную политику государства, которая для социально-культурных институтов стала чем-то вроде костра для Снегурочки. Но за этой, в целом верной, оценкой исчезает обоснование мотивов декультурализации. Ленин предельно цинично объяснил Кларе Цеткин, что определенный этап революции нуждается в необразованном рабочем[4]. Скорее всего, и тот этап революции, который получил мягкое название «перестройки», требовал снижения культурного уровня населения.

Но это только одна сторона проблемы. Есть и другая. Надругательство над церковными святынями, панк-молебны девиц из Pussy Riot в главном храме страны вызвал мощную волну негодования верующих, молитвенное стояние, крестный ход православных во главе с Патриархом. К антикультурной революции население в целом отнеслось безразлично, с изрядной долей апатии. Ни один министр культуры не вышел на улицы и площади столицы с маршем протеста. Это говорит только о том, что учреждения культуры не пустили прочные корни в плоть и кровь населения, не стали той ценностью, без которой теряется смысл жизни.

Культурный вакуум привел к изменению ментальности. Педагогически организованная самодеятельность уступила место самодеятельности. Люди ощутили будоражащий дух свободы без ответственности.

И пошло-поехало. Известный музыкальный критик изображает из себя презерватив, художник на четвереньках лает и кусает прохожих, гламурных дел мастера рисуют фаллос на мосту культурной столицы.

Самовыражается, как может, молодежь: байкеры, граффити, диггеры, толкинисты, готы, фурри, фрики, пранкеры… Сколько их? Кто и куда их гонит?

Сегодня весь спектр влияния, воздействия на массовую аудиторию оказался в руках **стихийно выросших лидеров улиц и площадей**. Остается только восхищаться способностью флешмоберов собирать синхронно действующую толпу на арт-мобе «Сердце города», «Упавшие листья», «Целующийся город». Или завидовать мастерам ролевых игр, тем же толкинистам, которые ведут за собой в вымышленный мир сотни единомышленников, проходят с ними школу осознания виртуальной жизни как высшей ценности. Или аплодировать таланту предводителя байкеров, властного взгляда которого достаточно, чтобы пересечь параллели и меридианы.

Уличные ораторы отрабатывают артикуляцию, учатся коротким, емким выступлениям, афористичным лозунгам, интонационным оттенкам на повышенной громкости. Им удается увлечь и повести за собой толпу.

Университеты культуры и искусства существуют, вероятно, для того, чтобы через своих выпускников облагораживать социально-культурную жизнь общества. Но это возможно только в том случае, если каждый из них будет энергетическим узлом своего времени, антенной нации, обладать способностью, как писал Л. Н. Толстой, «перемешивать человеческое тесто». Социально-культурная деятельность – профессия повышенной речевой способности. Ясно, что таким качествам человека научить нельзя. Это то, что дается от Бога, заложено в генах. Поэтому в университетах культуры и искусства надо вводить специальные экзамены (как это делается в художественных вузах) на проверку у абитуриентов способности к работе с массами.

5. Я гимны прежние пою

В понятии социально-культурная деятельность опорным словом является **деятельность**[5]. Это его ядро. Деятельность – человеческая (и только человеческая!) форма отношения к окружающему миру. Под ней принято понимать **активность** человека, направленную на достижение поставленной цели. Г. Ю. Литвинцева акцент делает на **услуги**. Но услуга есть поминальная молитва социально-культурной деятельности. Она формирует общество потребления. Г. Ю. Литвинцева вводит даже понятие «новые культурные потребители». Формулу Декарта «мыслю – значит существую» новые культурные потребители переосмысливают так: покупаю – значит существую. Г. Ю. Литвинцева даже образовательные институты рассматривает через призму «образовательных услуг». Это общая беда современного образования. Во властных структурах победила точка зрения, что высшее образование определяется потребностью производителя в специалистах с высшим образованием. Нет рабочих мест – нет высшего образования. Но образование нужно для развития человека. И если исходить из этой точки зрения, то много образования не бывает. А образованный человек сам создаст новые рабочие места, где будут нужны не роботы, а «мыслящий пролетариат» (по Д. И. Писареву)[6]. «Услуги» исказили природу учреждений культуры. Под клубным учреждением, согласно примерному положению о нем, понимается организация, основной деятельностью которой является предоставление населению разнообразных услуг. Смею думать, что это не так, что основное назначение клубов – формирование социально-активной личности. Услуга формирует сервисного человека. Социально-культурная деятельность – инновационное, креативное общество.

Определение «социальный» означает, что носитель культуры – социум. Граница между обществом и личностью подвижна. В. С. Соловьев верно подметил, что общество есть дополненная или расширенная личность, а личность – сжатое или сосредоточенное общество[7]. Мера «сжатости» определяет соотношение личности и общества. Есть личности, которые «расширены» до уровня общества и даже обгоняют его, определяют характер его развития. А. С. Пушкин о М. В. Ломоносове сказал, что он не только создал первый в России университет, он сам был первым нашим университетом.

Вычленение в термине социально-культурная деятельность социального субъекта имеет принципиальное значение. История гуманитарных наук знает немало примеров, когда о человеке, как о чеховском Фирсе, забывали. А. С. Макаренко называл современную ему педагогику «бездетной». Технократические тенденции сильны и сегодня: исследователи оценивают результативность работы учреждений культуры по числу проведенных мероприятий, а не по изменениям, происходящим с человеком.

Главный признак социального явления – **взаимодействие**. П. Сорокин считал, что ни отдельно взятый изолированный индивид, ни миллион изолированных индивидов не могут составлять социального явления. Самым неподходящим объектом для изучения социального явления он считал Робинзона Крузо[8].

Взаимодействие может состояться, когда оно носит **значимый** характер. Взаимозначимость Герцена и Огарева привела их на Воробьевы горы. Обнявшись, они поклялись пожертвовать своей жизнью на избранную ими борьбу. Взаимозначимыми друг для друга были А. С. Пушкин и П. Я. Чаадаев. Чаадаев сожалел, что он не встретился в Английском клубе с Пушкиным. Встреча, писал он ему, повлекла бы за собой мощный обмен мыслями. Здесь очень важно слово – **обмен**. Взаимодействие мыслящих людей осуществляется в форме **обмена мыслями**.

Без компонента значимости все социокультурные явления становятся всего лишь материальным объектом с физическими или химическими свойствами: партийный билет – картонной наградой, ордена и медали – пустыми побрякушками.

Определение «культурное» показывает направление: значимое взаимодействие в сфере культуры.

Освоение социального и культурного изменяет человека. Специфика социокультурного воздействия состоит в том, что оно затрудняет однобокое сведение воспитания к социализации (человек – совокупность общественных отношений) или к биологизации, или к культурации. Социокультурный подход означает комплексное воздействие на человека, его очеловечивание, дает возможность теории и практике формировать аудиторию более эффективно, чем это до сих пор делалось.

Таким образом, **под социально-культурной деятельностью автор понимает взаимодействие людей по производству, распространению, сохранению значимых культурных ценностей, в ходе которого изменяются отношения и связи между людьми, сами люди и окружающий их мир**.

Социально-культурная деятельность проявляется себя в двух ипостасях: **стихийной и специально организованной**.

В **специально организованной социально-культурной деятельности** субъектами регулирования взаимодействия выступают государство или общественные организации. Они же определяют значимые для себя ценности и в соответствии с заданной моделью изменяют отношения и связи между людьми. Изменившиеся люди изменяют окружающий мир, поэтому философия популярного хита о том, что этот мир придуман не нами, весьма проблематична.

Этот мир, в том числе и через социально-культурную деятельность, придумываем и создаем все-таки мы сами. И отвечаем за все, что в нем происходит.

Примечания

[1] Литвинцева Г. Ю. Исследовательское пространство социально-культурной деятельности // Вестн. СПбГУКИ. 2012. № 1. С. 90–102.

[2] Пиотровский М. Б. Портрет музея на фоне города // Пиотровский М. Б. Взгляд из Эрмитажа: ст. и интервью для газ. «С.-Петерб. ведомости» (2005–2009). СПб.: Славия, 2009. С. 95–98.

[3] Герцен А. И. Былое и думы. М.: Худож. лит., 1969. С. 335.

[4] Цеткин К. Воспоминания о Ленине. М.: Госполитиздат, 1955. С. 16.

[5] Триодин В. Е. Теория социально-культурной деятельности: объект и предмет исследования // Magister. 1998. № 1. С. 26–36.

[6] Писарев Д. И. Надо мечтать. М.: Совет. Россия, 1982. С. 311–362.

[7] Соловьев В. С. Сочинения: в 2 т. М., 1988. Т. 1. С. 286.

[8] Сорокин П. А. Система социологии: в 2 т. М.: Наука, 1993. Т. 2. С. 37.

УДК 316.647.5

Е. В. Клименко

Этнические различия и толерантность: к проблеме разработки социально-культурных программ формирования межэтнической толерантности

Статья посвящена проблеме разработки социально-культурных программ формирования межэтнической толерантности. Рассматриваются вопросы взаимосвязи индивидуальной значимости этничности и проявлений интолерантности в области межэтнического взаимодействия. Предлагаются конкретные методы оптимизации содержания социально-культурных программ формирования межэтнической толерантности.

Ключевые слова: толерантность, этничность, этнические различия, формирование межэтнической толерантности

Ekaterina V. Klimenko

Ethnic difference and tolerance: introducing of socio-cultural projects of developing of inter-ethnic tolerance

The article is dedicated to the problem of introducing of socio-cultural projects aiming to develop inter-ethnic tolerance. The issues of dependence of intolerance in the sphere of inter-ethnic interaction on the importance to an individual his ethnicity is considered. Methods of optimizing the process of introducing of socio-cultural projects aiming to develop inter-ethnic tolerance are being offered.

Key words: tolerance, ethnicity, ethnic difference, developing of inter-ethnic tolerance

При всей разнице подходов к пониманию толерантности пишущие о ней сходятся в том, что толерантность – это отношение к различию. Так, авторы двух наиболее известных из современных концепций толерантности, Питер Николсон[1] и Майкл Уолцер[2], выбирают именно понятие различия в качестве отправного пункта своих рассуждений. Именно поэтому в дискурсе межэтнической толерантности ключевыми становятся вопросы генезиза, сущности и значимости этнических различий. Тот или иной взгляд на природу и характер этнических сообществ определяет методологию любого исследования в проблемном поле межэтнической толерантности и интолерантности.

Примордиальное понимание этничности, где этническая группа рассматривается как кровнородственное сообщество, имеющее объективно определяемые границы и критерии принадлежности, а этничность – как изначально присущее человеку свойство, черта, восходящая в конечном итоге к его биологическому происхождению, оказывается сегодня за пределами серьезных научных дискуссий. Не большим спросом пользуется и «культурный вариант примордиализма»[3], в рамках которого этнические группы определяются как устойчивые образования, сформированные общим ходом социально-экономического и культурно-исторического развития, как сообщества, объединяемые набором четких, объективно фиксируемых признаков, среди которых выделяются общее происхождение, история, язык, культура, экономическая жизнь, территория, психологические особенности.

Для современного состояния социальных наук характерна тенденция рассматривать социальную реальность как продукт социального конструирования[4]. Социальные явления, институты, установления, структуры понимаются как продукты человеческой деятельности, а не ее внешние обстоятельства. В результате процессов институционализации и объективации те или иные субъективные значения, в которых люди осмысляют окружающую их действительность, закрепляются, становясь элементами социальных структур. Социальные структуры, в свою очередь, ограничивают свободу человеческой деятельности. Созданные и закрепленные в ходе социального взаимодействия социальные структуры нуждаются в постоянной легитимации, которая осуществляется, в том числе и благодаря тому, что эти последние становятся частью используемых индивидами систем значений. Апофеозом процесса социального конструирования реальности является создание символического универсума, поддержание которого осуществляется с помощью мифа, теологии, философии, науки. Таким образом, никакой объективной социальной реальности, т. е. существующей вне и независимо от человеческого сознания, никогда не существовало и не существует. Социальная реальность неотделима от множества интерпретаций тех или

иных явлений социальной действительности, которые создаются и поддерживаются в ходе социальной коммуникации и взаимодействия. Общество предстает как образование, постоянно конструируемое и реконструируемое в ходе социальной практики.

Социальные общности также понимаются как результат социального конструирования, осмысления людьми некоторых существующих между ними различий. Если применить терминологию Пьера Бурдье, можно назвать все социальные общности способом упорядочивания, понятийной организации социальной реальности[5]. Все критерии, по которым люди объединяются в социальные общности, и все критерии, которые разделяют эти общности между собой, есть способы организации социального пространства. Неслучайно Эрик Эриксон называет групповые идентичности способами «привязки» идентичности человека к одному из «псевдовидов», на которые разделено общество[6].

Этнические группы, как и всякие другие социальные общности, предстают как социальные конструкты, произведенные людьми в ходе социальной деятельности. Как результат осмысления людьми существующих между ними различий – в том числе языковых, культурных, фенотипических – в терминах этничности. В основе этнической структуры любого общества лежат не различия, но различения, т. е. различия, вписанные в структуру социального пространства, воспринимаемые «в соответствии с категориями, согласованными с этой структурой»[7].

Социальное бытие этнических, как и любых других, общностей основано, прежде всего, на вере в их реальность, а также на институтах, эту веру воспроизводящих[8]. Однако вера эта вовсе не беспочвенна. Ведь различия между людьми существуют и могут быть зафиксированы. В то же время различия – языковые, культурные, поведенческие, конфессиональные, исторические, биологические или любые другие – между группами, как и сходства внутри групп, могут быть предметом конструирования и деконструирования.

Конструктивистское понимание природы социальной реальности позволяет нам увидеть и природу этнических конфликтов и межэтнической интолерантности как основанную на их более или менее сознательном конструировании. Так, например, прежде чем люди примутся убивать тех, кто еще вчера был их добрыми соседями, необходимо, чтобы вчерашние соседи были сначала осмыслены как объективно отличающиеся, а затем как враги. Именно понимание этнических различий как естественных, неснимаемых и непреодолимых и составляет основу для формирования межэтнической интолерантности во всех ее формах.

Преодоление сложностей, связанных с распространением межэтнической интолерантности, в том числе в ее крайних формах, столь характерных для современной России, с помощью формирования знаний, умений и навыков обращения с объективно фиксируемыми, неснимаемыми и непреодолимыми этническими различиями представляется невозможным. Решение данной проблемы осуществимо лишь на основе проблематизации обыденных представлений о природе этничности, снижения значимости этнических различий.

Проблематика межэтнической толерантности, интолерантности и этнических различий тесным образом связана с категорией этнической идентичности. Зачастую сама этничность понимается как этническая идентичность, феномен групповой категоризации и самокатегоризации, приписывания и самоприписывания.

Групповая идентичность по своей природе конфронтационна, она объединяет, противопоставляя. Интенсификация какого-либо компонента социальной идентичности, и этнический компонент здесь не является исключением, чревата формированием интолерантности в соответствующей сфере социального взаимодействия. Безусловно, сам факт самоидентификации с той или иной этнической группой не влечет за собой неизбежно формирование межэтнической интолерантности. Опасность эта связана скорее с формой переживания человеком собственной этничности. Она зависит как от степени значимости для человека его групповой принадлежности, так и от знака ее оценки[9]. Межэтническую интолерантность проявляют, как правило, люди, воспринимающие и себя, и окружающих, прежде всего, как представителей той или иной этнической группы, оценивающие другого с точки зрения его этнической принадлежности, а саму этничность понимающие как фундаментальную характеристику человеческого существования.

Формируемая социальными процессами, этническая идентичность находится в диалектической взаимосвязи с обществом[10]. Ее конструирование, поддержание или изменение, а также деконструирование детерминировано социальной структурой. С другой стороны, этническая идентичность, сформированная в результате взаимодействия индивида и общества, оказывается в основе конструирования, поддержания или изменения, а также деконструирования социальной структуры. С помощью групповой идентичности человек одновременно и встраивается в социальную структуру,

и конституирует ее. Формируемая благодаря интериоризации человеком той системы отношений, той социальной структуры, которая является условием его существования, этническая идентичность, как и все другие формы групповой идентичности, социальна по своей природе, функциям и генезису. Само осознание индивидом факта существования различных этнических групп возможно только в результате контакта между ними, а формирование чувства собственной принадлежности к той или иной этнической группе осуществляется по отношению к тем, кто к этой группе не принадлежит[11].

Этническая идентичность, как ни одна из форм групповой идентичности, не является естественным или обязательным компонентом социальной идентичности человека. А отсутствие этнического или любого другого вида групповой идентичности в структуре социальной идентичности человека не является, следовательно, отклонением от нормы. Можно с легкостью представить себе общества, где понятие этничности отсутствует, а этнический принцип структурирования общества уступает место другим принципам. Если потребность в социальной или групповой идентичности можно назвать одной из основополагающих потребностей человека[12], то формирование этой групповой идентичности в тех или иных терминах является результатом усвоения им социальных норм и ценностей. Так, формирование социальной идентичности именно в этнических терминах есть результат социального воздействия. Именно поэтому эти термины, как и процессы их возникновения и функционирования, могут и должны быть проблематизированы, а не натурализованы.

Значимость для индивида этнического компонента его социальной идентичности, как и сам факт ее формирования, является продуктом не только – и не столько – его личностных диспозиций, сколько результатом воздействия на него социальной среды. Она тесным образом связана с традицией такой значимости, характерной для того или иного общества, с системой социальных ценностей, принятой в том или ином обществе. Важную роль здесь могут играть этнические предприниматели, манипулирующие этничностью и способные искусственно актуализировать и интенсифицировать этнический компонент социальной идентичности человека, а значит и способствовать формированию межэтнической интолерантности.

Формирование межэтнической толерантности, таким образом, может быть связано как со снижением значимости социальной идентичности в целом, акцентуацией личностной идентичности, так и со снижением значимости этнического компонента социальной идентичности. Последнее осуществляется на основе формирования или акцентуации так называемых перекрестных идентификаций, связывающих людей, разделенных принадлежностью к разным этническим группам, чувством принадлежности к некоей единой группе. Этими группами могут стать как большие социальные общности – конфессиональная, гендерная, региональная или общегражданская, так и общности сравнительно малые – например, самодеятельный коллектив, футбольная команда или школьный класс. Идентификация с одной или несколькими перекрестными группами позволяет формировать единые социальные общности, объединяющие этнические ин- и аутгруппы, что способствует снижению значимости этнического компонента идентичности, деакцентуации этнических различий и в конечном итоге формированию межэтнической толерантности. Безусловно, речь идет не о полной нивелировке этнической составляющей идентичности человека, не об отказе от собственной этничности, а о переносе акцента с этнической на иные компоненты социальной идентичности. Идентичность человека может быть представлена как идентификационная матрица. Чем богаче и полнее ее структура, чем больше «клеточек» в этой матрице заполнены, тем меньше вероятность преувеличения значимости ее этнического компонента и как следствия формирования межэтнической интолерантности.

Формирование межэтнической толерантности часто связывается с приобщением к культурам отличающихся групп. Авторы программ, тренингов и учебных пособий, направленных на формирование межэтнической толерантности, справедливо полагают необходимым познакомить члена современного общества со всем многообразием культур, религий, мировоззрений, традиций, стилей жизни, которые сосуществуют в современном мире, научить его ценить и уважать это многообразие, жить и взаимодействовать в поликультурной и полиэтничной среде. Действительно, знание о «других» культурах устраняет или по крайней мере снижает непонимание между представителями разных культур, уменьшает чувство тревожности и страха при контакте с представителем «чужой» культуры и способствует преодолению чувства угрозы при таком контакте. Оно позволяет деконструировать стереотипы и исправлять предельные ошибки атрибуции, возникающие при оценке поведения человека другой культуры, адекватно объяснять такое поведение, исходя из особенностей и норм «его», а

не «своей» культуры. Признавая необходимость информирования о сосуществующих в рамках одного общества этнических и культурных группах в рамках программ формирования межэтнической толерантности, необходимо все же сделать несколько уточнений.

Очевидным представляется тот факт, что эффективность усилий по формированию межэтнической толерантности напрямую зависит от характера информирования о тех или иных этнических и культурных различиях. Поданная в оценочной, тем более негативно оценочной манере, такая информация может способствовать формированию и активизации интолерантности. Менее очевидно, но не менее значимо то, что так называемая культурная сенсибилизация, т. е. осознание культурной обусловленности поведения любого человека, являющаяся целью многих программ и тренингов формирования межэтнической толерантности, может привести скорее к закреплению интолерантности, так как служит еще одним камнем в конструируемой между этническими группами непреодолимой стене. Попытки «правильно» объяснить поведение человека в той или иной ситуации с помощью апелляции к его культурной специфичности заканчиваются объяснением любых поведенческих особенностей в терминах культуры, всегда связанной с некой этничностью. Таким образом исключаются социальные, экономические, индивидуально-психологические объяснения человеческого поведения, индивидуально-личностное подменяется групповым, а дистанция между представителями разных (может быть, следовало бы написать «разных») этнических групп возрастает.

Программы и тренинги формирования межэтнической толерантности, построенные на культурной сенсибилизации, зачастую не только способствуют конструированию искусственных границ между людьми, фактически являющимися членами единого гражданского сообщества, но и – возможно вопреки намерениям их авторов и разработчиков – устанавливают знак равенства между культурным и этническим различием, культурной и этнической группой. Путь к преодолению межэтнической интолерантности лежит через понимание того, что различия между двумя представителями разных этнических групп, включенными в одну культуру, социализированными в одной среде, могут отсутствовать или быть гораздо менее значительны, чем сходства между ними. В то время как различия между представителями одной этнической группы, но социализированными и аккультурированными в разных средах, могут быть действительно существенными.

Именно поэтому центральной задачей, решаемой в ходе разработки программ и тренингов формирования межэтнической толерантности, является поддержание баланса между необходимостью информирования их участников о существующих культурных различиях, с одной стороны, и избеганием преувеличения значимости этих различий – с другой. Снижение индивидуальной значимости различий, осознание существования различий между членами одной группы и сходств, объединяющих представителей разных групп, являются необходимой предпосылкой для формирования толерантности. Умение находить те общие основания, которые в конечном итоге объединяют все, даже кажущиеся непреодолимо разными, культурные группы, не менее важно для формирования толерантности, чем осознание объективного существования и ценности культурных различий.

Одним из наиболее эффективных методов формирования межэтнической толерантности справедливо считается организация контакта представителей отличающихся групп. Эффективность совместного выполнения разного рода заданий в качестве средства для установления дружественных межгрупповых отношений была доказана еще в классическом эксперименте М. Шерифа[13]. Действительно, опыт личного общения и сотрудничества в ситуации межгруппового контакта позволяет его участникам приобрести знания о «чужой» группе, разрушающие те или иные стереотипы; снижает значение групповой категоризации, способствуя персонализации членов «чужой» группы, актуализации индивидуальных различий и снижению значимости межгрупповых; ведет к формированию перекрестных групповых идентичностей. Общение и сотрудничество в наибольшей степени позволяют сформировать эмоциональный и поведенческий компоненты установки толерантности, развивая чувство эмпатии по отношению к представителям «чужих» групп и формируя навыки, необходимые для эффективного повседневного взаимодействия с «чужими».

Однако использование и этого метода в программах формирования межэтнической толерантности может повести к противоположным желаемому результатам, если этнические группы, вступающее в контакт, рассматриваются как гомогенные, отделенные раз и навсегда четкими границами, сообщества. Задачей организации в рамках программ формирования толерантности межэтнического контакта является не диалог самостоятельных, изолированных субъектов, которыми в данном случае являются этнические груп-

пы, но установление общего социокультурного пространства, надэтничного по своей природе.

Подводя итог, отметим, что формирование межэтнической толерантности, преодоление негативных тенденций в сфере межэтнических отношений, являющиеся важнейшими задачами современного общества, может и должно осуществляться на основе деакцентуации этнических различий, на общей деэтнизации социально-культурного пространства. Последнее представляется выполнимым лишь на условиях пересмотра сложившихся в практике подходов к разработке специализированных социально-культурных программ формирования межэтнической толерантности.

Примечания

[1] Для П. Николсона толерантность – отношение к значимому для субъекта различию, на которое он в состоянии оказать воздействие, но воздерживается от такой попытки. Подробнее см.: Хомяков М. Б. Толерантность: парадоксальная ценность // Пределы толерантности в современном обществе: материалы междунар. науч.-практ. конф. / под ред. И. Л. Первовой, В. В. Козловского. СПб., 2003. С. 37–53.

[2] М. Уолцер полагает толерантностью любой из следующих вариантов отношения к различию: «отстраненно-смиренное отношение к различиям во имя сохранения мира», «милостивое безразличие к различиям», моральный стоицизм, «открытость в отношении других» и «восторженное одобрение различий». Подробнее см.: Уолцер М. О терпимости. М., 2000.

[3] Термин В. А. Тишкова.

[4] Бергер П. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М., 1995.

[5] Бурдье П. Социальное пространство и генезис классов // Социология социального пространства. М.; СПб., 2005. С. 14–48.

[6] Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996. С. 312.

[7] Бурдье П. Социология политики. М., 1993. С. 70.

[8] Его же. Социальное пространство и генезис классов.

[9] Этническая толерантность в поликультурных регионах России. М., 2005. С. 61–87.

[10] Бергер П. Указ. соч.

[11] Именно это обстоятельство лежит в основе характерного для современных социальных наук понимания этнических групп как сконструированных в результате межгрупповых контактов, межэтнического взаимодействия. См. подробнее: Скворцов Н. Г. Проблема этничности в социальной антропологии. СПб., 1997.

[12] Почебут Л. Г. Психология межэтнической толерантности // Кросс-культурная психология: актуал. проблемы / под ред. Л. Г. Почебут, И. А. Шмелевой. СПб., 2005. С. 61–105.

[13] Sherif M. Experiments in Group Conflict // Sci. Amer. 1956. Vol. 195, № 5.

УДК 379.8-053.6

М. В. Ухтинская

Туристско-экскурсионная деятельность в организации досуга подростков

Культурно-досуговая деятельность имеет особое значение в становлении личности подростка, являющейся уязвимой во многих отношениях, объект, требующий особого подхода в организации культурно-досуговой деятельности. Туристско-экскурсионная деятельность как составная часть досуговой деятельности является существенным в воспитательном аспекте компонентом структуры досуга подростков, важной частью их личного досуга, что требует анализа ее качественных характеристик. Автор раскрывает особенности современной туристско-экскурсионной деятельности как одного из важнейших направлений социализации личности подростка в целом, и формирования оптимальной культуры досуга подростков в частности.

Ключевые слова: духовно-нравственная культура, культурно-досуговая деятельность, культура досуга, туристско-экскурсионная деятельность, модернизация, подростковый возраст, развитие личности

Mariya V. Ukhtinskaya

The tourist and sightseeing activities in organisation of leisure of the teenagers

Cultural and leisure activities have enormous importance in the development of personality. The individuality of a youth is the most vulnerable target in all respects, which requires a special approach in the organization of its cultural leisure. Tourism and sightseeing activities are an important element of culture of young people and their personal cultural and leisure activities: these issues have the same qualitative characteristics. The author unfolds the tourist and sightseeing activities as the most ideal filling of free time of youth.

Keywords: spiritually-moral culture, cultural and leisure activities, cultured leisure, tourism and sightseeing activities, modernization, adolescence, personal enhancement

В последнее время много говорится и пишется о макросоциальных процессах, направленных на трансформацию традиционного общества в современное глобальное сообщество. Комплекс данных процессов принято обозначать модернизацией. Повсеместные макросоциальные процессы изменили облик всего мира. Политические, экономические, духовные трансформации, взаимно усиливающие и порождающие друг друга, привели к устройству современности. Наиболее ощутимыми для общества, явились «процессы глобализации и информатизации, находящиеся в диалектическом единстве и взаимообусловленности. Именно их синтез все в большей степени определяет генеральное направление социального развития человечества на ближайшую перспективу»[1].

Важно отметить, что для того, чтобы избежать отрицательного характера перемен, цивилизационный процесс должен протекать в единении с культурой в любом аспекте ее рассмотрения. Как известно, государственное богатство включает две составные части: хозяйственную и духовную. В хозяйственную часть входят обрабатывающая и добывающая промышленность, торговля. В духовную область входят наука, знания, нравственность, искусство, нравы народа и религия. В современном изменяющемся мире культура с присущей ей моралью должна по праву утвердить себя как главенствующая сила общества.

Особенной социальной стратой при происходящих трансформациях являются подростки, в силу психологических, социальных и т. п. особенностей представляющие собой наиболее уязвимый объект в социальном контексте, сравнительно легко поддающийся непредсказуемому внешнему влиянию. Данная особенность подросткового возраста всегда создавала, создает и будет долго создавать определенные проблемы как в организации воспитательного процесса, так и в сфере организации досуга рассматриваемой возрастной категории.

Стратегия модернизации гражданского общества в Российской Федерации в контексте текущих и, что особенно важно, перспективных преобразований должна учитывать, прежде всего, существенность формирования некой нормы, стандарта, в лучшем смысле этого слова, социального поведения, которая в перспективе смогла бы ориентировать подрастающее поколение на курс социально-культурного созидания. Первоначально должны произойти позитивные изменения в самом человеке, в его душе, ведь по существу, судьба общества зависит от каждого его члена, зависит, в конечном счете, от

уровня морали в обществе; состояние, уровень развития экономики в этом смысле вторичны, что со всей полнотой доказывает новейшая история России.

Исходя из этого обстоятельства и в полной связи с ним нужно учитывать непреложный для большинства членов нашего общества факт, что для того, чтобы Россия имела не только позитивную историческую перспективу в целом, но и впрямую определяющую эту перспективу мощную экономику, адекватную интересам граждан страны внутреннюю и внешнюю политику, современные вооруженные силы и стабильное гражданское общество, заинтересованное в развитии вышеуказанного, несмотря на существующие и появляющиеся социально-политические, социально-культурные и иные проблемы, необходимо массово развивать весь спектр важных и неотъемлемых качеств личности уже у ребенка. Причем это необходимо активно делать уже сегодня, при этом имея четкое понимание как самой сущности воспитательного процесса, так и его технологических особенностей. К сожалению, в последние годы в этом направлении сформировался целый комплекс проблем как идеологического, так и социально-экономического, а также технологического свойства, значительная часть из которых к настоящему времени не решена, что определяется рядом объективных причин, самой существенной из которых является отсутствие четко сформированной и легитимной для большинства россиян национальной идеи.

В данном вопросе, от которого напрямую зависят исторические перспективы российского социума, уровень гражданского согласия и социальной стабильности в нем, фундаментально позиционирует себя культурно-досуговая деятельность, включающая, как известно, базовые функции, ключевые задачи и систему технологий и других инструментов, направленных на полноценное развития личности. Неоспорим и культуросозидающий потенциал культурно-досуговой деятельности как средства разностороннего формирования, развития личности, да и сама сущность культурно-досуговой деятельности подразумевает активность субъекта.

«Культурно-досуговая деятельность есть специализированная подсистема духовно-культурной жизни общества, функционально объединяющая социальные институты, призванные обеспечить распространение духовно-культурных ценностей, их активное творческое освоение людьми в сфере досуга в целях формирования гармонично развитой, творчески активной личности»[2].

Виды досуговой деятельности неоднородны, поскольку зависят от интересов и индивидуальных потребностей личности. Досуг во все времена имел особое, как уже говорилось, культурсозидающее влияние на личность.

Эта тенденция усилилась в XX–XXI вв., и современный человек, рационализируя свой бюджет времени, придает большее значение именно этой части свободного времени, в связи с чем резко усиливается роль досуга в жизни человека. Условие досуга – поиск состояния удовлетворенности, именно то, что общество в современной обстановке определяет для себя как приоритет.

Понятие «культурно-досуговая деятельность», рационально рассмотреть, разделив его на три термина: «культура», «досуг», «деятельность».

1. **Культура** – специфический способ создания, развития и обеспечения жизнедеятельности людей, опредмеченный в продуктах материального и духовного труда, в системе социальных норм и духовных ценностей, в совокупности общественных отношений[3]. Результативность досуговой деятельности напрямую зависит от культуры личности, включающей в себя требование идти в ногу со временем, и при этом не утратить моральные и ценностные установки.

Культура – это цепь связанных понятий, которые многократно увеличиваются в объеме. Историк культуры Рэймонд Вильямс проследил путь развития термина «культура» за прошедшие два столетия. Первоначально культуру рассматривали как «тенденцию естественного роста», а затем, по аналогии, процесс человеческого воспитания. Последнее толкование, часто используемое как «культура чего-либо», было изменено в XVIII и, особенно, в начале XIX в. на «культуру как таковую», вещь в себе. Оно стало означать, во-первых, «общее состояние или характер интеллекта», делая намек на человеческое совершенство. Во-вторых, «общее состояние интеллектуального развития общества в целом». В-третьих, «общее состояние искусства». В-четвертых, позднее, в XIX в., термин «культура» стал означать в целом «образ жизни – материальный, интеллектуальный и духовный»[4].

2. **Досуг** – часть свободного времени, используемая для общения, потребления ценностей духовной культуры, развлечений и других видов нерегламентированной деятельности, обеспечивающих отдых[5]. Г. П. Орлов определил понятие «досуг» как специфически социальный инструмент восстановления сил человека в совокупности с удовлетворением потребности в развлечении, удовлетворении, наслаждении: «Досуг – это совокупность занятий в свободное

время, с помощью которых удовлетворяются непосредственные физические, психические и духовные потребности, в основном восстанавливающего характера»[6]. По определению Н. Ф. Максютина, «досуг – есть часть свободного времени, которую человек использует на свои индивидуальные потребности: культурно-просветительские, любительские, физкультурно-оздоровительные понятия, туризм, общение с природой, с детьми в семье»[7]. Справедливо указывал Ж. Дюмазедье: «Досуг – это не часы в бюджете времени, это – смысл индивидуального существования современного человека, который осознанно и методично выстраивает стену между обществом и собой, меняет соотношение коллективного долга и индивидуального блага в пользу последнего»[8].

3. **Деятельность** – специфическая человеческая форма активного отношения к окружающей среде, социуму, предполагающая ее целесообразное изменение и преобразование. По своей сущности человеческая деятельность есть нахождение и достижение целей. Отличие деятельности, прежде всего, от поведения состоит в целесообразно организованной последовательности операций. Само понятие «деятельность» образовалось в результате пересекающихся заимствований таких областей, как философия, физиология, социология, психология. Понятие деятельности обладает философской и одновременно социологической ценностью. Только в деятельности может произойти становление, формирование и развитие личности.

В научном и практическом контекстах все чаще можно встретить категорию «культура досуга». Точно изложила Г. В. Головина: «Понятия „культура" и „досуг" взаимосвязаны. Культура как совокупность материальных и духовных ценностей является сложным и противоречивым результатом общественной деятельности, воплощенных как в вещественных объектах, так и в бытии людей»[9]. По А. Д. Жаркову, «культура досуга – многомерное социальное явление как система по созданию, сохранению, распространению и потреблению духовных ценностей, норм, знаний, а также значений и символов»[10]. Содержание понятия «культура досуга», которое предлагает М. А. Ариарский, включает следующее определение: «Культура досуга – качество личности, отражающее потребности и умение конструктивно использовать свое свободное время, которое реализуется в активном отдыхе, духовно насыщенном общении, удовлетворении и постоянном возвышении духовных интересов и потребностей посредством репродуктивной и творческой деятельности по освоению культурного наследия человечества, созданию ценностей культуры и развитию своих сущностных сил»[11]. По определению В. Я. Суртаева, культура досуга – это «мера реализации социально-культурного потенциала личности в условиях досуговой деятельности, мера приобретенных ею навыков регулирования досугового времени, готовность личности к участию в социально значимых видах досуговой деятельности»[12]. Информативно дала определение культуры досуга Н. В. Котельникова. Она считает, что культура досуга – «качественная характеристика человеческой деятельности на досуге во всем многообразии ее видов, форм, способов и результатов; набор ценностных ориентаций и форм поведения, а также готовность к участию в социально-значимых видах досуговой деятельности, способствующих самореализации творческого потенциала личности»[13].

Приведенный выше анализ ключевых дефиниций культурно-досуговой деятельности был необходим для обоснования базового вывода – досуговая деятельность обладает существенными особенностями, которые позволяют ей духовно возвышать развивающуюся личность, творчески, эстетически и нравственно совершенствовать.

Возвращаясь к началу, выделим культуру досуга подростка как свободное творчество, совершенно несхожее с его трудовой (учебной) деятельностью, с ее регулированием. Также велико значение культуры досуга, когда подросток, в процессе или по результату досуговой деятельности, испытывает чувство внутреннего удовлетворения, что равным образом является прекрасным стимулом к продолжению и совершенствованию культуры досуга в социальном контексте.

Как известно, на современное общество активно влияют новые открытия, достижения в области научно-технического прогресса, в результате чего человеку приходится постоянно быть в образовательном, информативном контексте, «идти в ногу» с прогрессом. Появление новых форм, видов, средств культурно-досуговой деятельности, которые быстро «усваиваются» динамично меняющимся обществом, включает в этот процесс все большее число людей. Сложно обойти стороной такой феномен, как туризм, который, стремительно развиваясь, затрагивает все большее количество людей как со стороны потребления турпродукта, так и со стороны его производства и организации.

Туризм как международную сферу крайне сложно характеризовать в общих чертах, так как в своей сущности он многогранен. Изучением туризма занимаются представители самых разных областей, но ни одна из существующих

наук пока не в состоянии должным образом дать адекватную характеристику туризму, с тем чтобы определить его как объект собственных исследований. Тем не менее существует тенденция выделения туризма в самостоятельную науку (туризмология, или туристика), которая содержит в себе объект, предмет, цели и задачи, принципы, законы, факторы, признаки, категории и свои методы исследования. В последнее десятилетие туризм стал характеризоваться не только как общественное явление, но и как явление экономическое. В эпоху глобализации туризм превратился в важный инструмент экономики. Туризм можно рассматривать с экономической точки зрения (как отрасль) или как средство удовлетворения потребностей человека (как деятельность), тем самым можно судить об антиномичности туризма – внутренней многоаспектности и сложности. Более того, существует целостная связь между свободным временем и туризмом, что подтверждает М. В. Соколова: «Туризм возможен лишь в свободное (досуговое) время человека (этим вопросам также посвящены труды Д. Рисмена, Ж. Урдэна, Ж. Дюмазедье, Г. Шельского, Б. А. Грушина), которое становиться достоянием масс лишь в XX в.»[14].

В исследования основных аспектов туризма, в особенности теоретической его основы и понятийного аппарата, легли труды А. Ю. Александровой, В. И. Азарова, М. Б. Биржакова, В. Г. Гуляева, А. С. Запесоцкого, В. А. Квартального, А. Д. Чудновского, М. В. Соколова, В. С. Сенина и др. В целом источники собственно по туризму весьма разнообразны и обусловлены направлением исследования.

Имеющая в своей основе впечатления, туристско-экскурсионная деятельность как самостоятельный и важнейший составной компонент туризма возникла в конце XVIII в. В настоящее время экскурсионная деятельность – самостоятельная социально-экономическая система, отрасль экономики непроизводственной сферы, занимающая по доходам третье место среди крупнейших экспортных отраслей экономики, уступая только нефтедобывающей промышленности и автомобилестроению. Экскурсионные услуги составляют значительную часть потребляемых населением услуг, при этом являясь автономно существующей отраслью социально-культурной сферы.

Основой для всей экскурсионной деятельности выступает экскурсоведение – современная «наука, изучающая сущность и формы экскурсий, историю их развития и совершенствования, методику разработки и проведения, педагогическую и психологическую стороны экскурсий»[15]. В общих чертах туристско-экскурсионная деятельность комбинирует экономический, культурологический, технический, политический, социальный, воспитательный, образовательный, эстетический, экологический факторы и глобализационный. Теоретический плацдарм экскурсоведения как науки включает экскурсионную историю, классификации экскурсий, экскурсионную методику, функции, задачи, признаки и технику проведения экскурсий, психолого-педагогические основы и другие составляющие, возникающие при совершенствовании теоретической системы экскурсоведения.

Необходимо отметить, что туристско-экскурсионная деятельность по своей сути вполне способна стать важнейшим элементом культуры досуга подростков, важной составляющей их личной культурно-досуговой деятельности. Обе деятельности – как туристско-экскурсионная, так и культурно-досуговая – обладают сходными качественными характеристиками: осуществляются в свободное время, по собственной инициативе личности, носят полезный, развлекательный характер, удовлетворяя духовные потребности личности. Обе деятельности можно рассматривать в неразрывной связи друг с другом как взаимодополняющие, неотъемлемые компоненты. Примером может служить само определение «экскурсия», предлагаемое Ю. А. Матюхиной: «Экскурсия (от лат. excursio – поездка) – широко распространенная форма коротких туристских мероприятий и во внутреннем, и в международном туризме. Экскурсия относится к познавательно-культурным мероприятиям и выполняет функции получения информации, расширения кругозора, организации культурного досуга и отдыха»[16].

Одно из первых (и широко распространенных сейчас) определений экскурсий дал И. М. Гревс в методическом сборнике «Экскурсии в культуру»: «Экскурсия – это, прежде всего, нечто более или менее экстренное (ex), выходящее из ряда школьной повседневности, расширяющее постоянное течение (основную линию) обычной школьной работы (cursus). Она представляет нечто заслуженное (подготовленное) и вследствие этого не может повторяться очень часто, во всяком случае, изо дня в день»[17]. Как видно из определения, сама трактовка понятия уже определена применительно к школьной среде, в которой подросток проводит большую часть своего бюджета времени.

Важно подчеркнуть, что при работе с подростками нужен специальный подход, технологизированный как с точки зрения психологии подростка, так и с позиции подростковой педагогики. Как известно, личность подростка характеризуется определенной сложностью в плане

имеющихся психофизиологических особенностей, кроме того, что особенно важно в контексте рассматриваемой проблематики, именно в подростковый период закрепляются как сама направленность, так и ценностные ориентации личности.

В настоящее время духовное, культурное, социальное формирование и особенно развитие личности во многом зависят от наполненности личностной досуговой сферы, важной составляющей которой, как указывалось выше, является туристско-экскурсионная деятельность. Общеизвестны разноплановые аспекты воздействия туристско-экскурсионной деятельности на личность подростка в отношении удовлетворения и, особенно, возвышения личностных культурных потребностей. Имеется в виду, во-первых, свобода в выборе предоставляемой досуговой деятельности, к которой прямо относится и ценностная ориентация личности. Во-вторых, социализация личности, возможность опосредованного воспитательного воздействия культуры досуга на формирование личности подростка в заданном направлении. Туристско-экскурсионная деятельность может являться самостоятельной организованной подсистемой общей системы социализации, воспитания и образования личности. «Экскурсии, путешествия, круизы, туризм как социально-культурная деятельность позволяют знакомиться с достоянием культуры народов: памятниками истории и культуры; архитектурой и дизайном; сценическим, пластическим, музыкальным искусством, творчеством, музейным делом; художественными народными промыслами и ремеслами, народной культурой (языки, диалекты и говоры, фольклор, обычаи и обряды, исторические топонимы)»[18]. Общественное воспитание школьников инструментами туристско-экскурсионной деятельности характеризует собой целесообразное, разумное, личностно ориентированное воздействие, представляющее собой систему помощи, которая востребована в период социализации, становления личности. Главное учесть необходимость построения наиболее оптимального воспитательного воздействия туристско-экскурсионной деятельности с обширным комплексом поставленных воспитательных задач и достаточно широким спектром разнообразных аспектов социализации отдельной личности.

Об огромной роли туристско-экскурсионной деятельности в деле воспитания и социализации подростков писали выдающиеся классики отечественного экскурсоведения: Б. В. Емельянов, Б. Е. Райков, Б. Н. Столяров, В. Ф. Касаткин, Н. В. Савина, В. А. Герд, И. М. Гревс, Н. А. Седова, Н. П. Анциферов, Н. К. Крупская, Ю. Н. Александров, Р. А. Дьякова, П. С. Пасечный и др., оставившие многочисленные литературные источники, затрагивающие различные аспекты экскурсионного дела.

Под экскурсией в настоящее время принято понимать коллективное посещение достопримечательных чем-либо объектов – местности, музеи, памятники культуры, предприятия. Экскурсию можно рассматривать как процесс деятельности, своеобразный метод приобретения знаний, контролируемый экскурсоводом. Туристско-экскурсионной деятельности как форме совершенствования культуры досуга присущи следующие факторы:

1) наличие свободного времени и материальных средств для отдыха;

2) большой и разнообразный выбор отдыха;

3) добровольность участия в экскурсионных мероприятиях;

4) зависимость отдыха от особенностей национально-этнических и региональных традиций;

5) учет общекультурных, познавательных, политических, социальных, профессиональных, бытовых и семейных интересов взрослых, молодежи и детей;

6) реализация в различных формах;

7) личностная направленность;

8) индивидуальность и коллективность;

9) целенаправленность;

10) культурные и воспитательные цели[19].

Формирование культуры досуга развивающейся личности средствами туристско-экскурсионной деятельности – практически идеальное заполнение свободного времени подростка, так как в процессе включения в эту деятельность реализуется наглядный процесс изучения подростком окружающего его мира. Именно потребность в усвоении культурных ценностей своего народа и иных культур стимулирует человеческую активность в усвоении культурно-образовательного потенциала экскурсионных мероприятий.

Свободное время, так же как и досуг подростка, является своеобразным мерилом «богатства» личности. В процессе вовлечения в процесс формирования культуры досуга, личность преображается культурно и духовно, трансформируя тем самым окружающую среду.

Как известно, свободное время необходимо для образования и воспитания, рекреации и творческой самореализации, равным образом оно необходимо для вовлечения в туристско-экскурсионную деятельность. Экскурсионный туризм как форма культурно-досуговой деятельности обладает самостоятельной значительной ролью, это и неотъемлемая форма гуманисти-

ческого, патриотического, интернационального воспитания, и процесс познания, воспитания, оздоровления, физического развития подростков. Данное положение основано на том, что именно туристско-экскурсионная деятельность «по своему содержанию, формам и целям многообразна и занимательна, эластична по срокам (длительности) и во времени в течение года, подвижна в пространстве с точки зрения выбора места отдыха и лишена стандартности в условиях отдыха»[20]. Благодаря этому, туристско-экскурсионная деятельность вписывается практически в любой уровень доходов, план внешкольной работы или безграничный круг интересов учащихся, которыми в основном определяется организация культурно-досуговой деятельности в школьных учреждениях. Экскурсионный туризм обладает мировоззренческой психолого-педагогической направленностью и благодаря реализации своих функций способен в значительной степени искоренять факторы, оказывающие негативное влияние на процессы формирования социально зрелой подростковой среды.

Непосредственно к функциям экскурсионного туризма можно отнести следующие функции: познавательная, воспитательная, рекреационная, коммуникативная, идеологическая, стимулирующая и функция организации досуга. Необходимо обозначить, что из всего спектра функций экскурсионной деятельности мы, прежде всего, стремимся выделить функцию совершенствования культуры досуга, которой, нередко, либо не отводится должного места во многих существующих учебных пособиях по рассматриваемой проблематике, либо она рассматривается там в самую последнюю очередь.

В процессе анализа экскурсионной деятельности как средства формирования культуры досуга одним из основополагающих положений для нас стало утверждение Ю. А. Матюхиной: «Экскурсия – один из главных аспектов культурно-досуговой деятельности, т. е. свободного времени человека»[21]. Ю. А. Матюхиной выделено несколько типов форм досуга, к которым непосредственно относится экскурсия и большая часть которых может вполне обосновано быть применена к школьной среде:

– культурно-художественная (посещение художественных музеев, галерей);

– образовательная (познавательные экскурсии);

– природно-рекреационная (экскурсии по природным паркам, экологические туры);

– спортивно-зрелищная (экскурсии с включением посещений спортивных мероприятий);

– любительская (хобби-туры, экскурсии на природу с рыбалкой и охотой);

– развлекательная (театрализованные, интерактивные экскурсии и экскурсии с элементами анимации)[22].

Подростку необходимо подать руку помощи в процессе его определения предпочтительных видов досуговой деятельности. Для благоприятного и наиболее полноценного формирования личности подростка предлагаемые ему формы досуга должны оптимально соотноситься с силами и возможностями подростка. Иначе, вследствие неправильно выбранной организатором внешкольной работы стратегии и методики организации туристско-экскурсионной деятельности, подросток не достигнет решения программно поставленных воспитательных задач.

При всем понимании того, что полностью деятельностью в свободное время подростка в гражданском обществе управлять практически невозможно, не теряя при этом ряда качественных свойств, присущих собственно гражданскому обществу, тем не менее необходимо отметить, что непрямое, целенаправленное и корректное влияние на эту деятельность социально необходимо. Особенно решительно к данному положению относился Д. И. Фельдштейн: «Внешне задаваемая, педагогически «навязываемая» подростку социально признаваемая и социально одобряемая полезная обществу деятельность формирует адекватную ей мотивационно-потребностную сферу, так как, с одной стороны, отвечает ожиданиям растущего человека, его потенциям, с другой – предоставляет ему практику для развития самосознания, формируя нормы его жизнедеятельности»[23]. Именно в подростковом возрасте должно быть наиболее оптимальное, корректное и, что особенно важно, профессиональное педагогическое воздействие на мотивационно-потребностную сферу подростка, так как в подростковом периоде он проходит важнейший путь от приобщения себя к обществу (10–11 лет), через самоопределение (12–13 лет) до выбора идентифицированной социальной позиции (14–15 лет), впрямую определяя тем самым свою социальную позицию и тем самым косвенным образом влияя как на личностные социальные перспективы, так и на общественные.

Дифференцированный подход, имеющий под собой учет социально-психологических особенностей участников, чрезвычайно важен в организации экскурсионного туризма школьников. Подростки имеют разное социальное происхождение, различные семьи, относятся к разным культурным традициям, имеют различные гендерные, психические, религиозные «особенности», или, иными словами, различные социально-демографические и социально-культурные характеристики.

Центральный компонент самой туристско-экскурсионной деятельности как одного из видов культурно-досуговой деятельности – **цель**. Не существует какой-то определенной, стандартизированной цели, каждый включенный в туристско-экскурсионную деятельность субъект самостоятельно определяет ее для себя, исходя из своих представлений, возможностей, желаний и ценностей.

В контексте исследования экскурсионного туризма как средства совершенствования культурно-досуговой деятельности школьников следует проанализировать классификацию экскурсий, что позволит эффективно и более точно определить специфику технологизации этой деятельности собственно для подростков. «Классификация экскурсий обеспечивает условия для лучшей организации работы экскурсоводов, облегчает их специализацию с учетом знаний и личных склонностей экскурсоводов. Использование закономерностей проведения экскурсий конкретной группы способствует тому, чтобы каждая экскурсия становилась более эффективной… Классификация – распределение каких-либо однородных предметов или понятий по классам, отделам и т. п. согласно определенным признакам»[24]. Разделение экскурсий на определенные виды (признаки) особо важно в современных социально-культурных условиях. Разделение дает возможность сконструировать методику ведения экскурсий, отвечающую всем требованиям организации экскурсионной деятельности для школьных групп, более того, классификация туристско-экскурсионной деятельности регламентирует сами действия организаторов, позволяющие контролировать как саму методику, так и ее содержание в процессе проведения экскурсий.

Процесс разделения экскурсий на виды и подвиды напрямую зависит от признаков, присущих экскурсионной деятельности. И. В. Зорин и В. А. Квартальнов в «Энциклопедии туризма» определили элементы (признаки) экскурсии следующим образом: «продолжительность проведения (от одного академического часа до одних суток); наличие экскурсантов; наличие экскурсовода; показ экскурсионных объектов, первичность зрительных впечатлений; передвижение участников экскурсии по заранее составленному маршруту; целенаправленность показа объектов, рассказа экскурсовода; наличие определенной темы»[25]. Вместе с тем утверждена другая классификация, принятая в 70-х гг. XX столетия Центральным советом по туризму и экскурсиям Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов, которая неизменна по сей день: по содержанию, составу участников, месту проведения, способу передвижения, форме проведения, количеству участников.

Тем не менее нельзя не отметить и то обстоятельство, согласно которому те признаки, которыми обладала экскурсия еще в первой половине XX в., в настоящее время отчасти утратили свою актуальность. В современном обществе основные признаки экскурсии характеризуют не так строго, и они подвержены корректировкам, иногда весьма значительным (например, количество участников в экскурсионной группе, активная деятельность участников, целенаправленность показа объектов). Так или иначе в экскурсионной теории признаки и подвиды экскурсий в последние годы подвергаются регулярным изменениям – в рамках экскурсионного туризма возникают новые тенденции и направления: событийный, сельский, гастрономический, этнотуризм, в результате чего нередко многие литературные источники в сфере туристско-экскурсионной деятельности нередко предлагают новые классификации, основываясь на тех или иных новых или стандартных признаках.

Таким образом, включение подростков в туристско-экскурсионную деятельность является достаточно эффективным и, что немаловажно, перспективным средством в вопросах совершенствования культуры досуга школьников, в результативном рассмотрении различных аспектов проблем, связанных с развитием новых форм общения, социализации подростков, что позволяет выявлять и более полноценно учитывать индивидуальные различия самих подростков, тем самым в значительной степени придавая организации досуга школьников персональную направленность.

В результате применения технологий туристско-экскурсионной деятельности будет происходить активизация самого процесса формирования широкого спектра наиболее ценных как в социальном, так и в индивидуальном, личностном аспектах нравственных качеств развивающейся личности. Правильно организованная туристско-экскурсионная деятельность с подростками должна стать неотъемлемой частью их жизни, вследствие чего будет не только «оживлен» в значительной степени угасший в школе процесс познания и воспитания, но также будет активно совершенствоваться сама подготовка подростка к взрослой жизни, формирование позитивной направленности его интересов, будет разумно организовано его свободное время, синтез содержательных и деятельностных аспектов которого будет в значительной степени соответствовать оптимальным для имеющего историческую перспективу социума критериям культуры досуга подрастающего поколения.

Примечания

[1] Киселева Т. Г. Д. С. Лихачев // Мир гуманитарной культуры академика Д. С. Лихачева: II междунар. Лихачев. науч. чтения. Санкт-Петербург, 23–24 мая 2002 г. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2003. С. 19.

[2] Жарков А. Д. Теория и технология культурно-досуговой деятельности: учеб. для студ. вузов культуры и искусств. М.: Изд. Дом МГУКИ, 2007. С. 90.

[3] Там же. С. 70.

[4] Культурный туризм: конвергенция культуры и туризма на пороге XXI в.: учеб. пособие / под ред. Я. Брауна, В. Андерсен, В. Гордина. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2001. С. 17.

[5] Жарков А. Д. Указ. соч. С. 70.

[6] Орлов Г. П. Свободное время и личность. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1983. С. 45.

[7] Максютин Н. Ф. Культурно-досуговая деятельность: учеб. пособие. Казань: Медицина, 1995. С. 140.

[8] Дюмазедье Ж. На пути к цивилизации досуга // Вестн. МГУ. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1993. № 1. С. 83–88.

[9] Головина Г. В. Культура досуга и культурное формирование личности // Вестн. МГУКИ. 2011. № 1 (39). С. 106.

[10] Жарков А. Д. Указ. соч. С. 68.

[11] Ариарский М. А. Социально-культурная деятельность как предмет научного осмысления. СПб.: Концерт, 2008. С. 680.

[12] Суртаев В. Я. Социология молодежного досуга. СПб.; Ростов н/Д: Гефест, 1998. С. 28.

[13] Котельникова Н. В. Инновационные тенденции в сфере молодежного досуга в современной России: автореф. дис. … канд. социол. наук: 22.00.06. Ставрополь: Ставропол. гос. ун-т, 2003. С. 19–20.

[14] Соколова М. В. Туризм как культурно-исторический феномен: автореф. дис. … д-ра культурологии: 24.00.01. М., 2007.

[15] Матюхина Ю. А., Мигунова Е. Ю. Экскурсионная деятельность: учеб. пособие. М.: Альфа-М: Инфра-М, 2011. С. 12.

[16] Там же. С. 16.

[17] Экскурсии в культуру: метод. сб. / под. ред. И. М. Гревса. М.: Мир, 1925. С. 11–12.

[18] Барчуков И. С., Башин Ю. Б., Зайцев А. В., Баумгартен Л. В. Экскурсионная деятельность в индустрии гостеприимства: учеб. пособие для вузов / под общ. ред. Ю. Б. Башина. М.: Вузов. учеб.: Инфра-М, 2012. С. 6.

[19] Там же. С. 8.

[20] Касаткин В. Ф. Факторы развития и общественное значение туризма: учеб. пособие. М.: Турист, 1983. С. 67.

[21] Матюхина Ю. А., Мигунова Е. Ю. Указ. соч. С. 22.

[22] Там же. С. 22–23.

[23] Фельдштейн Д. И. Закономерности развития деятельности как основа развития личности: хрестоматия по возрастной психологии. М.: Ин-т практ. психологии; Воронеж: МОДЭК, 1998. С. 200.

[24] Долженко Г. П. Экскурсионное дело: учеб. пособие. М.; Ростов н/Д: МарТ, 2005. С. 53. (Сер. Туризм и сервис).

[25] Зорин И. В. Квартальнов В. А. Энциклопедия туризма: справ. М.: Финансы и статистика, 2003. С. 335.

БИБЛИОТЕКОВЕДЕНИЕ, БИБЛИОГРАФОВЕДЕНИЕ И КНИГОВЕДЕНИЕ

Library science, Bibliography, Bibliology

УДК 002

Р. С. Гиляревский

О возникновении и развитии информатики в России

Личные впечатления и воспоминания автора о введении в русский язык термина «информатика» и некоторые соображения о дальнейшем развитии научной дисциплины, названной этим термином.

Ключевые слова: информатика, информация

Rudzhero S. Giliarevski

On beginnings and development of the Informatics in Russia

Personal impressions and reminiscences on development of Russian term «Informatics» and some reflections on its further development.

Keywords: informatics, information

Наша работа проходит в секции «Библиотеки в системе профессиональных коммуникаций: к 50-летию кафедры информационного менеджмента»[1], поэтому жанр личных впечатлений и воспоминаний вполне оправдан. Когда пройдет достаточное время, тема эта будет излагаться объективно и беспристрастно. Но мне хотелось бы изложить мою позицию в этом вопросе, тем более, что я один из тех трех людей, наряду с А. И. Михайловым и А. И. Черным, которые ввели термин «информатика» в русский язык[2]. Впоследствии мы выяснили, что этот термин до нас предлагал профессор Московского энергетического института Ф. Е. Темников в качестве названия дисциплины по измерительной технике[3].

В 1965 г. мы издали монографию «Основы научной информации», которая имела большой успех у нас в стране и за рубежом. Он был вызван не столько ее особыми достоинствами, сколько необходимостью в такой книге. В СССР создавалась государственная система научно-технической информации, в которую пришли молодые инженеры, нуждавшиеся в теоретической подготовке для новой деятельности. За рубежом обобщающие монографии по научно-информационной деятельности уже вышли из моды, поскольку специалисты перешли к исследованию конкретных проблем информатики, таких как информационный поиск, информационные потребности, индексирование и т. п. Мы как неофиты не посчитались с этим и создали обобщающую монографию, которая, как выяснилось, была востребована не только у нас, но и за рубежом.

Ее критика была направлена, в основном, на название новой дисциплины, поскольку считалось (по-моему, не очень оправданно), что она не должна совпадать с объектом исследования, т. е. научной информацией. Среди критиков выделялись два выдающихся ученых – радиофизик член-корреспондент АН СССР В. И. Сифоров (1904–1993) и физик профессор Я. Г. Дорфман (1898–1974). Они и предложили нам этот новый термин «информатика», составленный из укороченных слов «информация» и «автоматика». Эволюция содержания этого термина хорошо прослежена А. В. Соколовым в его новой монографии[4] и частично в его сегодняшнем выступлении. В этом тексте я придерживаюсь следующего его понимания.

Информатика – научная дисциплина, изучающая структуру и общие свойства семантической информации, закономерности процессов ее функционирования в обществе. Она является теоретической базой информационной технологии, которую часто отождествляют с информатикой. Информация понимается здесь как смысл, смысловое содержание тех сообщений, которое один человек передает другому или другим людям. Это означает, что информация присуща только человеку, им создается и распространяется, что она представляет собой человеческую мысль, идею, которая является идеальной субстанцией и выражается на языке понятий.

Возникновение информатики относится к 1895 г., когда Поль Отле и Анри Лафонтен на Международном библиографическом конгрессе в Брюсселе провозгласили необходимость создания документации. Она, по их мнению, была призвана в дополнение к библиотечной и библиографической деятельности непосредственно обеспечивать специалистов необходимыми им сведениями. П. Отле до конца жизни прилагал усилия для реализации своих идей. Его «Трактат о Документации» переведен на многие языки мира[5]. Созданная им Универсальная десятичная классификация широко используется в библиотеках. Лишь в 1950-е гг. после создания

кибернетики Н. Винером термин **документация** стал заменяться **информацией**.

В России к этой деятельности всегда относились со вниманием. Труды П. Отле в 1920-е гг. издавались по-русски. Б. С. Боднарский был лично знаком с ним и переписывался по-французски. Рассказывают, что иногда их письма целиком состояли из индексов УДК – так велико было их убеждение, что на этом языке можно выразить любое понятие. В. И. Ленин специальным декретом ввел использование УДК в российских библиотеках. Однако термин **информация** у нас в 1950-е гг. был принят не сразу. Управление обществом считалось прерогативой марксизма-ленинизма, а кибернетика – буржуазным лжеучением. Лишь осознание значения идей кибернетики для обороны страны вынудило партийных идеологов поставить их на службу коммунизму.

В 1952 г. химик А. Н. Несмеянов (1899–1980), возглавлявший тогда Академию наук СССР (1951–1961), основал Институт научной информации. Подводя итоги своей деятельности, он назвал создание этого института одним из двух (наряду со строительством нового здания МГУ им. М. В. Ломоносова) важнейших дел своей жизни[6]. В 1956–1986 гг. директором этого института был А. И. Михайлов (1906–1987), который считал, что для успешной научно-информационной деятельности в стране нужна научная дисциплина, которую поначалу назвали **научной информацией**.

Будучи крупным государственным деятелем, А. И. Михайлов понимал, что для того, чтобы конституировать новую научную дисциплину, нужно заявить о ней весомой книгой. В то время в академии был популярен жанр **проблемных записок**, в которых обсуждались новые проблемы науки. Для создания такой **записки** в институте был создан творческий коллектив из полутора десятков человек под руководством заместителя директора по науке известного физика Д. И. Воскобойника. Однако, несмотря на интенсивную работу коллектива и создание двух версий такого документа, А. И. Михайлов остался им неудовлетворен и решил написать монографию. Для этой цели он привлек А. И. Черного и меня. Мы писали эту книгу вдвоем, но от имени Михайлова. От своего имени мы в то время не решились бы на многие в ней высказывания. А он − главное лицо в стране, ответственное за научно-техническую информацию (председатель совета по этой государственной системе и директор ее головного института) – мог многое себе позволить.

А. И. Черный после окончания Института восточных языков (где он учился вместе с будущими писателем Юлианом Семеновым и государственным деятелем Е. М. Примаковым) пришел в ВИНИТИ (тогда ИНИ АН СССР) в 1952 г. и проработал в нем до 18 мая 2011 г., когда вынужден был уйти по болезни. Он ученый особого склада, обладающий широкой эрудицией и организованностью мышления. В 1958 г. он вместе с А. И. Михайловым был в Вашингтоне на Международной конференции по научной информации, а в 1962 г. в качестве стажера ЮНЕСКО провел полгода в США, Великобритании, Франции и Швейцарии. Он лично познакомился с корифеями информационных наук того времени, результатами их исследований, изучил их труды. Эти его знания легли в основу создаваемой книги.

После двух **проблемных записок**, называвшихся «Научная информация», вышла в 1965 г. наша монография «Основы научной информации», наделавшая много шума у нас и за рубежом. Дальнейшее развитие научных исследований в ВИНИТИ сосредоточилось на создании информационно-поисковых систем, автоматизированной системы «Ассистент» и построении государственной системы НТИ[7]. Проблемы информатики продолжали разрабатываться в рамках нашего авторского коллектива. Особую роль в развитии информатики в стране сыграли и продолжают играть коллективы института/университета, в котором проходит данная конференция, в особенности создание концепции социальной информатики (А. В. Соколов).

Любопытно отметить, что в ВИНИТИ, который на протяжении многих лет был самым крупным центром научного реферирования в мире, эта его деятельность не пользовалась вниманием исследователей в стенах института. На основе реферативной деятельности ВИНИТИ изучение теории научного реферирования (В. П. Леонов), документальных потоков на основе РЖ ВИНИТИ (Д. Ю. Теплов, Л. В. Зильберминц) – исключительная заслуга ученых СПбГУКИ. Как убедительно доказывает Т. В. Захарчук, вокруг этих исследований создана научная школа.

Не могу не остановиться на том, как этот термин понимается у нас сейчас. За рубежом, особенно во Франции и Германии, он привился для обозначения компьютерной техники и информационной технологии. Англоязычные страны чаще всего пользуются термином **Library and Information Science** (Библиотечно-информационная наука). Международная федерация по обработке данных приняла франко-немецкую трактовку термина **информатика**. В России ее ввел академик А. П. Ершов, впервые заявив об этом в предисловии к переводу книги Бауэра

и Гооза[8]. Такой научной дисциплины, которая имела бы предметом исследования умения пользоваться техническими средствами, быть не может. Это так же странно, как если бы астрономия была наукой об использовании телескопа, а биология – микроскопа.

Перенос термина **информатика** на область использования компьютеров, а затем и информационных технологий в различных сферах деятельности надолго задержал развитие собственно информатики, интерес к которой только теперь начал возрождаться. Современное состояние информатики характеризуется бесперспективными попытками объединить или хотя бы согласовать ее философскую, семантическую, социальную, технологическую, компьютерную и другие интерпретации (К. К. Колин, А. Д. Урсул, Ю. Ю. Черный и др.). Более значимыми и теоретически важными мне представляются предложения по согласованию терминологии в разных аспектах информатики, высказанные И. М. Зацманом в рамках семинара «Методологические проблемы наук об информации», работающего в ИНИОН.

Примечания

[1] Выступление 5 марта 2012 г. на Всероссийской научно-методической конференции «Studium: технологии и традиции гуманитарного образования» в СПбГУКИ.

[2] Михайлов А. И., Черный А. И., Гиляревский Р. С. Информатика – новое название теории научной информации // НТИ. 1966. № 12. С. 35–39.

[3] Темников Ф. Е. Информатика // Изв. высш. учеб. заведений. Электромеханика. 1963. № 11. С. 1278.

[4] Соколов А. В. Философия информации: профес.-мировоззрен. учеб. пособие. СПб.: Изд-во СПбГУКИ, 2010. 368 с.

[5] Отле П. Библиотека, библиография, документация: избр. тр. пионера информатики / Рос. гос. б-ка; пер. с англ. и фр., предисл., сост., коммент. Р. С. Гиляревского. М.: Фаир-Пресс: Пашков дом, 2004. 350 с.

[6] Несмеянов А. Н. На качелях XX в. М.: Наука, 1999. С. 151–154.

[7] Черный А. И. Всероссийский институт научной и технической информации: 50 лет служения науке. М.: ВИНИТИ, 2005. 408 с.

[8] Бауэр Ф. Л., Гооз Г. Информатика: ввод. курс: в 2 т. М.: Мир, 1975.

УДК 378.016:002

А. В. Соколов

Приключения Информации на библиотечном факультете

Рассмотрена история становления и развития информационных курсов на библиотечно-информационном факультете Санкт-Петербургского университета культуры и искусств.

Ключевые слова: информация, информатика, библиография, библиотечное образование

Arkadiy V. Sokolov

Adventures of Information in Library Faculty

A history of conception and development the information courses in Saint-Petersburg Library and Information Faculty are discussed.

Keywords: information, informatics, bibliography, library education.

Приключения Информации на библиотечном факультете можно представить в виде семи драматургических эпизодов: 1) неофициальный визит; 2) официальное пришествие; 3) раздвоение информатики; 4) информатизация библиографии; 5) растроение информатики; 6) информатизация библиотечного образования; 7) разбиблиотечивание библиотечного образования. Начну в хронологическим порядке.

1. Неофициальный визит

В Ленинградском государственном институте культуры имени Н. К. Крупской первооткрывателями информации стали библиографы, которые сосредоточились на кафедре технической литературы, образованной в 1962 г. Кафедру возглавлял Иван Андреевич Мохов (1906–1968), а главными носителями информационных флюидов были Людмила Вениаминовна Зильберминц (1909–1972) и Даниил Юрьевич Теплов (1924–1979). Д. Ю. Теплов в 1962 г. опубликовал монографию «Информационно-техническая библиография в СССР», где видное место занимал «Реферативный журнал ВИНИТИ», а Людмила Вениаминовна пригласила Информацию в лице молодых и эрудированных сотрудников ВИНИТИ пожаловать на библиотечный факультет с неофициальным, так сказать, визитом. Частым и всегда желанным гостем на кафедре стал Руджеро Сергеевич Гиляревский, большое впечатление оставил цикл лекций Эрлена Соломоновича Бернштейна, прочитанный в 1963 г., весьма познавательны были встречи с В. С. Чернявским и Д. Г. Лахути, создателями первой в мире автоматической дескрипторной системы «Пусто–Непусто». С 1964 г. в факультативном порядке началось чтение курса «Научная информация» для студентов кафедры технической литературы.

В качестве основного источника сведений об Информации использовался сборник «Научно-техническая информация», который издавался ВИНИТИ с 1961 г., а главным учебным пособием был капитальный труд А. И. Михайлова, А. И. Черного и Р. С. Гиляревского «Основы научной информации» (М.: Наука, 1965. 655 с.). Выход в свет второй монографии тех же авторов под заглавием «Основы информатики» (М.: Наука, 1968. 756 с.) знаменовал важнейшее событие в мире Информации – становление информационной науки. Монографии А. И. Михайлова, А. И. Черного и Р. С. Гиляревского произвели потрясающее впечатление на библиотечную интеллигенцию академическим научным уровнем, логичностью, терминологической строгостью, новизной проблематики и, самое удивительное, – необыкновенной, даже вызывающей идеологической раскованностью. Кафедра технической литературы поголовно, включая лаборантов, сделалась коллективным поклонником информатики, а доцент Д. Ю. Теплов объявил в кулуарах: «Я – информатик!».

2. Официальное пришествие

В 1960-е гг. партия и правительство неустанно заботились о развитии научно-технической информации в Советском Союзе. Наглядным проявлением этой заботы стала серия правительственных постановлений, посвященных формированию Государственной системы научно-технической информации (ГСНТИ) в качестве новой отрасли народного хозяйства. Руководство советской культурой

всегда чутко реагировало на политические новации и не сочло возможным остаться в стороне. Альтруистически помышляя не о ведомственных, а о государственных интересах, Министерство культуры РСФСР, затем и соответствующие министерства других союзных республик, приступили к подготовке квалифицированных кадров для новоявленной информационной отрасли. Во второй половине 1960-х гг. на библиотечных факультетах институтов культуры были учреждены кафедры научной (научно-технической) информации, которым поручалось преподавание курса «Научная информация» всем студентам, включая отделение детских библиотек. Первой кафедрой такого рода стала кафедра научной информации, образованная в октябре 1967 г. в Ленинградском государственном институте культуры имени Н. К. Крупской. Затем аналогичные кафедры появились в Московском и Кемеровском, Киевском и Минском, а также в других вузах культуры. Теперь Информация официально была включена в систему профессионального библиотечного образования, и, естественно, встал вопрос о ее месте и роли в этой системе.

3. Раздвоение информатики

Никакой другой информации, кроме научной, мы в 1960-е гг. не знали и ученически повторяли вслед за основоположниками информатики: информация – «полученная в процессе познания логическая информация, которая адекватно отображает явления и законы природы, общества и мышления и используется в общественно-исторической практике». Мы увлеченно рассказывали о научно-информационной деятельности, дескрипторном информационном поиске, всесоюзных, отраслевых, территориальных и местных органах НТИ. Студенты, да и коллеги с других кафедр библиотечного факультета очарованно внимали нашим речам.

Однако в узком кругу на кафедре научной информации ЛГИК мы иногда задумывались: зачем будущим библиотекарям детских, сельских и районных библиотек надлежит изучать структуру и свойства научной информации и закономерности научно-информационной деятельности, если им не суждено трудиться в сфере науки? К тому же основоположники информатики решительно заявляли, что библиотеки и органы информации – **два качественно различных института** современного общества, созданные для удовлетворения **различных** его потребностей. Стало быть, научная информация противопоказана библиотечным мозгам. Короче говоря, совесть вопрошала: ту ли информатику вы преподаете на библиотечном факультете?

Нас беспокоила замкнутость нашего учебного курса в области научно-технической информации, ведь библиотеки имеют дело с публицистической, художественно-эстетической, экономической, наконец, просто обыденной информацией. При всей авторитетности науки как социального института мы не могли ограничиваться рамками научной коммуникации. Выход виделся в перерастании теории научной информации в теорию социальной информации. В связи с этим кафедра сменила свое название: вместо кафедры научной информации она стала называться «кафедрой информатики» (без уточнения, какая информатика имеется в виду). Таким образом, произошло **раздвоение** Информации как предмета изучения на библиотечном факультете: наряду с классической информатикой, которую правомерно назвать «научной», появилась **социальная информатика**, которую мы иногда именовали «библиотечной информатикой»[1].

Наша концепция социальной информатики исповедовала информационный подход к любым библиотечно-библиографическим явлениям, к документным коммуникациям, к социальной коммуникации во всем ее многообразии. Дальнейшее углубление в проблематику социальной информатики показало, что она не может быть прикладной, практически ориентированной научной дисциплиной, подобной библиотековедению, библиографоведению или научной информатике; она должна стать **обобщающей метатеорией**, раскрывающей общие закономерности социальной коммуникации. Между обобщающей теорией и прикладными дисциплинами устанавливается отношение «обобщающая наука – частные науки», которое состоит в том, что обобщающая наука черпает из частных наук идеи и факты, необходимые для выработки обобщений, а частные науки используют эти обобщения для развития своего теоретического аппарата и, значит, для разрешения своих прикладных задач. Формирование обобщающей теории нельзя понимать так, будто лежащие в ее основе прикладные дисциплины должны потерять свое значение и отмереть. Если они отомрут, то отомрет и обобщающая теория, ибо «обобщать» будет нечего. С другой стороны, невозможно автономное существование обобщающей и прикладных наук, так как их развитие взаимосвязано и взаи-

мозависимо. Концепция социальной информатики была развернуто и аргументировано изложена в учебном пособии «Основные проблемы информатики и библиотечно-библиографическая работа», подготовленном кафедрой и изданном ЛГИК в 1976 г.[2]

Дидактическое достоинство обобщающей теории виделось в том, что она позволяет исключить дублирование и противоречивость содержания специальных курсов на библиотечном факультете. Библиотечно-библиографические дисциплины продолжают изучать библиотечные и библиографические закономерности, а объектом социальной информатики является социальная информационная суперсистема в целом со своими структурами и взаимосвязями. Однако эта толерантная схема не была принята ни основоположниками научной информатики, ни их постоянными оппонентами-библиотековедами. Первые опасались чрезмерного расширения объекта информатики за пределы ГСНТИ, а вторых пугала перспектива поглощения библиотековедения агрессивной информатикой.

4. Информатизация библиографии

Информатизация библиографии началась с выхода в свет в 1975 г. монографий О. П. Коршунова и А. И. Барсука[3]. Авторы пришли к выводу, что «всеобщая сущность библиографии» заключается в понятии библиографической информации. Библиографическая деятельность стала пониматься как разновидность информационной деятельности, а библиографоведение – как одна из дисциплин информационно-коммуникационного цикла. Библиографоведы кафедры технической литературы взяли на вооружение методологию научной информатики и посвятили свое творчество мониторингу первичных и вторичных информационных потоков, рассеянию информации в разных отраслях науки и техники, содержательному анализу источников информации, библиометрии, информационному маркетингу, информационному менеджменту и прочей актуальной проблематике научно-технической и гуманитарной информации. Я полагаю, что есть основания школу Зильберминц – Минкиной, сформировавшуюся на библиотечном факультете ЛГИК, назвать «информационно-библиографической школой».

5. Растроение информатики

Приключения Информации на библиотечном факультете не ограничились раздвоением информатики на научную ипостась и социальную ипостась. В 1983 г. к ним добавилась еще одна, **информационно-технологическая** ипостась, воплощенная в концепции компьютерной (кибернетической) информатики. В результате получилось **растроение** информационной науки.

В Академии наук СССР было образовано Отделение информатики, вычислительной техники и автоматизации. Одновременно в средней школе появился учебный предмет «Информатика и вычислительная техника», обучающий основам программирования и использования компьютеров. Под информатикой стали понимать не общественную, а техническую дисциплину, изучающую проектирование и эксплуатацию автоматизированных информационных систем. Естественно, новое понимание информатики не могло пройти мимо вузов культуры. В качестве идеолога компьютерной информатизации библиотечного факультета выступила кафедра научно-технической информации МГИК, возглавляемая доктором технических наук Константином Васильевичем Таракановым (род. 1919). Москвичи разработали учебное пособие «Информатика» (М.: Книга, 1986. 304 с.), где целевая направленность курса формулировалась четко и ясно: «Будущие специалисты – библиотекари-библиографы должны получить знания и навыки, достаточные для умения поставить задачи по автоматизации библиотечных процессов, формализовать их, составить алгоритм и разработать несложные программы»[4]. Новое пособие полностью игнорировало научные и социальные интерпретации и утверждало понимание информатики как «широкого использования вычислительной техники и других технических средств». Несомненное его достоинство состояло в соответствии технократическим взглядам, которые возобладали в Академии наук и Минвузе в 1980–1990-е гг. Учебные планы библиотечных факультетов были переориентированы с научной информатики на компьютерную информатику, и началось внедрение компьютерных технологий в учебный процесс вузов культуры.

Надо обратить внимание на то, что концепция научной информатики продолжала свое развитие. В 2006 г. один из основоположников научной информатики Р. С. Гиляревский предложил следующую дефиницию: «**Информатика** – научная дисциплина о структуре, общих свойствах и закономерностях представления, передачи и получения информации, которая понимается как идеальная субстанция – смысл, интерпретация сообщения,

заключенного в материальных данных»[5]. Эта дефиниция свидетельствует о перерастании научной информатики в **семантическую информатику**, предметом изучения которой является не только научная информация и научно-информационная деятельность, но и структура и свойства всех семантических (смысловых) сообщений и закономерности их создания, движения в социальном времени и пространстве и понимания членами общества. Монографию «Информатика как наука об информации», подготовленную Р. С. Гиляревским и его единомышленниками[6], можно считать стартовой вехой становления семантической информатики. Концепция социальной информатики послужила отправным пунктом для разработки философских проблем информации[7].

6. Информатизация библиотечного образования

В 1990-е гг. педагоги библиотечной школы вели интенсивные поиски путей модернизации библиотечного образования, которые воплотились в Государственном образовательном стандарте по специальности 052700 – Библиотечно-информационная деятельность, утвержденном в феврале 2003 г. Содержание этого стандарта изложено в сборнике нормативных документов и учебно-методического обеспечения, изданном в 2005 г.[8] Согласно стандарту, из лона библиотечной школы должны выходить а) **менеджеры**, соответствующие требованиям либерально-демократической рыночной экономики; б) **технологи-организаторы** автоматизированных библиотечно-информационных систем; в) **референты-аналитики**, владеющие искусством свертывать и развертывать информацию, извлекать и синтезировать явно не выраженные смыслы сообщений; г) **библиотекари-библиографы**, носители жизнеспособных традиций книжной культуры, но модернизированных в духе XXI в. Именно эти четыре квалификации были предусмотрены новым образовательным ГОСТом, созданным коллективом педагогов-новаторов Московского, Петербургского и Кемеровского университетов культуры.

Радикальная информатизация библиотечного образования заключалась в следующем: во-первых, включение в состав общепрофессиональных дисциплин неадаптированных к библиотечно-библиографической сфере курсов «Информатика» и «Информационные технологии», в тематических планах которых термин «библиотека» не употреблялся вообще; во-вторых, стандартизация трех нетрадиционных квалификаций, имеющих сильную информационно-технологическую окраску, и ликвидация квалификации «библиотекарь-педагог», рассчитанной на подготовку специалистов детского чтения; в-третьих, исключение из федерального компонента гуманитарных и социально-экономических дисциплин курса «Литература (литературоведение)» и ослабление исторического компонента, например, историю библиотечного дела было решено не изучать. Почему будущие специалисты в области библиотечно-информационной деятельности не должны знать историю библиотек и библиотечного дела? Я могу объяснить это только тем, что они предназначались для пополнения не библиотечной, а какой-то иной профессии.

Нетрудно представить плоды радикальной информатизации высшей библиотечной школы. Подготовить полноценных технологов автоматизированных библиотечно-информационных систем, референтов-аналитиков или менеджеров информационных ресурсов невозможно только за счет специальных дисциплин; нужна соответствующая общенаучная база, т. е. математическая, радиоэлектронная, логико-лингвистическая подготовка, которая не предусмотрена образовательным стандартом. Получатся прилежные исполнители, а не творческие разработчики и организаторы. Хорошие исполнители, конечно, тоже нужны, но их должна готовить средняя, а не высшая школа. В итоге радикальная информатизация университетов культуры приведет к тому, что из высших учебных заведений они превратятся в информационные техникумы, распространяющие вузовские дипломы. Откровенно говоря, я оцениваю информатизацию такого рода как варварскую технократическую диверсию. Что дальше?

7. Разбиблиотечивание библиотечного образования

Технократическая информатизация библиотечного образования привела к тому, что в 2003 г. в России не осталось ни одного библиотечного факультета: в восьми вузах, в том числе, в Санкт-Петербургском, Краснодарском, Казанском университетах культуры и искусств библиотечные факультеты были переименованы в «библиотечно-информационные» или «информационно-библиотечные», Кемеровский ГУКИ трансформировал библиотечный факультет в факультет информаци-

онных технологий. В структуре Московского государственного университета культуры и искусств (МГУКИ) был образован Библиотечно-информационный институт (БИИН), объединивший факультет информационных ресурсов и факультет библиотековедения, библиографии и информатики. Налицо явный вектор движения библиотечной школы от книжной культуры к культуре информационной, от библиотечно-библиографических фондов и справочных аппаратов к информационным ресурсам и информационным сетям.

К сожалению, знакомство с принятым в 2010 г. Федеральным государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) по направлению подготовки 071900 Библиотечно-информационная деятельность, квалификации «бакалавр» или «магистр» показывает, что технократические приоритеты остаются в силе, а гуманистическое просвещение в загоне. Экстраполяция этой тенденции убеждает, что в ближайшем будущем гибридная библиотечная школа должна перейти в новое качество и превратиться в информационную школу, естественным образом закончив свой жизненный цикл[9].

Впрочем, процесс окончательного разбиблиотечивания библиотечно-информационных учреждений уже пошел. В феврале 2012 г. Ученый совет БИИН решил переименоваться в Институт информационных коммуникаций. На мой взгляд, самоликвидация библиотечной школы – поступок безнравственный и политически непродуманный. Почему? Главная угроза национальной безопасности России – дегуманизация общества, которая ведет к вырождению народа. Библиотеки являются держателями основных гуманистических ресурсов, поэтому забота об укреплении и развитии библиотечной системы должна стать важнейшим направлением государственной культурной политики. Исключение слова «библиотечный» из наименования структурного подразделения Университета, отвечающего за подготовку библиотечных кадров, представляет собой не безобидное терминологическое упражнение, а свидетельство технократического перекоса в педагогической деятельности и служит отказом от гуманистической миссии ради эгоистического корыстолюбия. Наивно рассчитывать на то, что выпускники информационного вуза пополнят редеющие и стареющие ряды библиотекарей-гуманистов. Оцифрованные информационные фонды с дистанционным доступом не могут заменить библиотечные гуманистические ресурсы, потому что гуманизм нельзя оцифровать. Существующие за счет федерального бюджета библиотечные вузы не имеют права «разбиблиотечиваться».

* * *

Мое повествование о пятидесятилетних приключениях Информации на библиотечном факультете приводит к следующим выводам:

Первое. Следует различать семантическую (в том числе, научную) информацию, машинную (сигнальную) информацию, общую информацию (информацию вообще). Соответственно различаются семантическая (бывшая научная) информатика, компьютерная (техническая) информатика, философия информации как одна из философских теорий.

Второе. Семантическая информатика и философия информации могут использоваться в качестве продуктивного методологического подхода при изучении библиотечных и библиографических реалий.

Третье. К сожалению, в наши дни в общественном сознании превалирует компьютерная информатика, соответствующая технократическим взглядам бюрократической элиты и интересам информационных бизнес-корпораций.

Четвертое. Технократическая информатизация библиотечного образования ведет к его перерождению, лишающему библиотеки источника кадровых ресурсов. Лишенная профессиональных кадров национальная библиотечная система обречена на гибель.

Пятое. В научно-педагогическом процессе библиотечно-информационных факультетов должны быть представлены в гармоничном сочетании семантическая информатика, компьютерная информатика, философия информации, господствовать же должна гуманитарно-филологическая, а не информационно-технологическая культура.

Примечания

[1] Соколов А., Манкевич А. Информатика для библиотекарей // Библиотекарь. 1974. № 9. С. 58–61.

[2] Основные проблемы информатики и библиотечно-библиографическая работа: учеб. пособие для библ. фак. / под ред. А. В. Соколова. Л.: ЛГИК, 1976. 319 с.

[3] Барсук А. И. Библиографоведение в системе книговедческих дисциплин: методол. очерк. М.: Книга, 1975; Коршунов О. П. Проблемы общей теории библиографии: моногр. М.: Книга, 1975.

[4] Информатика / под ред. К. В. Тараканова. М.: Книга, 1986. С. 3.

[5] Гиляревский Р. С. и др. Информатика как наука об информации. М., 2006. С. 30.

[6] Информатика как наука об информации: информ., док., технол., экон., социал. и организ. аспекты / Р. С. Гиляревский, И. И. Родионов, Г. З. Залаев, В. А. Цветкова, О. В. Барышева, А. А. Калин; под ред. Р. С. Гиляревского; авт.-сост. В. А. Цветкова. М.: Фаир-Пресс, 2006. 592 с.

[7] Соколов А. В. Философия информации.

[8] Библиотечно-информационная деятельность: спец. 052700: гос. образов. стандарт, пример. программы, учеб. планы: сб. нормат. док. и учеб.-метод. обеспечения / под общ. ред. О. П. Мезенцевой. М.: Фаир-Пресс, 2005. 992 с.

[9] Соколов А. В. Библиотечная интеллигенция в России. М., 2008. Ч. 2. С. 275.

УДК 01(091)

Т. В. Захарчук

Научная школа Л. В. Зильберминц – В. А. Минкиной: попытка идентификации

Приводится определение понятия «научная школа в библиографоведении», рассмотрены основные признаки библиографоведческой научной школы, представлена и апробирована методика идентификации научной школы в библиографической науке.

Ключевые слова: научная школа в библиографоведении, гуманитарное знание, признаки научной школы в библиографической науке, идентификация научной школы в библиографоведении

Tatiana V. Zakharchuk

Scientific school of Ludmila V. Zilbermints – Valentina A. Minkina: an attempt to identify

We give a definition of «scientific school in the bibliography», describes the main features of the scientific school in the bibliography science, presented and tested a method of identification of the scientific school in the bibliography science.

Keywords: research School of bibliography, humanities, signs of a scientific school in the bibliography science, the identification of a scientific school in the bibliography

Проводя исследование, связанное с идентификацией конкретной библиографоведческой научной школы, мы исходили из того, что библиографоведение относится к наукам социально-гуманитарного цикла и является самостоятельной научной дисциплиной, имеющей свои особенности формирования и развития. Следовательно, чтобы определить содержание понятия «научная школа в библиографоведении» необходимо учитывать достижения науковедения в области характеристики феномена научной школы, основанные, прежде всего, на изучении школ, сформировавшихся в области естествознания; специфику формирования научных школ в науках социально-гуманитарного цикла, вытекающие из особенностей формирования знания в этих областях, а также особенности самого библиографоведения как научной дисциплины.

Основные отличия социально-гуманитарного знания от естественнонаучного, по мнению науковедов и философов науки, сводятся к следующему:

1. Для социально-гуманитарных наук характерно субъект-субъектное познание (в отличие от естественнонаучного, которое основано на разделении субъекта, (человека) и объекта исследования (природы), при этом преимущественно изучается объект).

2. Нестабильность и быстрая изменчивость объектов изучения.

3. Истинность данных в значительной степени субъективна (она результат не доказывания, а интерпретации).

4. Метод познания – индивидуализирующий, учитывающий индивидуальность объекта познания (человека).

5. Явления исследуются главным образом со стороны качества, а не количества.

6. Объекты исследования неповторимы, часто уникальны.

7. Форма постижения объекта – диалог (личностей, текстов, культур).

8. Существенным элементом являются ценностные высказывания.

9. В значительной степени связано с идеологией[1].

Исходя из этого можно сформулировать и отличия научных школ в науках социально-гуманитарного цикла.

1. Они имеют «размытую» научную парадигму, которая может не перерастать в исследовательскую программу.

2. Наличие исследовательской программы выявляется только путем углубленного анализа деятельности членов научной школы.

3. Характерна субъективность в проведении исследований, индивидуальное их проведение.

4. Характерна «рыхлость» состава научной школы, связанная с нечетко сформулированной исследовательской программой. Идентификация такой школы сложный процесс, требующий разработки специальных методик.

5. Не характерно наличие единого места работы для всех членов школы.

6. Огромное значение имеет образ мыслей, отношение к жизни и людям[2].

Анализ публикаций ведущих специалистов в области библиографической науки позволил выявить и особенности библиографоведения как научной дисциплины. В общем виде они сводятся к следующему:

1. Относительная молодость самой науки. Библиография как наука появилась в России в начале XIX в., а начало становления теории библиографии относится ко второй его половине. Институализация же библиографоведения, в рамках которой могли бы формироваться научные школы, относится к первой половине XX в.

2. Относительная узость научного сообщества в библиографической науке. Слишком небольшое количество ученых занимается научными исследованиями в области библиографии вообще и теории библиографии в частности.

3. Отсутствие специальных научно-исследовательских институтов. Научные подразделения включены в структуру библиотек, информационных центров, вузов, что, с одной стороны, влияет на темпы развития науки, а, с другой – стимулирует укрепление ее связей с практической деятельностью.

4. Прикладной характер научной дисциплины.

Исходя из сказанного выше можно сформулировать **основные черты научной школы в библиографической науке**:

1. Научные школы в библиографоведении исторически можно отнести к дисциплинарным, которые представляют собой научный коллектив, формирующийся вокруг крупного ученого, обладающего выдающимися способностями экспериментатора и педагога, с целью обучения исследовательскому мастерству и разработки определенных научных проблем.

2. Библиографоведческие научные школы в большинстве своем научно-образовательные, т. е. предполагающие не только получение новых знаний, но и воспитание новых научных кадров.

3. По типу связей – это, как правило, научные группировки, в которых обычно имеется организатор и руководитель, осуществляющий функцию управления исследованием.

4. По типу научной идеи научные школы в библиографоведении могут быть как экспериментальными (т. е. осуществляющими в применении к решению проблемы ранее не использовавшиеся методы, в использовании известной методики в исследовании разных предметных областей), так и теоретическими (когда новая идея, лежащая в основе исследовательской программы научной школы, может возникнуть как результат обобщения знаний об объекте).

5. Исследовательская программа научной школы в библиографоведении часто сформулирована обобщенно и размыто, что связано как с особенностями развития гуманитарного знания, так и с аморфностью самой науки. Исследовательские программы в библиографоведческих научных школах, как правило, формулируются исходя из потребностей практики.

6. По широте исследуемой предметной области библиографоведческие научные школы, как правило, являются широкопрофильными (когда выдвигаются фундаментальные идеи, имеется несколько исследовательских программ, сменяющих друг друга или сосуществующих, а ученики не ограничены в выборе темы исследования).

В большинстве случаев не представляется возможным сформулировать единую исследовательскую программу научной школы. Из-за узости научного сообщества и необходимости постоянно «подстраиваться» под нужды практики члены научной школы часто уходят в другие направления исследований. При этом они продолжают считать себя членами научной школы, основанной их учителем.

7. По функциональному назначению продуцируемых знаний – это школы, проводящие чаще всего **прикладные** исследования, решающие в большей мере практические задачи или теоретические вопросы практического направлении.

8. По форме организации деятельности учеников научные школы в библиографоведении, скорее, индивидуальные, когда руководитель индивидуально работает с каждым членом школы, проводящим свое собственное исследование. При этом все ученики вместе разрабатывают различные аспекты исследовательской программы лидера.

9. По типу связей между поколениями школы могут быть как одноуровневыми (когда существует одно поколение учеников, и когда ученики становятся самостоятельными, они создают собственные научные школы), так и многоуровневыми (где присутствуют одновременно два и более поколений учеников, объединяемых под руководством основателя школы, но непосредственное руководство начинающими исследователями осуществляют, как правило, более старшие и опытные члены школы).

В библиографоведческих научных школах часто присутствуют одновременно два и более поколений учеников, объединенных под руководством лидера – основателя школы. Наличие в большинстве случаев одного-двух поколений учеников (в то время как в теории науковедения требуется три) связано с тем, что библио-

графоведение – наука относительно молодая, а первая докторская диссертация в этой области была защищена только в 1969 г.

Как правило, в каждый период времени в школе существует один доктор наук (который является лидером), а также одно и более поколение учеников.

10. По уровню локализации – это личностные школы, которые носят имя своего основателя. Главой школы является крупный ученый, доктор наук, который и дает имя научной школе. Его ученики, защитившие докторские диссертации, также добавляют свои имена к названию школы (например, научная школа И. А. Мохова – Д. Ю. Теплова – Л. В. Зильберминц – В. А. Минкиной).

11. По степени институализации – это, как правило, неформальные школы. У них отсутствует формальная организация, для них не характерна закрепленность в конкретном регионе или учреждении. Члены научной школы, как правило, работают в разных учреждениях, в разных точках страны и мира. Ограниченным является и круг организаций, в которых возникают научные школы. Прежде всего, это вузы культуры и искусств и крупные библиотеки, имеющие в своей структуре научные отделы.

12. Как правило, признание российской научной школы в библиографоведении происходит в рамках региональных сообществ (страны, региона) и практически никогда в международном масштабе. Это связано с тем, что лидерами научной школы в библиографической науке, как правило, становятся ученые класса «4» или класса «5» (по А. А. Первозванскому)[3].

Таким образом, под **научной школой в библиографоведении будем понимать научно-образовательную многоуровневую научную школу, в основе исследовательской программы которой может лежать как разработка новых идей, так и новых методов, не имеющую формальной локализации. Во главе такой школы стоит, как правило, крупный ученый регионального (национального) уровня**.

Для осуществления идентификации научной школы и ее лидера в библиографической науке необходимо было выявить ее основные признаки. Эти признаки были разделены нами на основные и факультативные. К основным признакам можно отнести:

1. Наличие лидера (как правило, доктора наук), признанного научным сообществом страны или региона.

2. Наличие не менее двух поколений учеников (как правило, кандидатов наук).

3. Наличие исследовательской программы (программ), разработанной лидером и связанной как с научной идеей, так и с разработкой новых методов.

4. Самоидентификация членов научной школы, т. е. признание учеными себя, принадлежащими к научной школе, возглавляемой определенным лидером.

5. Наличие традиций, которые, как правило, формируются лидером и поддерживаются школой даже после его ухода.

6. Признание научной школы таковой научным сообществом страны или региона, что, как правило, отражается в публикациях, посвященных лидеру школы или его ученикам.

Факультативными признаками научной школы в библиографоведении можно считать:

1. Наличие монографий или учебников у лидера и/или его учеников.

2. Наличие организации, где зарождалась научная школа.

3. Наличие внутришкольных стандартов оценки качества научных исследований, которые, как правило, выражаются в использовании определенных критериев при обсуждении полученных результатов, экспертизе диссертационных исследований, предполагаемых публикаций и т. д.

Для идентификации указанных признаков была разработана специальная методика, основанная на достижениях науковедения в этой области, а также на использовании результатов исследований по идентификации научных школ в науках библиотечно-информационного цикла. В общем виде методика идентификации научных школ сводится к следующему:

1. Анализ публикаций ведущих библиографоведов, в которых содержатся высказывания о научной школе в целом и называются отдельные ее представители. Это позволит выявить сам факт наличия научной школы, ее лидера и частично ее состав. Этот индикатор также позволяет выявить уровень признания школы научным сообществом.

2. Анализ результатов социологического опроса ведущих библиографоведов, выявляющего их представления о научной школе в библиографической науке.

3. Анализ профессиональных энциклопедий, справочников, биобиблиографических указателей, включающих сведения о научной школе и ее представителях, что также дает возможность определить степень признания школы, выявить ее лидера, с точки зрения научного сообщества, расширить состав членов научной школы.

4. Анализ диссертационных исследований для выявления наиболее прочной связи «учи-

тель–ученик». В научной школе эта связь является наиболее явной и прочной.

5. Анализ публикаций предполагаемых членов научной школы, содержащих высказывания о научной школе и ее представителях, что дает возможность расширить состав школы, выявить те высказывания, которые идентифицируют ученого со школой (самоидентификация).

6. Анализ результатов социологического опроса представителей научной школы, позволяющего выявить самоидентификацию ученого со школой, ее название, лидера и круг «учеников».

7. Анализ соавторства как показатель совместной деятельности ученых. Это даст возможность выявить круг научного общения ученого, хотя не позволит в чистом виде определить тип этого общения («учитель–ученик», коллеги и т. п.).

8. Анализ взаимного цитирования и социтирования публикаций. Ссылочный аппарат работы отчетливо показывает, в какой информационной среде родилось новое знание, на каких идеях, теориях и результатах оно базировалось.

9. Анализ благодарностей и посвящений в научных изданиях как индикатор межличностных отношений в научной группе и признак наличия научных традиций.

10. Поаспектный анализ публикаций членов научной школы, что позволит выявить единство исследовательской программы, а также факты самоидентификации представителей научной школы с ее лидером и исследовательской программой.

Апробация предложенной методики была проведена на идентификации научной школы Л. В. Зильберминц – В. А. Минкиной.

В данной статье будут изложены только первые результаты идентификации, основанные на анализе высказываний членов профессионального сообщества и предполагаемых членов научной школы, анализе структуры соавторства и руководства диссертационными исследованиями.

1. Идентификация состава научной школы и ее лидера на основе анализа публикаций о научной школе и ее выдающихся деятелях

Первое упоминание в профессиональной литературе о научном направлении, связанном с изучение проблем технической библиографии, мы находим в работе О. И. Воверене, О. П. Вилкиной, Д. А. Рингайтите, которые по результатам анализа диссертаций называют и лидера этого направления в Ленинграде – Л. В. Зильберминц[4]. В тот период, возможно, еще и не было оснований называть это научное направление научной школой, так как имелось только одно поколение учеников Людмилы Вениаминовны, не было традиций соавторства (коллективного проведения исследований) и т. д.

В современной библиографоведческой литературе имеется ряд указаний на то, что такая школа сформировалась под руководством Л. В. Зильберминц. Авторами этих публикаций являются крупные библиографоведы, являющиеся лидерами научных направлений[5].

Так, Д. Я. Коготков говорит о том, что Л. В. Зильберминц является главой школы исследования документальных потоков[6].

Один из ведущих библиографоведов, профессор МГУКИ Т. Ф. Лиховид считает, что Л. В. Зильберминц и ее ученики были представителями петербургской библиографической школы[7].

Э. К. Беспалова и Т. Ф. Лиховид называют школу – школой преподавателей-отраслевиков[8].

А. В. Соколов и В. А. Фокеев отмечают, что в 1970–1990-е гг. в библиографоведении сложилось достаточно большое количество школ и научных направлений и среди них «школа библиографических исследований документальных потоков»[9].

Р. С. Гиляревский рассматривает сложившуюся под руководством Д. Ю. Теплова и Л. В. Зильберминц научную школу – ленинградской информационной школой[10].

Такое же название школы используется и в «Библиотечной энциклопедии»[11].

Основателями школы в перечисленных публикациях называют Д. Ю. Теплова, И. А. Мохова, Л. В. Зильберминц. Однако чаще всего звучит имя Людмилы Вениаминовны.

Таким образом, можно констатировать, что Л. В. Зильберминц является лидером научной школы, признанным не только учениками, но и видными представителями профессионального сообщества.

В названных выше публикациях ведущих библиографоведов указывается и ряд ученых, по мнению авторов, принадлежащих к научной школе, лидером которой является Л. В. Зильберминц (В. В. Гнучева, Г. В. Гедримович, В. А. Минкина, Э. Е. Рокицкая, Т. А. Белогорская, Г. Ф. Гордукалова, Т. И. Ключенко)[12].

Большинство авторов сходится и в дате основания научной школы – 1970-е гг. Эта дата представляется вполне обоснованной, так как именно в этот период защитили диссертации первые ученики Л. В. Зильберминц.

2. Отражение сведений о научной школе и ее представителях в профессиональных энциклопедиях и справочниках

Поскольку в библиотечно-информационной сфере существует ограниченное количество энциклопедий и справочников, отражающих данные о представителях научного сообщества, оказалось возможным выявить практически все упоминания о научной школе и ее членах.

Оказалось, что во всех выявленных справочных изданиях имеются сведения либо о научной школе, либо о ее основателе, либо о ее представителях.

Так, в «Библиотечной энциклопедии»[13] научная школа упоминается в статье «Библиографоведение» (авторы – М. Г. Вохрышева, В. А. Фокеев). В этом же издании мы находим статьи о Л. В. Зильберминц, Д. Ю. Теплове, И. А. Мохове, В. А. Минкиной, Г. В. Гедримович, Г. Ф. Гордукаловой.

Статьи о Д. Ю. Теплове, кроме того, имеются в энциклопедии «Книга» (М., 1988), энциклопедическом словаре «Книговедение» (М., 1981), биобиблиографическом словаре «Информатики и экономисты» (Тамбов, 1991), биографическом справочнике «Деятели компьютики и информатики»

Данные о Л. В. Зильберминц и В. В. Гнучевой приведены в биографическом словаре «Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры» (СПб., 2003. Т. 3).

В справочниках «Кто есть кто в библиотечном деле России» (М., 1998) и «Кто есть кто в библиотечно-информационном мире России и СНГ» (М., 2000) отражены данные о В. А. Минкиной, Г. В. Гедримович, Г. Ф. Гордукаловой, В. В. Брежневой, Т. В. Захарчук и др.

Статьи Д. Ю. Теплове, В. А. Минкиной и Т. И. Ключенко поместил в справочном приложении к своей книге «Информационный менеджмент: управление информацией, знаниями, технологией» (СПб., 2009) Р. С. Гиляревский.

К юбилеям В. А. Минкиной и Э. Е. Рокицкой выпущены биобиблиографические указатели, которые дают возможно полное представление об их научной и педагогической деятельности[14].

Сказанное выше позволяет говорить о том, что в профессиональных справочных изданиях отражены сведения практически обо всех представителях научной школы, выявленные через высказывания членов профессионального сообщества. Причем, это касается как уже ушедших представителей школы, так и ныне живущих. Это позволяет утверждать, что в профессиональном сообществе существует достаточно высокий уровень признания научной школы технической библиографии, связанный с отражением данных о ее представителях в ведущих профессиональных справочниках и энциклопедиях.

3. Идентификация состава научной школы на основе анализа диссертаций

Анализ диссертаций является одним из основных методов, применявшихся для идентификации научных школ в науках библиотечно-информационного цикла. Этот метод достаточно надежно фиксирует вертикальные связи в научном коллективе и позволяет получить данные об исследовательской программе. Однако он имеет и ряд ограничений, связанных с тем, что через изучение диссертационных исследований не позволяет выявить горизонтальные (коллегиальные) связи.

Тем не менее использование этого метода представляется необходимым для формирования первичных представлений о научной школе.

Массив авторефератов диссертаций, защищенных на кафедре технической литературы (отраслевой библиографии, научно-технической информации, информационного менеджмента), выявлялся через научные отчеты кафедры, биобиблиографические указатели сотрудников кафедры, составленные к их юбилеям[15], каталоги и базы данных авторефератов диссертаций Российской национальной и Российской государственной библиотек.

В анализируемый массив авторефератов были включены ученики тех, кто был назван научным сообществом представителями научной школы. Было выявлено, что лидеры научной школы руководили значительным количеством диссертаций (46) и имеют достаточно большое количество учеников. Однако руководство диссертацией не означает автоматического включения диссертанта в состав научной школы. Некоторые ученики практически сразу после защиты диссертации «ушли» из профессии, другие – сосредоточились на практической работе в конкретной библиотеке и не занимаются научными исследованиями, третьи – сменили исследовательскую программу и работают в других направлениях научных исследований.

Для того чтобы выявить тех, кто остался в научной школе, можно использовать анализ соавторских публикаций, которые показывают плотность научного сотрудничества лидера с представителями научной школы и членов научной школы между собой.

4. Соавторство в публикациях представителей научной школы

Кроме направлений совместных исследований анализ соавторства позволяет также «отсечь» случайных соавторов, имеющих 1–2 соавторских публикации, и установить тех, с кем плотность сотрудничества достаточно высока.

Среди всех выявленных публикаций Л. В. Зильберминц было выявлено только 7, написанных в соавторстве. Таким образом был частично сформирован референтный круг лидера научной школы: В. В. Гнучева (1 соавторская публикация), В. А. Минкина (5 соавторских работ), Г. В. Гедримович (6 соавторских работ).

Такой небольшой круг соавторов подтверждает предположение о том, что в библиографоведении традиции соавторства в тот период еще не были развиты в полной мере. Об этом свидетельствует и минимальное количество соавторских работ у В. В. Гнучевой (4) и Д. Ю. Теплова (6). Причем, эти соавторы практически не повторяются. Отсюда следует, что наличие соавторов указывает на существование, как минимум, сильной коллегиальной связи.

Развитие библиографической науки, ее институализация, появление новых профессиональных периодических изданий привели к тому, что следующее поколение ученых, являвшихся соавторами лидера, уже имело более значительное количество соавторских работ.

Так, у ученицы Л. В. Зильберминц В. А. Минкиной более 60 научных публикаций написаны в соавторстве. Причем, большинство соавторов являются постоянными (т. е. можно утверждать, что плотность сотрудничества очень высокая), в соавторстве написана и половина работ Э. Е. Рокицкой (28), и 20 работ Г. В. Гедримович.

В дальнейшем каждый из соавторов своих учителей и коллег (второе поколение школы) создал свою систему соавторства. Большинство соавторов находится среди тех, кто исходя из анализа публикаций, диссертационных исследований и результатов опросов входит в состав научной школы технической библиографии.

В целом, анализ структуры соавторства показал, что круг соавторов у представителей научной школы достаточно узок, а плотность сотрудничества очень высокая, что свидетельствует о наличии сильных коллегиальных связей. Такая ситуация обычно складывается, когда ученые работают в одном направлении, проводят совместные исследования.

При идентификации научной школы через анализ соавторства необходимо учитывать не только плотность сотрудничества, но и его длительность. В ряде случаев даже при значительном количестве соавторских работ того или иного специалиста нельзя отнести к научной школе, так как соавторство с ним ограничивается коротким периодом времени. Такое соавторство связано, как правило, с проведением в определенный период совместных научных исследований. Это обстоятельство позволило исключить из состава школы тех, чье сотрудничество с представителями научной школы было эпизодическим.

Изучение структуры и плотности сотрудничества позволяет утверждать, что в научную школу технической библиографии входят (или входили): Л. В. Зильберминц, В. А. Минкина, Г. В. Гедримович, Э. Е. Рокицкая, Г. Ф. Гордукалова, О. М. Зусьман, В. В. Брежнева, Т. В. Захарчук, Т. В. Ляшенко.

Кроме того, видны и первоначальные изменения в структуре школы, главой которой, несомненно, становится В. А. Минкина, имеющая значительную плотность соавторства с коллегами своего поколения, со своими учениками (О. М. Зусьман, В. В. Брежнева, О. Р. Старовойтова) и учениками учеников (Т. В. Захарчук). Через соавторство хорошо выявляется и следующая «точка развития» научной школы, связанная с именем О. М. Зусьмана.

Сегодня можно «увидеть» и третье поколение учеников научной школы технической библиографии. Пока мы не можем говорить о тесном сотрудничестве, отражающемся в соавторских публикациях, но начальные его «ростки» начали проявляться еще при жизни О. М. Зусьмана.

5. Самоидентификация членов научной школы

Самоидентификация представителей научной школы с самой школой и ее лидерами может изучаться двумя путями: через анализ их высказываний в профессиональной печати и путем социологического опроса предполагаемых представителей научной школы.

Анализ публикаций предполагаемых членов научной школы технической библиографии (тех, чьи имена получены через изучение высказываний членов профессионального сообщества, анализ диссертационных исследований и плотности соавторства), посвященных научной школе и ее представителям позволил выявить их отношение к научной школе, представления о том, кто являлся основателем и лидерами школы, очертить состав научной школы.

Анализ таких публикаций является плодотворным потому, что, как правило, их пишут те

представители научного сообщества, для которых членство в школе является важной вехой научной биографии.

Большинство проанализированных работ опубликовано после смерти основателя школы Л. В. Зильберминц. Как правило, в них к ее имени, называя лидера школы, добавляют имя В. А. Минкиной.

К сожалению, в публикациях, посвященных ученикам Л. В. Зильберминц, мы не находим упоминаний об их учениках. Исключением является В. А. Минкина, ученики которой четко идентифицируют себя в публикациях со своим учителем. Следовательно, можно говорить о том, что школа научно-технической библиографии не «умерла» с уходом лидера. Ее, по мнению членов школы и ряда ведущих библиографоведов страны, возглавила В. А. Минкина.

В названной выше публикации В. А. Минкиной приводится и состав следующего поколения школы (ученики учеников): Е. М. Смирнов (Омск), В. А. Глушко (Харьков), Н. В. Огурцова (Омск), О. М. Зусьман и В. В. Брежнева, О. Ю. Устинова (СПб.). Сейчас в науку вступило уже третье поколение учеников[16].

Оказалось, что в большинстве публикаций членов научной школы о ее выдающихся деятелях мы находим четкую самоидентификацию со школой. Так, В. А. Минкина, Э. Е. Рокицкая, Г. В. Гедримович, Т. А. Белогорская в своих публикациях прямо называют себя и друг друга членами научной школы Л. В. Зильберминц[17]. Их ученики (В. В. Брежнева, О. М. Зусьман, Е. М. Смирнов, Т. В. Захарчук, Е. Ю. Качанова) также идентифицируют себя с научной школой, называя ее лидерами Л. В. Зильберминц и В. А. Минкину[18].

В отличие от публикаций ведущих библиографоведов, представители научной школы более или менее едины в определении е названия. Большинство их них сходится на том, что это школа отраслевой (или технической) библиографии[19].

На наш взгляд, наиболее точно сформулировала название научной школы В. А. Минкина, которая, вспоминая об этапах формирования школы отраслевой библиографии, писала: «Такова в самом общем плане парадигма Петербургской школы, зародившейся как школа отраслевой библиографии, но осознавшей себя через 35 лет школой информационного управления…»[20].

Результаты проведенного анализа высказываний позволяют говорить о том, что в большинстве публикаций основателем научной школы называется Л. В. Зильберминц, а после ее ухода лидером школы становится В. А. Минкина. В состав научной школы входят: Г. В. Гедримович, Э. Е. Рокицкая, Г. Ф. Гордукалова, Т. А. Белогорская, Н. В. Ершова, Т. П. Уварова, Т. И. Ключенко, О. М. Зусьман, В. В. Брежнева, Т. В. Захарчук.

Таким образом, анализ публикаций представителей научной школы позволил расширить ее состав (появляются имена В. В. Гнучевой, Т. А. Белогорской, Н. В. Ершовой, Т. П. Уваровой) и частично выявить второе (В. В. Брежнева, О. М. Зусьман) и третье поколения (Т. В. Захарчук).

Из проанализированных высказываний также видно, что школа стала осознавать себя таковой уже с начала 1980-х гг. Но наиболее четко это осознание наличия школы и самоидентификация с нею относятся уже к 1990-м гг. и особенно к 2000-м гг., когда стали уходить учителя.

Таким образом, первые этапы реализации методики идентификации научной школы позволили:

1. Определить название научной школы – «Школа отраслевой библиографии – Информационного управления».

2. Выявить ее основателя – Л. В. Зильберминц.

3. Определить лидера второго поколения научной школы – В. А. Минкина.

4. Описать в общем виде состав двух и частично третьего поколения научной школы.

5. Определить степень признания научной школы в профессиональном сообществе.

Дальнейшая реализация методики должна позволить более четко очертить состав научной школы, описать ее исследовательскую программу, традиции, сформированные лидером и поддерживаемые учениками, внутришкольные стандарты научной деятельности.

Примечания

[1] Первозванский А. А. Объективные признаки научной школы // Академические научные школы Санкт-Петербурга: к 275-летию Академии наук / СПб НЦ РАН; ред. Э. А. Тропп, Е. В. Иванова, А. С. Фомин. СПб., 1998. С. 208–212.

[2] Гордукалова Г. Ф., Минкина В. А. Талантливый педагог и ученый: к юбилею Г. В. Гедримович // Науч. и техн. б-ки. 1999. № 5. С. 36–39; Минкина В. А. Техники среди гуманитариев // История. Воспоминания. Документы: к 85-летию С.-Петерб. гос. ун-та культуры и искусств. СПб., 2003. С. 193–200.

[3] Мягков Г. П. О специфике научной школы в системе гуманитарного знания // Гуманитарное знание в системах политики и культуры: сб. ст. и сообщений. Казань, 2000. С. 114–118.

[4] Воверене О. И., Вилкина О. П., Рингайтите Д. А. Идентификация научных школ в библиотековедении,

библиографоведении и информатике // Науч. и техн. б-ки СССР. 1989. № 2. С. 11–18.

[5] Вохрышева М. Г., Фокеев В. А. Библиографоведение // Библиотечная энциклопедия. М., 2007. С. 136; В. А. Минкина – талантливый представитель Петербургской библиотечной школы: ученый, библиограф, педагог / Е. Ю. Качанова, В. В. Брежнева, Т. В. Захарчук, О. М. Зусьман // Непрерывное библиотечное образование. 2001. № 3–4; Коготков Д. Я. Библиографическая деятельность библиотеки: организация, технология, управление: учеб. СПб.: Профессия, 2005. 304 с.; Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре: пер. с нем. М.: Республика, 1998. 410 с.; Соколов А. В., Фокеев В. А. Библиографоведение: Terraincognita: диалог о библиогр. науке: науч.-практ. пособие. М.: Литера, 2010. 206 с.; и др.

[6] В. А. Минкина – талантливый представитель Петербургской библиотечной школы.

[7] Коготков Д. Я. Указ. соч.

[8] Беспалова Э. К., Лиховид Т. Ф. Этапы библиографической подготовки библиотечных специалистов (к 75-летию МГУКИ) // Библиотечное дело–2005: деятельность б-к и развитие информ. культуры о-ва: материалы 10-й междунар. науч. конф. (Москва, 20–22 апр. 2005 г.) / Моск. гос. ун-т культуры и искусств, каф. библиотековедения. URL: http://libconfs. narod. ru (дата обращения: 31.01.2012).

[9] Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре.

[10] Гиляревский Р. С. Информационный менеджмент: управление информацией, знаниями, технологией. СПб.: Профессия, 2009. 304 с.

[11] Вохрышева М. Г., Фокеев В. А. Указ. соч. С. 136.

[12] Коготков Д. Я. Указ. соч; Риккерт Г. Указ. соч; Соколов А. В., Фокеев В. А. Указ. соч.

[13] Вохрышева М. Г., Фокеев В. А. Указ. соч. С. 136.

[14] Валентина Альфредовна Минкина: биобиблиогр. указ. тр. и цит. лит. / сост. О. М. Зусьман, Г. Ф. Гордукалова; ЛГИК им. Н. К. Крупской. Л., 1991. 50 с.; Фокеев В. А. Библиография: теорет.-методол. основания: учеб. пособие. СПб.: Профессия, 2006. 350 с.

[15] Например: Валентина Альфредовна Минкина: биобиблиогр. указ. тр. и цит. лит.; и др.

[16] Минкина В. А. Становление петербургской школы отраслевой технической библиографии // Библиотеки обществу: на пороге нового века. СПб., 1999. С. 146–155.

[17] Белогорская Т. А. Хозяйка нашего дома (из воспоминаний о Людмиле Вениаминовне Зильберминц) // Науч. и техн. б-ки. 2010. № 8. С. 8–9; Гедримович Г. В. Жизнь продолжается: к 100-летию со дня рождения Людмилы Вениаминовны Зильберминц (1909–2009) // Там же. 2009. № 6. С. 90–99; Лиховид Т. Ф. Материальное и идеальное в библиографоведении // Там же. 2011. № 1. С. 111–121; Минкина В. А. Молодость в творчестве: к юбилею Э. Е. Рокицкой // Там же. 2001. № 4. С. 133–139; Ее же. Становление петербургской школы отраслевой технической библиографии. С. 146–155; и др.

[18] Брежнева В. В., Захарчук Т. В., Зусьман О. М. Конспект научной биографии, написанный учениками // Петербург. библ. шк. 1999. № 1. С. 15–18; Захарчук Т. В. Особенности идентификации научных школ в гуманитарных науках // Проблемы деятельности ученого и науч. коллективов. 2011. Вып. 38. С. 147–158; и др.

[19] Брежнева В. В., Захарчук Т. В., Зусьман О. М. Конспект научной биографии, написанный учениками. С. 15–18; Захарчук Т. В. Особенности идентификации научных школ в гуманитарных науках. С. 147–158; Минкина В. А. Молодость в творчестве; Ее же. Становление петербургской школы отраслевой технической библиографии.

[20] Минкина В. А. Становление петербургской школы отраслевой технической библиографии.

УДК 004.738.5:378

Д. Б. Сугак

Роль веб-сайта в научно-образовательной деятельности вуза

Рассматривается информационная структура веб-сайта вуза. Определяется роль веб-сайта кафедры, ее функции и информационное наполнение. Анализируется основной состав рубрик веб-сайта кафедры. Обосновывается значение веб-сайта кафедры вуза как ключевого структурного подразделения формирующего портал вуза. Рассматриваются тенденции развития порталов вузов.

Ключевые слова: веб-сайт кафедры, портал вуза, веб-сайт вуза, веб 2.0, анализ веб-сайтов, интернет-ресурсы, структура веб-сайта

Dmitriy B. Sugak

The role of the web site in the scientific-educational activity of the University

In the article the information structure of the university's web sites are considered. The general content website's headlines are analyzed. The value of a department's website as an important structural unit forming the university portal is substantiated. The trend of development university's web sites are considered.

Keywords: department web site, university portal, university's web sites, web 2.0, website analysis, Internet resource, structure of website

В последние десятилетия научное сообщество активно осваивает ресурсы глобальной сети Интернет. Электронные представительства есть практически у каждой организации. Научно-исследовательские институты, научно-образовательные учреждения, библиотеки, научно-производственные предприятия и другие организации научной направленности активно позиционируют себя в Глобальной сети. Интернет предоставляет им колоссальные возможности, стирая временные и пространственные границы.

Наиболее ощутимы преимущества использования Интернета в образовательной сфере, особенно в вузах. Теперь стало проще получить самую актуальную и достоверную информацию о любом учебном заведении, не выходя из дома. Абитуриенту нет необходимости покупать дорогостоящие справочники или посещать дни открытых дверей. Студентам предоставлена возможность использовать ресурсы веб-сайта учебного заведения в процессе обучения. «Под официальным веб-сайтом вуза понимается *принадлежащий вузу* веб-сайт, предназначенный для всестороннего и достоверного информирования (от имени руководства) внешних и внутренних посетителей о деятельности вуза, а также представляющий посетителям сайта всю необходимую для обеспечения взаимодействия с вузом, его руководством или его подразделениями справочную информацию»[1].

Однако далеко не все вузы используют потенциал своих веб-сайтов в полную силу. Большинство учебных заведений высшей школы создает административные интернет-ресурсы, формально представляющие данную организацию в Глобальной сети. Как правило, на страницах веб-сайта вуза публикуются официальные данные и материалы рекламного характера с целью привлечения наибольшего числа абитуриентов. Но рассмотрение вузовского веб-сайта только как рекламного инструмента свидетельствует о неэффективном использовании возможностей и перспектив, предоставляемых Глобальной сетью.

Целью данной статьи является определение роли веб-сайта кафедры в научно-образовательной деятельности вуза, реализуемой в Глобальной сети Интернет. Также в анализируется структура и информационное наполнение веб-сайта кафедры и определяется соотношение с информационным наполнением портала вуза.

К важнейшим подразделениям любого вуза, как известно, прежде всего, относятся кафедры и факультеты. В Интернете они могут быть представлены как отдельными сайтами, так и веб-страницами сайтов вузов. При таком построении информационной архитектуры веб-сайт кафедры является ключевым элементом вузовского портала, несущим максимальную информационную нагрузку в образовательном процессе. «Основные отличия портального решения от обычного веб-сайта – это персонифицированный и настраиваемый интерфейс; возможность идентификации пользователей и определение для них политик доступа к тем или иным информационным ресурсам; высокая защищенность информационных ресурсов, размещенных на

портале; возможность интеграции разнородных приложений и предоставление единой точки входа к этим приложениям и т. д.»[2].

Говоря об информационной архитектуре вузовских веб-сайтов, можно отметить, что на сегодняшний день наблюдается тенденция выделения на веб-сайте вуза раздела, посвященного деятельности кафедры. Это обусловлено несколькими факторами:

1) экономическая выгода;

2) недостаточное понимание концепции вузовского веб-сайта;

3) простота администрирования;

4) централизованное построение структурных элементов.

Рассмотрим их подробнее.

Прежде всего, вузу экономически выгодно содержать интернет-представительство кафедры не как отдельный веб-сайт, а в качестве подраздела головного веб-сайта. При таком распределении информационных ресурсов не надо тратиться на хостинг и аренду URL-адреса, к тому же нет необходимости закупать новый веб-сайт для отдельного подразделения.

Вторая причина связана с отсутствием у руководства вуза четкого понимания функционального назначения веб-сайтов подразделений. К сожалению, и сегодня большое количество вузов не в полную силу использует возможности своих электронных представительств в Сети. Как следствие, веб-сайты являются либо малоинформативными, предоставляя лишь официальную информацию, либо, наоборот, веб-сайт перегружен информационными блоками. Последствия экономичного размещения информации о подразделениях в качестве разделов веб-сайта вуза приводят и к многократному дублированию информации или к появлению пустых разделов, не содержащих какой-либо информации вообще.

Третья причина связана с административным исполнением. Владельцу портала вуза с разветвленной системой, включающей не только подразделы, но и ссылки на полноценные интернет-ресурсы, представляющие информацию о деятельности вузовских подразделений, будет достаточно сложно контролировать содержание данных веб-сайтов. Это связано, прежде всего, с тем, что при полноценном построении информационной архитектуры структурных подразделений, на вузовском портале будет присутствовать большой объем информации, которую сложно будет просматривать и редактировать небольшому количеству сотрудников.

Четвертая причина фактически вытекает из предыдущей и связана с тем, что руководство вуза пытается перенести в Сеть реально существующую централизованную систему вузовской организации, забывая о том, что веб-сайт вуза, хоть и является электронным представительством вуза в Сети, но функционирует по несколько иным правилам и законам, отличным от законов развития и существования организации в реальном мире.

Своевременное обновление информации, размещенной на веб-страницах, будет способствовать поддержанию контента веб-сайта на должном уровне. Централизованное размещение информации имеет определенные сложности и, как правило, приводит к устареванию размещенной информации в связи с отсутствием обновлений. Решение этой проблемы осуществляется различными методами. Один из подходов заключается в том, чтобы предоставить относительную самостоятельность структурным подразделениям, в первую очередь кафедрам, в формировании контента веб-сайта вуза. При этом контроль за наполнением контента происходит как со стороны сотрудников кафедры, так и со стороны редакторского отдела веб-сайта вуза. Необходимость выделения веб-сайта кафедры не является воплощением автономии структурного подразделения, во многом это обоснованный шаг, существенно разгружающий и структурирующий информационную архитектуру веб-сайта вуза.

Кафедра является составным подразделением факультета, который, в свою очередь, является структурным подразделением вуза. Исходя из этого становится очевидной необходимость разграничения не только функций веб-сайтов данных подразделений, но и информации, которая будет на них размещена. Именно с целью исключения дублирования размещаемой информации необходимо четко обрисовать структуру веб-сайта кафедры, которая определит необходимость информационного наполнения подразделов кафедрального веб-сайта. Как и применительно к структуре веб-сайта вуза, невозможно сконструировать общую, универсальную структуру веб-сайта кафедры, однако можно выделить ряд элементов, присущих подавляющему большинству данных интернет-ресурсов.

Специалистами ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры и искусств» был проведен контент-анализ вебсайтов вузов культуры и искусства. На основе полученных данных авторам исследования удалось выявить процентное соотношение состава рубрик веб-сайтов кафедр данных вузов. Согласно схеме, приведенной в статье[3], наибольшее количество информации (25 %) сосредоточенно в разделе «Кадровый состав», далее

следуют раздел «Абитуриенту» (13 %). 11 % от общего контента занимают разделы «Контактная информация» и «Студенту». 10 % занимает раздел «История кафедры», 8 % занимают разделы «Деловые связи» и «Новости», 6 % приходится на разделы «Общие сведения» и «Обратная связь». Наименьшее количество информации сосредоточенно в разделе «Структура кафедры» (2 %).

Как отмечают авторы исследования, набор сведений, составляющих общую характеристику факультетов и кафедр, имеет много общего. Но в то же время у каждого из этих объектов, безусловно, есть своя специфика, которая и должна быть отражена в создаваемых для него сайте или веб-странице[4].

Для того чтобы определить структуру веб-сайта кафедры, необходимо в первую очередь определиться с целевой аудиторией. В рамках функционирования учебных подразделений выделяются, как правило, следующие целевые группы: абитуриенты, студенты, родители и преподаватели. Одна из самых спорных целевых групп вузовского сайта – это родители. Сегодня данный раздел присутствует на некоторых веб-сайтах вузов или кафедр. Возникает вопрос обоснованности существования данного раздела. Разделение структуры в соответствии с целевой аудиторией производится для логичного размещения информационных блоков с целью сведения к минимуму информационного переполнения веб-сайта. Но не следует забывать о том, что кафедра, как и сам вуз, является учебным заведением, в котором обучаются, преимущественно, студенты, достигшие своего совершеннолетия. Подавляющее большинство учащихся является взрослыми, самостоятельными людьми. Оправданно ли выделять целый раздел, изначально предназначенный для небольшого круга пользователей и не несущий в себе ключевых функциональных элементов? Необходимость выделения такого раздела присуща скорее учебным заведениям, относящимся к системе среднего и средне-специального образования. Что же касается вуза, то вся эта информация без каких либо потерь или дублетности может быть размещена в других разделах.

Раздел, содержащий информацию для преподавателей, тоже заслуживает подробного рассмотрения. Создание такого раздела возможно в структуре веб-сайта факультета или веб-сайта вуза, что, прежде всего, связано с необходимостью информирования большого количества персонала соответствующих подразделений. Что же касается кафедры, здесь, как правило, присутствует сравнительно небольшой по численности персонал, который получает информацию лично, в рамках неформальных коммуникаций. Поэтому существование данного раздела в структуре веб-сайта кафедры тоже представляется нецелесообразным.

Бесспорной остается необходимость включения в структуру веб-сайта кафедры разделов, посвященных студентам и абитуриентам. Это две группы, на которые, прежде всего, ориентирована деятельность учебного заведения. Целью существования любого вуза является набор, обучение и выпуск учащихся. Соответственно эти две категории пользователей являются приоритетными при разработке концепции веб-сайта учебного заведения. Если раздел, посвященный абитуриентам, носит, прежде всего, рекламный характер с целью привлечения максимального числа абитуриентов, то раздел, посвященный студентам, является более практическим.

В разделе для абитуриентов необходимо размещать общую информацию, раскрывающую деятельность кафедры, связанную с ее историей, базами практики, присвоением выпускающей квалификации и другими ключевыми аспектами деятельности подразделения. Данный раздел должен привлечь абитуриента, удержать его на сайте, предоставить максимальный объем информации, связанной с поступлением и обучением в данном вузе.

В разделе для студентов необходимо размещать учебно-методические материалы, необходимые в процессе обучения, здесь могут присутствовать методические пособия по курсам, разрабатываемым кафедрой, публикации преподавателей кафедры, информация организационного характера. Любые данные, необходимые и полезные студентам в учебном процессе, должны найти свое место в этом разделе.

Таким образом, логичнее всего веб-сайт кафедры разделить, в соответствии с целевой аудиторией, на два ключевых раздела: для студентов и абитуриентов. Главная страница должна содержать информацию о кафедре, с указанием ключевых аспектов, раскрывающих особенности ее функционирования. Важно также, чтобы на главной и последующих страницах присутствовала эмблема кафедры с указанием ее полного официального названия и ссылки на веб-сайт вуза и факультета (если таковой имеется). Ссылки на структурные подразделения, особенно на веб-сайт вуза, являются обязательными, если веб-сайт кафедры существует в качестве самостоятельного веб-ресурса, а не входит в разделы головного веб-сайта вуза. Выполнение данного условия способствует формированию единого целостного портала высшего учебного заведения, к тому же наличие гиперссылок облегчает навигацию пользователям. Далее должны следо-

вать общие разделы, раскрывающие отраслевые аспекты деятельности учебного подразделения. В приведенной схеме на веб-сайтах кафедр присутствует новостной раздел, однако функционирование такого раздела на веб-сайте кафедры является малоэффективным. Как показывает практика, пополнение данного раздела на кафедральном уровне происходит весьма редко. Как правило, в рамках деятельности кафедры данный раздел будет пополняться в лучшем случае раз в три месяца. Следовательно, актуальность размещенной информации резко снижается. Поэтому логичнее отнести данный раздел на веб-сайт факультета или вуза.

Обязательным является присутствие на сайте кафедры разделов, посвященных ее истории, преподавательскому составу, контактной информации и карты сайта. Степень наполняемости данных разделов зависит от особенностей самих кафедр. Кроме того, на веб-сайте кафедры необходимо размещать информацию о публикациях сотрудников кафедры (в идеале это должны быть полнотекстовые материалы). Однако в этом случае возникает ряд вопросов, связанных с авторскими правами и доступностью данного материала в Сети. Одним из способов разрешения этого вопроса является установление авторизированного доступа к публикуемым материалам, с целью обеспечения студентов вуза полным учебно-методическим комплексом.

Современные технологии позволяют расширить возможности традиционных веб-сервисов и предоставить максимально широкий спектр услуг при работе с контентом веб-сайта кафедры. Наличие просто административного ресурса, позволяющего работать с информацией в одностороннем порядке, снижает эффективность функционирования веб-сайта.

Сегодня в электронной среде активно внедряются и используются технологии веб 2.0, в основе которых лежит интерактивный принцип пополняемости контента в глобальной сети. Как отмечает в своей статье Ниалл Склатер (Niall Sclater), одной из наиболее популярных форм реализации интерактивного наполнения образовательного веб-сайта является технология виртуальной учебной среды (VLE): «Есть два полярных подхода к способам предоставления электронного образования: на одном полюсе находится базирующаяся в учебном заведении VLE, а на другом, управляемая учащимся персональная учебная среда, созданная из множества веб 2.0-сайтов. Однако недавно появилась и третья модель, потенциально способная разрушить обе имеющиеся. Две компании **Google** и **Microsoft** начали предлагать сервисы для работников учебных заведений и студентов. Эти сервисы заменяют или дополняют функции институтских систем, таких как электронная почта, обмен мгновенными сообщениями, составление календарного плана; создание и хранение персональных документов, предоставление к ним общего доступа, создание веб-сайтов. Сервисы «Google Apps для учебных заведений» и «Microsoft Live@edu» включают в себя широкий набор инструментов, которые можно настраивать под потребности пользователя и даже привязать в некоторой мере к бренду учебного заведения. При этом описываемые системы размещаются у внешнего поставщика услуг, в так называемом «вычислительном облаке» или просто „облаке“»[5].

Веб-сайт кафедры является идеальной платформой для полноценного использования технологий веб 2.0. Преподаватели в процессе обучения могут задействовать ресурсы веб-сайта для предоставления полнотекстового доступа к учебным материалам. Системы предоставляются бесплатно, при этом владельцы сайта получают дополнительные возможности работы с ресурсом. В частности при установке «Google Apps для учебных заведений», пользователи получают возможность:

– «Gmail: хранилище электронной почты и инструменты для поиска, помогающие учащимся быстро искать нужную информацию и отправлять мгновенные сообщения прямо из своих аккаунтов.

– Календарь Google: учащиеся могут составлять свое расписание и обмениваться календарями и мероприятиями.

– Google Talk: учащиеся могут звонить своим знакомым и отправлять им мгновенные сообщения бесплатно в любое время в любой точке мира.

– Документы Google: совместное использование документов, электронных таблиц и презентаций, совместная работа в пределах группы или всего учебного заведения в режиме реального времени. Кроме того, окончательные версии документов можно публиковать для пользователей со всего мира.

– Сайты Google: совместная работа и централизованное хранение связанных между собой документов, веб-содержания и другой информации на одном сайте.

– Google Видео для учебных заведений: это решение для размещения видеофайлов и организации совместного доступа к ним, позволяющее учебным заведениям и другим организациям использовать видео как эффективное средство внутреннего обмена информацией и совместной работы»[6].

Тенденции развития технологий веб 2.0.

оказывают непосредственное воздействие на формирование контента веб-сайтов учебных заведений. Современный вуз не должен формально относиться к своему интернет-представительству в Глобальной сети. Необходимо постоянное динамическое развитие интернет-ресурса. Пользователю не достаточно только обновления имеющихся сведений. Интерактивное взаимодействие при помощи веб-сайта способствует активному участию в учебном процессе не только преподавателей, но и самих студентов.

Портальное решение вузовского веб-сайта выполняет роль более сложной организации входящих в данный веб-сайт структурных единиц, а также предоставляет пользователям дополнительные сервисы. Возможность авторизированного входа позволяет завести свой личный кабинет и предоставляет расширенные возможности при работе с ресурсом. Так при формировании раздела, посвященного преподавателям кафедры, можно предоставить зарегистрированным пользователям возможность полнотекстового доступа к ресурсам. Кроме того, развитие веб-технологий позволяет применять различные интерактивные формы взаимодействия: на сайте можно разместить форум или блог. Преподаватели получат возможность самостоятельно формировать контент своего раздела, добавлять необходимые материалы, а также вести переписку с учащимися, оставлять комментарии и совместно работать с необходимыми ресурсами. При таком построении веб-сайт кафедры превращается в социальную мини-сеть научной тематики. При этом возможность задать вопрос не ограничивается часами консультации отдельного преподавателя. Актуальность размещенной информации будет на самом высоком уровне. Такой подход к формированию контента веб-сайта кафедры дает возможность полноценного использования всех преимуществ электронного представительства вуза в Сети и делает вузовский веб-сайт современным конкурентоспособным ресурсом.

Примечания

[1] Полтавец А. В. Веб-сайт вуза как эффективный инструмент обеспечения вузовской деятельности // Науч. вестн. Урал. акад. гос. службы: политология, экономика, социология, право. 2010. Вып. № 3 (12). URL: http://vestnik.uapa. ru (дата обращения: 10.03.2012).

[2] Ахматова Т. В., Галицкий Н. Л., Шаклеин Т. Л. Sun ONE как платформа для построения надежных и масштабируемых портальных решений // Интернет-порталы: содерж. и технологии. 2004. Вып. 2. С. 432.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Склатер Н. Электронное образование в облаке // HRM. RU: ведущий портал о кадровом менеджменте. URL: http://hrm. ru (дата обращения: 10.03.2012).

[6] Администрирование Google Apps. URL: http://support. google (дата обращения: 10.03.2012).

УДК 01(470)"19"

Г. В. Михеева

Научно-информационная библиография по историческим наукам в России в первое послереволюционное пятилетие (1917–1921 гг.). Часть 1

Одной из характерных тенденций исследуемого пятилетия можно назвать расширение тематики ретроспективной библиографии в отдельных отраслях исторической науки. Характерным моментом для рассматриваемого периода является также сочетание в одном лице историка-исследователя и библиографа. Историческая библиография в этот период продолжает оставаться неотъемлемой частью организации исследовательской работы. Рассматриваемый пятилетний отрезок времени – это период становления новой, советской исторической науки, создания первых кадров советских историков, возникновения новых идеологических исторических учреждений, появления первых советских исторических журналов, новых исторических исследований с позиций утверждавшейся марксистско-ленинской идеологии, массовго издания популярных исторических работ. Все это неизбежно отражалось на соответствующей отраслевой библиографии.

Ключевые слова: история библиографии, исторические науки, библиография в 1917–1921 гг.

Galina V. Mikheeva

The scientific and informational references for the historical science in Russia in the first post-revolution years (1917–1921). Part 1

One of the salient trends in five-year post-revolution period under study is including the retrospective extension of subject bibliographies in separate branches of historical science. A typical moment for the period is the combination of the historian and researcher, and bibliographer in one person. Historical bibliography of this period continues to be an integral part of the organization of research work. Considered a five-year period of time is a period of the new Soviet historical science, the creation of the first frame of Soviet historians, the emergence of new ideological history of institutions, the emergence of the first Soviet historical journals, new historical research from the position asserted by Marxist-Leninist ideology and the mass publication of popular historical works. All of this is inevitably reflected in the relevant bibliography.

Keywords: history of bibliography, historical of science, bibliography in 1917–1921

Относительно других отраслей знания, библиография дореволюционной исторической литературы находилась в сравнительно благополучном состоянии. К 1917 г. был создан достаточно стабильный текущий учет новых книг и статей по истории[1], который с 1901 г. осуществлял на страницах «Прибавлений» к «Известиям Археологической комиссии» известный филолог-классик, книговед и библиограф, член-корреспондент Петербургской академии наук (с 1916 г.) А. И. Малеин. Охват источников для этих списков и обзоров был весьма широк – кроме органов официальной текущей регистрации произведений печати, обследовались около 400 исторических, общественно-политических и других периодических и продолжающихся изданий[2]. Не касаясь полноты отражения материала в этих текущих указателях, хотелось бы прежде всего отметить, что главное их достоинство было в продолжительности выхода и непрерывности учета документопотока по широкому спектру истории, археологии (особенно полно и тщательно), исторической географии, истории религии и культуры, фольклору, истории отдельных наук, искусству. С полным основанием «Новые книги историко-археологического содержания, вышедшие в России…» и «Обзор повременных изданий, выходящих в России…» можно отнести к полиотраслевым библиографическим пособиям, отражавшим широкий спектр литературы в области общественных наук.

Продолжился выход в свет «Новых книг…» и «Обзора повременных изданий…» и в 1917, и в 1918 гг. В 1917 г. в «Прибавлениях» к вып. 64 «Известий Археологической комиссии» учтены новые книги по перечисленным областям знания за вторую половину 1916 г. – 173 названия[3]. В 1918 г. в «Прибавлениях» к вып. 66 отражено 71 название книг за 1917 г.[4] Материал расположен в систематическом порядке, раскрыто содержание сборников, учтены рецензии на опубликованные работы.

В «Прибавлениях» к тем же выпускам помещен и «Обзор повременных изданий, выходящих в России…»[5], в котором в обоих выпусках по названиям периодических изданий отражены около 800 статей из газет, журналов, сборников трудов на русском и иностранных языках по

истории, археологии, религии, палеографии, философии, искусству. В «Обзоре» за 1917 г. включены сведения о содержании «Епархиальных ведомостей», сообщенные церковным историком, председателем Церковно-археологического отдела Общества любителей духовного просвещения Н. П. Виноградовым.

Все перечисленные библиографические списки вышли в 1917–1918 гг. без указания имен составителей с сохранением ранее принятых методических принципов, что позволяет с известной долей вероятности приписать их тому же А. И. Малеину. После 1918 г. издание этих текущих библиографических пособий прекратилось.

Ценные критические статьи и обзоры текущей литературы по русской истории содержались и в издаваемом Историческим обществом при Московском университете «Историческом вестнике». Начиная с 1-го номера за 1916 г. в каждом номере этого года и в первых двух номерах за 1917 г. публиковалась аннотированная систематическая библиография книг, статей и рецензий на русском и иностранных языках «Литература по русской истории» (в номерах за 1917 г. учтено 601 название)[6]. Редакторами этих обзоров были известные историки, профессора Московского университета Ю. В. Готье и В. Н. Пичета. В тех же номерах «Русские новости по всеобщей истории»[7] – систематические аннотированные списки книг, статей и рецензий на русском и иностранных языках, опубликованных в России и касающихся всеобщей истории, – представлял другой известный историк Д. Н. Егоров[8]. Участие таких видных специалистов обеспечивало высокий научный уровень пусть и недолго существовавших пособий. На первых двух номерах 1917 г. эти обзоры прекратились и в рассматриваемое пятилетие больше не возобновлялись.

В 1917 г. попытку наладить текущую библиографию в виде ежегодных подробных аннотированных списков «Библиография русской истории» предпринял «Русский исторический журнал». В приложении к кн. 1/2 был опубликован систематический обзор книг, статей, указателей и справочников за 1916 г. (всего 330 названий), предполагалось, что «в следующих… (номерах. – *Г. М.)* обзор должен превратиться в текущий», однако до этого дело не дошло, и в последующих номерах (до последнего номера 8-го за 1922 г., когда прекратился выход журнала) в нем присутствовал только раздел «Критика и обзоры научной литературы», в котором публиковались отдельные тематические обзоры исторической литературы, критические статьи и рецензии.

Каких-либо иных текущих библиографических пособий по всеобщей и русской истории в целом в этот период в России не было.

Попытку наладить текущий учет книг о российской истории предпринимал А. С. Ященко в своем берлинском журнале «Русская книга»[9]. Начиная с 1-го номера журнала за 1921 г. был выделен раздел «Книги о России на немецком языке, вышедшие в 1920 г.»[10]. Со 2-го номера раздел был расширен и назван «Книги о России, вышедшие в 1920–1921 гг.», продолжался этот раздел и в 4-м номере журнала[11]. Всего в трех номерах учтены около 800 названий книг на немецком, французском, английском, итальянском, скандинавских и голландском языках в следующих подразделах: «Большевистская литература», «Антибольшевистская литература», «Переводы русских авторов». Сложности издания журнала в русском зарубежье привели к прекращению этого раздела, вскоре перестал выходить и сам журнал.

Ретроспективная историческая библиография к началу рассматриваемого периода достигла небывалых по сравнению с другими отраслевыми библиографиями высот. Особая заслуга в этом принадлежит В. И. Межову – создателю как универсальной, так и тематической исторической библиографии. Фундаментальная «Русская историческая библиография» В. И. Межова за 1800–1854 и 1865–1876 гг.[12] до сих пор остается непревзойденным трудом в области исторической библиографии. В определенной мере продолжена эта отраслевая библиография в известных трудах В. И. Иконникова «Опыт русской историографии»[13] и Н. А. Рубакина «Среди книг»[14]. До 1917 г. издавались и другие значительные работы в области исторической библиографии[15].

1917 год, завершавший предшествующий период в развитии исторической библиографии в России, был особенно богат разнообразными библиографическими списками и указателями в области вспомогательных исторических дисциплин.

Прежде всего это были капитальные описания дел и документов, хранящихся в различных архивах. В этом году вышел 1-й том «Описания дел Архива Министерства народного просвещения»[16] под редакцией известного историка, будущего академика С. Ф. Платонова и начальника архива этого министерства А. С. Николаева. Учтены 625 документов, посвященных Комиссии об учреждении народных училищ и Виленской Академии и иезуитским коллегиям. Снятие идеологических препон вследствие Февральской революции позволило отразить в дополнительном списке 22 названия уничтоженных документов, а также подготовить и издать в 1921 г. 2-й том

«Описания»[17], включивший 398 названий документов «по цензурной части и сочинениям» за 1802–1817 гг., в котором в дополнительном списке учтено свыше 300 изъятых и уничтоженных названий.

В том же 1917 г. вышел очередной 20-й том «Описания документов и бумаг, хранящихся в б. Московском архиве Министерства юстиции», издание которого началось еще в 1869 г.[18] «Описание сенатских дел Исторического архива Таврической ученой архивной комиссии»[19] (840 документов за 1797–1841 гг.) было издано историком Крыма П. В. Никольским.

Общество истории и древностей российских при Московском университете завершило начатое с 1889 г. издание «Обзора „Грамот коллегии экономии"», выпустив 4-й выпуск «Кострома „с товарищи" и Переславль-Залесский»[20] (1619 документов XIV–XVIII вв.), все выпуски которого подготовил историк С. А. Шумаков. Продолжилось раскрытие состава библиотеки гербового отделения Департамента герольдии Правительствующего Сената[21].

В изданном Русским историческим обществом в том же году 2-м томе «Сборника материалов, относящихся до архивной части в России» писатель, историк церкви, начальник архива и библиотеки Святейшего синода К. Я. Здравомыслов опубликовал «Сведения о существующих в епархиях церковно-археологических учреждениях и консисторских архивах»[22]. Материал расположен по группам учреждений: историко-археологические общества, комитеты и музеи с древлехранилищами и библиотеками. В тексте работы и в списках литературы к статьям учтено около 800 названий книг и статей с начала XIX в. Кроме того, указаны издания упомянутых учреждений, каталоги рукописей, старопечатных книг и архивных материалов, хранящихся в них, приведена литература по истории этих учреждений.

В 1918 г. было опубликовано 6-е издание «Подробного каталога изданий Археографической комиссии, вышедших в свет с 1836 по 1918 г.»[23]. В каталоге по видам изданий (книги, продолжающиеся издания, оттиски) отражены 269 названий документов, раскрыто содержание многотомных (летописи, акты и т. д.) и продолжающихся изданий Комиссии за указанный период. Богатый по содержанию, он тем не менее страдал рядом существенных недостатков. Делая впоследствии достаточно подробный его анализ, Н. А. Черемисина отмечала: «Основное расположение материала в каталоге – систематическое, причем сочетается несколько принципов: вид источника (летописи, акты и др.), территория, которой касается источник (Северо-Запад России, Сибирь и др.), и тип издания источника (издания серийные, издания отдельных источников, указатели к изданиям). Такой порядок расположения создает известные трудности в разыскании материала, так как приходится просматривать все оглавление, чтобы найти нужное издание. Например, описание всех томов „Полного собрания русских летописей" дано в самом начале, а сведения об имеющихся указателях к летописям мы находим в конце каталога под рубрикой „Указатели".

К каталогу приложен вспомогательный указатель, представляющий хронологический список изданий Археографической комиссии… Недостатком вспомогательного указателя является отсутствие связи его с основным указателем, где дано полное библиографическое описание изданий комиссии»[24].

Дальнейшее развитие получила библиография славяноведения[25], в том числе и отдельных славянских народов, прежде всего – украинского.

Один из организаторов Украинской центральной рады, политический деятель, публицист и литературный критик С. А. Ефремов в научно-литературном и общественно политическом журнале «Украинская жизнь» поместил список «Библиотека по украиноведению» – около 400 названий книг и статей на русском, украинском и польском языках с конца XVIII в. по 1917 г.[26] по национальным вопросам, автономии и федерализму, политике, истории, географии, этнографии, языку, литературе и искусству украинского народа. В том же 1917 г. вышел и указатель содержания «Украинской жизни», отразивший 729 названий статей по украиноведению[27].

В лекциях «История западных славян (прибалтийских, чехов и поляков)»[28] ректора Московского университета будущего академика М. К. Любавского, опубликованных в 1917 г. 1-м, а в 1918 г. – 2-м и 3-м изданиями, в библиографических списках в конце каждой лекции помещены списки русских и иностранных книг с середины XIX в. по 1915 г. – всего более 200 названий.

Наиболее заметным явлением было издание последнего выпуска капитального общеотраслевого библиографического указателя гуманитарного профиля «Обозрение трудов по славяноведению», подготовленного А. Л. Бемом[29]. Над созданием этого указателя, ставившего задачей учесть все труды, посвященные изучению языка, истории и литературы славянских народов, особенно – труды русских ученых по славяноведению, а также работы, посвященные изучению русского языка, литературы и истории до середины XIX в., – начиная с 1909 г. работала большая группа ученых – академик А. А. Шахматов, будущие члены-корре-

спонденты В. Н. Бенешевич и М. Р. Фасмер, профессор В. И. Срезневский, краевед и библиограф П. Н. Столпянский.

Последний, 6-й выпуск «Обозрения» под названием «Русская история и древности»[30] включал 3749 названий книг и статей на русском и иностранных языках за 1910–1913 гг. Отражены материалы по истории, истории права, истории церкви, истории искусств, геральдике, нумизматике, сфрагистике, генеалогии, географии, этнографии, антропологии, а также биографические работы, посвященные ученым, занятым в этих областях знания. Составитель стремился по возможности учесть рецензии на включенные труды. Детальная классификация, необходимые в ряде случаев содержательные аннотации, ознакомление de visu с большинством включенных документов делали обширный и богатый материал (для этого выпуска просматривались около 500 названий периодических изданий) весьма ценным библиографическим пособием по указанным областям. По оценке М. В. Машковой, «„Обозрение“ остается ценнейшим справочником по литературе славяноведения»[31].

Других крупных библиографических трудов по всеобщей истории, истории России и зарубежных стран в рассматриваемое пятилетие создано не было. Тем не менее эти отрасли получили свое отражение в отдельных библиографических списках.

В области всеобщей истории значимые библиографические списки были опубликованы в составе капитальных научных работ. Библиографические материалы, посвященные истории Византии, отражены в примечаниях к главам «Лекций по истории Византии» известного византиниста и арабиста А. А. Васильева[32] и в помещенных в этой работе двух очерках разработки истории Византии на Западе[33] и в России[34]. Кроме того, в этом труде дан обзор специальных журналов по византиноведению на русском и иностранных языках за 1843–1915 гг.[35] В известной мере дополняла эти материалы «Литература по истории Византийской империи» историка-византиниста К. Н. Успенского, опубликованная в его «Очерках по истории Византии»[36].

Отдельным изданием вышли «Библиографические материалы о татарах Польши, Литвы, Белоруссии и Украины» Л. К. Кричинского[37], включившие 239 названий книг и статей на русском и иностранных языках по истории, геральдике, генеалогии, праву, статистике, этнографии и беллетристике так называемых «литовских татар» с середины XVI в. по 1917 г.

В редактируемом А. И. Малеиным и преподавателем Царскосельской гимназии С. О. Цыбульским «научно-популярном вестнике античного мира» журнале «Гермес», регулярно публиковавшем в разделе «Новые книги» рецензии и аннотации на книги соответствующей тематики, в № 4 за 1917 г. помещен список иностранной литературы по древнегреческой истории и литературе за 1914–1916 гг.[38]

В выпущенном в 1917 г. под редакцией В. Я. Брюсова и М. Горького «Сборнике финляндской литературы» опубликована тщательно составленная преподавателем Гельсингфорского университета, будущим многолетним консулом в Стокгольме, В. М. Смирновым библиография по вопросам политики, экономики, истории и культуры Финляндии (около 400 названий книг и статей с конца XIX в. по 1916 г.)[39]. Тот же В. Я. Брюсов в «Летописи исторических судеб армянского народа (от VI в до Р. Хр. по наше время)»[40] поместил библиографию книг и статей на русском и иностранных языках за 1661–1916 гг. по этой проблеме (около 100 названий).

Библиографическое сопровождение изучения собственно российской истории также в основном ограничивалось списками и указателями в лекционных курсах и капитальных трудах. «Курс истории России XIX в.» профессора Петроградского политехнического института А. А. Корнилова, вышедший вторым изданием в трех частях в 1918 г.[41], сопровождался солидными списками сочинений и материалов, относящихся к истории России периодов царствования от Екатерины II до Александра III[42]. В целом в них учтено 1340 названий книг и статей на русском и иностранных языках с середины XIX в. по 1913 г.

В «Сказаниях иностранцев о Московском государстве» В. О. Ключевского включены 35 названий описаний Московского государства (книги и журнальные публикации XVII–XIX вв.)[43], в приложениях, составленных известным архивистом Я. Л. Барсковым, отражены сведения об изданиях «Сказаний…» Ключевского и около 100 названий дополнительных библиографических примечаний за 1822–1906 гг.[44]

В «Русском историческом журнале» помещен список историка, профессора Петроградского и Тифлисского университетов, автора целого ряда трудов по истории России и Грузии М. А. Полиевктова «Историческая литература по эпохе Николая I за 1900–1916 гг.»[45] – около 150 названий книг и статей на русском и иностранных языках. Библиография о скифах сопровождала работу историка античного искусства Н. А. Щербакова и сотрудницы Библиотеки Румянцевского музея В. С. Щербаковой «Скифы»[46]. В списке учтены 67 названий книг и статей на русском и иностранных языках за 1787–1918 гг.

В рассматриваемый период опубликована одна из первых библиографических работ в об-

ласти методологии истории – «Краткий обзор литературы по методологии истории». Составленный известным историком, профессором Петроградского университета, будущим «пассажиром философского парохода» Л. П. Карсавиным и опубликованный в его книге «Введение в историю: (Теория истории)»[47], которая вышла первым выпуском в серии «Введение в науку», обзор охватывал около 300 названий книг и статей на русском и иностранных языках за 1812–1919 гг.

Продолжала совершенствоваться и библиография краеведческой историографии[48]. Созданный профессором Иркутского университета В. И. Огородниковым «Очерк истории Сибири до начала XIX стол.», часть 1-я которого «История до-русской Сибири» была написана в Иркутске в период колчаковского правительства в 1919 г.[49], содержал достаточно репрезентативные библиографические списки к главам (125 названий книг и статей на русском и иностранных языках за 1816–1918 гг.). Отмечая достоинства этой работы, будущий член-корреспондент Академии наук СССР С. В. Бахрушин писал, что она «отвечает давно назревшей потребности и заполняет большой пробел в русской историографии»[50], отметил он и наличие в ней значимых библиографических списков по главам.

В означенный период вышли две историко-краеведческие работы художника, историка искусства Г. К. Лукомского – «Старинные усадьбы Харьковской губернии» (Пг., 1917) и «Старый Петербург. Прогулки по старинным кварталам столицы» (Пг., 1917). Обе работы содержали хотя и небольшие, но ценные библиографические списки книг и журналов по истории рассматриваемых объектов.

«Библиографический указатель к истории С.-Петербургского университета за 1819–1835 гг.» (95 названий книг и статей), составленный директором Царскосельской гимназии Р. Н. Геппенером, предварял том 1-й «Материалов по истории С.-Петербургского университета»[51].

Как всегда в области исторической библиографии продолжалось создание библиографических пособий, связанных с переживаемыми историческими событиями и их последствиями.

В ответ на животрепещущие проблемы Б. С. Боднарский в 1917 г. выпускает «Библиографический указатель литературы по вопросам текущего момента с марта 1917 г.»[52]. В указателе в систематическом порядке учтены около 400 названий книг и брошюр по общественно-политическим вопросам. Указатель Боднарского – один из ценнейших библиографических источников, по горячим следам и непредвзято отразившим события Февральской революции в России.

Продолжавшаяся Первая мировая война, принесшая неисчислимые жертвы и страдания народам России, как следствие порождала вопросы оказания помощи ее жертвам. Библиография, в свою очередь, своими средствами отвечала на эти жизненно важные проблемы. В 1917 г. вышли два указателя содержания журналов, публиковавших материалы о помощи раненым, больным воинам и беженцам. Прежде всего это капитальный «Систематический указатель к „Известиям Главного комитета“ Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам за 2 года, с 15 октября 1914 г. по 15 октября 1916 г., № 1–49 включительно»[53], составленный сотрудником редакционно-издательского отдела Союза Н. С. Полухиным. Обширный материал (около 6000 названий статей) расположен по разделам, внутри – по губерниям. Снабженный целым рядом вспомогательных указателей, он дает исчерпывающее представление о деятельности Союза за два года его существования.

Свыше 350 названий статей, заметок, сообщений, корреспонденций и т. д. «по вопросам помощи евреям – жертвам войны» отражено в указателе журнала «Помощь», сборника «Помощь беженцам» и журнала «Дело помощи» за 1915–1916 гг.[54]

В области библиографии литературы по этнографии и фольклору существенных достижений в рассматриваемый период 1917–1921 гг. не наблюдалось. По-прежнему списки подобной литературы помещались в трудах ученых-этнографов: по этнографическим картам и диалектологии белорусов – в работе академика Е. Ф. Карского[55], по чувашам – в труде одного из первых чувашских историков и этнографов, профессора Казанского университета Н. В. Никольского[56]. В этот период центром изучения вопросов этнографии народов Поволжья остается Казань, а народов Сибири – Иркутск. Немало в исследовании этих вопросов сделали профессора и преподаватели Казанского университета, особенно – Общества археологии, истории и этнографии при этом университете[57] и Государственного Иркутского университета, а также Восточно-Сибирского отдела РГО[58].

Из числа значимых библиографических работ в области этнографии, фольклора и антропологии следует отметить список трудов антрополога, этнографа, археолога, сотрудника Этнографического отдела Русского музея Ф. К. Волкова (210 названий книг и статей на русском и иностранных языках), помещенный в связи с кончиной ученого в «Русском историческом журнале»[59].

По-прежнему большое место в исторической библиографии отводилось биографическо-

му жанру. Появление списков трудов историков было, как правило, связано либо с юбилеями, либо сопровождало некрологи скончавшихся ученых. В рассматриваемый отрезок времени были опубликованы списки трудов профессора Московского университета М. К. Любавского[60], профессоров Казанского университета С. П. Шестакова[61] и М. М. Хвостова[62], преподавателя Одесской семинарии Л. С. Мацеевича[63], одного из редакторов «Голоса минувшего» В. И. Семевского[64], членов-корреспондентов АН Н. И. Веселовского[65] и П. Н. Жуковича[66], академиков А. С. Лаппо-Данилевского[67] и М. А. Дьяконова[68], историка Крыма Бертье-Делагарда[69] и др.

В 1919 г. Главное управление архивным делом (ГУАД) предприняло попытку создания биобиблиографического словаря отечественных историков. Научно-статистический отдел ГУАД, включавший в себя русский и библиотечный подотделы, с апреля 1919 г. составлял картотеку русских историков и разработал специальную анкету, с помощью которой должны были быть дополнены сведения, полученные из литературных источников[70]. Целью работы было «прежде всего составление полной библиографии как по собственным трудам каждого историка, так и по трудам о нем – критическим и библиографическим»[71]. Сложности исторического периода, переключение сотрудников на текущую работу по подготовке съезда губернских уполномоченных ГУАД не дали реализоваться намеченным планам.

Таково было одно направление развития исторической библиографии в первое послереволюционное пятилетие, продолжавшее богатые дореволюционные традиции этой отраслевой библиографии.

Окончание в следующем номере

Примечания

[1] Напомним, что основы учета были заложены еще А. Н. Афанасьевым, с 1850 по 1853 г. помещавшим ежегодные обзоры «Историческая русская литература в … году» в некрасовском «Современнике», и продолжены систематическими ежегодниками текущей исторической литературы на русском языке «Русская историческая библиография» за 1855–1864 гг., составленными братьями Б. П. и П. П. Ламбиными.

[2] Машкова М. В. История русской библиографии начала XX в. (до октября 1917 г.). М., 1969. С. 238.

[3] Изв. Археол. комис. 1917. Прибавление к вып. 64. С. 84–91.

[4] Там же. 1918. Прибавление к вып. 66. С. 59–62.

[5] Там же. 1917. Прибавление к вып. 64. С. 73–83; 1918. Прибавление к вып. 66. С. 63–73.

[6] Литература по русской истории: библиогр. обзор. Ч. 4–5 / под ред. Ю. В. Готье, В. И. Пичеты // Ист. вестн. 1917. № 1. С. 145–191; № 2. С. 178–200.

[7] Там же. 1917. № 1. С. 192–207; № 2. С. 201–217.

[8] Не имея возможности продолжить публикацию текущих указателей, Д. Н. Егоров лишь в 1921 г. в журнале «Задруга» опубликовал обзор «Германская историческая литература за 1920 и 1921 гг.» (Задруга. 1921. № 1. С. 6–8).

[9] Подробно об А. С. Ященко и его журнале см.: Михеева Г. В. Журнал А. С. Ященко «Русская книга» («Новая русская книга») // Книга: исслед. и материалы. 1992. Сб. 64. С. 99–114.

[10] Рус. кн. 1921. № 1. С. 48–50.

[11] Там же. № 2. С. 39–48; № 4. С. 29–33.

[12] СПб., 1892–1893. Т. 1–3; 1882–1890. Т. 1–8.

[13] Киев, 1891–1908. Т. 1–2.

[14] М., 1911–1915. Т. 1–3.

[15] Подробный перечень их дан в подготовленном Государственной публичной исторической библиотекой указателе «Библиография русской библиографии по истории СССР: аннот. перечень библиогр. указ., изд. до 1917 г.» (М., 1957). Детальная характеристика их приведена в работах: Здобнов Н. В. История русской библиографии до начала XX в. 3-е изд. М., 1955. С. 422–430; Машкова М. В. Указ. соч. С. 241–243.

[16] Пг., 1917. Т. 1. LXXX, 418 с. разд. паг.

[17] Пг., 1921. XXXII, 384 с.

[18] М., 1921. 246 с. (241 название).

[19] Симферополь, 1917. VIII, 559 с.

[20] М., 1917. 688 с.

[21] Лукомский В. К. Каталог библиотеки гербового отделения Департамента герольдии Правительствующего Сената. Русский отдел: (1-е доп.). Пг., 1917. 50 с. (109 названий, поступивших в библиотеку в 1916 г.); Список изданий, недостающих в Библиотеке гербового отделения Департамента герольдии Правительствующего Сената. Родословия. Пг., 1917. 20 с. (113 названий за 1792–1914 гг.).

[22] Сборник материалов, относящихся до архивной части в России. Пг., 1917. Т. 2. С. 326–359.

[23] Пг., 1918. II, 116 с.

[24] Черемисина Н. А. Общие библиографии исторических источников по истории СССР // Уч. зап. / МГБИ. 1955. Вып. 1. С. 112.

[25] В данной статье не рассматривается библиография славяноведения в части литературы и языка.

[26] Укр. жизнь. 1917. № 3/6. С. 99–139.

[27] Указатель статей и заметок, напечатанный в «Украинской жизни» в 1912–1916 гг. М., 1917. 44 с.

[28] Любавский М. К. История западных славян (прибалтийских, чехов и поляков): лекции. М., 1917 (2-е изд. 1918; 3-е изд. 1918).

[29] Подробнее общую характеристику всех выпусков см.: Машкова М. В. Указ. соч. С. 276–278. Об А. Л. Беме подробно см.: Михеева Г. В. История русской библиографии (февраль 1917–1921 гг.) СПб., 2006. Ч. 1. С. 487–488.

[30] Бем А. Л. Русская история и древности. Пг., 1918. С. 435–685. (Обозрение трудов по славяноведению / под ред. В. Н. Бенешевича; 1913, вып. 3/4 (до 1 янв. 1916 г.), вып. 6).

[31] Машкова М. В. Указ. соч. С. 277.

[32] Васильев А. А. Лекции по истории Византии. Т. 1. Время до крестовых походов (до 1081 г.). Пг., 1917.

[33] Там же. С. 1–30.

[34] Там же. С. 30–40.

[35] Там же. С. 40–42.

[36] Успенский К. Н. Очерки по истории Византии. М., 1917. Ч. 1. С. 266–268.

[37] Пг., 1917. II, 84 с.

[38] Кузнецов К. А. Иностранная литература по древнегреческой истории и литературе (1914–1916) // Гермес. 1917. № 4 (190). С. 83–84.

[39] Сборник финляндской литературы. Пг., 1917. С. 476–487.

[40] М., 1918. С. 117–122.

[41] Первое издание выходило в 1912–1914 гг.

[42] Корнилов А. А. Курс истории России XIX в. 2-е изд. М., 1918. Ч. 1. С. 48–51, 68–70, 85–86, 271–280; Ч. 2. С. 115–124; Ч. 3. С. 240–264, 320–326.

[43] Пг., 1918. С. 12–17.

[44] Ключевский В. О. Сказания иностранцев о Московском государстве. Пг., 1918. С. 314–324.

[45] Рус. ист. журн. 1917. Кн. 1/2. С. 230–255.

[46] М., 1918. С. 73–78.

[47] Карсавин Л. П. Введение в историю: (теория истории). Пб., 1920. С. 45–78.

[48] См. также: Михеева Г. В. История русской библиографии (февраль 1917–1921 гг.). СПб., 2006. Раздел «Краеведческая библиография». С. 356–378).

[49] Иркутск: Тип. Штаба воен. округа, 1920.

[50] Дела и дни. 1920. Кн. 1. С. 476.

[51] Пг., 1919. С. CLI–CLVIII.

[52] М.: Звезда, 1917. 96 с.

[53] М., 1917. XXIII, 200 с.

[54] Дело помощи. 1917. № 1/2 (15/16). С. 1–8 (2-я паг.).

[55] Карский Е. Ф. Этнографическая карта белорусского племени. Пг., 1917. С. 29–32.

[56] Никольский Н. В. Краткий конспект по этнографии чувашей. Казань, 1919. С. 102–103.

[57] Вишневский Б. Н. Список работ, дающих представление о физическом типе народностей Казанской губернии // Казан. музейн. вестн. 1920. № 3/4. С. 25–27; Указатель литературы по музыкальной этнографии // Никольский Н. В. Конспект по истории народной музыки у народностей Поволжья. Казань, 1920. С. 60–63; Его же. Печатные работы В. К. Магницкого // Изв. О-ва археологии, истории и этнографии при Казан. ун-те. 1919. Т. 30, вып. 2. С. 242–243; и др.

[58] Адрианов А. В., Серебрянников И. И. Литературные труды Д. А. Клеменца (1884–1910 гг.) // Изв. ВСРГО. 1917. Т. 45. С. 273–312; Перечень печатных материалов о писаном праве монгольских племен // Сб. тр. проф. и преподавателей Гос. Иркут. ун-та. Отд. 1. Науки гуманитарные. 1921. Вып. 1. С. 11; Миротворцев К. Н. Литература о карагасах // Там же. Вып. 2. С. 89–90; Его же. Карагасы. Иркутск, 1921. С. 24–25; и др.

[59] Золотарев Д. А. Список оригинальных работ, статей, библиографических заметок и рецензий, напечатанных в разное время Ф. К. Волковым… // Рус. ист. журн. 1918. Кн. 5. С. 358–365.

[60] Сборник статей в честь Матвея Кузьмича Любавского. Пг., 1917. С. V–VII.

[61] Уч. зап. Казан. ун-та. 1917. Кн. 3/4. С. 1–17 (2-я паг.).

[62] Изв. О-ва археологии, истории и этнографии при Казан. ун-те. 1921. Т. 31, вып. 2/3. С. 105–114.

[63] Изв. Одес. библиогр. о-ва при Новорос. ун-те. 1917. Т. 5, вып. 3/4. С. 154–160.

[64] Журн. М-ва нар. просвещения. 1917. Ч. 67, февр. С. 81–88.

[65] Зап. Вост. отд-ния Рус. археол. о-ва. 1921. Вып. 1/4. С. 387–388.

[66] Дела и дни. 1920. Кн. 1. С. 597–599.

[67] Рус. ист. журн. 1920. Кн. 6. С. 29–41.

[68] Там же. 1921. Кн. 7. С. 26–30.

[69] Изв. Тавр. уч. арх. комис. 1918. № 54. С. V–VI.

[70] Подробно о подготовке этого словаря см.: Седельников В. О. Работа над биобиблиографическим словарем русских историков (1919 г.) // Археогр. ежегодник за 1980 г. М., 1981. С. 259–263.

[71] Цит. по: Там же. С. 260.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Art History

УДК 7.01

Е. В. Старинкова

Проявление биоморфизма в эстетике человеческого бытия

В представленной работе дана характеристика сложной системы моделирования художественных образов с помощью объектов живой природы, имеющей в научном мире определение биоморфизм. На примерах предметов декоративно-прикладного искусства представлена широкая картина типового разнообразия декоративных элементов, имеющих в основе природные образы. Биоморфизм как художественный текст, который создается по законам продуктивного воображения на основе уже существующего в природе материала, имеет собственную типологическую картину.

Ключевые слова: биоморфизм, «звериный стиль», типология декора, зооморфный декор, декоративно-прикладное искусство

Elena V. Starinkova

Biomorphism manifestation in an esthetics of human life

In the presented work the characteristic of difficult system of modeling of art images by means of objects of the wildlife having in the scientific world definition a biomorphism is given. On examples of subjects of arts and crafts the wide picture of a standard variety of the decorative elements having in a basis is presented natural images. The biomorphism as the art text which is created under laws of productive imagination on the basis of material already existing in the nature, has own typological picture.

Keywords: biomorphism, «animal style», decor typology, zoomorphik decor, applied art

Сопровождая человека на протяжении всего его жизненного пути, животные занимают важное место как в повседневной, так и в духовной жизни людей. С древних времен их разнообразные изображения содержали глубокий смысл, отражая универсальную религиозно-социальную систему, основой которой являлся культ тотема – объекта религиозного почитания группы людей. Это мог быть предмет или явление природы, но чаще животные или растения, которым поклонялись люди определенного клана. Они считали себя связанными с тотемом общим происхождением. Образы мифических предков, соединявших в себе людей, животных, иногда элементы растений, виделись им в качестве покровителей, которые способны обеспечить защиту и жизненные блага.

Использование мотивов природы в изобразительном творчестве выражено термином биоморфизм (введен в научный оборот Е. В. Байковой)[1], который представляет собой систему моделирования образов с помощью объектов живой природы. Эта система моделирования обладает способностью накапливать и передавать информацию и формирует биоморфные структуры, которые предоставляют возможность «переосмысления представлений об архетипических образах не только на уровне теории культуры, философии и психологии творчества, но и на утилитарном уровне композиции реальных предметов»[2].

Биоморфные структуры формируют типологию декора, которая включает антропоморфный, зооморфный, орнитоморфный, герпетоморфный, ихтиоморфный, энтоморфный, фитоморфный декор. В основе каждого из типов биоморфного декора, предложенного нами, находятся живые организмы (или их части), в соответствии с типологией относящиеся к человеку, животному, птице, пресмыкающемуся, рыбе, насекомому, растению. Эта типологическая картина является результатом преображения в сознании художника природного материала.

Одним из составляющих биоморфизма является зооморфизм – своего рода художественный текст, который создается по законам продуктивного воображения на основе уже существующего в природе материала.

Зооморфизм проявлялся в мифологических образах богов, олицетворявших стихии природы, часто принимавших обличие разных животных, пресмыкающихся и растений. Д. Ж. Томсон отмечал, что «поскольку нет ни одного члена олимпийского пантеона, который не был бы тем или иным путем связан с животными и растениями, мы можем вполне закономерно полагать, что вся греческая религия в целом опирается на тотемическую основу»[3]. Способность богов перевоплощаться в различных животных отражена в мифах: так Зевс превращался в быка, Гермес – в барана, Деметра – в лошадь, Посейдон – в коня.

Древние греки украшали фигурами живот-

ных бытовые и культовые предметы: керамические вазы, мебель, жертвенники и т. п. Тотемы в виде льва, лошади, кабана, собаки, дельфина, змеи и т. д. находили свое отражение не только в декоративной живописи, но и в произведениях мелкой пластики и монументального искусства: это были домашние животные и птицы (баран, лошадь, бык, собака, петух), дикие (кабан, лев, пантера) и экзотические (обезьяна, слон) животные.

Зооморфизм нашел свое воплощение в эстетике человеческого бытия, охватив широкий временной период и распространившись на значительной территории. Он проявился в особом художественном стилистическом направлении, так называемом «зверином стиле». Искусство народов евразийских степей I тысячелетия до н. э. характеризуется использованием анималистических мотивов, сформировавших «звериный стиль» скифской эпохи. Произведения этого искусства находили при раскопках древних погребений на территории южной части России, Украины, Казахстана и части Сибири. Изделия отличались лаконизмом и совершенством художественных решений. Мастера с максимальным эффектом использовали природу материала (золота, бронзы или кости), а украшение предметов быта зооморфными мотивами несло глубокую смысловую нагрузку.

Как особое стилевое направление «звериный стиль» отличало относительное единство эстетических идеалов, изобразительно-выразительных средств и технических приемов. Это проявлялось в системе ценностного отношения людей к миру и отражалось в сфере их художественной деятельности. Почитание священного зверя стало причиной появления ряда тотемных животных, а их изображения нашли свое воплощение в художественных образах. Скифо-сарматское искусство сложилось под влиянием искусства Ирана и стран Передней Азии. На искусство народов, населявших район Причерноморья, оказало влияние древнегреческое искусство.

Для «звериного стиля» скифо-сарматского искусства характерны реалистическая передача форм животных и их движений, создание динамических композиций, изображающих борьбу зверей. Среди образов, наиболее характерных для «звериного стиля», отмечают травоядных животных, хищных зверей и птиц, а также фантастических существ (грифонов). Иногда изображалась часть тела зверя или птицы (голова, лапы, когти), которая служила их символом.

Древние художники использовали различные приемы: гравировку по металлу и литье, резьбу по дереву и кости, аппликации из кожи и войлока. Это могло быть реалистичное или схематичное изображение скачущих, борющихся копытных и хищников, застывших в определенных позах. Изображение отдельных частей тела животного часто носило условный характер, так глаз обозначался кружком, рога – завитками, пасть – полукругом и т. д. В искусстве древних отмечалась значительная частота использования образов копытных животных (оленей, горных козлов, баранов и лошадей), хищников (особенно кошачьих) и хищных птиц. Предпочтение отдавалось копытным, что отражало мифологическое сознание человека той эпохи, его мировоззренческую модель.

Изображения скифо-сибирского «звериного стиля» отличаются декоративностью, условностью и в разной степени выраженным схематизмом трактовки как анималистического образа в целом, так и его отдельных деталей. Данный стиль характеризуют особые приемы схематизации: плоскостное членение туловища животного, передача когтей, ушей, глаз, деталей морды животных геометрическими элементами. Исследователь скифо-сибирского звериного стиля В. А. Кореняко отмечал, что одна из наиболее ярких его особенностей – «стилистический прием, получивший в археологической литературе название «зоологической головоломки», «загадочной картинки» или «зооморфного ребуса». Этот прием заключался в том, что в основной мотив включались изображения других животных или отдельных их частей»[4]. Характерными для скифо-сибирского звериного стиля являются образы оленя с огромными рогами, хищной птицы с преувеличенно большим клювом, свернувшегося в кольцо кошачьего хищника, а также сюжеты со сценами борьбы («терзания») животных.

Существование племен, близких по образу жизни, культуре и идеологическим представлениям, подтвердилось и при раскопках захоронений на территории Тувы. Так называемая «скифская триада: единство в типах вооружения, конского снаряжения и „звериный стиль“ в искусстве»[5] является основанием для подтверждения существования в Центральной Азии скифских племен еще в IX–VIII вв. до н. э. Образы животных, запечатленные на предметах, найденных при раскопках кургана Аржан, очень разнообразны – это изображения хищников из породы кошачьих; волка, который узнается по слегка заостренной морде и прямому хвосту; хищных птиц. Копытные животные (кабаны, верблюды, быки, антилопы, бараны, горные козлы, лошади, олени) изображены в более реалистичной манере. Эта характерная черта искусства раннескифского периода свидетельствует и о

том, что его традиции зарождались независимо от ближневосточных цивилизаций. Появление среди изображений зверей фантастических образов исследователи связывают с влиянием западной культуры[6].

Символический язык скифского «звериного стиля» повлиял на многие этнические культуры. Следы этого особого художественного явления в культуре Древнего мира прослеживаются на протяжении тысячелетий.

Семиотическая наполненность каждого образа, понятная зрителю, знакомому с историей искусств, открывает глубину смысла изображенного. «Звериный стиль» скифо-сарматов оказал влияние на средневековый бестиарий, геральдику, орнамент и в целом на всю систему символов евразийского изобразительного искусства.

Биоморфизм в эстетике человеческого бытия отражался и в христианской картине мира, которая виделась человеку с определенным представлением о событиях **Священной истории**. Это проявлялось в интересе к определенным видам птиц, животных и растений в связи с их местом в природе. Их символическая трактовка определила культуру коллекционирования, зачатки которой в раннем средневековье основывались на внимании к природным объектам. На этом базировались принципы отбора материалов для коллекций. Этот факт отметила С. И. Сотникова в работе «Природа и музей в культуре эпохи»: «Отбор, группировка и интерпретация различных видов животных, растений и минералов определяются тем, что они служат символам либо Горнего, либо Нижнего мира, божественных или демонических сил. Например, в Германии почитали клеста, называя его „христовой птицей“: согласно преданию, необычная форма клюва клеста связана с тем, что он пытался вытащить гвозди из креста, на котором был распят Христос. В пользу „святости“ этой птицы свидетельствовал реальный факт нетленности ее тела после смерти, что в настоящее время получило научное объяснение: клест питается семенами хвойных растений, богатых смолой, поэтому происходит его своеобразное прижизненное „бальзамирование“»[7].

Приведенные исследователем примеры выделения отдельных видов обитателей мира природы на основе особенностей их символической трактовки определяют внимание к этим образам и мастеров прикладного искусства.

Образная система окружающей природы лежит в основе как восточной, так и европейской культуры. Формирование этой системы происходит напрямую как подражание природным образам и опосредовано, когда художник позволяет изменять природные формы, достигая неповторимого результата.

Философская основа интерпретации природных образов связана с мировоззренческими основами в восприятии природы, существовавшими в различные эпохи. Еще в античный период уделом искусства считалось подражание природе. Сторонники идеи о могуществе человека, который может создать то, чего не может природа, придерживались своей философии. Таким образом, на порядок системы образов внешнего мира способен влиять социокультурный опыт человека. Развитость чувственного отображения действительности человеком, его воображения и мышления способствует появлению новых вариантов художественного отображения форм живой природы.

«Звериный стиль» представляет собой целостную знаковую систему с комплексом сюжетов, мотивов и стилистических приемов. Отметим, что термин «звериный стиль» не предполагает разделения по биологическому признаку (животные, птицы и т. п.).

«Зооморфизм» как явление имеет неоднозначное определение. Его понимают и как религиозное мировоззрение, представляющее божество в образах животных, и как уподобление животному, наделение качествами, присущими животным (изображение в виде зверя, птицы). Иногда и как моделирование явлений окружающего мира с помощью образов животных и их поведения.

Для языческой культуры характерна связь зооморфизма с магией и магическими действиями. В древних обрядах, основанных на вере человека в способность с помощью высших сил воздействовать на ход событий, явления природы, использовали части самих животных или их изображения. Со временем это отразилось и в архитектуре в названии отдельных деталей деревянного зодчества: конек, кобылка, козлы, соединение бревен «в лапу». В декоративно-прикладном искусстве эта тенденция прослеживается в мебельных терминах: соединение конструкций «в ласточкин хвост», опоры в виде лап зверей и птиц, «ножка» стула, «спинка» кресла.

С распространением христианства «звериный стиль» постепенно утратил свое значение, появились ограничения на изображения зверей и в мусульманском мире. Однако изображения животных продолжали фигурировать в средневековом прикладном искусстве различных народов (в частности в Западной и Восточной Европе).

Древнерусская традиция «звериного стиля» нашла свое выражение в предметах ювелирного

искусства, вещах, выполненных в технике резьбы по камню и кости, в заставках рукописных книг. Зооморфная знаковая система широко использовалась в предметах прикладного искусства. Ритмически организованные изображения частей реальных животных и птиц, и фантастических животных украшали предметы быта крестьян и вещей, использовавшихся в царских палатах и домах зажиточных людей.

Различная степень стилизации придавала своеобразие каждому орнаментальному мотиву. Изображения фантастических и реальных животных наблюдаются и в орнаментике романских соборов, и в белокаменной резьбе владимиро-суздальской школы, и в декоре предметов прикладного искусства как Европы, так и России.

В XVIII в., с появлением новых технических возможностей, расширились и художественные искания в области декорирования предметов прикладного искусства. В керамическом производстве появилась возможность изготовления тонкой майоликовой посуды и изделий мелкой декоративной скульптуры в виде человеческих фигурок, зверей и птиц. Пластичность, простота форм, выразительность изделий достигалась благодаря свойствам керамики. Для украшений часто использовали скульптурные способы декорирования. При создании чайников, сахарниц, чаш этот декор в форме ручек и подставок имел, в том числе, и утилитарное значение.

Керамическая масса с легкостью передавала тенденции стиля различных эпох. В декоре фарфоровых изделий середины XVIII в. отразились черты стиля рококо с присущими ему узорностью, легкостью, прихотливостью очертаний и ассиметричностью композиций. Обильная роспись и позолота дополнялась скульптурными изображениями цветов и птиц.

Стилистика классицизма конца XVIII в. проявлялась в лаконичности форм и сдержанности декоративных элементов. Российский фарфор Екатерининской эпохи, «перенявший» классицистическую направленность античности, украшался лепными элементами – ручками в виде львиных голов с бронзовыми кольцами, масками и фигурками сатиров. Большим разнообразием биоморфного декора отличались предметы убранства из бронзы – люстры, канделябры, подсвечники, чернильные приборы и т. п. Бронзовые литые с тончайшей разделкой фигуры львов, рожки в виде лебедей, держащих свечники в клювах, змеи, обвивающие устои канделябров, множество разнообразных накладок украшали вещи в интерьерах дворцов и особняков, перекликаясь с элементами декора на мебели.

Начало XIX в. привнесло в классицистический стиль новые черты. Сдержанность форм и конструкций влекла за собой и умеренность в использовании декоративных элементов. Они подчеркивали конструктивные особенности предметов мебели, располагаясь на опорах и каркасах. Резные детали невысокого рельефа покрывались позолотой. Популярными оставались античные и древнеегипетские мотивы: бараньи головы, сфинксы, купидоны, фавны и мифологические сюжеты на фоне характерных для фитоморфного декора элементов – цветочных гирлянд, розеток, пальметт.

Влияние французских мастеров декоративно-прикладного искусства отразилось на общих европейских традициях украшения предметов декором, восходящих к древнеегипетским мотивам. Они как нельзя ярче выражали имперский дух политики правления Наполеона. Не только атрибуты воинской славы, но и зооморфный декор призваны были выражать мощь наполеоновской империи. Львы, наряду со сфинксами и грифонами передавали идею мощи, вызывая прямые параллели с Великой Римской империей.

Декорирование русских предметов прикладного искусства носило не столь выраженный военизированный характер, хотя и было направлено на воспевание побед русской армии. В сравнении с французскими предметами прикладного искусства, русские отличались использованием резных позолоченных элементов, а не бронзовых. Это придавало отечественным образцам большую пластичность и мягкость в трактовке зооморфных форм. К примеру, лебеди, львы и дельфины в исполнении русских мастеров были ближе к народной резьбе, чем к французским и германским источникам. Широкое применение изобразительного и пластического декора, в основе которого лежали образы флоры и фауны, отличало предметы русского ампира.

Особую группу представляет собой энтоморфный декор. В древних цивилизациях изображения насекомых встречались редко. Исключения могут составить крито-микенская цивилизация, культура инков и китайская цивилизация, для которых были характерны изображения бабочек и жуков. Эти образы были привнесены из восточной в западную культуру, а во второй половине XIX и начале XX в. и в русскую. Это проявилось в искусстве эклектики и модерна России не только в архитектурном декоре, но и в приемах декорирования предметов прикладного искусства. Яркость природных образов подчеркивалась выразительностью художественного решения мастеров русского модерна. Они использовали различные приемы для

усиления впечатления: развернутость, вогнутость, надломы, разрывы, уравнивание размеров, округлость, кольцевидность, S-образность, кручение. Все эти стилистические приемы приобретают особые черты в разнообразных материалах и узнаваемы при атрибуции предметов этого стилистического направления.

В соответствии с исконно русской традицией декорирования жилищ и предметов прикладного искусства мастера использовали наряду с изображениями фантастических существ («зверя лютого», «птицы-сирина», героев народных сказок) и мотивы разнообразных растений: цветов, листьев, виноградных гроздьев и т. п. Эта традиция выражена в русской культуре множеством биоморфных образов, имеющих в своей основе как растительные, так и зооморфные и другие формы.

В ракурсе нашей темы важно отметить, что в научной литературе отсутствие обобщающих исследований, посвященных вопросам воплощения биоморфного декора в предметах прикладного искусства, компенсируется рядом статей, анализирующих предметы убранства, творчество известных авторов, широко применявших в своем творчестве декор, имеющий в своей основе природные мотивы. Вместе с исследованиями в области архитектурного декора[8] и скульптурного решения решеток мостов и скверов Петербурга эти работы представляют несомненный интерес.

Существование образов биоморфного декора в различных видах искусства делает это явление значительным с точки зрения эстетики, изучающей природу всего многообразия выразительных форм окружающего мира, и с позиции музеологии, познающей кодовую ценность декора в музейных предметах.

Примечания

[1] Байкова Е. В. Биоморфизм как метод образного моделирования в пространственных искусствах // Вопр. культурологии. 2007. № 10. С. 18–20; Ее же. Биоморфизм как источник смыслообразования в культуре (на примере русской архитектуры второй половины XIX – нач. XX в.). Саратов: Наука, 2010. 200 с.

[2] Байкова Е. В. Биоморфизм как система образного моделирования в культуре: автореф. дис. … д-ра культурологии. Саратов, 2011 // Dibase. ru: б-ка автореф. и дис. URL: http://dibase. ru (дата обращения: 03.06.2012).

[3] Томсон Д. Ж. Исследования по истории древнегреческого общества. М., 1958. Т. 1. С. 120.

[4] Кореняко В. А. Искусство народов Центральной Азии и звериный стиль. М.: Вост. лит., 2002. С. 7.

[5] Чугунов К. В., Парцингер Г., Наглер А. Золотые звери долины царей: открытия российско-герман. археол. экспедиции в Туве. СПб., 2004. С. 3.

[6] Там же. С. 15.

[7] Сотникова С. И. Природа и музей в культуре эпохи: ист. экскурс // Вестн. РГГУ. Сер. Культурология. М.: РГГУ, 2007. № 10. С. 253–266.

[8] Горышина Т. К. Архитектурная флора Петербурга. СПб.: Искусство–СПб., 2006. 342 с.; Лев Ю. М. Крылья над Петербургом. СПб.: Искусство–СПб., 2007. 527 с.; Скочилов Б. Б. Маскароны Петербурга. СПб., 2007. 252 с.

УДК 7.033.2

Р. В. Щипина

«Пещера нимф»: основные этапы становления символического реализма в искусстве Византии

В статье заявлена важная историко-теоретическая проблема искусствоведения и культурологии: выявление основных этапов генезиса символического реализма иконографического канона. Анализируется мировоззренческая подоплека этого процесса, а именно – переход от интеллектуальной мистики неоплатонизма к символическому реализму философско-догматической системы патристики на материале сравнительного анализа мотива «Пещера нимф» в экзегезе Порфирия и гомилии Григория Нисского как памятников александрийской экзегезы.

Ключевые слова: неоплатонизм, патристика, космология, иконографический канон, экзегеза, мистика

Rimma V. Shhipina

«Cave of the nymphs»: the main stages of the symbolic realism in the art of Byzantium

The article states the important historical-theoretical problem of art history and cultural studies: identification of the main stages of formation of the symbolic realism of iconographic Canon. The article examines the philosophical background of this process, namely, the transition from intellectual mystics of neo-Platonism to a symbolic realism philosophical-dogmatic system Patristics on the material of comparative analysis of motive «Cave of the nymphs» in the exegesis of Porphyria and homilite Gregory of Nyssa as monuments of Alexandria exegesis.

Keywords: Neoplatonism, Patristics, cosmology, iconographic Canon, exegesis, the mystic

Символизм художественных образов и символический реализм богословия сближаются в традиции александрийской экзегезы. Это взаимодействие в исторической перспективе определяет принципы формирования образного строя в искусстве церкви: Константинополя, Византии и православной ойкумены в целом. Если избрать ретроспективное развитие мысли от следствия к причине, то следует выявить характер взаимодействия христианского символизма и классической калокагатии, дающих в соединении символический реализм канона.

Максимальное приближение к этой проблеме, на наш взгляд, достигнуто В. Н. Залесской в исследовании «Прикладное искусство Византии IV–XII вв.»[1]. Момент перехода от раннехристианского символизма к символико-аллегорическим образам ранневизантийского искусства обозначен ею как «византийский антик».

В истории богослужебного искусства выстраивается стадиальная последовательность: «**сигнитивные знаки**» раннехристианского искусства – **символико-аллегорические** образы «византийского антика» – «**символический реализм**» канонического искусства.

Эти этапы развития образно-стилистической системы христианского искусства и привлекают внимание в аспекте их отношения к александрийскому богословию и – уже – к богословию «великих каппадокийцев».

Последовательность рассуждений требует обосновать выбор Александрии не только как центра христианской философии, к традициям которой тяготеет богословие «великих каппадокийцев», но и как художественного центра, повлиявшего на искусство Константинополя. В этом случае уместно прибегнуть к авторитетам. О значении Александрии как художественного центра, определяющим образом воздействующего на константинопольскую школу и формирование христианского искусства в целом, говорил еще Н. П. Кондаков: «…греко-восточное искусство сформировалось задолго до византийского, и центром его была Александрия и искусство христианского Египта, или коптское, которого формы были распространяемы художественной промышленностью Сирии. На этом расцвете греко-восточного искусства основалась затем и христианская культура Малой Азии, издавна снабжавшая все побережья Черного моря и страны Кавказа и Южной России своими произведениями»[2].

Д. Т. Райс, начиная историю византийского искусства со времени Юстиниана тем не менее предисторию его видит в искусстве Антиохии и Александрии: «Александрия и Антиохия с недоверием наблюдали за возвышением Царьграда, с тех пор как император Константин сделал его столицей. Оба города действительно играли в то время весьма важную роль и, вероятно, сохранили бы ее и дальше, если бы весь этот обширный

регион… после середины VII в. не оказался завоеванным арабами»[3]. Характеризуя Александрию как художественный центр, он продолжает: «В искусстве самой Александрии еще долгое время после принятия христианства продолжали существовать и античные темы, и в какой-то мере нормы классической красоты… За пределами Александрии классическая красота уступает место откровенной чувственности, заставляющей вспомнить индийское искусство…»[4].

Эллинистическая манера на рубеже VI в. вытесняется так называемым коптским стилем. Тем не менее именно к александрийской традиции исследователь относит древнейшие из сохранившихся до нашего времени иконы – иконы монастыря святой Екатерины на Синае (VI в.), выполненные в эллинистической манере.

Проблема классицизирующих тенденций в искусстве Византии обычно связывается с рядом взаимодействующих факторов. Основание Константинополя определило разделение на «греческий Восток» и «латинский Запад». В византийской культуре в целом усиливается ориентация на греческое наследие. Возвраты к классике были спорадическим явлением в культуре Византии, они питали византийскую культуру, выходя временами на поверхность, от момента ее зарождения до конца существования Восточной Римской империи[5]. В начальный период проводником греческого влияния стали древние имперские обычаи: для римской культуры со времен Августа характерно обращение к наследию Греции в целях политического амбициоза. Подобным образом утверждается и авторитет Нового Рима. Наиболее ярко эта тенденция в ранневизантийский период проявилась во время правления Феодосия (379–395), что позволяет исследователям византийской культуры говорить о «классицизме Феодосия»[6]. Эта тенденция создала благодатную почву для влияния на Константинополь со стороны древних очагов эллинской культуры на Востоке: Афин, Антиохии, Александрии, Пергама, Эфеса, – чему, конечно же, способствовало географическое положение новой столицы. Происходит активизация греческого наследия, воспринятого этими центрами в период существования империи Александра Македонского. Эта переориентация на греческое наследие прослеживается в сфере философии, науки, образования, литературы и искусства. Она сопряжена и с программной ориентацией на старину, характерной для римской культуры: «Особенно важно именно то, что философия поздней античности (III в. н. э.) использует древнейшие символы ранней греческой культуры. Такая реставрация старины – явление чрезвычайно примечательное для эпохи упадка классического греко-римского мира»[7], – констатирует А. А. Тахо-Годи.

Греческий компонент в культуре на территории, пережившей «первую волну эллинизации», был важен как консолидирующее начало в полиэтническом государстве, каковым являлась Восточная Римская империя. Он же создает определенный фильтр для восприятия инородных влияний. «Переработка этих восточных форм происходила при строгом отборе того, что могло быть соединено с античной традицией»[8], – отмечает О. Демус.

Отношение византийского искусства к греческому наследию – одна из основных тем в исследованиях по истории Византии[9]. Она была заявлена первым поколением византинистов. Австрийский историк искусства Йозеф Стржиговский пишет: «Византийское искусство… не стоит близко к античному, но лишь воспринимает его традиции и ведет их к дальнейшему развитию, так что представляет даже последний расцвет самого античного искусства. Оно соединяет в себе все локальные разновидности и расцветает в тех местах, где существует древнехристианское искусство. Его характер историко-догматический, и день его рождения – основание Константинополя»[10]. Наиболее последовательное развитие этой идеи позволяет выделить Константинополь как центр, сохранивший для средневековья непрерывную жизнь греческого наследия. Для обозначения этой тенденции в ранневизантийском искусстве Л. Мацулевичем введено понятие «византийский антик», отделяющее византийские памятники от раннехристианских. В. Н. Лазарев отмечает «спорадические вспышки античности», характерные для дальнейшей судьбы византийского искусства.

В. Н. Залесская в своей монографии, посвященной «византийскому антику», выделяет три основных его типа. Первая группа памятников связана с имперской эмблематикой, отражает идею преемственности Константинополя по отношению к Риму.

Второй тип «византийского антика» – сцены, связанные с философским истолкованием античных мифов, их образы в иносказательной форме служат иллюстрацией христианских идей.

Третий тип определяется характером восприятия произведения как своего рода оберега, наделенного функцией защиты от вредоносных сил, к этой группе могут быть отнесены произведения как с ортодоксальной, так и с еретической направленностью. Коротко говоря, в отличие от Л. Мацулевича, рассматривающего «антик» как стилистическое явление, К. Вейцмана, анализирующего сюжетосложение «византийского антика», В. Н. Залесская так формулирует задачу: «Мы рассматриваем не только особое построение сюжета

и особый смысловой подтекст мифологического изображения, но и разнообразные формы его проявления как традиции, как символа и как ереси»[11]. Назначение предмета, сюжет и стилистика его декора составляют единство. Этот исследовательский принцип очень точен, поскольку трактовка образа зиждется на сближении сущности и формы. От этого узла тянутся связующие нити к пластически-определенному мышлению греков, с одной стороны, а с другой – к «перихоресису чувственного и ноэтического»[12] в культуре Византии.

В «византийском антике», вне зависимости от различного назначения предметов и их стилистических признаков, есть свойства, их объединяющие. Эти произведения могут быть противопоставлены раннехристианскому искусству по принципу перехода от раннехристианских знаков (таковыми, например, являлись павлин, пеликан, виноградная лоза) к символико-аллегорической образности. В отличие от антропоморфных образов античного искусства, в этой «неоклассике» приобретает значение аллегорический смысл образа, подчеркнута сакрализация формы.

«Византийский антик» – категория, определяющая этап формирования образной системы христианского искусства на стадии перехода от раннехристианского символизма к символическому реализму канона. Эта категория имеет отношение к стилю ранневизантийского искусства в том случае, если речь идет о формировании канона как «художественного стиля эпохи», т. е. в глубоком и обобщенном его понимании. Если же под «стилем» понимать манеру, характерную для отдельной этнической традиции, школы, мастерской, то здесь «византийский антик» весьма разнороден. В своем опыте систематизации Залесская отнюдь не стремится нивелировать разнообразие стилистических разветвлений внутри функциональных групп «антика»: она выделяет тенденцию нарочитой архаизации образа, присутствие элементов восточного искусства, а также проявления фольклорных традиций, особенно в третьем типе произведений.

Раннехристианское искусство так же эклектично, как и все позднее римское искусство, но следует обозначить внутренний порядок этого эклектизма, ибо это различие важно по существу. Эклектизм обнаруживает себя во взаимодействии христианских и языческих мотивов в раннехристианском искусстве. Он сохраняется в образном строе монументального искусства вплоть до IV–V вв. О нем писал еще Д. В. Айналов: «Пантеры и гении – наряду с кариатидой в виде оранты и евангельскими, и библейскими сценами. Амуры и психеи, фарсы – рядом с чисто христианскими формами орнамента – агнцом и мульктрой, птичкой с веткой, фениксов»[13]. В стилистике раннехристианского искусства изобразительные приемы античности получают развитие, приобретая новый смысл. Так, например, в росписях катакомб начинают преобладать белые фоны, что, с одной стороны, удобно при недостаточном освещении подземных залов, а с другой – соответствует метафизическому истолкованию светового начала. Н. П. Кондаков отмечает заимствование с тою же целью христианским искусством и характерного для античной живописи приема штриховки золотом (штраффировки)[14]. Если в античном искусстве этот декоративный прием усиливает поэтическую образность картин природы, то в византийском искусстве он впоследствии развивается, складываясь в систему ассиста[15], его назначение – символизировать нетварный свет.

Следует обратить внимание: в центростремительное движение стиля к формированию нового символизма вовлекаются и формально-стилистические компоненты изобразительного языка, и его образы и сюжеты. Общеизвестно: образы античного искусства приобретают новый, христианский, смысл. Так, например, Психея становится символом души, ищущей спасения, Амур – божественной любви. Как уже предварительно было отмечено, отсутствие четкого и окончательного размежевания языческого и святоотеческого неоплатонизма в до-каппадокийской философии делало прозрачными границы символического формообразования. Сравним христианские символы с построениями Плотина: «Мировая душа есть не что иное, как Афродита, роль которой проявляется в мифе об Эросе и Психее»[16].

Символы зачастую имеют знаковый характер. Иисус Христос изображается в виде агнца, виноградной лозы, пеликана, рыбы, якоря, феникса. К этой же группе знаков могут быть отнесены изображения корабля, голубя с оливковой ветвью и др.

Здесь знак, казалось бы, формируется по законам неоплатонической эстетики, так как имеет религиозный смысл, таинственно и иносказательно указывает на одно из свойств Первообраза. В символико-аллегорических образах Орфея, Доброго Пастыря наиболее очевидна перекличка с архаикой, что также близко эстетике Плотина.

Наиболее характерным примером «архаизации» художественной формы в христианском искусстве является иконография «Доброго Пастыря». Для иллюстрации притч Нового Завета непосредственно используются схемы Креофора и Мосхофора, возникнувшие в эпоху архаики.

Плотиновская «деэстетизация» образа проявила себя в том, что на начальном этапе становления личной иконографии Иисуса Христа противоборствуют две тенденции: это форми-

рование «идеального» типа и, напротив, «сниженного» образа, где Господь изображается принявшим «зрак раба».

А. Ф. Лосев в исследовании по эстетике позднего эллинизма впрямую говорит о влиянии неоплатонизма на символизм христианского искусства[17]. Этой же точки зрения придерживаются весьма авторитетные ученые, такие как С. С. Аверинцев[18], А. Грабар[19], В. Н. Лазарев[20], Дж. Мэтьюз[21], Ц. Г. Нессельштраус[22], Э. Панофский. Так, например, он в своей монографии «IDEA» пишет: «Эстетическое учение неоплатонизма… усматривало в любом проявлении прекрасного лишь несовершенный символ следующей более высокой его формы, так что видимая красота – это как бы отражение невидимой, которая в свою очередь является лишь отражением абсолютной красоты. Такое эстетическое учение, поразительно согласуясь с символически-духовным характером художественных созданий поздней античности – в отличие от созданий классического периода, – могло быть без изменений воспринято раннехристианской философией»[23]. Проблема сакральной формы в изобразительном языке, действительно, обозначена в философии Плотина. Плотин разделяет светское и религиозное искусство: «Образы умного мира не имеют ничего общего с образами и изображениями человеческого искусства. В земном мире этим трансцендентным образам соответствуют священные идеограммы – иероглифы – символы…[24] символ – уже не искусство. Обесцененная чувственная форма превращается здесь в простой знак, помогающий непосредственному созерцанию идей, но уже не имеющий ничего общего с художественным произведением»[25].

В Римской империи неоплатонизм приобретает преобладающее значение. Можно сказать, что концепция определяющего влияния неоплатонизма на средневековый символизм является укоренившейся. Действительно, подобно тому, как неоплатонизм был ассимилирован святоотеческой традицией, так же он повлиял и на эстетику средневековья. Но, будучи усвоен святоотеческой мыслью, он был ею же и преодолен, иначе бы грань между язычеством и христианством была бы принята за несущественную. Относительно христианской культуры такая трактовка историко-культурного процесса небесспорна: неоплатонизм ассимилирован святоотеческой философией, но между ними существует и принципиальное противостояние. Парадоксальным образом в трудах по эстетике средневековья этому размежеванию язычества и христианства зачастую внимание либо не уделяется вовсе, либо авторы вынуждены вступать в полемику с общепринятым мнением.

Различие раннехристианских образов и неоплатонических религиозных символов имеет принципиальное значение, на него указывает В. В. Вейдле[26]. Как уже отмечалось, он называет картины катакомб не эмблемами, не символами и не образами, но изображениями сигнитивного типа, поскольку они «склонны изображать не столько божество, сколько функцию божества»[27]. Сходство их с неоплатоническими символами определяется деэстетизацией образа и формированием знака, указывающего на некий духовный смысл, различие же имеет более существенный характер. Идея спасения составляет мистериальный или харизматический смысл раннехристианских образов. Обретение спасения через таинства крещения и евхаристии составляет основу религиозного переживания раннехристианской эпохи. Этим памятники раннехристианского искусства принципиально отличаются от родственных им по внешне стилистическим признакам произведений римского искусства. Вейдле объясняет «неоплатонический», знаковый характер раннехристианского символизма тем, что христианская культура только начинает созидаться, целостная и развернутая картина христианского космоса еще не оформилась, потому тщетно ее искать и в раннехристианском искусстве, ей предстоит пережить становление в богословии и, соответственно, в искусстве Византии.

Большего внимания заслуживает и каждый из образов, которые В. Вейдле именует знаками «сигнитивного типа», внешне схожими с неоплатоническими символами. Одним из таковых является рыба. Этот новозаветный образ нередок в раннехристианском искусстве. Общеизвестно, что начертание рыбы соответствует анаграмме имени Христа, точнее, вероисповедальной формуле. Встречаются как самостоятельные начертания этого знака, так и изображение «водных фризов», о которых говорит Д. В. Айналов[28]. Это изображения путти, ловящих рыбу. Водные фризы были хорошо известны и на Востоке, о чем свидетельствует письмо Нила Синайского к Олимпиодору[29]. Климент Александрийский в гимне, обращенном к Христу, пишет: «Ловец смертных, (рыболов) Тобою спасаемых! Ты уловляешь чистых рыб в волнах неприязненных из моря нечестия для жизни блаженной»[30]. Тертуллиан раскрывает смысл анаграммы в следующих словах: «Мы маленькие рыбки, предводимые нашею воде рождаемся и не иначе, как в воде пребывая, будем спасены»[31].

Если Тертуллиан является современником Плотина, то Климент Александрийский – его предшественником. Толкование одного из основных символов раннехристианской традиции, которое мы встречаем у Климента Александрий-

ского, вновь позволяет усомниться в правомерности прямой проекции философии Плотина на формирование символизма в христианском искусстве. Подробнейшим образом Л. А. Успенский разбирает происхождение и функцию другого «знака» – изображение агнца, указывая на евхаристический смысл этого образа[32]. Источником для формирования «знаков» в том и другом случае служат библейские тексты.

Одновременно с символическими (знаковыми) и символико-аллегорическими изображениями в среде раннехристианского искусства распространены иллюстрации к Ветхому и Новому Заветам. Исследователи нередко с изрядным простодушием говорят о натурализме этих изображений. Среди этих сцен выделяются сюжеты, восходящие к Ветхому Завету: изображение пророков Илии и Ионы, Даниила во рву львином, трех отроков в пещи огненной, перехода через Чермное море, Моисея, источающего воду из скалы. Это прообразы новозаветных событий. Они не попадают в классификацию раннехристианских образов как неоплатонических «знаков», но связаны с типологией.

Автор исследования по истории экзегетической традиции Т. Миллер, пишет: «…Носителем эсхатологических настроений были комментарии (мидраши) к Пятикнижию и книгам пророков. К тексту этих книг применялся особый прием толкования, заключавшийся в том, что ветхозаветная повесть рассматривалась как прообраз того, что сбудется и уже сбывается. В основе этой логической операции лежал тот же принцип сходства, что и в аллегориях греческих философов, но соотносились здесь не разные аспекты бытия, как там, а разные исторические события, не совпадающие во времени. Такой способ интерпретации получил название типологии… Он применялся и там, где надо было из рассказов о прошлом извлекать сведения о будущем Миссии, и там, где оценку настоящего надо было подкреплять ссылками на прошлое»[33]. Прием типологии относится не к традиции греческой экзегезы, но иудейской. Он переносится в христианскую экзегезу и применяется в сопоставлении ветхозаветных обетований с их новозаветным исполнением. Применяя его, Святые Отцы основываются на авторитете Четвероевангелия и Апостольских посланий, но отнюдь не Плотина. Момент актуальности типологии как экзегетического приема в наследии Плотина может служить отдельным предметом рассмотрения. В этом же случае следует согласиться с В. В. Бычковым, указывающим на Климента Александрийского и Оригена как предшественников Григория Нисского по линии экзегетической традиции. Возникает необходимость значительного уточнения понятия «неоплатонизм» в отношении к раннехристианскому и ранневизантийскому искусству и тем более к средневековью в целом.

«Стыковка» иудейской традиции, влияния живописи и раннехристианской традиции в центрах эллинизированного Востока очевидна на материале росписей Дура-Эвропос (Aurelia Antoniniana Europos), где были обнаружены: несколько храмов, посвященных пальмирским богам, синагога, раннехристианский храм. Археологические исследования были начаты египтологом Брэстедом в 1920 г., Кюмоном и Ренаром в 1922–1923 гг., далее совместно французскими и израильскими учеными под руководством Гопкинса, русскими учеными с 1932–1935 гг. (М. И. Ростовцевым и другими). Двойной храм (два здания соединены проходом) Артемиды-Нанайи и Атаргатис с росписями, выполненными пальмирскими мастерами, датируется I в., синагога датируется 244–245 гг., она построена на основе более древнего здания; христианский храм относится к началу – 60-м гг. III в. Эти памятники изменили представление об источниках развития христианской иконографии. Во всех памятниках исследователи отмечают влияние эллинистической стилистики, сюжетный состав росписей синагоги предвосхищает сюжетосложение христианского искусства, там изображены Моисей перед неопалимой купиной и сцена исхода из Египта. Последняя сцена подразделяется на три отдельно представленных эпизода казней египетских, разделения моря и гибели египетского войска. Под ними изображены: ковчег завета в земле филистимлян и храм Соломона. Фрески сохранились не в полном составе. Аналогичные изображения сохранились в синагоге Бет-Альфа (Эрец-Исраэль). Эти археологические открытия позволяют утверждать, что до III в. и в Эрец-Исраэль, и в диаспоре не было запрета на фигуративные изображения, включая главных персонажей Ветхого Завета. По-видимому, они явились прототипами раннехристианских сюжетных сцен.

В христианском храме в Дура-Эвропос сюжетный состав росписей соответствует правилам типологии, поскольку там, в частности, соотнесены Адам и Ева у древа познания и добрый пастырь. Как отмечают исследователи, эти сцены объединены идеей противопоставления земного и рая небесного.

Типология как экзегетический прием проецируется на образный строй и стиль христианского искусства. Приведем в качестве подтверждения этой идеи иллюстративный ряд, представляющий эволюцию композиционных приемов в рельефах раннехристианских сарко-

фагов. Общей тенденцией является переход от фризовых повествовательных сцен – подобно языческим рельефам – к возникновению новой композиционной структуры. Ее особенностью является деление изображения на два яруса для попарного сопоставления сцен Ветхого и Нового Заветов. Следует подчеркнуть, что в композиции саркофагов не только складывается принцип соотнесения парных образов, но постепенно композиция начинает отражать иерархическую структуру, что указывает на постепенное усвоение картины мира, обозначенной каппадокийцами, христианским искусством. Это лишь первые предвестия иерархического порядка организации внутреннего пространства храма и его иконографической программы.

Композиционный прием сопоставления обетования и исполнения, прообраза и образа, используется в росписях катакомб. Рассмотрение системы росписей отдельных помещений позволяет высказать предположение о том, что символические образы здесь составляют целостный иконографический комплекс, смысл которого соответствует литургии апостольского и послеапостольского времени. Отдельному рассмотрению зарождения иконографического ядра храмовых росписей в искусстве катакомб посвящено исследование С. Г. Савиной «Иконография. Богословские очерки иконографического извода»[34].

Богослужебное искусство формируется и живет по тем же правилам, что и само богослужение. Знаковый характер раннехристианского искусства – очевидно, выражение той же «disciplinae arcanae» (тайного учения), запрещавшего открывать сокровенное учение непосвященным, не допускавшего и письменных формуляров богослужебного чина таинств[35].

Принятие Миланского эдикта, повлекшего легализацию христианства и превращение его в религию вселенской империи, конечно же, изменили условия развития христианского искусства. Храмоздательство и создание росписей на этом этапе связаны с покровительством императора[36]. Казалось бы, должен произойти переход от «тайных образов» к прямому свидетельству евангельского откровения. Но феномен «византийского антика» показывает, что упрощенная трактовка перехода от позднеэллинистического и раннехристианского искусства к символическому реализму неуместна. Приведем пример, который характеризует порядок взаимодействия языческого и святоотеческого платонизма.

Обратимся к фрагменту керамического блюда из собрания Государственного Эрмитажа с изображением нереид. Процитируем замечательную атрибуцию В. Н. Залесской, имеющую самое непосредственное отношение к нашей теме: «…сцена, названная Порфирием Тирским „Пещера нимф", оказывается связанной с конкретным евангельским событием. Образ „пещеры нимф" неоднократно встречается в гомилиях, полемических трактатах и посланиях Григория Нисского, обозначая, чаще всего, земной, грешный мир. В специальных же, приуроченных к рождественским праздникам, проповедях под (пещера) подразумевалась Вифлеемская пещера. Рождественская гомилия Григория Нисского содержит фразу, которая некогда была оттиснута на бортике блюда и частями которой являются четыре греческих слова, читаемых на фрагменте. Она гласит: „Господи, помоги, созерцая грот, увидеть в пещерном мраке звезду Твою". Итак, эта сцена явилась, по существу, символической параллелью Рождества. Вполне возможно предположить, что подобные дешевые, штампованные из глины предметы, производившиеся в значительном количестве, могли подходить для скромных подарков, как римские стрены, с пожеланием увидеть „истинный свет"»[37].

Несколько предваряя дальнейшее повествование, зададимся вопросом: «По какой причине гомеровский образ оказывается иллюстрацией тайны Рождества Христова?». Ответ находим у Василия Великого в «Слове юношам о пользе книг языческих» или «Наставлении юношам, как пользоваться языческими сочинениями». Он пишет: «Слышал я от одного человека, который глубоко изучил Гомера, что все Гомерово стихотворение об Одиссее есть не что иное, как сплошная похвала добродетели»[38].

В этом же наставлении святой Василий говорит о желательности изучения «внешних наук». Обращение к античной культуре – начальная ступень восхождения к добродетели и богопознанию: «Живописцы сначала покрывают холст первым слоем краски, а потом кладут на него уже настоящие краски, подобным образом и мы, чтобы добрая слава наша осталась неизменною, сперва посвятим себя изучению этих внешних писателей, потом уже начнем слушать священные и таинственные глаголы, – сперва привыкнем смотреть, так сказать, лишь на отражения солнца в воде, а потом уже обратим взор к самому источнику света»[39].

С именами Василия Великого, Григория Богослова и Григория Нисского связано зарождение риторического жанра публичной проповеди. Формирование этого жанра напрямую связано с надобностями церкви в условиях принятия христианства в качестве государственной религии. В проповеди обращение отнесено к полуязыческому населению, и, как следствие, ритор использует образы, привычные для аудитории. В данном случае, образ взят из «неграмотно-

го учителя всех» – Гомера. Образ типичен для «византийского антика». Но отнесемся к нему с большей чуткостью. «Одиссея» многократно трактуется философами самых различных направлений: натурфилософами, досократиками, пифагорейцами, софистами, стоиками, киниками, неоплатониками[40]. Григорий Нисский прибегает к экзегезе Порфирия. Анализируя трактат Порфирия, Тахо-Годи пишет: «Порфирий обратился к стихам Гомера именно потому, что он увидел в них знакомую каждому греку картину: пещера нимф с источником вод, роящиеся в ней пчелы и непременная для греческого пейзажа маслина»[41].

Действительно, как и в апофтегме, образ развивается, начиная от обыденного, общедоступного, уровня. Далее Порфирий за каждым символом: пещерой, нереидами, пчелами, оливой, – раскрывает стоящий за ними смысл общегреческого мифологического мышления. Круг его апелляций шире: наряду с гимнами Орфею, Дионису и Аполлону, леонтийскими таинствами, он прибегает к тексту Септуагинты и к зороастрийским верованиям, к жреческой мудрости Египта. Но, главным образом, он вступает в диалог с предшественниками по платонической традиции: Платоном, Нумением, Кронием, последовательно продвигаясь к одной цели, Порфирий приоткрывает тайну пещеры. Пещера является символом космоса чувственного, но не только чувственного, «а символом интеллигибельного, она является, поскольку выражает недоступность бытия чувственным восприятиям, его устойчивость и прочность, и также потому, что отдельные потенции, особенно те, которые связаны с материей, – невидимы»[42]. Под нереидами здесь понимаются потенции душ, нисходящих в мир становления[43].

Определяя место трактата в неоплатонической традиции, Тахо-Годи указывает, что его философская экзегеза стала «одной из первых неоплатонических конструкций космоса»[44]. Григорий Нисский вступает в диалог с Порфирием. Его рассуждению о зодиакальном круге, рассуждению Нумения и Кронии о созвездиях Григорий противопоставляет одну звезду, воссиявшую над Вифлеемской пещерой. Неядам как «душам, идущим в мир становления»[45], Григорий Нисский противопоставляет Рождество Христово. Образ строится и на преемственности, и на оппозиции.

Здесь с достаточной отчетливостью необходимо обозначить главную мысль. Порфирий создает неоплатоническую картину космоса и соотносит ее с антропогенезом. Это сопряжение космологии и антропологии – ключевая тема богословия Григория Нисского. В этом пункте отчетливо прослеживается его противостояние и неоплатоникам, и Оригену. Для неоплатоников – Нумения, его ученика – Плотина и преемника Плотина, Порфирия – характерна идея метемпсихоза, она заимствуется у Гераклита и претерпевает некоторые изменения. Отрывок из Нумения цитировался выше, его же приводит в трактате «О пещере нимф» Порфирий и следует ему, говоря о нисхождении душ в воплощении, а также о душах, сбросивших телесную оболочку после «холода земного становления»[46]. В трактате «Об устроении человека» Григорий Нисский весьма нелицеприятно отзывается об эллинских учениях, «наговоривших басен о перевоплощении»[47]. Применительно к рассуждениям об Оригене, несвободном от этого наследия, св. Григорий вспоминает слова Эмпедокла:

> Был уже некогда отроком я, был и девой когда-то,
> Был и кустом, был и птицей, и рыбой морской бессловесной…[48]

И снабжает их комментарием: «По вынесенному мною суждению, недалеко отступил от истины тот, кто говорит о себе подобное. Ведь действительно достойны вздорности лягушек или галок, или бессловесности рыб, или бесчувственности дуба такие учения, говорящие, будто одна душа прошла через многие тела…»[49]. Св. Григорий видит в теории нисхождения души диалектику ее истления, перехода «в ничто»: «Однажды соскользнув с высшего жительства, она не может остановиться ни в какой степени порока, но из-за этой связи со страстями она будет от словесного переходить к бессловесному, а от бессловесного опускаться до состояния бесчувственности растений, с бесчувственностью граничит бездушное, а за бездушным следует несуществующее. Так что совершенно последовательно для них душа перейдет в ничто. Следовательно, неизбежно для нее станет невозможным вновь возвратиться к лучшему»[50]. Здесь неоплатоническая иерархия заходит в тупик, в ее диалектике Григорий Нисский осуждает переход «от глупости к глупости с известной последовательностью»[51]. Между тем в своем толковании на тайнозрение Моисея он провидит иерархическое устроение человека. В дихотомии человек осознается как микрокосм, но он почтен особым образом и выделен из чреды творения своим богоподобием. В трихотомии растительные и животные силы души превосходятся тем же богоподобием, подчиняясь ему, они приводятся в гармонию согласования. Истинную природу человека составляет его богоподобие, царственность. Этим определено включение (в порядке соподчинения) космологии в антропологию в философо-догматической системе Григория Нисского. Рассуждая о душе, Григорий Нисский отрицает как эллинов и Оригена, с их теорией предсуществования душ, так и Климента Александрийского[52], повествующего о предсуще-

ствовании тела. В XXIX главе трактата он прибегает к евангельскому образу пшеничного зерна, которое в потенции своей несет «зелень, стебель, междоузлия, плод, остны». В разворачивании зерна Григорий различает тайну перехода потенции в действенность, деятельность, энергию. «Но как по телесной его части мы не называем его ни плотью, ни костями, ни волосами, ни всем тем, что можно видеть у человека, но в возможности оно есть каждое из перечисленного, еще не явившееся зримо, – так и о душевной части мы говорим, что не имеет она в себе словесного (разумевательного), вожделевательного и раздражительного и всего, что можно видеть у души, но в соответствии с устроением и усовершенствованием тела, вместе с подлежащим возрастают и энергии души»[53]. Здесь мы встречаемся не только с «оправданием» тела, противопоставленным неоплатонической идее развоплощения, но и с тайнозрением «энергий души». Это тайнозрение становится ясным из контекста всего трактата, в котором говорится о божественном свете, запечатленном в природе человека. Коротко выразил эту мысль Григорий Богослов, сказав, что эллинам была неведома светозарность плоти. Этот, может быть, излишне многословный разбор одного из памятников «византийского антика» поясняет важную тенденцию в формировании художественного стиля.

Если внимательно рассматривать блюдо, то по его внешнему периметру заметно изображение радуги, столь распространенное в искусстве раннего средневековья. Эта аналогия приходит на ум при его сопоставлении с блюдами, созданными приблизительно в ту же пору: от донца чаши к ее краям расходятся лучи, образующие розетту. Не является ли источником света не звезда, воссиявшая над пещерой, но Воссиявший внутри пещеры Бог? – в логике «интериорной эстетики» и гносеологии Григория Нисского такой ход был бы возможен. К сожалению, фрагментарная сохранность блюда позволяет лишь строить догадки.

В «византийском антике» отчетливо заметен возврат от неоплатонического разрушения калокагатии вновь к калокагатии греческого искусства, именно таким видится нам движение от раннехристианского и неоплатонического «развеществленного» символизма, обусловленного дуалистическими учениями и дихотомией докаппадокийской антропологии – к аллегориям «антика» и подчеркнутой чувственности образов, созданных за пределами Александрии.

В контексте становления символического реализма в учении Нисского святителя, повествующего о «перихорезисе чувственного-ноэтического» в ипостаси человека, ясный смысл приобретает усиление классицизирующего русла в искусстве и вызревание «классицизма Феодосия».

Блюдо с «Пещерой нимф» было приобретено в Александрии[54], явившейся местом встречи философии неоплатонима и «великих каппадокийцев». На примере его образно-стилистического строя видно вызревание «новой калокагатии» средневекового искусства. Символико-аллегорические образы «византийского антика» явились переходной формой от «развеществленных» символических образов, обусловленных дуалистическими учениями поздней античности и дихотомией до-каппадокийских учений о человеке в святоотеческой письменности. Возвращение к целостному образу человека вызревает во взаимосвязи с учением Григория Нисского, но, в отличие от античной калокагатии, эти прекрасные образы преображены божественной благодатью. Их духовность имеет параклетический характер, в них сияет, по слову Григория Богослова, светазарность плоти, неведомая эллинам: именно поэтому свет Вифлеемской звезды и сияние в недрах пещеры Младенца становится смыслом изображения, иллюстрирующего Рождественскую гомилию Григория Нисского.

Подводя некоторые итоги, отметим: в истории богослужебного искусства выстраивается стадиальная последовательность: раннехристианский символизм – символико-аллегорические образы «византийского антика» – «символический реализм» канонического искусства. Эти этапы развития образно-стилистической системы христианского искусства и привлекают к себе внимание в аспекте их отношения к александрийскому богословию и к богословию «великих каппадокийцев».

Примечания

[1] Залеская В. Н. Прикладное искусство Византии IV–XII вв. СПб., 1997.

[2] Кондаков Н. П. Археологическое путешествие по Македонии. СПб., 1913. С. 58

[3] Райс Д. Т. Искусство Византии. М., 2002. С. 12.

[4] Там же. С. 14.

[5] Лазарев В. Н. История византийской живописи. М.: Искусство, 1947. Т. 1. С. 34.

[6] Kitzinger E. Byzantine Art in the making: main lines of stylistic development in Mediterranean Art 3rd – 7rd centuries. Cambridge, 1977.

[7] Тахо-Годи А. А. Художественно-символический смысл трактата Порфирия «О пещере нимф» // Тахо-Годи А. А., Лосев А. Ф. Греческая культура в мифах, символах и терминах. СПб., 1999. С. 574.

[8] Цит. по: Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1997. С. 262.

[9] Наиболее последовательно эта тема в исследованиях по истории ранневизантийского искусства развита Д. В. Айналовым, В. Н. Залесской, В. Н. Лазаревым, В. Д. Лихачевой, Д. Т. Райсом, Й. Стржиговским.

[10] Цит. по: Айналов Д. В. Эллинистические основы византийского искусства. СПб., 1900. С. 2.

[11] Залесская В. Н. Указ. соч. С. 5.

[12] Выражение В. М. Живова (Живов В. М. «Мистагогия» Максима Исповедника и развития византийской теории образа // Художественный язык средневековья. М., 1982. С. 108–127).

[13] Айналов Д. В. Мозаики IV–V вв.: исслед. в области христиан. иконографии и стиля древнехристиан. искусства. СПб., 1895. С. 32.

[14] Кондаков Н. П. История византийского искусства по миниатюрам греческих рукописей // Зап. Имп. Новороссийск. ун-та. Одесса, 1876. Т. 21.

[15] Термин «ссист» распространен, но применяется не вполне точно, так как у иконописцев ассистом называются не золотые штрихи, наносимые твореным или сусальным золотом, а нанесенный штрихами под сусальное золото клеевой состав, к которому оно крепится.

[16] Тахо-Годи А. А. Термин «символ» в древнегреческой литературе // Тахо-Годи А. А., Лосев А. Ф. Указ. соч. С. 344.

[17] Лосев А. Ф. История античной эстетики: последние века. М.: Мысль, 1992. С. 413.

[18] Аверинцев С. С. Символика раннего Средневековья: к постановке вопроса // Семиотика и художественное творчество. М.: Наука,1977. С. 308–337.

[19] Grabar A. Plotin et les origines de l`esthetique medievale // Cahies archeologiques. 1945. Vol. 1. P. 15–33.

[20] В. Н. Лазарев пишет: «…Ни византийское, ни европейское искусство никогда уже более не отказывались от того дуализма в трактовке образа человека, который впервые был выявлен в позднеантичном искусстве» (Лазарев В. Н. Позднеантичное искусство и истоки христианского спиритуализма // История византийской живописи. М., 1947. Т. 1. С. 34–37).

[21] Mathew G. Byzantine Aesthetics. London, 1963.

[22] Нессельштраус Ц. Г. Искусство раннего средневековья. СПб.: Азбука, 2000. С. 9–26.

[23] Панофский Э. Idea: К истории понятия в теориях искусства от античности до классицизма. СПб.: Axioma, 1999. С. 24.

[24] Обратимся к цитируемым ранее терминологическим разысканиям А. А. Тахо-Годи, где ясно говорится об отсутствии термина «символ» у Плотина.

[25] Лосев А. Ф. История античной эстетики: поздний эллинизм. М., 1980. С. 530.

[26] Вейдле В. В. Крещальная мистерия и раннехристианское искусство // Вейдле В. В. Умирание искусства. СПб., 1996. С. 163–192.

[27] Там же.

[28] Айналов Д. В. Мозаики IV–V вв. С. 14.

[29] Там же.

[30] Тит Флавий (Климент Александрийский). Педагог, творение учителя церкви Климента Александрийского / с первонач. текста пер. с примеч. Н. Корсунского. Ярославль: Тип. губ. зем. управы, 1890. 348 стб.

[31] Цит. по: Голубцов А. П. Из чтений по церковной археологии и литургике. СПб., 1995. С. 156.

[32] Успенский Л. А. Богословие иконы православной церкви. М.,1989. С. 62–65.

[33] Миллер Т. Византийская экзегеза // Патристика: нов. пер. и ст. Н. Новгород, 2001. С. 210–211.

[34] Савина С. Г. Иконография: богослов. очерки иконограф. извода. СПб., 2001. С. 19–64.

[35] Киприан (Керн), архимандрит. Литургика: гимнография и эортология. М.: Крутиц. Патриаршее Подворье, 2002. 150 с.

[36] Константин и Елена посещают места земной жизни Спасителя, там созидаются первые храмы. Украсившая их монументальая живопись, как предполагают исследователи, послужила своего рода образцом для дальнейшего развития иконографии.

[37] Залесская В. Н. Указ. соч. С. 12. Более подробно о «Пещере нимф» см.: Тахо-Годи А. А. Художественно-символический смысл трактата Порфирия «О пещере нимф». С. 557–576. О платоническом образе пещеры см.: Малков П. Образ пещеры в античном и христианском символизме // Альфа и Омега. М., 1997. № 2 (13). С. 242–258.

[38] Василий Великий. Св. Василия Великого, архиепископа Кесарие-Каппадокийского наставление юношам как пользоваться языческими сочинениями / в рус. пер. с крат. предвар. сведениями о жизни св. Василия Великого и творениях его. М.: Унив. тип., 1895. С. 11–12.

[39] Там же. С. 8.

[40] Тахо-Годи А. А. Художественно-символический смысл трактата Порфирия «О пещере нимф». С. 558. Там же ссылка на перечень комментаторов Гомера: Sengebusch M. Homerica dissertatio prior: in Homeri Ilias / ed. W. Dindort. Lipsiae, 1855.

[41] Тахо-Годи А. А. Художественно-символический смысл трактата Порфирия «О пещере нимф». С. 565.

[42] Порфирий. О пещере нимф // Тахо-Годи А. А., Лосев Л. Ф. Указ. соч. С. 579.

[43] Порфирий. Указ. соч. С. 581.

[44] Тахо-Годи А. А. Художественно-символический смысл трактата Порфирия «О пещере нимф». С. 560.

[45] Порфирий. Указ. соч. С. 583.

[46] Там же. С. 587.

[47] Григорий Нисский. Об устроении человека. СПб., 1995. С. 90.

[48] Там же. С. 66. Текст приведен комментатором трактата Григория Нисского В. М. Лурье.

[49] Там же. С. 90.

[50] Там же. С. 91–92.

[51] Там же. С. 91.

[52] Глава XXVIII трактата «Об устроении человека», названная «Против утверждающих, что душа предсуществовала телам или, наоборот, что тела были созданы преждедуш. В ней же опровержение баснотворства о переселении душ (метемпсихозе)» (Там же. С. 89–93).

[53] Там же. С. 95.

[54] Выражаю глубочайшую признательность за эту справку хранителю византийских икон в Государственном Эрмитаже Ю. А. Пятницкому.

УДК 785.16(091)”19”

П. К. Корнев

Повторная цикличность становления и развития джазового искусства XX в.: традиционное, новое, авангард. Часть 2

Оценивая все произошедшие перемены в истории джаза XX в. и глядя из XXI в., можно отметить цикличность, повторность в каждом историческом витке в 10–15 лет. В творчестве выдающихся исполнителей мы наблюдаем повторную трехнаправленность: «традиционность», «новое» и «авангард». Эти три составляющие проявляются и прослеживаются в диксиленде, эре свинга и би-бопе, которые рассматриваются в данной работе. Основой для вывода служит анализ творчества нескольких десятков знаменитых и ярких музыкантов.

Ключевые слова: искусство джаза, импровизация, цикличность, разнонаправленность, психология творчества, классика, новое, стиль, биг-бэнд, звучание, манера, индивидуальность

Petr K. Kornev

Recurrent cycle series the making and evolution art of jazz in 19th century: traditionalism, modernism, bebop. Part 2

Overlooking the changes in the 19th century jazz, one can notice a 10–15 years' reccurrence of developmental shifts. The work of outstanding performers reveals a three-way trend of «traditionalism», «modernism» and «avant-garde». These three concepts come up in Dixieland, the Swing era and bebop, which we're focusing on. The ideas were largely drawn from the analysis of a few dozen celebrated artists' musical legacy.

Keywords: art of jazz, improvisation, classic, new thing, avant-garde, swing, sound, cycle, creation, big-band, combo, individuality, psychology

Окончание (начало в № 2 (11))

Эра «свинга». В 1920-е гг. охарактеризовать оркестр можно было с помощью выражений «суит» и «хот» – сладкая и горячая музыка. Но через некоторое время выражение «хот-джаз» (в силу некоторого неприличия звучания этих слов) было заменено на «свинговую музыку».

Период «свинга» условно делим на периоды:

Классический свинг (Classic swing). Зрелый свинговый стиль очерчен периодом с конца 20-х до середины 40-х гг. XX в. Стиль достиг расцвета в 1938–1942 гг., после чего начал постепенно утрачивать свое доминирующее значение в связи с его коммерциализацией и выдвижением на первый план современного джаза. В 50-е гг. произошло некоторое возрождение классического свинга в его традиционной и модернизированной формах.

Классика. К концу 20-х гг. оркестр Фл. Хендерсона и еще ряд «цветных» бэндов: Ч. Уэбб, Э. Хайнс, С. Скотт, У. МакКинни, Л. Рассел и Д. Эллингтон играли в стиле, когда весь бэнд свинговал вместе. А до 1935 г. (до появления Б. Гудмена) к числу этих бэндов добавились К. Кэллоуэй, Дж. Лансфорд, Т. Хилл, Д. Рэдмэн и Бенни Моутен[15]. Эта музыка была свинговая и мощная, но оригинальная и доселе неслыханная. И все же Б. Гудмену досталась слава «короля» свинга. Он добивался и подчеркивал точность и аккуратность звучания бэнда. Вкупе с прекрасными аранжировками Фл. Хендерсона, Э. Симпсона, великолепным барабанщиком Дж. Крупа оркестр Б. Гудмена зазвучал слаженно, чисто, с безукоризненным ритмом, и этого и требовалось широкой публике, которая с восторгом приняла такую исполнительскую бэндовую манеру. И среди «белых» составов до Б. Гудмена было два оркестра пионеров свинга – это оркестр братьев Дорси и «Casa Loma Orchestra» Глена Грея.

Каунт Бэйси[16] (1904–1984) – великий и спокойный властелин оркестра, в котором звучание биг-бэнда подчинено даже малейшему шевелению пальца Бэйси, лишь его собственные фортепианно-бриллиантовые вставки могут прервать всю мощь звучания оркестра, свингующего просто фантастически.

Бени Гудмен[17] (1909–1986) – сангвиник, его жесткость в поддерживании дисциплины в оркестре не у всех музыкантов встречала поддержку, некоторые оркестранты так и не простили до конца обид своему шефу; в его оркестре происходит смелое по тем временам смешение белых и черных музыкантов, не без посыла и поддержки великого антрепренера Джона Хэммонда[18].

Новое. Появление смешанных бело-черных составов. В начале 30-х гг. внимание публики в значительной степени переключилось на новое течение «свинг». В это время уже нередко негры

и белые играют вместе. А до второй половины 30-х гг. смешанных оркестров почти не было. И дело было не в самих джазменах, а в общественном мнении. Расистски настроенная часть публики не приветствовала те ансамбли, где с белыми играл черный музыкант. Иногда можно еще было встретить случай, когда в негритянском бэнде оказывались белые музыканты. Но ближе к сороковым эта печальная традиция стала постепенно нарушаться. Несмотря на остатки расизма в США, музыканты все чаще начали ломать расовые барьеры. Трубач Рой Элдридж стал постоянным солистом в белых биг-бэндах. Чем это для него оборачивалось, он рассказывает на страницах книги «Послушай, что я тебе расскажу». Одним из первых, кто отважился привлекать черных исполнителей в свой состав, был Бенни Гудмэн. Этими приглашенными негритянскими музыкантами оказались Тэдди Уилсон[19] (фортепиано), и Чарли Крисчиан (электрогитара), и Лайонелл Хэмптон (вибрафон).

В начале 20-х гг. белый музыкант и менеджер Поль Уайтмен создает первый «симфоджаз». Это был большой состав: джаз-бэнд с добавленными струнными и лучшими белыми солистами на авансцене и основным аранжировщиком Фердом Грофэ.

Эдвард Кеннеди «Дюк» Эллингтон[20] (1899–1974) – сангвиник, экстраверт, необычный творец, создатель нового пласта произведений художественно-красочных, духовных концертов.

Сверхновое. Оркестр Клодта Торнхилла (1909–1965): его особое звучание, отстраненно-изысканные аранжировки, добавление необычных инструментов позволило этому биг-бэнду в 1947 г. вывести джаз на новую магистраль – направление «cool».

1925–1933 гг. Формирование стиля, биг-бэнды: Фл. Хендерсона, Ч. Уэбба, А. Шоу, братьев Джимми и Томми Дорси[21], Дж. Лансфорда, Гл. Грэя и др. Личность аранжировщика выходит на передний план. В своих первых аранжировках и Фл. Хендерсон, и Дон Рэдмен гармонизовали сольную партию на секцию, затем по западноафриканской форме «оклика и ответа» заставляли отвечать друг другу две секции, а «сверху» кто-то играл горячее соло. Саксофоны и медные перебрасывались короткими мелодическими фразами-повторами, которые получили название «риффов». Этот прием превратился в целое искусство. Идеи Фл. Хендерсона, умевшего фантазировать над темой с помощью карандаша и нотной бумаги, были далеко впереди своего времени.

1934–1939 гг. Поиски нового – оригинальных инструментальных сочетаний, неповторимых оркестровых красок, классических форм в оркестровых пьесах. Из колорита оркестра Д. Эллингтона родились технические приемы, ставшие стереотипными: «джангл стайл», «планджер мьютс» и др. Дюк Эллингтон в своей импрессионистической палитре и программности блистал на фоне торжества ясности ритма «короля» свинга Б. Гудмена. По сравнению с диксилендовыми составами конца 10-х гг. XX в., составы оркестров, численность которых увеличилась до 10–13 человек, стали звучать мягче, ровнее, более полно. В 1935 г. Б. Гудмен стал «королем» свинга, но за его спиной стоял другой биг-бэнд, которым руководил Каунт Бэйси. Именно этот оркестр придал глубину, размах и мощь всей Эре свинга, одновременно помог раскрыться росткам «бопа» и «кула».

Биг-бэнд Каунта Бэйси сделал шаги в будущее: стиль игры на фортепиано привел к снижению роли левой руки музыканта в модерн-джазе, игра барабанщика этого оркестра Джо Джонса, постоянно использовавшего тарелки «хай-хэта», оставила свой отпечаток на игре ударников би-бопа, и стиль тенориста Л. Янга повлиял на возникновение новой «холодной» школы джаза.

1940–1947 гг. Музыкальным источником, из которого черпали идеи многие свинговые бэнд были оркестры Д. Эллингтона и К. Бэйси. Шаги в будущее биг-бэндов сделал новатор Клодт Торнхилл, который создал необычные аранжировки, привлекал в состав инструменты, характерные для симфонических составов.

Период «модерн»-джаза. Классика. Пионеры би-бопа – Чарли Паркер[22] (1920–1955) – холерик, больной и ранимый, музыкальный гений от природы. Обладал феноменальной памятью, композиторским и ритмо-гармоническим даром. Испытывал внутреннее раздвоение: музыкальная одаренность и способности, с одной стороны, и абсолютная человеческая ненадежность, разлад с самим собой, с другой; отсутствие друзей; преломленное, с помощью наркотиков и алкоголя, видение окружающего мира; непомерно высокая самооценка; искажение и самоуничтожение себя, как личности; ранний болезненный уход из жизни.

Джон Беркс Диззи Гиллеспи[23] (1917–1993) – экстраверт, эпатажный сангвиник, ироничный и весело хулиганствующий, целеустремленно добивающийся успешного решения поставленных творческих задач. В разгар становления би-бопа, в стихии горячей виртуозности, безапелляционно отвергались установившиеся джазовые традиции. Так, боперами приветствовалось исполнение сольного эпизода спиной к зрительному залу, Новаторы отрицали визуальное общение с залом во время концерта, демонстрируя полное

безразличие к оценке их игры. Но Диззи и здесь не был как все. Его брызжущий веселыми находками характер приводил к постоянному желанию подурачиться, что придавало атмосфере концерта легкость и кажущуюся несерьезность.

Новаторы. Телониус Монк (1917–1982) – флегматик. Он играл новую музыку и внешне создавал абсолютно революционный подход к исполнительству. В его сцено-эстетике все прежнее отношение артиста к публике было так же изменено и, пожалуй в самой необычной форме. Это было протестное фортепианное исполнительство: манера сидения за инструментом, руки и пальцы на клавишах он держал под неестественным углом, казалось иногда пальцы он использовал в роли вибрафонных палочек, по-ударному касаясь клавиатуры (правда, это был подсмотренный трюк у вибрафониста-мультиинструменталиста Лайонела Хэмптона[24], который именно так играл на рояле). Монк играл странные пассажи, брал немыслимо звучащие аккорды в самых неожиданных ритмических конфигурациях. Его музыку было почти невозможно слушать ухом, избалованным сладкосвинговым звучанием музыки предыдущих десятилетий, но это было гениально, как потом окажется. Фортепианный стиль Телониуса невероятно подходил ко всей политике того музыкального протеста, которым являлся би-боп при его первых шагах середины 40-х гг. XX в. Все эти музыкальные демонстрации Монка имели невероятный успех среди немногочисленных, пока, сторонников и последователей новой музыки, но самому творцу эта неожиданная манера принесла на первом и долгом этапе неприятности. Во-первых, неуклюжесть, а порой и медлительность аккомпанемента Т. Монка начала рождать неудовлетворенность в скорости и беглости его виртуозных партнеров. И вскоре на его пианистическое кресло был усажен новый подходящий гений – Бад Пауэлл. Во-вторых, звучание фортепиано в монковском сольном исполнении никак не мгло подойти к тем барам, кафе и маленьким клубам, где достаточно было и одного пианиста. Монк не мог поместиться в обычные рамки, он из них выпадал. Лишь позже, спустя почти десять лет, к этому музыканту начинают прислушиваться известные джазовые критики и акцентируют внимание джазовой публики именно на необычности этого музыканта[25]. Телониуса Монка начинают приглашать в престижные джаз-клубы и в известные звукозаписывающие фирмы. Сохраняя свою непохожесть ни на кого, Монк обретает своих поклонников. И если Т. Монк как пианист практически ничего не менял в своей манере, то как композитор он обогатил джазовую библиотеку своими необычными ритмо-гармоническими пьесами, такими как «Round About Midnight», «Straight No Chaser», «Blue Monk», «Misterioso», «Monk's Dream», «Ruby, My Dear», «I Mean You», «Rhythm-a-ning» и др.

Но, как это было принято у боперов, гармонии некоторых произведений были уже известны: это были хорошо изученные пьесы из бродвейских постановок и мюзиклов. Творцы би-бопа одевали новые мелодические «одежды» на старые гармонические «каркасы», так рождались новые шедевры модерн-джаза. Так в других видах искусства идеи любви и ненависти, жизни и смерти, верности и предательства обретают гениальную неповторимость в разнообразных произведениях художников, поэтов, писателей, имея в своей основе одну и ту же структуру.

Всю жизнь оставаясь скрытным человеком, Т. Монк почти не общался с прессой, мало о его внутренней жизни было известно и самым близким. В общении с публикой почти на шесть лет Монк наказал себя сам: запрет на выступления и запись был связан с обнаруженными у него «цветами зла».

Телониус Монк начинает выступать с 1957 г. уже на правах мэтра, присоединяя к себе феноменального Дж. Колтрейна. Великий саксофонист так вспоминал о совместном небольшом этапе их музицирования: «Работа с Монком позволила мне близко соприкоснуться с архитектором высочайшего класса в музыке. Я ощущаю себя его учеником во всех отношениях – в чувстве, в теории, в технике»[26]. Экстравагантность музыки, неординарность поступков привели Телониуса Монка к загадочной замкнутости бесконечной неповторимости. Критики называли его и самым «непианистичным пианистом», и одиноким романтиком. Продюсер Оррин Кипньюс писал: «Это – художник, которого никогда нельзя считать вполне узнаваемым или предсказуемым. В нем всегда остается нечто магическое»[27].

Лени Тристано (1919–1978) – флегматик, слепой гений фортепиано. Журнал «Metronome» писал в 1944 г.: «Ленни Тристано – это гид и духовный наставник всех тех, кого Чикаго считает музыкантами-авангардистами». Основное требование Тристано к ритм-секции было таким: «Я хочу, чтобы темп был текучим, и чтобы музыканты не меняли ритм резко, не ломали его фигурами, находящимися полностью за пределами контекста». Совершенные по исполнению «Intuition» и «Digression». Записи оказали неоценимое влияние на процесс формирования стиля «кул». Ленни Тристано часто повторял: «Смысл моей деятельности состоит в том, чтобы помочь моим ученикам создавать „спонтанную" музыку, будучи при этом как можно более независимыми»[28].

Сверхновое. Чарльз Мингус (1922–1979) – холерик, «расист наоборот». В 1951 г. переехал в Нью-Йорк, где играл в трио «Реда» Норво (1950–1951), но решил уйти из него в знак протеста против расовой сегрегации – ему не разрешали появляться с белыми в респектабельных клубах и участвовать с ними в телепрограммах, кстати, такое отношение к чернокожим музыкантам не было редкостью. Очень своевременным оказалось для него появление клана молодых боперов. В их некрикливых лозунгах Мингус почувствовал родное и близкое ему по духу и оказался среди них, новых посланников джаза. В истории джаза немного таких противоречивых музыкантов-явлений, как Чарли Мингус. Мистик и человек религиозных убеждений, человек, принадлежащий сегодняшнему дню, не представляющий без выражения реалистичности в своей музыке, отрицающий, как и все боперы, наигранную легковесность, продажную показательность мира шоу-бизнеса, Мингус необычайно серьезен и прозорлив в своем творчестве. В его произведениях можно найти многое из того, что и обозначило новые направления джаза. Он экспериментировал как композитор, создавая новые формы, сочетания тембров и инструментов, развил и создал новую школу контрабасовой игры, внес свой вклад как солист-импровизатор. Некоторые его методы работы по создаванию и «вылепливанию» новых композиций опережают время, во многом очень современны и являются практическим руководством исполнителям свободного джаза. В основе такой совместной работы с коллегами лежал основной «чертеж» задуманного им произведения с полной свободой дальнейшей разработки и детализации другими музыкантами. Исполнение такого произведение напоминало совместное, но непредсказуемое, творчество, и каждый раз такая продукция приобретала новые черты и характер. Это был процесс коллективного, наполненного спорами, разговора, где мнение каждой отдельной импровизирующей личности было услышано. Это был принцип «цехового композиторства», так называл свою основную идею проработки материала Чарли Мингус[29]. Иногда он еще определял эту манеру игры термином «conversational improvising» («диалогическая импровизация»). Бережно относясь к африканским истокам, традициям негритянской евангелической музыки и блюза, новоорлеанского джаза, Ч. Мингус связывает это с классической музыкой Европы, музыкой современных композиторов, создает удивительный симбиоз древнего и нового в своих неповторимых композициях. Мингус – музыкант, композитор, деятель джазового искусства – не мог не оказать влияния на современных ему музыкантов и на последующие поколения современной музыки.

Джон Колтрейн (1926–1967) – флегматик. Его музыка второй половины жизни – «вещь в себе», замкнутый, поиск и уход в новое гармоническое и мелодическое мышление. Музыка Колтрейна «пробивает» новые пути в джазе, она гасит порывы зла внутри человека, и, в то же время, музыка позднего Колтрейна наполнена глубокой религиозностью. Мягкий, доброжелательный, умеющий ладить с окружающими, этот музыкант одновременно неутомимо исследовал и экспериментировал в своем творчестве, добиваясь предела совершенства. Его угловатость и взрывчатая непредсказуемость мелодики в импровизациях обоснована поисками развития и усложнения гармонических структур[30]. Поиск новых мелодико-гармонических импровизаций Колтрейна обусловлен полученными в частных консерваториях знаниями о возможностях усложнения композиционных фактур. Дала о себе знать теория профессора Сэндуолла о добавочных проходящих аккордах, неимоверно усложняющих мелодическую импровизационную линию. Учение профессора было настоящей интеллектуальной «западней» для любого пытливого ума, и Джон Колтрейн в нее попался… Но через некоторое время выбрался с честью, правда, обрекая себя на неимоверный труд исполнителя, пробирающегося по гармоническим дебрям. Игра в быстрых темпах при условии «упоминания» и мелодического раскрытия каждого добавленного аккорда требовала от исполнителя, особенно на первых порах, недюжинных усилий и абсолютно совершенной техники. Скорость, с которой у Колтрейна вылетали пассажи, была невероятной, некоторые звуки даже не успевали прозвучать в полную силу, как их сменяли новые. Игру Джона Колтрейна критики за эту водопадную мощь прозвали «звуковыми пластами»[31]. Потраченные силы требовали восстановления или подкрепления, и музыкант стал находить опору в наркотиках. Но, к счастью, через некоторое время, не без помощи близких, музыкант сумел побороть эту тягу к «цветам зла». В середине 50-х гг. XX в. в жизни Колтрейна наступают замечательные события – женитьба на Наиме (1954) и приглашение от Майлза Дэвиса. Великое качество – умение разглядеть незаурядный талант в молодом музыканте. Им обладал Дэвис, его выбор Дж. Колтрейна в качестве партнера был «попаданием в десятку». «Группа Майлза заставила меня искать. В таком окружении я уже не мог довольствоваться старым багажом. Я ощущал, что мне еще нужно дотянуться до их звучания», – вспоминал Колтрейн.

Альбом «Kind Of Blue» оказался прологом

модального джаза, и гигантская заслуга успеха новаторского направления принадлежит двум полярным музыкантам. «Холодный, рассудительный, сдержанный М. Дэвис скуп на звуки, он тщательно выбирает одну-две ноты из целого ряда, отбрасывая остальные. Экспансивный, живой Колтрейн, наоборот, брызжет нотами, у него их такой избыток, что иногда он даже не успевает их выбросить все в положенном квадрате», – считает Ю. Вихарев[32]. Свое собственное лидерство Джон Колтрейн отмечает записью альбома «Giant Steps» в 1959 г. Он продолжает развивать свою технику и все более усложняет гармоническую канву в исполняемых пьесах. Добившись абсолютной технической свободы, Колтрейн делает шаг наверх к иному ощущению и манере передачи своих чувств в новых пластах музыки. Это заключалось и в дальнейшем развитии модальности, и в привнесении глубинной африканизации музыки, что привело исполнителя к отрыву от картины традиционно воспринимаемого джаза, с его гармонично выстроенными схемами лада и ритмики, к свободному полету гения. Необычайно соответствовало «новой вещи» (так называли эту не вписывающуюся в традиционные форматы музыку) и блистательное владение Дж. Колтрейна и вторым инструментом – сопрано-саксофоном. Сам музыкант говорил: «У меня теперь тенор – это инструмент мощи, а сопрано – инструмент красоты звука»[33]. Обращение к Богу также является одной из особенностей творчества саксофониста в поздний, последний период его жизни. Своей музыкой этот замечательный музыкант пытался, перебирая тонкие духовные нити в заблудших душах поклонников этой музыки, воздействовать на них и сделать шаг из тьмы к свету, порвать с «цветами зла», как это сделал он. Итак, в наследии Дж. Колтрейна можно отметить несколько циклов: освоение языка би-бопа; появление нового творческого подхода к исполнению стандартов – усложнение гармонических сеток, развитие необычайных исполнительских «скоростей», появление манеры «звуковых пластов»; совершенствование модального джаза; переход на иной уровень в осознании исполнительства – «новая вещь», музыкальные послания к Богу и полеты в сфере фри-джаза.

1941–1946 гг. Би-боп оказался величайшим художественным синтезом, ибо довел до совершенства и скрепил новой формой полувековое искусство джаза. Формирование основных правил би-бопа, новые большие оркестры Д. Гиллеспи, Б. Экстайна. В этот период джазовой эволюции боперы скрупулезно исследовали и вносили свой новый опыт в исследование гармонии. Би-боп, ставший музыкальным отражением нового самосознания негритянского населения США, как новый стиль джаза говорил и о заметном росте музыкальной образованности афроамериканских музыкантов. «Именно с би-бопа, – считает Г. Булез, – началось высвобождение индивидуальности музыканта, возможность ее проявления»[34]. Гармония, с позиций би-бопа, обусловила новый уровень взаимопроникновения и сочетания фольклорного и композиторского начал, с преобладанием неустойчивости, конфликтного соотношения фактурных планов, и стремления преодолеть границы тональности (расширение и «расшатывание» тональности привело к свободно используемой двенадцатитоновости).

1947–1952 гг. **новое** в модерн-джазе – рождение кула (большие и малые формы). Новатор Т. Монк и сверх-новатор Лени Тристано… Новые огромные составы Стэна Кентона – родоначальника стиля «прогрессив».

1953–1958 гг. Фанк, или хард-боп в столь разном воплощении от Х. Силвера, А. Блэйки до новатора и предвестника свободного композиторства Чарли Мингуса. Джаз обязан Джорджу Расселу и Майлзу Дэвису открытию ими модальной (ладовой) импровизации, где в основе разработки становится уже не тема, а фрагменты выбранного импровизатором лада (конец 50-х гг.). С появлением фри-джаза возникла пропасть между традиционной и современной разновидностями джазовой музыки. Современный джаз освободил джазмена от временно́го гнета, сделал его подлинным создателем и распорядителем многомерного и многослойного временно́го пространства своих композиций. В **авангардном** джазе анахронизмом становится традиционная форма джазовой композиции, и изменяется само понятие темы.

Импровизация носит самодовлеющий, эстетически автономный характер. Свободный джаз отрицает идею обязательного, или ладового принципа организации импровизации, упраздняет и трехчастность темы, и правило квадрата. Авангард, или свободный джаз (фриджаз) исполнителей «первой волны» – О. Колмэна, Д. Черри, Э. Долфи[35]. Одним из внешних аспектов фри-джаза было: «Неважно на каком (по качеству) инструменте ты играешь, главное в идее». Так, О. Колмэн использовал пластмассовый саксофон, Д. Черри – почти игрушечную трубу «pocket trumpet».

Новое в вокале 50-х гг.:

– соединение классики и джаза. Оперу Дж. Гершвина «Порги и Бесс» в сопровождении симфонического оркестра записали Л. Армстронг и Э. Фитцджеральд;

– появление боперовского вокального трио

«Lambert, Hendricks&Ross». Вокалисты трио блистательные исполнители скэта. Причем, найден новый прием: при записи вокальной версии инструментального соло (Колтрейна, Дэвиса) пропевается литературный текст, а не просто слоговой набор, что невероятно усложняют задачу исполнителя. Другое новшество использует прогресс в звукозаписи – вокальная группа накладывается многократно, имитируя звучание большого оркестра;

– использование голоса, пропевающего тему в унисон с каким-либо инструментом (трубой, саксофоном, флейтой), со словами или на слогах.

Один из наиболее влиятельных боп-вокалистов трубач Диззи Гиллеспи и его «тень» – Джо Кэрролл будоражат своими наполненными энергией, ритмикой, свингом, боперовской фразой и юмором зрительский зал, никого не оставляя равнодушными. Многие их вокальные приемы и находки мы слышим и у современников-вокалистов, и в дальнейшем у вокалистов следующих поколений.

Авангард в вокале «родом» из «свободного джаза». Так же как и инструмент, голос вокалистки используется как краска, подчас вне ритма и гармонии.

О судьбе. Удивительно, как много молодых, талантливых музыкантов ушло из жизни, не успев до конца реализовать свои возможности. Вот судьба двух наиболее ярких представителей чикагского направления – Бикса Бейдербека и Фрэнка Тэшемахера (кларнет)[36]. Бикс умер в 1931 г. в возрасте 28 лет в результате алкоголизма. А Фрэнк, его полная противоположность, собранный и деловой человек, погиб в автомобильной катастрофе в возрасте 26 лет. Интересно представить, чего могли бы достичь эти музыканты, доживи они до времен свинга, бопа или авангарда. Задаешься и этим же вопросом, когда думаешь о судьбе таких преждевременно ушедших из жизни талантов, как Чарли Крисчиан[37] (гитара) (1916–1942), Клиффорд Браун[38] (труба) (1930–1956), Скотт ЛаФаро[39] (контрабас) (1936–1961), Эрик Долфи (саксофоны, флейта) (1928–1964).

Итоги. «Канзас-сити бэнд» Джея МакШена выявил и впервые записал Ч. Паркера, нью-йоркский «Минтон-клуб» выявил созвездие Д. Гиллеспи с Т. Монком, К. Кларком, М. Роучем, Б. Пауэлом и др. Эстетические устои и глянцевый артистизм свинговой эры начали «взламываться» новым поколением черных музыкантов. Создатели би-бопа в 1940–1945 гг. внедрялись в мир джаза и утверждали свое важное положение и место в развитии нового музыкального искусства. Боп в свой самый яркий период, в 50-е гг., явился выводящим и необходимым шагом по направлению к свободе для нового поколения музыкантов. Это привело к «модерн» или «прогрессив» джазу. «Прохладной» прогрессивной школой был прежде всего «West-Coast» (джаз Западного побережья) и белый джаз. Дэйв Брубек был наиболее интересной и коммерчески успешной фигурой в кул-джазе 50-х гг. и на протяжении долгого времени. Другие замечательные белые музыканты, такие как Джерри Маллиган, Чет Бэкер, Ли Кониц, А. Пепер, считались основными действующими лицами, пока на сцене «West-Coast» не появились черные музыканты: Элмо Хоуп, Карл Перкинс, Куртис Коунсэ, Хэмптон Хоус. Другие белые музыканты 50-х гг. – Лени Тристано, Рэд Родни, Стэн Гетц, Зут Симс, Уорн Марш – также привлекали интерес и постоянно восхищали любителей джаза.

Телониус Монк в этот период (1950-е гг.) был позорно оставлен без внимания. Отличительный, изменчивый, непостоянный гений Ч. Мингуса придал форму, раскрыл возможности многим прекрасным музыкантам, включая Э. Долфи. А. Блэйки и его «The Jazz Messendgers»[40], вращаясь среди звезд, сделали шаг для фирмы «Blue Note», которая начала выпускать все больше «фанка»[41] («funk» или «hard-bop»). Квинтет М. Дэвиса (1954–1956) с Колтрейном следовал модальным путем, основанном на книге Дж. Рассела, Орнетт Колмэн шел по пути к «свободному джазу». Новую музыку черных музыкантов практически нельзя было увидеть на телевидении, и объяснялось это тем, что, хотя эта музыка и называлась «фри-джазом», но «свободной» она была не для всех. Если новоорлеанский джаз не применял европейскую гармонию, то боперы уже «привязали» себя к аккордовой структуре, а «свободный джаз», или «импровизационная музыка», или просто «музыка» освободились от гармонии и ритма и возвращались к коллективной импровизации. Многие молодые музыканты сегодня могут называться сторонниками следующей волны «Возрождения», потому что они не изменяют форме и не расширяют ее, оставаясь в репертуарных рамках музыки, концентрируясь на написании и исполнении лучших образцов мэйнстрима. Последовательность «классического – нового – авангарда» прошла свой круг с 20-х по 50-е гг. XX в. Впереди нас ждет исследование следующего витка спирального движения наверх 60–90-х гг. самого молодого земного искусства – джаза.

Примечания

[15] Там же. С. 198.

[16] Там же. С. 201.

[17] Там же. С. 108–109.

[18] Там же. С. 198.

[19] Там же. С. 172.

[20] Верменич Ю. История, стили, мастера. СПб.: Лань, 2007. С. 84.

[21] Коллиер Дж. Л. Указ. соч. С. 244, 247.

[22] Там же. С. 77.

[23] Там же. С. 189.

[24] Там же. С. 545.

[25] Коллиер Дж. Л. Указ. соч. С. 246.

[26] Там же. С. 273–275.

[27] Цит. по: Там же. С. 320.

[28] Цит. по: Ковалев Д. Lennie Tristano вдохновение авангарда – иная версия современности // Jazz-Квадрат: электрон. журн. URL: http: // www. nestor. minsk. by (дата обращения: 11.11.2011).

[29] Коллиер Дж. Л. Указ. соч. С. 315–317.

[30] Там же. С. 208.

[31] Там же. С. 334.

[32] Цит. по: Джон Уильям Колтрейн: биогр. // Люди = Peoples. ru: сайт. URL: http: // www. peoples. ru (дата обращения: 21.03.2012).

[33] Цит. по: Коллиер Дж. Л. Указ. соч. С. 350.

[34] Цит. по: Newton Fr. The Jazz Scene. London; Toronto: MacGibon & Kee, 1959. P. 6.

[35] Коллиер Дж. Л. Указ. соч. С. 322.

[36] Там же. С. 107.

[37] Там же. С. 241.

[38] Там же. С. 286.

[39] Там же. С. 279.

[40] Там же. С. 314–315.

[41] Создателями и исполнителями стилей «funk» или «hard-bop» преимущественно являлись темнокожие музыканты.

МУЗЕОЛОГИЯ

Museology

УДК 069:374.7

О. А. Божченко

Историческая память как форма музейной рефлексии

Историческая память – сложное и многогранное духовное явление, которое обладает способностью сохранять в массовом сознании людей оценки прошлого и обеспечивать на их основе преемственность времен и поколений. Музей как феномен и социокультурный институт тесно связан с концептом исторической памяти. На основе социокультурного и структурного анализа этих двух понятий становится возможным определить основы их взаимодействия.

Ключевые слова: историческая память, музей, знания, ценности, традиции, символы, образы

Olga A. Bozhchenko

Historical memory as the form of the museum reflection

Historical memory – difficult and many-sided spiritual phenomenon which possesses ability to keep in mass consciousness of people of an estimation of the past and to provide continuity of times and generations on their basis. The museum as a phenomenon and social-cultural institute is a closely connected value of historical memory. On a basis social-cultural and the structural analysis of these two concepts begins possible to define bases of their interaction.

Keywords: historical memory, a museum, knowledge, values, traditions, symbols, images

Современные гуманитарные исследования в последние десятилетия особое значение отводят теме исторической памяти. Ученые признают ее большую потенциальную силу в способности сохранять в массовом сознании членов общества оценки событий прошлого, которые трансформируются в ценностные ориентации, влияющие на поступки и поведение людей.

Культуролог А. И. Ракитов в своих исследованиях, подчеркивая связь между историческими фактами и их актуализацией в обществе, писал: «Социально-историческая память человечества, выступающая как знание о прошлом, дает множество образцов социально-значимого поведения. Поступки исторических персонажей, различные исторические ситуации, типы разрешения определенных конфликтов, ведущих к укреплению данного общественного строя, данной этнической общности, социальной группы или организации, со временем становясь эталонами, дают объяснение нормам предпочтительного, санкционированного обществом поведения»[1].

Музей как феномен и социокультурный институт тесно связан с концептом исторической памяти. По отношению к исторической памяти он играет двоякую роль: во-первых, позволяет ее сохранить и передать последующим поколениям, а во-вторых, музей активно участвует в ее формировании и развитии. Структурный анализ этих двух понятий помогает раскрыть те точки соприкосновения, которые позволят говорить об их взаимовлиянии друг на друга.

Выделение элементов исторической памяти может проходить по различным критериям и признакам. Мы опираемся на исследования М. Г. Дмитриевой, которая к их числу относит знания о прошлом, традиции, обряды, ритуалы, ценности, совокупность морально-нравственных норм, символы, образы. Рассмотрим указанные элементы и обозначим их связь с музеем.

Знания как структурный элемент исторической памяти выступают особой формой отражения прошлого в сознании общества и способствуют цели создания единого представления определенной группы о своей истории. Выступая в роли своеобразного базового механизма, фундамента, обеспечивающего в конечном итоге воспроизведение всех элементов культуры, они в определенном смысле способны прогнозировать будущее развитие общества. Основа любого музея – это, прежде всего, знание о предмете, явлении, событии. Собирая, храня, изучая и экспонируя вещи как предметы культуры музей раскрывает в них, наряду с эмоциональным, информационный потенциал[2].

Знание, создаваемое и распространяемое в музеях, несет на себе черты культурной, политической и экономической ситуации, в которой было создано, и, следовательно, отражает конкретный момент истории данных обществ. По мнению сторонников формационного подхода в музейной практике, его преимущества заключаются в том, что он позволяет представить историю человеческого общества как единый процесс, предложить определенную периоди-

зацию истории и увидеть то общее, что было в историческом развитии различных общества. По мнению сторонников цивилизационного подхода, недостатки формационного подхода заключаются в том, что последовательное его применение отодвигает на задний план роль человеческого фактора, недостаточное внимание уделяется своеобразию, уникальности и неповторимости отдельных обществ и народов, а большинство процессов политического, духовного, идейного и культурного порядка не могут быть без искажений объяснены с чисто экономических позиций. По нашему мнению, подобные аргументы носят взаимодополняющий характер, так как их сочетание способствует более глубокому и всестороннему пониманию истории, обретению знания музейными средствами.

Важными составляющими исторической памяти выступают ценности[3]. В общем виде понятие ценности отражает значимость тех или иных объективных явлений для жизни людей. Ценностное отношение формируется в процессе человеческой деятельности.

Особое отношение человека к действительности выражается в осознании музейной ценности предметов объективного мира. Это и одна из важнейших составляющих музейной деятельности. В данном случае на первый план выходит проблема музейных предметов как источников информации, документально-исторических ценностей. «Определение культурной значимости объекта, его ценности требует изучения совокупности разнообразных историко-культурных явлений или объективно признанных творческих результатов деятельности различных представителей культуры в конкретной исторической ситуации»[4].

В рамках этой проблематики музей осуществляет специфические исследования природы и общества, направленные на выбор явлений и процессов, документированных музеем, а также на выявление и отбор предметов музейного значения, которые входят в круг профильных интересов музея и являются культурно-историческими ценностями.

Наряду с этим, происходит изучение музейных предметов с целью выявления всего комплекса семантических и других свойств, представляющих интерес для различных областей знания. Музейные предметы исследуются как для раскрытия информации, научного определения и классификации потенциальных первоисточников и музейных средств, так и для определения режимов хранения, методов консервации и реставрации. Любая вещь, которая попадает в музей и занимает место в той или иной экспозиции, оказывается включенной в определенную систему ценностей[5]. Тем самым музей признает их ценностное значение и выражает отношение общества к той или иной составляющей своего культурного наследия. Привнося ценности прошлого в современное общество, музей способствует и образованию системы новых ценностей на их основе[6], тем самым оказывая влияние на формирование исторической памяти социума.

Растущая социальная значимость музея поставила перед ним проблему максимального использования своего культурного потенциала, которое включает в себя и нематериальное наследие[7]. В разработанной ЮНЕСКО «Декларации шедевров устного и неосязаемого наследия человечества» предложено следующее определение нематериального наследия: «Совокупность основанных на традиции творений культурного сообщества, признанных оправдывающими ожидания сообщества настолько, насколько они отражают его культурную и социальную тождественность; его стандарты и ценности передаются устно, посредством подражания или иными средствами»[8]. По мнению М. Г. Дмитриевой, традиция как одна из главных структурных составляющих исторической памяти определяет специфику межличностных отношений, связей и взаимодействий общества, выполняя организующую функцию, выражающуюся не только через нормы поведения, обряды, обычаи, но и через систему распределения социальных ролей, социальную стратификацию общества[9].

Музей, включая в сферу своей деятельности объекты нематериального культурного наследия, становится важнейшим институтом, способным сохранять и формировать историческую память общества, так как «способствует более глубокому и широкоаспектному пониманию процессов культурного развития общества, а также более активному взаимодействию с ними музея»[10]. Через музеефикацию нематериальные культурные формы как элементы традиционной культуры приобретают ценность, как для ее носителей, так и в сознании всего общества. Выполняя роль аксилогического фильтра, музей через отбор из среды бытования, экспозиционную и вербальную интерпретацию явлений культуры вводит посетителя в систему ценностей собственной культуры, обеспечивая формирование оценочной установки как на уровне социума, так и отдельного индивида[11].

Включение нематериального наследия в жизнь музеев разных направлений вносит разнообразие в их культурно-образовательную деятельность, формирует историческую память, сознание, духовность, веротерпимость,

толерантность. Многие отечественные музеи развивают различные формы, приемы, направления работы с обширной музейной аудиторией, которые включают в сферу деятельности нематериальные формы культурного наследия. Примером могут служить выступления фольклорных ансамблей, фрагменты обрядов, ритуалов, традиционных ремесел, вписанных в канву экскурсий, лекций, программных занятий. На базе музеев создаются студии, творческие мастерские, школы.

Таким образом, музей, включая в сферу своей деятельности различные объекты нематериального культурного наследия, делает их активными факторами культуры настоящего и будущего. Отбирая, сохраняя, интерпретируя объекты культурного прошлого, он позиционирует себя социально-активным институтом, хранящим, изучающим и популяризирующим историческую память, которая заключена в нематериальном культурном наследии и составляет достояние мировой цивилизации. Говоря словами Х. Гадамера, «сохранение того, что есть… осуществляющееся при любых исторических переменах – не механическое автоматическое действие, но „акт" разума»[12]. В этом случае творческие усилия направлены не на создание новых культурных форм, а на интерпретацию уже существующих, тем самым обеспечивая их сохранение.

В структуре исторической памяти важное значение приобретают символы. В «Философском энциклопедическом словаре» символ определяется как произвольный знак, вызывающий единообразную социальную реакцию[13]. При более широком определении, символ – это «понятие, действие или предмет, заменяющее другое понятие, действие или предмет и выражающее его смысл». Символы редко имеют сколько-нибудь значимое утилитарное, прикладное значение – гораздо чаще они служат приданию смысла тем или иным действиям, вещам или представлениям[14].

В исторической памяти символами становятся события и фигуры прошлого[15]. С течением времени они приобретают несколько иные значение и вес, нежели те, что имели для современников, и вокруг них выстраивается коллективная идентичность. Их предназначение – помощь членам социума в выстраивании отношений между собой, в обретении своего «я» по отношению к обществу. Как отмечает Ю. М. Лотман, «символ… и в плане выражения, и в плане содержания всегда представляет некоторый текст»[16]. Являясь важным механизмом исторической памяти, символы переносят «тексты» из одного пласта культуры в другой, не давая распасться на отдельные хронологические пласты.

Деятельность музея изначально направлена на создание особого отношения к предметам, активизируя их культурные значения, символическую сторону. Подобная установка современного музея делает его активным участником в процессе формирования исторической памяти. В этом контексте особое значение приобретает музейный предмет как носитель знаково-символических представлений. Являясь обладателем свойств когда-то существовавшей вокруг него реальности, музейный предмет становится его знаком, материально фиксированным символом, который подразумевает целый комплекс явлений, событий, идей. Именно знаковость как универсальное свойство, помогающее раскрытию содержания музейного предмета, позволяет «мир вещей» символически преобразовывать в «мир смыслов».

Близость музея и исторической памяти проявляется через раскрытие особого значения самого значимого и универсального символа, которым признается язык. В любом обществе он выступает как средство накопления, хранения и передачи информации, а, следовательно, и как обязательная составляющая исторической памяти любой общности. Музей так же обладает своим особенным языком, который преследует те же цели. Именно при помощи языка оказалось возможным фиксировать мысль в материальную форму. Основной знаковой системой, состоящей из музейных предметов, российский музеевед Н. Никишин называет «язык музея»: «Внедрение в музееведение представления о языке музея позволяет осознать все стороны музейной деятельности как единое целое»[17].

Проблема «музейного» языка находится в плоскости коммуникационного подхода. Е. Н. Мастеница указывает на теоретический аспект ее решения, отмечая, что она может быть решена на стыке истории и теории[18]. Рядом исследователей[19] показано, что набор форм коллекций и их представление основывается на исторических типах музейного отношения к вещам. Например, культура барокко – внимание к экзотике, классицизм – появление ценностной ориентации, романтизм – определение трактовки предметов как памятников и реликвий и т. д. В процессе развития историзма музейные собрания стали представляться как отражение исторического процесса.

Особенность музея состоит в том, что знаки как то, что обозначает и концептуализирует содержание экспозиции, и символы как то, что выражает отношение к этому содержанию, могут быть представлены одними и теми же му-

зейными предметами[20]. Подобная двоякая природа музейного предмета позволяет, с одной стороны, с его помощью достигать точности и истинности выражаемых экспозиционным языком научных закономерностей, а, с другой – воплощать общечеловеческие духовные ценности.

Таким образом, экспонат музея, представляя из себя символ, знак, обладает большим эстетическим и информативным потенциалом. С помощью специального языка как важнейшего средства в механизме передачи прошлого опыта в осуществлении преемственной связи поколений музей не только сохраняет, но и воспроизводит историческую память общества, становясь своеобразной летописью истории.

Особенность исторической памяти состоит в том, что история в ней представлена не в конечном определении, не как объективный факт, а в устойчивом представлении того или иного общества о событиях собственного прошлого. Отсюда следует, что одним из составляющих исторической памяти выступают образы, формы которых, по мере развития системы социальных отношений, меняются[21].

Образность в музее также не подлежит сомнению[22]. Основанный на синтезе, он соединяет вещи и создает образы. Как отмечают И. Бестужев-Лада и М. Озерная, «музей может не только показать вещь, но и привить к стоящему за ней культурному событию глубокое или поверхностное отношение, серьезность или схематизм в подходе к его истории…»[23]. Музейные образы являются результатом труда многих людей, и работа над ними включает различные составляющие – это и работа над образом экспозиции, создание образа эпохи, представление образа самого музея. Представляя музейные объекты и выражая с их помощью то или иное событие, авторы экспозиции могут их преподнести с различных точек зрения, присваивая свою оценочную составляющую. «Виртуозность исполнения экспозиции делает ее произведением искусства, где форма, которая искалась для выражения содержания, будучи найдена, сама становится содержанием, развивающим и дополняющим информацию научного построения темы»[24]. Таким образом, экспозиционер, воплощая свою позицию через различные способы комбинирования музейных предметов, определяя ее форму, становится автором нового мифа. Экспозиционный образ создает у посетителя ощущение причастности, благодаря которому «образ и реальность совмещаются и представленные в экспозиции события истории переводятся во внутренний мир человека»[25].

Проведенный социокультурный анализ позволяет сделать выводы. Как социокультурные феномены, историческая память и музей имеют общие основания, позволяющие говорить об их тесной связи и взаимовлиянии друг на друга. Структуру исторической памяти составляют знания, традиции, ценности, символы, образы. Каждый их этих элементов занимает важное место в деятельности музея и является его системообразующим компонентом. Таким образом, музей как феномен культуры является важным фактором в системе формирования исторической памяти. Если структура исторической памяти представляет собой совокупность взаимосвязанных элементов, то музей может рассматриваться как пространство, в котором осуществляется их соединение и отражение. Каждый компонент исторической памяти играет важную роль в музейном пространстве, и в своем взаимодействии они способствуют сохранению, актуализации и трансляции исторической памяти из поколения в поколение.

Примечания

[1] Ракитов А. И. Историческое познание: систем.-гносеол. подход. М.: Политиздат, 1992. С. 10.

[2] Музееведение: учеб. для высш. шк. М.: Акад. проект: Альма Матер, 2007. С. 320.

[3] Дмитриева М. Г. Состояние и тенденции развития исторической памяти в массовом сознании российского общества: дис. … канд. социол. наук: 22.00.04. М.: РГБ, 2006. 198 с.

[4] Шулепова Э. А. Историческая память в контексте культурного наслдеия // Культура памяти: сб. науч. ст. М.: Древлехранилище, 2003. С. 19.

[5] Мастеница Е. Н. Деятельность по сохранению и использованию культурного наследия: основания и смыслы // Основы культурологии: учеб. пособие. М.: Едиториал УРСС, 2005. С. 349.

[6] Там же. С. 352.

[7] Коссова И. М. Культурное наследие и современный музей // Музей и нематериальное культурное наследие: сб. тр. творч. лаб. «Музейная педагогика» каф. музейн. дела. М.: ИКАР, 2005. Вып. 6.

[8] Российская музейная энциклопедия. URL: http://www. museum. ru (дата обращения: 29.11.2011).

[9] Дмитриева М. Г. Указ. соч.

[10] Коссова И. М. Нематериальное культурное наследие в образовательной деятельности музея // Музей для всех: сб. тр. творч. лаб. «Музейная педагогика» каф. музейн. дела. М., 2003. Вып. 4. С. 30.

[11] Каулен М. Е. Роль музеев в сохранении и актуализации нематериальных форм наследия // Культура памяти: сб. науч. ст. М.: Древлехранилище, 2003. С. 127.

[12] Гадамер Х. Г. Истина и метод. М.: Погресс, 1988. С. 333.

[13] Философский энциклопедический словарь. М.: Инфра–М, 1997. С. 413.

[14] Ионин Л. Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие: учеб. пособие для студ. вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Логос, 2000. 431 с.

[15] Васильев А. Г. Современные memory studies и трансформация классического наследия // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории. М.: Кругъ, 2008. С. 29.

[16] Лотман Ю. М. Символ в системе культуры // Избр. ст.: в 3 т. Таллин: Александра, 1992. Т. 1: Статьи по семиотике и топологии культуры. С. 191.

[17] Никишин Н. А. «Язык музея» как универсальная моделирующая система музейной деятельности // Музееведение: проблемы культур. коммуникации в музейн. деятельности. М., 1989. С. 11.

[18] Мастеница Е. Н. Эвристический потенциал коммуникационного подхода в музееведении // Современные проблемы межкультурных коммуникаций. СПб., 2007. С. 299.

[19] Гнедовский М. Б., Дукельский В. Ю. Музейная коммуникация как предмет музееведческого исследования // Музейное дело: музей–культура–общество. М., 1992; Калугина Т. П. Художественный музей как феномен культуры. СПб., 2001; Грицкевич В. П., Гужаловский А. А. История музеев мира: учеб. пособие. Минск, 2003.

[20] Никишин Н. Музейные средства: знаки и символы // На пути к музею XXI в.: музейн. экспозиция (теория и практика, искусство экспозиции, нов. сценарии и концепции): сб. науч. тр. М., 1997. С. 29.

[21] Дмитриева М. Г. Указ. соч. С. 45.

[22] Дукельский В. Образцы и образы современной музейной деятельности // Ассоциация менеджеров культуры (АМК): сайт. URL: http://amcult. ru (дата обращения: 03.07.2012).

[23] Бестужев-Лада И., Озерная М. Музей в системе культуры // Декорат. искусство. 1976. № 9. С. 7.

[24] Рождественский К. Н. Некоторые проблемы искусства музейной экспозиции. М., 1976. С. 69.

[25] Дукельский В. Образцы и образы современной музейной деятельности.

УДК 069:379.8

Е. Н. Мастеница

Современный музей в ракурсе корпоративной культуры

Современный музей рассматривается автором статьи в двух аспектах: как структурное подразделение предприятия, организации или фирмы, призванное не только собирать, хранить и изучать историческое наследие отрасли или сферы развития бизнеса, но и формировать внутреннюю корпоративную культуру организации, и как исторически сложившаяся институция, имеющая свой собственный «фирменный стиль». В ракурсе корпоративной культуры выделены три направления развития музея: информационное обеспечение, интерпретация собраний и разработка внешних атрибутов музея, определяющих его имидж. Сделан вывод о необходимости развития музея и как корпорации, осуществляющей миссию хранения и презентации культурного наследия, и как транслятора корпоративной культуры во внешнюю среду.

Ключевые слова: корпоративная культура, корпоративный музей, музейный маркетинг, информационное обеспечение, ориентирующая информация, фирменный стиль

Elena N. Mastenitsa

The contemporary museum from the perspective of corporate culture

The modern museum is considered by the author of the article in two aspects: as structural division of the organization or the firm, called not only to collect, store and study historical heritage of any branch or sphere of business, but also to form internal corporate culture of the organization and as the developed cultural institution historical, art, literary, etc., possessing its own «firm style». Three directions of development of museum corporate culture are stressed: a supply with information, interpretation of collections and development of external another attributes defining its image. The conclusion about necessity of museum development as the corporation which is carrying out mission of storage and presentation of a cultural heritage, on the one hand, and as the compiler of corporate culture in an environment, with another is done.

Keywords: corporate culture, corporate museum, museum marketing, a supply with information, a focusing information, firm style

Развитие музейного дела последних десятилетий отмечено кардинальными сдвигами, происходящими в деятельности музеев во всем мире. Именно во второй половине XX в. стремительно увеличилось количество музеев, а также наблюдался значительный рост их посещаемости. Музеи городов и общин, музеи рабства и музеи геноцида, музей холокоста и музей Анны Франк, музей градусников и музей граммофонов, музей утюга и музей обуви, музей Ле-Бурже и Эксплуаториум, музеи-заводы и музеи-шахты, музеи-корабли и музеи-верфи, музеи-дворцы, музеи-усадьбы и музей многоквартирного дома… Этот перечень можно продолжать довольно долго. Однако суть не в количестве, а в том, что именно в прошлом столетии музей из храма стал превращаться в форум, и этот процесс, потребовавший немало усилий как со стороны людей, причастных к деятельности музеев, так и со стороны общества в целом, стал необратимым. Значительное расширение типового и видового многообразия музеев, в котором представлены сегодня самые различные модели – от классических музеев коллекционного типа до музеефицированных памятников и целых территорий свидетельствует о том, что современные музеи переживают существенные изменения в русле глобальных трансформаций, происходящих в обществе и культуре.

На рубеже XX–XXI в. отмечается признание за музеями важной социальной миссии, связанной с ролью культурного наследия в развитии современного общества, в социализации современного человека. По мнению Ж. Саллуа, «музеи становятся культурными учреждениями, где переплетаются требования, предъявляемые к сфере общественных услуг, и принципы управления предприятием. А в сочетании с основными задачами музея: хранением, исследовательской и общеобразовательной, эти перемены не могут не оказывать влияния на методику работы. <…> Каков бы ни был музей, большой или более скромный, общегосударственного или местного значения, общественный или частный, любой из них сегодня должен поставить перед собой вопрос о своем предназначении, о расширении своих коллекций и круга своих посетителей, о своей роли в городе или регионе, о

своем месте в национальном и международном плане, одним словом, разработать свой культурный проект»[1]. Исследователи отмечают, что в последние десятилетия наблюдается неуклонное изменение социальной роли музеев, активизация их взаимодействия как с обществом в целом, так и различными возрастными, профессиональными, национальными группами в городах, а также и с местным сообществом в регионах. Расширение границ музейной деятельности свидетельствует о том, что она приобретает все большее социокультурное значение[2].

Роль музеев в эпоху переживаемых глобальных перемен неоднозначна, но они по-прежнему востребованы. В быстроменяющейся обстановке, преодолевая консерватизм и инерционность развития, и российские, и зарубежные музеи активно устанавливают связи с различными институтами общественной жизни, расширяя свое пространство как в прямом смысле: выходя за стены музейного здания, создавая выставки и экспозиции, организуя акции событийного туризма, так и в переносном смысле, раскрывая и распространяя колоссальный накопленный культурно-образовательный потенциал. Ключевые понятия в деятельности музеев сегодня – контакты и партнерство. Музеи не только создают свой новый имидж, но и содержанием работы стремятся соответствовать времени и потребностям современного человека, постепенно приобретая черты социокультурного центра, способного выполнять полифункциональные задачи – и информационно-поисковые, и образовательно-воспитательные, и развлекательно-рекреационные[3].

Проблемы корпоративной культуры актуальны в наше время как никогда ранее. В последнее время все чаще появляются публикации, в которых авторы размышляют о том, что такое корпоративная культура, фирменный стиль[4]. Собственно, назвать это понятие новым, наверное, было бы неправильным, так как у любой организации со дня ее создания формируется своя особенная внутренняя атмосфера, во многом обусловленная историческими условиями ее деятельности. Однако все же приведем определение, согласно которому, «к*орпоративная культура* – это система материальных и духовных ценностей, проявлений, взаимодействующих между собой, присущих данной компании, отражающих ее индивидуальность и восприятие себя и других в социальной и вещественной среде, проявляющаяся в поведении, взаимодействии, восприятии себя и окружающей среды»[5]. Начинают появляться работы, в которых рассматривается место музеев в корпоративной культуре[6] и их роль в формировании новой культурной политики[7].

Жизнь стремительно меняется, и сегодня все больше людей работает в корпорациях, где культура – один из важных элементов жизнедеятельности предприятий. Развитие музеев, его сотрудников и посетителей также идет в ногу со временем. Так, сегодня уже никого не смущает понятие «музейный маркетинг», отражающее реалии музея в условиях рынка. Знания в области маркетинга постоянно расширяются и находят все большее применение в музейной среде. Зарубежные и отечественные специалисты единодушны в мнении о том, что музейный маркетинг в целом нужно рассматривать как комплекс действий, направленных на сближение интересов музея и посетителя. С позиций музейного маркетинга музеи должны предоставлять посетителю музейный продукт и разнообразные услуги[8]. В данном контексте рассмотрение музея в ракурсе проблем корпоративной культуры представляется актуальным и востребованным.

Являясь структурой предприятия, организации или фирмы, музей не только собирает, хранит и изучает культурно-историческое наследие отрасли или сферы развития бизнеса, но и формирует внутреннюю корпоративную культуру организации. Музей выступает транслятором корпоративной культуры во внешнюю среду, поэтому и от качества предоставляемых музейных услуг зависит имидж предприятия или фирмы. Например, в пяти залах корпоративного музея Чусовского металлургического завода (Челябинск) общей площадью 350 кв. м собраны уникальные экспонаты и исторические документы, характеризующие этапы развития завода от основания в 1879 г. до настоящего времени. Музей был создан усилиями дирекции по персоналу, социальным вопросам и связям с общественностью и стал результатом большой исследовательской работы, проведенной по материалам государственных и заводских архивов. К сбору экспонатов привлекались местные краеведы и работники завода. Некоторые экспонаты XIX в., уцелевшие со времен французского управления заводом, были найдены непосредственно в цехах завода. Определяя музей как важную составляющую корпоративной культуры, исполнительный директор Анатолий Карпов отметил: «Музей позволяет глубоко осмыслить историю завода и легче понять современные процессы, происходя-

щие в нем. Мы возлагаем большие надежды на корпоративный музей. Важно, чтобы он был не только хранилищем документов и мемориальных свидетельств нашей истории, а центром корпоративной культуры, местом, где бы сходились интересы различных категорий: от школьников до сотрудников и ветеранов»[9].

Очевидно, что при упоминании слова «музей», у каждого человека возникают свои ассоциации, и едва ли они в первую очередь связаны с бизнесом. Однако, по мнению Т. И. Ковалевой, с которым нельзя не согласиться, современный музей – не «пыль веков», а генератор впечатлений и идей, в том числе и бизнес-идей[10]. Так, своеобразным «нервом» Нью-Йорка является «Музейная миля». Это самый престижный, самый дорогостоящий район города, где расположены самые известные музеи, живут известные люди, находятся посольства разных стран. Вообще американцы совершенно по-особому относятся к сохранению даже маленьких «кусочков» своей истории и очень гордятся ею. Их музеи – это культовые места. В них вложены огромные средства, причем в этих вложениях все прагматично сосчитано до цента. Иначе бы американцы не были американцами. В этой стране национальный дух, национальная гордость и история, представленные в музеях, имеют материальную силу и одновременно будят эмоции и мысли, зовут в будущее силой потрясающих примеров. После Америки, как указывает Т. И. Ковалева, контраст с Нижним Новгородом поразительный в том смысле, что по отношению к истории город являет собой полную противоположность Нью-Йорку, несмотря на то, что имеет гораздо более солидный возраст. Многие музеи просто закрыты для широкой публики. «Имея репутацию „кармана России", город и его жители весьма смутно представляют собственную историю, в которой самой яркой страницей и доминантой является история купечества и предпринимательства. Хотя нижегородская „миля" тоже весьма насыщенна: Дом архитектора, художественный, краеведческий музеи, музей Радиолаборатории, здесь тоже живет много известных и состоятельных людей. Здесь высока концентрация интеллектуально-культурного потенциала города, всегда строились самые дорогие особняки по проектам известных архитекторов. Здесь и раньше жили самые-самые… Удивительная улица – Верхневолжская набережная – место красивейшее. Вот только сейчас оно плохо ухоженное и совсем „не освоенное" теми, кто должен бы формировать инвестиционный имидж города. В Нью-Йорке в конце Бродвея есть музей истории финансового могущества. Там собраны истории крупнейших американских династий»[11]. В России осознание необходимости музеев сейчас проявляется пока только на уровне частных инициатив. Так, на Кулебакском металлургическом заводе (Нижегородская область) с приходом нового молодого и энергичного руководства был первым делом реанимирован угасающий музей. И понятно почему – ведь музей работает на имидж, на индивидуальность брэнда, выполняет и представительские функции. Чем глубже корни, тем солиднее фирма. Бренд, которому доверяют, всегда имеет свою историю, в отличие от фирмы-однодневки. У каждого солидного предприятия с историей есть свои традиции и их хранитель – музей, в котором представлены не только достижения предшественников, но и разработки нового руководства[12].

Нередко музей в обывательском представлении – это «склад старых вещей» или «кладовка раритетов». Однако еще в античности и школы, и академии, и музеи не подразумевали уединение, а служили местом общения, где люди вели диалоги, спорили, искали истину. Там рождались идеи, туда приходили со своими произведениями поэты и драматурги, музыканты и философы – там обсуждались их творения. Музей должен будить воображение. И бизнес без воображения, без видения будущего, также невозможен. Музей – привилегия успешных, когда есть что рассказать, когда есть что показать. Без самоуважения не будет ни перспективных проектов, ни умелых рабочих рук, ни доверия партнеров и клиентов. И если мы действительно хотим инновационных прорывов, то посетители, и особенно молодежь, должны иметь возможность соприкасаться с историей страны и иметь площадки для дискуссий и экспериментов. И лучшего места, чем современный полифункциональный музей, на наш взгляд, представить себе трудно. Ярким примером новаторского музея является открытый в 2003 г. в г. Альметевске (Татарстан) музей ОАО «Татнефть». По мнению его создателей, музей Татнефти с точки зрения его профильной ориентации не имеет прямых аналогов в отечественной практике. Он не является ни естественнонаучным музеем нефти, ни техническим музеем, ни производственным музеем истории отдельных предприятий, ни мемориальным музеем, рассказывающим о выдающихся людях Татнефти. Музей Татнефти – это музей корпоративной культуры и культуры,

возникающей в результате деятельности компании. В определенном смысле, это музей «углеводородной цивилизации»[13].

На рубеже XX–XXI в. значительно увеличилось число корпоративных музеев. Они больше не считаются пережитком прошлых «застойных» лет. Так, многие петербургские руководители, выезжающие на зарубежные предприятия, получали приглашение посетить корпоративный музей. Музей истории предприятия есть в таких компаниях, как Porshe, Studebaker, Ford, Matsushita и многих других. В Петербурге раньше также практически у каждого крупного и не очень предприятия был свой музей или небольшая выставка. Лет 10–15 назад некоторые из них оказались на грани закрытия. Но времена меняются, и вслед за стабилизацией экономики руководители предприятий задумались о своих музеях. Сложное материальное положение подтолкнуло некоторые музеи к объединению. Современные условия потребовали значительных изменений в экспозициях, формах и методах работы корпоративных музеев. Так, например, в 1993 г. ФГУАП «Пулково» и Академия гражданской авиации СПб договорились об объединении своих музеев. «Соединились два богатейших фондовых собрания, и это пошло нам на пользу», – констатировала директор Объединенного музея Академии гражданской авиации СПб и ФГУАП «Пулково» Н. Сафронова. В июне 2003 г. площадь музея была расширена до 300 кв. м. В структуре организации есть архив и научная библиотека. Объединенный музей принимает не только сотрудников своих предприятий, студентов, но и всех желающих, которые приходят в музей[14].

Итак, развитие музейного дела убедительно свидетельствует о том, что все больше предприятий, учреждений, организаций и фирм различных форм собственности стремится к формированию корпоративной культуры, одним из символов которой все чаще выступает музей. Как показывает практика, он необходим в любой сфере деятельности, будь то банки или заводы, вузы или театры, поскольку опосредованно влияет на производительность труда, на качество выпускаемой продукции, на формирование имиджа успешности, позитивно воздействуя на настрой персонала, влияет на психологический климат и, в конечном итоге, определяет некую общность людей, их принадлежность к большой компании или корпорации людей, объединенных общей целью и задачами и стремящихся их успешно решить.

Гораздо более сложным и многоаспектным процессом является формирование корпоративной культуры в традиционных музеях исторического, художественного, литературного и других профилей, насчитывающих десятилетия и даже столетия своего существования. Однако и здесь есть точки пересечения, позволяющие говорить о том, что не только государственные заводы и фабрики, предприятия всех форм собственности, школы и университеты, театры и цирки, и, наконец, сами музеи могут выступать как своеобразные корпорации, учреждения, заботящиеся о создании собственной корпоративной культуры. Ведь корпоративная культура, на наш взгляд, предполагает бережное отношение к своим истокам, поэтому история любых отраслей человеческой деятельности, аккумулированная в музейных предметах и коллекциях, памятниках и ансамблях, не только отражает историю материальной и духовной культуры человечества, но и корреспондирует с «охранительной» функцией музея. В музейных экспозициях в широком спектре их тематики и содержания запечатлены основные вехи развития различных видов искусства, литературы, истории городов, регионов и стран, науки и техники, религии и образования. Без осмысления прошлого нет движения в будущее, в котором дальнейшее укрепление позиций музея в социуме, востребованность публикой, адекватная реакция на вызовы времени и запросы аудитории во многом связаны с формированием его корпоративной культуры. Рассмотрим главные, на наш взгляд, направления развития этого процесса.

Во-первых, это информационное обеспечение. В наступивший век информации и в связи с невероятным возрастанием ее значения, а также наряду с увеличением способов и скоростей ее получения музей как корпоративная структура должен обеспечить посетителю доступную и адекватную информацию практически по всем вопросам, порой даже не связанным напрямую с деятельностью музея. Для этого в музеях необходим, прежде всего, стол справок или информационное бюро, которые находятся на передовой линии информационной службы, а их сотрудники готовы компетентно ответить на любой вопрос. Далее необходима специальная подготовка и слаженная работа персонала службы информации. Это могут быть «бродячие справочники» или «зональные гиды», которые готовы отвечать на вопросы посетителей, сопровождать их, осуществляя краткое информационное обслуживание и помогая ориентировать-

ся в пространстве музея, а также оказывать помощь в решении насущных проблем взрослых и маленьких гостей музея. Многие крупные музеи создают информационные центры. Это стационарный пункт, где можно получить глубокую и подробную, а порой исчерпывающую, информацию по различным направлениям деятельности музея, составу его коллекций и способам их представления публике, где можно заказать индивидуальную экскурсию, осуществить поиск дополнительной информации, оставить запрос или заявку и т. д. Информационнным обеспечением может заниматься и библиотека музея, если она открыта для публики, имеет материально-техническую базу и готова обслуживать посетителей. К сожалению, в практике работы отечественных музеев библиотека является самостоятельным научным подразделением, рассчитанным на обслуживание только сотрудников музея или работу с отдельными исследователями из сторонних организаций (чаще по предварительной записи).

Функции информационного обеспечения в музеях эффективно выполняют компьютеры, компьютерные парки или мультимедийные терминалы, которые устанавливают в залах или вспомогательных помещениях музея. Они обеспечивают доступ к некоторой части каталожных данных, предлагают музейные игры или образовательные программы, рассчитанные на посетителей разных возрастов и уровня подготовки.

Широко внедряются в музейную практику аудиогиды, которые прежде использовались на временных выставках. Сейчас аудиогиды – обычный вид информационного сопровождения и на стационарных экспозициях. Их очевидное преимущество состоит в том, что посетитель не тратит время на чтение этикеток и силы, чтобы нагнуться к ним, не напрягает зрение, если этикетки плохо освещены в витринах, не отвлекается на чтение экспликаций, что значительно снижает усталость и предотвращает скопление людей около известных или наиболее аттрактивных экспонатов.

Такие традиционные и весьма востребованные формы предоставления систематизированной, отобранной и педагогически осмысленной информации как экскурсии и лекции по-прежнему не теряют своей популярности и привлекательности благодаря личностному наполнению, авторскому исполнению и другим особенностям, присущим данным формам. Особенно интересными являются театрализованные экскурсии, жанровые лекции и пр., однако их рассмотрение уже выводит нас в область культурно-образовательной деятельности музея, связанной с установлением контакта и взаимодействия с его реальной и потенциальной аудиторией.

Во-вторых, ведущим направлением развития корпоративной культуры музея является, на наш взгляд, интерпретация, т. е. единая продуманная система способов, с помощью которых музей сообщает публике сведения о своем собрании и о своей исследовательской деятельности, об уникальных предметах и их неординарных судьбах, о новых находках и открытиях, о путях формирования коллекций и способах их пополнения, таким образом приближая музей к конкретным нуждам человека и способствуя пробуждению, а затем и формированию музейной потребности. Только «разговаривая» с человеком, музей открывает ему новый «язык», с помощью которого можно прочитать скрытый смысл и понять значение музейных предметов, обрести возможность путешествовать в пространстве и во времени, становясь собеседником известных и безымянных авторов мировых шедевров и уникальных памятников. С точки зрения корпоративной культуры, понятие интерпретация включает в себя, прежде всего, ориентирующую информацию. Каждый музей придумывает собственные правила создания этикеток и пояснительных стендовых текстов, постеров, которые основываются на профиле и масштабе музея, содержании его коллекций, характере занимаемого здания и его архитектурных особенностей. Выполненная в единой стилистике, такого рода «продукция» должна содержать указание автора текста и учитывать смысловой спектр информации, тон объяснения (дидактический, свободный, авторитетный), размер шрифта и цвет и др.

Некоторые современные музеи, чаще художественные, порой лишают произведения интерпретации, предоставляя возможность экспонатам говорить самим за себя. Другие, наоборот, стараются дать максимум объяснений и разъяснений для посетителя. Между крайностями есть, разумеется, «золотая середина», т. е. разумный подход, основанный на предоставлении объективной и научно достоверной, взвешенной информации в доступной и понятной форме. Своеобразную «философию» доступности информации активно разрабатывают естественно-научные, технические, а также исторические музеи, в которых невозможно «чистое» созерцание, а необходимы объяснения и пояснения, желательно, в интерактивной форме. Современными ис-

следователями ориентирующая информация подразделяется на: пространственно-ориентирующую, т. е. информирование посетителей о том, в какой части музея они находятся, что могут увидеть, где найти то, что им необходимо, каков набор предоставляемых услуг, какие языки можно использовать в музее и т. д.; и интеллектуально-оринтирующую, т. е. разъяснение возможностей и особенностей музея, различных способов взаимодействия с коллекциями, позволяющее посетителям планировать свое пребывание в музее. Иными словами, посетителю необходимо в короткой и понятной форме узнать, есть ли обзорные экскурсии, тематические, программы для семейной аудитории, возможности провести праздник, есть ли информационный стенд/центр/киоск и пр.

Для большинства туристов и гостей посещение музея является первым, и задача его сотрудников сделать все возможное, чтобы оно не стало последним. Ориентация в пространстве музея помогает человеку не чувствовать себя чужим и потерянным, располагает к комфортному пребыванию, вселяет уверенность, т. е. дает позитивную установку на посещение музея. Четкое и наглядное информирование посетителей с самого начала его визита в музей о том, где расположены гардероб, туалеты, места для отдыха, ресторан/кафе, магазины, сувенирные киоски, есть ли детские комнаты, пункт медицинской помощи, как передвигаться в инвалидном кресле или коляске, какая помощь может быть предоставлена в «столе справок» или у смотрителей, помогает чувствовать себя уютно, особенно если они пришли в музей впервые.

Нелишним будет заметить, что, чем больше ориентирующей информации, тем больше ее роль в увеличение доходов музея. Не узнав при входе о наличии кафе, посетители не выкроят времени для его посещения. Не познакомившись со всем репертуаром выставок, культурных программ, концертов и пр., они могут покинуть музей с чувством, что все осмотрели, тогда как должны уйти с ощущением, которое можно выразить словами: «Как много еще осталось не увиденным! Мы непременно должны вернуться сюда снова». Приветливое и заинтересованное отношение к посетителю, уважение его желаний и стремление ответить на запросы – не только залог эффективного взаимодействия музея и его аудитории, но и обязательный элемент корпоративной культуры музея.

В-третьих, важным направлением развития корпоративной культуры музея, серьезно способствующим информированию и интерпретации, является наличие внешних атрибутов музея как корпорации. Разработка и использование единого «фирменного стиля», включая бейджи сотрудников, униформу персонала, логотип, издательскую продукцию (открытки, плакаты, путеводители, планы, каталоги, календари и др.), сувениры, CD и DVD, выполненные с учетом специфики профиля музея или его местонахождения, делают «лицо» музея легко узнаваемым и запоминающимся одновременно.

Однако на самом деле не только экспозиция как главный канал музейной коммуникации, и не столько современная инфраструктура музея с использованием новейших технологических достижений, включая музейный дизайн, определяют лицо музея, сколько его сотрудники. И первое впечатление о музее, и суждение о нем какое-то время спустя, будет зависеть и от профессионализма экскурсовода, и от вежливого обслуживания в кассе или в гардеробе. Отзывы о музее будут распространяться в той же самой среде, с которой работает и реклама, и связи с общественностью и СМИ, и Интернет. Поэтому ознакомление персонала с основными целями и задачами музея, обеспечение профессиональной подготовки, регулярное повышение квалификации и, в некоторых случаях, специальные психологические тренинги являются неотъемлемой частью руководства музеем и работы всех его служб по формированию корпоративной культуры, направленной на создание облика музея как корпорации, осуществляющей великую и благородную миссию хранения и презентации культурного наследия, а также внутренней атмосферы доброжелательности и заботы о посетителе, а в так называемых «малых» музеях почти домашней гостеприимной обстановки.

Примечания

[1] Салуа Ж. Проект культурной деятельности музея // Информ. бюл. ИКОМ. 1995. № 1. С. 22–30.

[2] Мастеница Е. Н. Новые тенденции в развитии музея и музейной деятельности // Триумф музея? СПб.: Осипов, 2005. С. 138–145; Ее же. Социальная миссия музея в эпоху глобальных перемен // Человек, культура и общество в контексте глобализации = Human being, culture and society in the context of globalisation: материалы междунар. науч. конф., 25–27 нояб. 2005 г. М.: Акад. проект: РИК, 2007. С. 216.

[3] Шляхтина Л. М., Мастеница Е. Н. Проективная модель музея XXI в.: управление процессом коммуникации // Музей–зритель: XXI в.: материалы конф. к 80-летию науч.-просвет. отд. Эрмитажа / науч. ред. О. Г. Махо. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2006. С. 24–30.

[4] Гриднева Е. А. Фирменный стиль как культуро-

логическая проблема // Фундаментальные проблемы культурологии: в 4 т. / отв. ред. Д. Л. Спивак. СПб.: Алетейя, 2008. Т. 2: Историческая культурология. С. 185–197.

[5] Спивак В. А. Корпоративная культура: теория и практика. М.: Питер, 2001. 345 с.; То же. URL: http://www.ecsocman. edu. ru (дата обращения: 03.06.2012).

[6] Дукельский В. Б. От музейного учреждения к музейной фирме // Музеи. Маркетинг. Менеджемент: практ. пособие. / под. ред. В. Дукельского, Н. Никишина. М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 112–130.

[7] Гимельштейн Я. Музейное дело в рамках феномена Новой культурной политики и теории корпоративизма // Триумф музея? СПб.: Осипов, 2005. С. 61–83.

[8] Дюкарев Р., Фокс К., Холмз О. и др. Социальный маркетинг для некоммерческих организаций: практ. пособие. М.: Центр развития образования, 1998. 234 с.; Колбер Ф., Нантель Ж., Билодо С., Рич Дж. Д. Маркетинг культуры и искусства. СПб.: АртПресс, 2004; Лорд Б., Лорд Г. Д. Менеджмент в музейном деле: учеб. пособие / под ред. А. Б. Голубовского. М.: Логос, 2002. 256 с.

[9] ЧМЗ открыл корпоративный музей // Металлоснабжение и сбыт. 2007. 13 дек. URL: http://www. metalinfo. ru (дата обращения: 20.09.2011).

[10] Привилегия успешных // Биржа-ру. URL: http://www. birzhaplus. ru (дата обращения: 20.09.2011).

[11] Там же.

[12] ЧМЗ открыл корпоративный музей.

[13] Дукельский В. Ю., Лебедев А. В. Музей компании «Татнефть» http://www. future. museum. ru (дата обращения: 20.09.2011).

[14] Деловой Петербург. URL: http://www. dpgazeta. ru (дата обращения: 20.09.2011).ДК 069(1-21)(470.23-25)

УДК 069(1-21)(470.23-25)

Л. И. Петрова

Музей города и Петербургский городской музей: проблема преемственности

Сравниваются программы двух музеев, и делается вывод о сходстве их основных положений, на основании чего Петербургский городской музей наравне с Музеем старого Петербурга можно считать предшественником Музея города.

Ключевые слова: Петербургский городской музей, Музей старого Петербурга, Музей города, музейные программы, преемственность

Ludmila I. Petrova

Museum of the City and St. Petersburg City Museum: problem of continuity

The author in the article compares the programs of the St. Petersburg City Museum and the Museum of Old Petersburg and draws a conclusion about the similarity of their main provisions. On this basis both museums can be considered the predecessor of the Museum of the City.

Key words: St. Petersburg City Museum, the Museum of Old Petersburg, the Museum of the City, museum programs, continuity

Бесспорным и безусловным предшественником Государственного музея истории Санкт-Петербурга (ГМИ СПб), который ведет свое начало от Музея города, созданного в 1918 г. и разместившегося в Аничковом дворце, исследователи считают Музей старого Петербурга – детище Общества архитекторов-художников[1]. Основным критерием преемственности для авторов является наличие предметов из его коллекций в составе фондов ГМИ СПб. Хорошо налаженный учет предметов в Музее старого Петербурга, сохранившиеся черновые инвентарные книги, наличие штампа Музея старого Петербурга на предметах давало возможность достаточно легко проследить наличие предметов из Музея старого Петербурга в фондах ГМИ СПб на протяжении всего периода его существования. В связи с этим, преемственность между Музеем старого Петербурга и Музеем города никогда не вызывала сомнений.

С Петербургским городским музеем[2] дело обстоит иначе. В литературе, кроме упоминаний о том, что материалы музея были перевезены в Аничков дворец, приведенных без ссылок на источники, за исключением статьи Н. Р. Славнитского, других сведений не имеется[3]. Поскольку исследователям не удалось выявить предметы из коллекций городского музея в фондах ГМИ СПб, история создания городского музея как часть истории Музея города до последнего времени не рассматривалась.

Сохранившихся документальных свидетельств относительно судьбы коллекций городского музея действительно немного. Так, на заседании Петроградской городской управы в марте 1918 г. рассматривался вопрос о перемещении материалов городского музея, которые хранились в Доме городских учреждений на Кронверкском проспекте. Он возник в связи с тем, что Центральная реквизиционная комиссия при Петроградском совете рабочих и солдатских депутатов распорядилась передать Дом городских учреждений Бирже труда[4]. В апреле Управа приняла решение о финансировании перевозки коллекций городского музея в Аничков дворец[5]. В делах Музея города сохранился также отчет о перевозке коллекций городского музея[6].

Перемещение материалов городского музея в Аничков дворец было связано с проблемой использования дворца. По свидетельству В. Я. Курбатова, в апреле 1918 г. на заседании Совета Наркомпроса решали судьбу Аничкова дворца, и он предложил создать музей, посвященный городской культуре[7].

О перевозке коллекций городского музея в Аничков дворец организаторы Музея города упоминали в различного рода справках и отчетах[8]. Из этих документов следует, что не все перевезенные материалы вошли в состав коллекций Музея города. Тем не менее директор музея Л. А. Ильин отмечал, что на момент учреждения Музея города основной фонд образовали материалы, находившиеся в городском музее[9].

Заслуживает внимание свидетельство В. В. Степанова, который входил в Комиссию по обследованию Музея города, созданную в сентябре 1919 г. Коллегией по делам научных музеев Петроградского отделения Наркомпро-

са[10]. В протоколе Комиссии отмечено, что отдел охраны здоровья содержал материалы, полученные из бывшего городского музея[11]. Это свидетельство особенно ценно тем, что В. В. Степанов как заведующий статистическим отделением Городской управы стоял у истоков создания городского музея в Петербурге.

Выявить предметы из городского музея в фондах ГМИ СПб представляется непростой задачей. По всей видимости, учета предметов в городском музее не велось. Опубликованный список предметов городского музея[12] сложно соотнести с записями инвентарных книг Музея города по причине ненормативности описаний предметов, как списка, так и записей инвентарных книг. Хотя в отчетах Музея города говорится, что предметы, перевезенные из городского музея, послужили основой коллекций ряда отделов, в первую очередь, отдела охраны здоровья, но установить это по учетной документации невозможно. Во-первых, сохранились далеко не все инвентарные книги тех лет, во-вторых, графа «источник поступления», как правило, не заполнялась.

Просмотр старых инвентарных книг привел к тому, что в инвентарной книге художественного отдела удалось обнаружить запись, источником поступления для которой указан городской музей, хотя сам предмет идентифицировать не удалось. Увенчалась успехом работа по вычленению из списка предметов городского музея наиболее редких изданий, и поиск их в фондах ГМИ СПб. В результате удалось обнаружить предметы, на которых стояли штампы: «Статистическое отделение С.-Петербургской управы» и «С.-Петербургский городской музей». Наличие двух штампов объясняется тем, что до разработки программы городского музея и перевода его из «временного» существования курирование городского музея было возложено на статистическое отделение Городской управы.

Однако наличие предметов из городского музея в коллекциях Музея города не должно являться единственным свидетельством преемственности. Заслуживающим внимание моментом должно стать рассмотрение вопроса о характере, профиле, задачах двух музеев и сопоставление их программ. Нужно также учитывать знакомство организаторов Музея города с проектами создания городского музея в Петербурге, и выявить, какие идеи были ими заимствованы при создании Музея города.

Весьма показательно, что, получая в пользование такой комплекс, как Аничковская усадьба, приглашенные представителем Наркомпроса В. Р. Менжинской для консультации о характере использования дворца В. Я. Курбатов и Л. А. Ильин высказались за устройство в нем не бытового музея, а «городского музея – муниципального». Аргументировали они это тем, что «в муниципальном музее широкого масштаба нужда большая, а существовавший городской музей на Кронверкском проспекте в городском доме слишком скромен в своих заданиях и в помещении, конечно, стесняющим его развитие»[13].

Вопрос о профиле и общем направлении Музея города Рабочая коллегия считала основным. Решение этой задачи членам Рабочей коллегии давалось нелегко. Они четко представляли, каким они не хотели бы видеть музей: он не должен следовать примеру европейских и отечественных городских и региональных музеев, которые ограничивались представлением «внешней бытовой стороной истории»[14].

Они считали такую трактовку идеи музея слишком узкой и не современной. По мнению большинства членов Рабочей коллегии, задачей музея должно было стать изучение городской культуры, а картина развития Петрограда должна быть только частью. «Мотивом к такому разрешению вопроса было отсутствие в России музея, дающего возможность как муниципальным деятелям, так и специалистам получать общую картину городской жизнидеятельности, а горожанину быть сколько-нибудь образованным в этом направлении»[15].

Отказавшись от идеи устройства типично городского музея и решив, что будущий музей должен быть посвящен не столько истории города и городскому хозяйству, сколько городской культуре и городу будущего, организаторы Музея города тем самым определили его профиль. Особенно стоит отметить вторую составляющую предмета представления – город будущего, которая была направлена на преобразовательную деятельность, связанную с градостроительными задачами. Она демонстрирует активную позицию музея в противовес традиционной, пассивной в своей основе, задаче предметосохранения.

Активное, преобразовательное начало в профиле музея подкреплялось его задачами. В ноябре 1918 г. на одном из заседаний Рабочей коллегии, созданной для разработки положения о Музее города, В. Я. Курбатов произнес речь, в которой определялась его основная задача: «Задача будущего города в том, что он должен сочетать искусство, т. е. красоту, со всеми проявлениями городской жизни, и, если бы нам этому удалось помочь, мы сделали бы крупное художественное дело. <…> Самое важное в наших заданиях – все, что относится к городам будущего. <…> Над этой задачей работают многие, и Музей должен в ней участвовать. Он должен создать институт, который не только должен иметь нынешнее стремление создать город-сад, но оно заключается и в

стремлении создать новое решение. Эта задача будущего, основное решение к будущему и истинному городу. Можно говорить о превращении города не в город-сад, а в парк-город»[16].

Итогом обсуждения вопроса о профиле Музея города, его общем направлении можно считать докладную записку, составленную для Наркомпроса. В ней отмечалось: «Этот музей-институт явится учреждением, захватывающим не только узкую сферу городского хозяйства, но все относящееся к жизни и быту вообще города, как такового, а не только данного. Данный город со всеми его частными особенностями послужит основою и примером, базой изучения. Такой музей-институт «Градоведения» окажется, может быть, первым не только в России, но и во всем мире по объему своей задачи изучить всю структуру большого города»[17].

Не все члены Рабочей коллегии были согласны с таким широким предметом документирования, изучения и показа. На первом же заседании Рабочей коллегии в августе 1918 г. заведующий отделом охраны здоровья З. Г. Френкель сделал заявление о том, что для него неясно назначение Музея, он опасается расплывчатости и указывает на необходимость сузить задачи. По его мнению, создаваемый Музей города должен быть музеем городского хозяйства[18]. Остальные члены Рабочей коллегии его не поддержали.

Рабочая коллегия разработала структуру Музея города, наметив следующие отделы: охраны здоровья, архитектурно-строительный, технический, отдел искусства в жизни города, культурно-просветительный[19]. Особо было подчеркнуто, что в каждом отделе предполагается историческая часть. Из этого замечания видно, что на первое место ставилось представление современных материалов, которые бы демонстрировали новинки и достижения в различных областях городской жизни. Здесь заметна очевидная перекличка с принципами комплектования и представления экспонатов в Петроградском городском музее. Впервые это четко сформулировал В. В. Степанов в 1911 г., когда он на заседании комиссии, созданной Городской думой для решения вопроса о городском музее, заявил, что «для города весьма должно дать в музее представление о прошлом и настоящем», но если не будет уделено достаточно внимания комплектованию материала для характеристики современных условий, то музей «потеряет показательный характер»[20]. В 1913 г. В. В. Степанов опять вернулся к этой теме: «…современный городской музей должен служить не только изображением прошлого и современного, но и целям наглядного обучения населения; в нем должны быть в ярких общепонятных образах представлены научные знания, применение которых населением может улучшить жизненные его условия и сохранить его здоровье и силы. Вместе с тем, музей должен знакомить население и общественных деятелей с новейшей техникой в области городского хозяйства»[21].

Особое место в структуре Музея города занимал отдел Музея старого Петербурга, который вошел в состав музея на правах автономного отдела. Именно на этот отдел падала основная нагрузка по представлению прошлого города, поэтому в документах в названии отдела часто встречается приписка «художественно-исторический и бытовой»[22].

В делах музея встречается различное наименование одних и тех же отделов, но это не было связано с изменением их назначения[23], и разработанная структура музея сохранялась до конца 1920-х гг., когда была предпринята реорганизация Музея города.

Следующим шагом в создании Музея города оказался разбор, приведение в порядок и внесение в инвентарь перевезенных коллекций городского музея. Прием коллекций городского музея был не случайным или вынужденным шагом, как это могло бы показаться в ситуации полного отсутствия предметов во вновь создаваемом музее. Организаторы считали, что моделью для изучения городской культуры будет служить Петроград. Поэтому собранные городским музеем коллекции по городскому хозяйству Петербурга оказались профильными для Музея города.

Поставленные задачи требовали непосредственного общения с органами городского управления и хозяйства и постоянно подталкивали руководителей Музея города к участию в мероприятиях коммунального характера.

В декабре 1918 г. на заседании Рабочей коллегии обсуждался вопрос о съезде представителей отделов коммунального хозяйства Северной области. К началу работы съезда решено было открыть некоторые отделы Музея города и подготовить ряд докладов по коммунальным вопросам. На заседании Рабочей коллегии также ставился вопрос о целесообразности участия представителей Музея города в составе организационного комитета съезда. Основным аргументом к такой активной позиции было представление о создаваемом музее как «учреждении сверхмуниципальном»[24]. Этот тезис был четко сформулирован членом Рабочей коллегии А. А. Лотовым: «В настоящей своей постановке Музей города имеет быть таким учреждением, которое вопреки установившемуся у нас пониманию о музеях вообще, предполагает стать во главе всего муниципального коммунального дела; и вообще

Музей города стремится выявить наглядно (и убедительно представить) современную культуру города в ее животрепещущей действительности, подходя вплотную к вопросам настоящего дня; и должен стремиться вовлечь в эти злобы дня коммунальной культуры широкие круги, массы, привить им вкус к культурному строительству, должен стремиться оформить запросы, может быть, их подсказать, помочь их осознать, и должен предоставить вниманию широких кругов и, конечно, в том числе муниципальных и советских работников, весь возможный материал по поставленным вопросам, чтобы тем самым обозначить правильное и целесообразное решение ставимых жизнью вопросов»[25]. Из приведенного отрывка видно, что Музей города претендовал на роль формирования политики в сфере городского хозяйства и управления. Против этого резко выступал З. Г. Френкель, который считал немузейными поставленные задачи и принятые функции.

В период обсуждения вопроса о переходе Музея города из сети Наркомпроса в ведение Совета коммунального хозяйства Петрограда (Совкомхоза) была предпринята попытка отойти от выработанной программы. Для обсуждения условий перехода в мае 1920 г. была создана Согласительная комиссия из представителей Музея города и Совкомхоза. Она провела пять заседаний и разработала программу музея, проекты положения и декрета. Все эти документы стали результатом «сопоставления существующей программы и проектируемой представителями Совкомхоза»[26].

Представители Музея города пытались отстаивать то направление и профиль, которые они определили в 1918 г. В то же время в подготовленной для ознакомления руководства Совкомхоза докладной записке Л. А. Ильина подчеркивалась близость характера и задач Музея города типу городского музея, на котором настаивал Совкомхоз: «Комиссариат просвещения учредил в зданиях Аничкова дворца Музей города, в значительной мере отвечающий программе и задачам предполагавшегося городского музея и вместе с тем в значительной степени осуществленный»[27].

Со своей стороны, представители Совкомхоза полагали, что созданный Музей города не отвечает задачам Петроградского Совкомхоза, поэтому настаивали на корректировке его программы. На заседании Согласительной комиссии В. В. Степанов заявил: «Переход Музея города в Совет коммунального хозяйства не есть чисто внешняя перемена, у нас мыслился особый вид музея. <…> Здесь не детали, а вся конструкция, и если бы в Музее города не нашла себе достаточного отражения петроградская жизнь, то он не представлял бы собою интереса для Совета коммунального хозяйства»[28].

Представители Совкомхоза предложили новую структуру для Музея города, которая оказалась модифицированной к новым советским условиям структурой бывшего городского музея. Перечень отделов отражал сферу деятельности Петроградского Совкомхоза, так же как отделы городского музея в свое время отражали отрасли городского хозяйства Петербурга, находившиеся в ведении Петербургского городского самоуправления[29]. Она была принята руководителями Музея города, но реализована не была.

Профиль Музея города как музея, представляющего городскую культуру, был отражен в его названии. На одном из совещаний Согласительной комиссии В. Я. Курбатов заметил, что при «основании своем Музей города предположен был сначала как Музей г. Петрограда, но в дальнейшем принято было положение, что всякое живое учреждение может интересовать не только прошлое и настоящее соответственного предмета, но и его будущее, и так как при осуществлении поставленных тогда заданий поставлен был как основной вопрос – будущий город, а Петербург именно так и мыслился как город будущего, и название Петрограда после слов Музея города естественно отпало»[30].

Чтобы закрепить изменение профиля Музея города, представители Совкомхоза особо настаивали на переименовании музея. Передача музея в ведение Совкомхоза состоялась по акту, который зафиксировал, что Музей города получает название Музей города Петрограда[31].

Еще большее сходство между программами Музея города и городского музея наблюдается в стремлении заложить специфическую профессионально-образовательную функцию. По данному вопросу руководители Музея города и Совкомхоза одинаково смотрели на задачи музея и в свою очередь следовали программе, которая была разработана думской комиссией для городского музея[32], и Л. А. Ильин как член этой комиссии был хорошо знаком с заложенной в программу городского музея идеей музея-школы. Еще в 1918 г. при организации Музея города учебная деятельность рассматривалась наравне с просветительским направлением. С первых же заседаний Рабочей коллегии декларировалась реализация этой идеи.

После подписания декрета об учреждении Музея города его организаторы подготовили текст сообщения для опубликования в прессе, в котором четко обозначили данное направление работы музея: «Народным комиссариатом просвещения учрежден в Петрограде в Аничковом дворце Музей города, имеющий наглядно изобразить и ярко выявить все стороны городской культуры и стать институтом, лабораторией, мастерской и аудиторией для всех, в том числе

для городских коммунальных работников, для работников Совдепов»[33]. Та же самая мысль звучит в письме в Комиссариат городских хозяйств Союза коммун Северной области: «Рабочая коллегия Музея города стремится так организовать дело, чтобы Музей являлся не только музеем-коллекцией и выставкой, но и, может быть, главным образом музеем-лабораторией, музеем-мастерской, в котором каждый работник в каждой области городской культуры нашел для себя материал и все условия для пополнения знаний, для занятий, для развития и для ориентировки в разрешении ставимых жизнью вопросов строительства городской культуры»[34].

Усилия по претворению в жизнь идеи музея-школы вылились в организацию при Музее города Курсов коммунального хозяйства. Подводя первые итоги, в сентябре 1923 г. заведующий библиотечно-информационным отделом Музея города Я. Д. Щупак, совмещавший должность декана курсов, заявил: «Когда музей открывался, то уже тогда было принято бесспорным то исходное положение, что музей должен быть научно-исследовательским показательным и вместе с тем учебным учреждением. Было признано, что ни единичные посетители, ни экскурсии не могут основательно ознакомиться с обширными материалами музея. Только группа, более или менее продолжительное время занимающаяся в нем по известному плану, может ознакомиться и изучить материалы музея. Поэтому уже в 1918 г. при музее стали организовываться курсы для жилищных инспекторов, в 1919 г. для слушателей Университета Зиновьева и т. д., таким образом, музей постепенно пришел к тому, чтобы отдельные циклы лекций и курсы превратить в постоянное учреждение»[35].

Сопоставляя основные положения программ Петербургского городского музея и Музея города, нужно отметить, что по замыслу они близки. Это касается, во-первых, профиля, поскольку изучать и показывать городскую культуру в Музее города предполагалось на базе материалов о Петрограде. В еще большей степени сходство наблюдается в выбранном профессионально-образовательном направлении. В целом программа городского музея ближе Музею города, чем программа Музея старого Петербурга, во всяком случае, гораздо шире. Программа Петербургского городского музея предполагала, что в его структуре будет существовать отдел, посвященный истории города, причем Думой рассматривался вариант вхождения Музея старого Петербурга в городской музей. Именно это место и оказалось отведено Музею старого Петербурга в структуре Музея города.

Примечания

[1] Объявление о создании музея было опубликовано в «Петербургской газете» за 26 октября 1907 г. Положение было утверждено 12 декабря 1908 г., размещался музей в доме председателя Общества архитекторов-художников графа Ю. П. Сюзора.

[2] Учреждение музея состоялось в сентябре 1908 г. после закрытия Международной строительно-художественной выставки на базе экспонатов, подготовленных Городской управой для участия в выставке.

[3] Шпиллер Р. И. Государственный музей истории Ленинграда (1918–1985 гг.) // Музей и власть: сб. науч. тр. М., 1991. Ч. 2: Из жизни музеев. С. 150–172; Попова Г. А. Музей Города в Аничковом дворце: события, судьбы, коллекции. СПб., 1998. 159 с.; Славнитский Н. Р. История создания городского музея в Санкт-Петербурге в начале XX в. // Тр. / ГМИ СПб. 2008. Вып. 18. С. 7–18.

[4] ЦГИА СПб. Ф. 783. Оп. 1. Д. 282. Л. 37.

[5] Там же. Л. 87.

[6] ЦГАЛИ СПб. Ф. 72. Оп. 1. Д. 27. Л. 3.

[7] ПФА РАН. Ф. 858. Оп. 2. Д. 1. Л. 155 об.

[8] ЦГАЛИ СПб. Ф. 72. Д. 3. Л. 42; Д. 148. Л. 59.

[9] Там же. Л. 165.

[10] При учреждении Музея города он был отнесен к системе Наркомпроса.

[11] ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 77. Л. 101.

[12] Изв. С.-Петерб. гор. думы. 1912. № 10. С. 2466–2474.

[13] ЦГАЛИ СПб. Ф. 72. Оп. 1. Д. 3. Л. 50.

[14] Там же. Л. 50.

[15] Там же. Л. 51.

[16] Там же. Д. 10. Л. 20.

[17] Там же. Д. 1. Л. 27–28.

[18] Там же. Д. 6. Л. 2.

[19] Там же. Д. 32. Л. 11.

[20] Изв. С.-Петерб. гор. думы. 1912. № 10. С. 2421.

[21] Там же. 1913. № 39. С. 139.

[22] ЦГАЛИ СПб. Ф. 72. Оп. 1. Д. 32. Л. 11.

[23] Там же. Д. 119. Л. 103, 45, 66–67.

[24] Там же. Д. 6. Л. 64.

[25] Там же. Д. 10. Л. 57.

[26] Там же. Д. 4. Л. 1.

[27] Там же. Д. 32. Л. 10.

[28] Там же. Л. 12.

[29] Ср.: ЦГАЛИ СПб. Ф. 72. Оп. 1. Д. 32. Л. 16; Изв. С.-Петерб. гор. думы. 1913. № 39. С. 139.

[30] ЦГАЛИ СПб. Ф. 72. Оп. 1. Д. 32. Л. 12.

[31] Там же. Д. 3. Л. 6.

[32] См. об этом: Петрова Л. И. Разработка концепции городского музея при Санкт-Петербургском городском общественном управлении // Тр. / ГМИ СПб. 2011. Вып. 21. С. 76–83.

[33] ЦГАЛИ СПб. Ф. 72. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.

[34] Там же. Л. 8.

[35] Там же. Д. 119. Л. 59.

УДК 069(1-21)(470.3)

Н. Г. Самарина[1]

Культурное наследие Ростовской земли (по материалам продолжающихся изданий Государственного музея-заповедника «Ростовский кремль»)

В статье рассматриваются материалы серийных музейных изданий как источника по изучению различных направлений научной деятельности многопрофильного музея-заповедника. На основе анализа рубрикаций музейных сборников и выборочных публикаций делается вывод об иерархии значимости научной проблематики, в которой центральное место отводится исследованиям в области истории музейного дела, музейного источниковедения, памятниковедения и краеведения.

Ключевые слова: музейное издание, музейный источник, музейное источниковедение, Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль», Ростов

Natalya G. Samarina

Cultural heritage of the Rostov region (on materials of proceeding editions of the State museum «Rostov Kremlin»)

The materials of serial museum editions as source on studying of various directions of scientific activity in museum are analyzed in the article. On the basis of the analysis of a museum editions rubrication and selective publications the author comes to conclusion about hierarchy of the scientific problematics importance. She noticed that the central place belongs to researches in area of museum's history, a museum source study and local history.

Keywords: the museum edition, a museum source, a museum source study, the State museuml «Rostov Kremlin», Rostov

Значимость научной деятельности провинциальных музеев обусловлена непрерывностью традиции источниковедческих исследований в течение последних двух десятилетий. Научные статьи публикуются в сборниках материалов конференций и чтений, в сообщениях, трудах, ученых записках и других продолжающихся изданиях российских музеев. Неотъемлемой частью научно-исследовательской деятельности Государственного музея-заповедника (ГМЗ) «Ростовский Кремль» с 1991 г. стало издание сборников «Сообщения Ростовского музея» (18 выпусков, 332 публикации)[2] и «История и культура Ростовской земли» (19 сборников, 660 публикаций)[3]. Последнее издание представляет материалы одноименной конференции. Начиная с 2003 г. в сборниках появляется рубрикация. К числу постоянных рубрик «Истории и культуры Ростовской земли» принадлежат: История музея. Музейные коллекциии; Письменность; История. Этнология; Искусство. Архитектура; Археология. Непостоянные рубрики: Сохранение культурного наследия; Источниковедение[4]; Краеведение; Ростов и ростовцы; К 160-летию со дня рождения А. А. Титова. Менее отчетливо и устойчиво структурированы «Сообщения Ростовского музея»[5]. К числу сложившихся рубрик принадлежат: Музейные коллекции; История. Этнология; Архитектура. Искусство; Письменность (с некоторыми вариациями в наименованиях). Непостоянные рубрики: Музееведение; Краеведение; Источниковедение и специальные исторические дисциплины; Проблемы историографии; Публикации; Рецензии. Рубрикация показывает, что при принципиальном совпадении проблематики публикаций в обоих продолжающихся изданиях иерархия значимости проблем выстраивается по-разному.

Наиболее полноценно в серийных музейных изданиях реализуются традиционный историко-культурный, искусствоведческий и источниковедческий подходы к изучению музейных предметов и историко-культурных объектов, решаются проблемы выявления, атрибуции и описания архитектурных памятников, произведений иконописи и изобразительного искусства, предметов декоративно-прикладного искусства, памятников письменности. Посредством публикации подобных статей музейные сотрудники вводят в научный оборот источники разных типов и реализуют основные функции музея как социокультурного института – хранительскую, научно-исследовательскую и образовательную. Высокий уровень профессиональной подготовки позволяет авторам анализируемого сборника наглядно представить основные стадии источниковедческого исследования и продемонстрировать отработанные в музейной практике методические приемы сравнительного и комплексного источниковедения.

Более того, в качестве музейных предметов и историко-культурных объектов эффективно рассматриваются мало изученные в гуманитаристике звуковые, этологические и знаковые источники. Специфической чертой ростовских изданий является внимание к проблемам адекватной реконструкции колокольного звона, перспективам его сохранения как звукового памятника и использования в музейной работе[6]. ГМЗ «Ростовский Кремль», организуя полевую экспедиционную деятельность, систематически занимается выявлением, изучением, созданием и комплектованием этологических источников.

Несомненным достоинством сборников Ростовского музея является постановка памятниковедческих и музееведческих проблем. Авторы анализируют опыт охраны памятников в нашей стране и за рубежом, уделяя особое внимание ростовским историко-культурным объектам. Устойчивое наличие рубрики, посвященной истории музея-заповедника, формированию музейного собрания и коллекций, опыту экспозиционно-выставочной деятельности, свидетельствует о понимании той роли, которую музей как социокультурный институт играет в сохранении, изучении и пропаганде культурного наследия.

Существенный интерес представляет систематическая, начатая в 1999 г., деятельность научно-исследовательской экспедиции ГМЗ «Ростовский кремль». В ходе ее работы были собраны вошедшие в сводные экспедиционные отчеты сведения о состоянии практически всех территориальных администраций Ростовского муниципального округа. В частности, данные от информантов: специалистов, руководителей учреждений, огородников и т. д.; информация записывалась на звуковые носители[7]. В ходе экспедиций используются методы наблюдения, изучения делопроизводственной документации, что дает возможность фиксировать особенности ведения хозяйства и бытовой культуры современного крестьянства.

Материалы для изучения обычаев, ритуалов и традиций, сохраненных населением Ярославского края, представлены в серии статей А. В. Киселева[8], который, как участник экспедиций, поставил перед собой цель сплошного обследования населенных пунктов, начав работу с Фатьяновского и Мосейцевского сельских округов Ростовского района. Часть сборов осуществлялась вне рамок музейной экспедиции. В ходе записи интересующей информации главное внимание уделялось сельскому населению, что автор объясняет ролью русского крестьянства как хранителя и основного носителя народной культуры. Объектом исследований выступали поверья, суеверные представления, традиционный фольклор, обряды. Материалы полевых сборов позволяют говорить о бытовании, в большинстве случаев еще в недавнем прошлом, исследуемых представлений. В 2004 г. состоялась историко-этнографическая экспедиция в Борисоглебский, Гаврилов-Ямский, Переславский, Ростовский и Угличский районы Ярославской области, в ходе которой были собраны интересные сведения о традиционных верованиях, обрядах и фольклоре названных регионов. Были записаны сообщения о мифологических «хозяевах» природных объектов (леших, русалках) и домашних построек (домовых, дворовых), о колдуньях и знахарках, о культовых ландшафтных объектах. Среди фольклорных произведений, записанных во время экспедиции, интерес представляют топонимические предания о Сарском болоте, д. Нагой Слободе, с. Годенове, гидронимах Угличского района. Некоторые мотивы текстов о Сарском болоте оказались «бродячими» и сходными, в частности, со сказанием о Берендееве болоте, располагающемся в окрестностях пос. Берендеево Переславского района, что позволяет говорить об общем «протографе».

Сотрудники ростовского музея изучают фольклорно-этнографические материалы в собрании А. А. Титова: подневные записи о топонимике, местных достопримечательностях, преданиях, полную роспись населенных пунктов Ростовского уезда, записи заговоров, духовных стихов, причитаний, рукописи лечебников, рукописные песенники, рукописи исторических преданий. С. Г. Рейзнек[9] опубликовала записанные с напевами песни из открытой в 2007 г. рукописи «Свадебные обычаи и причитания Ростовского уезда», принадлежащие собранию А. А. Титова в отделе рукописей Российской национальной библиотеки. Обнаруженные песни интересны не только местными особенностями, но взаимодействием крестьянской протяжной и городской книжной песни, т. е. представляют живые, не архаичные, процессы в песенной культуре.

А. В. Иванов провел системное исследование антропогенного фактора в сохранении и актуализации архитектурно-градостроительного наследия Ростова[10]. Автор считает, что Ростов Великий является показательным примером отечественной ситуации с участием жителей в сохранении наследия и развитии городской среды. «Предпринимаются разнообразные попытки привлечь внимание государственных и международных инстанций к проблемам их сохранения и спасения (включение в престижные списки памятников мирового значения, разработка инновационных градостроительных документов и т. д.).

Здесь имеется достаточно мощный интеллектуальный потенциал – художники, сотрудники музея, священство возрожденных монастырей и т. д. Однако выйти из глубокого кризиса, в который город попал в начале 1990-х гг. вместе с большинством малых исторических поселений России, Ростову пока не удается. Продолжается, в частности, деградация обширного комплекса градостроительного наследия (упадок рядовой исторической застройки, разрушение многих памятников архитектуры, опасное подтопление территории и т. д.). Почему так происходит?»[11]. Причины автор видит в экономической слабости города в целом и большинства горожан, в нехватке специалистов, способных работать на современном уровне городского менеджмента, неготовности социума к активным действиям, пассивности ростовцев по отношению к процессам формирования городской среды.

На развитие города направлены два проекта: традиционно исходящая из центра, ориентированная на сохранение наследия и подъем экономики Федеральная целевая программа «Возрождение и развитие Ростова Великого» и курируемый Комитетом культурного наследия Совета Европы, привлекательный по социальной и локальной нацеленности «Пилотный проект для г. Ростова Великого». А. В. Иванов предлагает несколько путей вовлечения жителей Ростова в деятельность по возрождению города, организующим центром которых мог бы стать Государственный музей-заповедник «Ростовский Кремль». Это просвещение публики по разным аспектам культурного наследия (heritage education), разработка специальных карт, путеводителей, общедоступных баз данных по наследию, комплексного муниципального атласа (cultural mapping), создание городского информационного центра, аккумулирующего и распространяющего сведения о наследии Ростова, и городской интернет-страницы, приобщение граждан к созданию краеведческой экспозиции филиала ГМЗ в бывшей усадьбе Кекиных на улице Покровской. Как для самоидентификации жителей, так и для привлекательности города извне, важно пробудить и усилить «чувство места», закрепить историю города в человеческих судьбах и в личностном восприятии городской среды.

В 2000 г. А. В. Иванов обратился к участникам конференции «История и культура Ростовской земли» (ростовцам) с просьбой заполнить анкету «Мой Ростов», задуманную как продолжение ростовского цикла социолого-градостроительных исследований. Согласились заполнить анкету 10 человек, выполнили обещание четверо, что дало автору анкеты пищу для размышлений и формирования субъективного «исторического образа» Ростова второй половины XX в. Созданный образ, безусловно, недостаточно репрезентативен, однако существенно методологическое обоснование программы опроса. Во-первых, А. В. Иванов формирует понимание городской среды как многослойное и многопоколенческое, включая в него не только застройку и памятники, но и людей – живых и ушедших субъектов этой среды. Во-вторых, ставится проблема городской идентичности как необходимости формирования собственных культурных смыслов города. В-третьих, обозначается проблема градостроительного аутизма как отсутствие прямого контакта и обратной связи с горожанами в процессе разработки, утверждения и реализации градостроительных проектов. И, наконец, проблема «спящего» социума, пассивности людей по отношению к жизненной среде.

Устойчивый интерес продолжают проявлять музейные специалисты к вербальным, преимущественно письменным, источникам. Музейные издания вводят в научный оборот хранящиеся в музейных собраниях источники разных родов и видов: делопроизводственные и актовые материалы, периодические издания, материалы личного происхождения. Публикации осуществляются, как правило, на достаточно высоком уровне, без хронологических ограничений и ликвидируют белые пятна в историческом источниковедении. Кроме того, многие исследования и публикации носят регионоведческий характер и способствуют развитию музея целом: разработке плана комплектования и определению его объектов, атрибуции источников других типов, музейному проектированию и разработке образовательных программ.

Наконец, накапливается опыт изучения и публикации такого сложного синтетического источника, как личная библиотека, причем, в ряде случаев, с использованием музейного делопроизводства как источника. И исследуются и публикуются эпиграфические и генеалогические источники, что особенно ценно в свете недостаточности источниковой базы купеческой и крестьянской генеалогии. Появилась тенденция восприятия естественного (этнического) языка и его элементов как источника. Поскольку данные топонимики и антропонимики обладают исключительной семантической значимостью для региональных музеев, они преобладают как объект исследования.

Примечания

[1] Наталья Гурьевна Самарина (1958–2011). Статья подготовлена к публикации Е. Н. Мастеницей.

[2] Сообщения Ростовского музея. Ростов; Ярославль, 1991–2009. Вып. 1–18. Далее – СРМ.

[3] История и культура Ростовской земли: 1991–2009. Ростов, 1991–2010. Далее – ИИКРЗ.

[4] Рубрика «Источниковедение» может объединяться с рубрикой «Письменность» или содержать статьи, посвященные анализу только письменных источников, что не соответствует современному пониманию предмета как музейного источниковедения, так и источниковедения культуры.

[5] Рубрикация присутствует только в выпусках 13, 15–18.

[6] Виденеева А. Е., Коновалов И. В. О колокольном наборе Московского Кремля в XVIII столетии // ИИКРЗ: 2003. Ростов, 2004. С. 465–474; Мишуровский К. А. Специфическое благозвучие колоколов большой ростовской соборной звонницы // ИИКРЗ: 2007. Ростов, 2008. С. 214–242; Смирнов Д. В. Новые данные о колоколах Ростовской звонницы (о первоначальном составе колокольного набора) // ИИКРЗ: 2000. Ростов, 2001. С. 81–85; Его же. Технические работы по обслуживанию колоколов соборной звонницы в прошлом и настоящем // ИИКРЗ: 2003. Ростов, 2004. С. 460–464.

[7] Морозов А. Г. Перовская территориальная администрация Ростовского Муниципального округа на рубеже XX–XXI вв. // ИКРЗ: 2004. Ростов, 2005. С. 243–256; Его же. Поречская территориальная администрация на рубеже XX–XXI вв. // ИКРЗ: 2005. Ростов, 2006. С. 400–409; Его же. О передовых технологиях в Ростовском огородничестве на рубеже XX–XXI вв. (по материалам п. Поречье) // СРМ. Ростов, 2008. Вып. 17. С. 150–160; Его же. Огородничество в с. Угодичи на рубеже XX–XXI вв. // Там же. Ростов, 2003. Вып. 14. С. 149–155; Его же. К вопросу о состоянии современного Ростовского огородничества на рубеже XX–XXI вв. на примере поселка Поречье Ростовского муниципального округа (по материалам полевого исследования) // Там же. Ростов, 2002. Вып. 12. С. 331–339; Его же. Материалы к топонимическому словарю Ростовского муниципального района: топонимия Поречского сельского округа на рубеже XX–XXI вв. // Там же. Ростов, 2009. Вып. 18. С. 160–226.

[8] Киселев А. В. Исторические экспозиции Ростовского музея: опыт прошлого // ИИКРЗ: 2003. Ростов, 2004. С. 93–103; Его же. «Паны» в устной традиции русского населения Ярославского Поволжья XIX–XX вв.: ист.-этнограф. основы и параллели // Там же. С. 326–340; Его же. Источники по традиционным верованиям ростовских крестьян // ИИКРЗ: 2005. Ростов, 2006. С. 391–399.

[9] Рейзнек С. Г. Песни Ростовского уезда, записанные с напевами (тетрадь из Титовского собрания ОР РНБ) // ИКРЗ: 2007. Ростов, 2008. С. 323–343.

[10] Иванов А. В. Ростовский кремль в системе представлений жителей Ростова Великого о городском центре (по результатам социол.-градостроит. исслед.) // ИИКРЗ: 1999. Ростов, 2000. С. 87–93; Его же. Ростов Великий: возможности участия населения в сохранении архитект.-градостроит. наследия // ИИКРЗ: 2000. Ростов, 2001. С. 237–242.

[11] ИИКРЗ: 2000. Ростов, 2001. С. 237.

УДК 378-057.175:069

Е. Н. Мастеница

Памяти коллеги: Наталья Гурьевна Самарина (1958–2011)

Elena N. Mastenitsa

To the memory of colleagues: Natalya Gurevna Samarina (1958–2011)

19 октября 2011 г. ушла из жизни кандидат исторических наук, профессор Наталья Гурьевна Самарина. Отечественная наука и образование потеряли умного, образованного, талантливейшего, преданного профессии человека, а кафедра музеологии и культурного наследия Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств – единомышленника и друга, с которым связаны многие годы заинтересованного профессионального сотрудничества и теплого человеческого общения. Наталья Гурьевна удивительно гармонично сочетала в себе таланты, которые отличали ее как неординарную личность: перспективно мыслящего организатора и мудрого руководителя, прекрасного педагога, взрастившего не одно поколение способных учеников, и серьезного ученого, развивавшего ранее не исследованные области музеологического знания. Вместе с этим Наталья Гурьевна обладала редкими душевными качествами – умением сопереживать в трудную минуту и радоваться успехам и достижениям других.

Большая часть педагогической и научной деятельности Н. Г. Самариной связаны с Московским государственным университетом культуры искусств, в котором она работала с 1980 г. Сначала была преподавателем на кафедре истории, а с 2000 г. возглавила кафедру музееведения. На протяжении многолетней профессиональной деятельности в должности заведующей Наталья Гурьевна Самарина многое сделала для становления музееведческого образования в нашей стране. Под ее руководством был разработан государственный образовательный стандарт по специальности «Музейное дело и охрана памятников», реализованный в том числе и на кафедре музееведения и экскурсоведения СПбГУКИ. Она активно развивала и укрепляла контакты с вузами и кафедрами, занимавшимися подготовкой музейных специалистов, большое внимание уделяла методическому обеспечению учебного процесса.

Многочисленные ученики Натальи Гурьевны, которая руководила их курсовыми и дипломными работами, помогала профессиональному определению и становлению, поддерживала связи и после окончания вуза, теперь успешно работают в музеях Москвы и Московской области, а также в России и за ее пределами, продолжая дело своего Учителя.

Круг научных интересов Н. Г. Самариной был достаточно широк, но в области музееведения она сконцентрировала свои усилия на разработке теории и методики проведения научно-исследовательской работы в музее, а также вопросов фундаментальной теории музееведения. Будучи историком по образованию, она одна из первых стала изучать проблемы музейного источниковедения, выделяя данное направление в актуальную область музеологического осмысления. Наталья Гурьевна стала инициатором и организатором ежегодной Всероссийской научно-практической конференции «Научно-исследовательская работа в музее», получившей широкое признание среди специалистов. Она справедливо считала обязательным участие в столь важном мероприятии студентов, аспирантов, молодых ученых. Проведение XII по счету конференции планировалось вместе с Натальей Гурьевной, но конференция прошла в декабре 2011 г. уже без нее.

Научные конференции, по мнению Н. Г. Самариной, способствовали не только обмену интересной информацией и профессиональному общению, но и сплочению музеологического сообщества и становлению музеологии как самостоятельной науки. Поэтому она активно и регулярно принимала практически во всех конференциях, организованных кафедрой музеологии и культурного наследия СПбГУКИ, а ее доклады неизменно стояли в пленарных заседаниях. Так было и весной 2011 г., когда Наталья Гурьевна приехала в Санкт-Петербург, выступила с докладом на тему «Культурное наследие Ростовской земли» (по материалам продолжающихся изданий Государственного музея-заповедника «Ростовский кремль») на конференции «Культурное наследие как фактор развития региона» и вела вместе с автором данных строк заседания одной из секций.

Светлая память о яркой личности и удивительном человеке навсегда сохранится в наших сердцах.

УДК 069(091)(430)”19”

О. И. Усачева

Художественные музеи и выставки на службе идеологии Третьего рейха

Статья посвящена художественным музеям и выставкам в Третьем рейхе, которые стали частью гитлеровской пропаганды. В статье рассматриваются личные предпочтения А. Гитлера в искусстве, дающие возможность лучше понять его политику в области культуры. Значительная часть статьи посвящена художественной и музейной жизни Германии: «Большим художественным выставкам германского искусства» и выставкам «Дегенеративного искусства».

Основные термины: тоталитарный режим, тоталитарное искусство, тоталитарная эстетика, дегенеративное искусство

Olga I. Usatchova

The art museums and exhibitions under the ideology of the Third Reich

Paper is devoted to art museums and exhibitions in the Third Reich, which were part of Nazi propaganda. The article deals with the personal preferences of Adolf Hitler in the art to better understand his cultural policies. Most of the article is devoted to such a cultural phenomenon in the artistic life of Germany as the museum as a great art exhibition of German art and the exhibition «Degenerate Art».

Keywords: totalitarian regime, totalitarian art, totalitarian aesthetics, degenerate art

При любом тоталитарном режиме все сферы общественной жизни строго подчинены господствующей идеологии, в том числе и сфера культуры. Происходит тотальная милитаризация не только экономической, но и духовной жизни[1], а культура становится одним из рычагов тоталитаризма, управляющих сознанием народа. Классический пример – это полностью идеологизированная культура Третьего рейха 1933–1945 гг. Музыка, кино, и не в последнюю очередь музеи и выставки должны были воспитывать восхищенное отношение к власти, прежде всего, к ее центральной фигуре – Адольфу Гитлеру. Особое внимание он уделял проблеме художественных музеев и выставок, в создании которых большую роль играла личность самого фюрера. Как несостоявшийся художник с большими амбициями, он все же обладал художественным чутьем и артистизмом. Он понимал, что сила искусства очень велика в формировании идеологии и закреплении ее в сознании обыкновенных граждан. Поэтому формирование национальной, «нордической» эстетики играло такую большую роль в его идеологической политике[2].

Вкусы самого Гитлера мало отличались от вкусов обывателя, которому было чуждо «непонятное» авангардное искусство. Отсюда почти зоологическая ненависть к модернистским течениям в искусстве, которые Гитлер называл «дегенеративными»[3]. Из музеев и картинных галерей исчезают произведения авангардного искусства. Это происходило не без помощи личного фотограф Гитлера, Генриха Хоффмана, который с 1938 г. занимался продажей конфискованных произведений за рубеж. Нацистская идеология сочла авангардные течения «антиклассическими», «антигерманскими», «еврейством» и «большевизмом» в искусстве[4].

Гитлер открыто восхищался искусством прошлых эпох – наследием античности, ранним средневековьем (период формирования немецкой нации) и эпохой Ренессанса. Как известно, с юности будущий диктатор мечтал о карьере художника, несмотря на то, что в этом стремлении ему препятствовали родители, особенно отец. Надежды на профессию художника окончательно рухнули, когда, после нескольких неудачных попыток, Гитлер провалил вступительные экзамены в Венскую Академию художеств. Однако пребывание в Вене способствовало формированию художественных вкусов молодого «художника». Архитектура одного их красивейших городов Европы на него оказала сильное влияние. Судя по небольшим акварельным пейзажам, сделанным рукой Гитлера, он тяготел к классическим формам и традиционности в искусстве. В Вене его поразили постройки, созданные в неоренессансном и необарочном стилях Готфридом Земпером и неоклассические здания Теофиля фон Хансена[5].

Любовь к мощным средневековым формам во многом была воспитана под влиянием музыки композитора Рихарда Вагнера. Дух «вагнерианства» будет сопутствовать всей культуре Третьего рейха как образец национального величия, некий абстрактный идеал нордиче-

ского духа. Как любая тоталитарная культура, официальная культура Рейха будет основана на подобных идеалах[6].

Об эстетических предпочтениях Гитлера министр пропаганды Йозеф Геббельс писал в своем дневнике: «Он любит XIX в. и рад тому, что смог приобрести полотна этого времени»[7]. Герди Троост, вдова архитектора П. Л. Трооста в диалоге с Розенбергом говорила, что Гитлер в «вопросах развития живописи остановился в 1890 г.»[8]. Нетрудно сделать вывод, что вкусы и эстетические предпочтения Гитлера были на уровне немецкого обывателя, «филистера», которые были ясны и понятны такому же «обывателю» из народных масс.

Художественные произведения прошлых эпох, прежде всего готический стиль и неоклассицизм, должны были служить образцами для современных немецких художников. Приоритет отдавался немецкому искусству, чтобы вызвать у людей восхищение, чувство гордости за достижения германской нации в области искусства. Художественные музеи и выставки приобретают большое значение в культурной политике нацистской Германии.

Главной «музейной» идеей Гитлера было создание в родном городе Линце гигантского художественного музея, который по своим масштабам должен был превышать Британский музей, Метрополитен-музей, Эрмитаж и Лувр вместе взятые[9]. Конечно, главные экспонаты для формирования коллекции музея поступали из разграбленных собраний поверженных стран Европы и из изъятых коллекций еврейских миллионеров (к примеру, Ротшильдов). Для нового музея в Линце были украдены такие произведения искусства мирового значения, как Гентский алтарь, Вышебродский алтарь, знаменитая картина Леонардо да Винчи «Дама с горностаем» и огромное количество других произведений великих мастеров прошлого – Рафаэля, Рембрандта и т. д.[10] Этот план прекрасно отражал идеологию Рейха – сокровища человеческой культуры сосредоточивались в руках «всесильного» диктатора – идею господства над всем миром. Но музей в Линце так и остался нереализованным планом фюрера.

Наглядный образец того, как художественные выставки служили пропаганде идеологии нацистского режима, – организация ежегодных «Больших выставок немецкого искусства», проходивших летом в Мюнхене с 1937 по 1944 г. Выставки размещались в специальном музейном здании, построенном в 1934–1937 гг. Гитлер лично принимал участие в его создании вместе с архитектором Людвигом Паулем Троостом и назвал его «Первым прекрасным зданием нового Рейха»[11]. «Дом немецкого искусства» представлял собой гипертрофированный, гротескный образ античной архитектуры с мрачным флером германского средневековья, созданный архитектором П. Л. Троостом, любимым архитектором Гитлера. На постройку нового музейно-выставочного здания были затрачены внушительные суммы, что показывает особое место «Дома немецкого искусства» в системе ценностей Третьего рейха. Гитлер в прессе заявил, что это не просто выставочный зал, а «храм муз, явившийся выражением культурной воли Третьего рейха»[12]. Постройкой Дома немецкого искусства Гитлер показывал, что он придает большое значение искусству в жизни немецкого народа.

В самой музейной постройке не было ничего оригинального – это лишь подражание неоклассическому стилю. Троост смешал в своем «творении» идеи других замечательных немецких архитекторов, которые специализировались на постройке музейных зданий – К. Ф. Шинкеля и Л. фон Кленце. Так, мощная колоннада Дома немецкого искусства напоминает колоннаду Старого музея в Берлине работы Шинкеля[13].

Картины для ежегодных «Больших немецких художественных выставок» в Доме немецкого искусства Гитлер выбирал лично, советуясь лишь с фотографом Г. Хоффманом и Г. Троост (вдовой архитектора П. Л. Трооста). Как художники, так и картины должны были пройти высочайшее одобрение. Этим выставкам придавали большое идеологическое значение – они путешествовали по всей стране, давая людям возможность не только открывать великие идеалы прошлого, но и познакомиться с «идеологически правильными» образцами современного искусства и даже приобрести их[14]. Гитлер и сам покупал произведения живописи, отдавая за них огромные суммы. Английский исследователь Фредерик Споттс в своей работе «Гитлер и сила эстетики» приводит список картин, приобретенных Гитлером на Больших немецких художественных выставках, а именно: в 1937 г. было приобретено 202 картины, 372 – в 1938 г., 264 – в 1939 г., 202 – в 1940 г. и только в разгар Второй мировой войны, на выставке 1943 г., было приобретено лишь 48 картин[15].

Может показаться странным, но на Больших выставках германского искусства фаворитами были отнюдь не пафосные полотна в «вагнерианском» духе с батальными сценами, а обыденные мирные сюжеты – деревни, пашни, натюрморты с цветами, лирические пейзажи, и даже обнаженная натура, которая пользовалась огромным успехом. 10 % работ, представленных на ежегодных Больших выставках, были изо-

бражения в стиле «ню»[16]. Культ телесности был неслучаен, здесь лежала идеологическая подоплека. Немецкий филолог Виктор Клемперер в своей работе «Язык Третьего рейха» пишет о том, что для Гитлера в вопросах воспитания нации на первый план выходила физическая культура, или, как писал сам Гитлер в «Майн кампф», «физическая закалка», а на втором месте была культура духовная, интеллектуальная. Как известно, Гитлеру было ненавистно все, что связано с духовной и интеллектуальной культурой, знаниями и просто мыслящим человеком[17]. Несложно сделать выводы, что эта «физическая закалка» переходит и в область изобразительного искусства. Немецкие граждане, приходя на художественные выставки, легко усваивали подобную идеологию, когда видели перед собой произведения, где изображены «мощные и выносливые» тела их соотечественников или персонажей из «нордической» мифологии.

Если взглянуть глубже, то такой выбор уже не кажется удивительным – спокойные, лирические картины должны были внушать людям покой, безмятежность и идею незыблемости Третьего рейха. Даже во время войны героическая тематика занимала не самое главное место в экспозиции – предпочтение отдавалось все тем же пейзажам и сельским сценам (как, например, картина Вернера Пейнера «Немецкая земля»). При приближении неизбежного поражения мирные картины были своеобразным спасательным кругом для общества, миражом, где можно было спастись от ужаса неминуемой катастрофы. Выставки последних лет Рейха содействовали эскапическим настроениям в обществе[18].

Художественные выставки пропагандировали не только достижения арийской нации: как противовес «истинному» искусству, проходили выставки модернистского искусства как образец упадничества и эпохи разложения[19]. Самые знаменитые выставки подобного рода устраивались нацистским министерством пропаганды в Мюнхене параллельно с «Большими германскими художественными выставками» в 1937 г. Это было блестящим пропагандистским ходом с точки зрения идеологии. Рядом с официальной выставкой в старом мюнхенском Доме искусства расположилась выставка «Дегенеративного искусства», где были представлены работы модернистов и авангардистов.

Прежде чем мы остановимся на выставках «Дегенеративного искусства», необходимо заметить, что подобная экспозиция не была первым культурным феноменом – подобные мероприятия проходили и ранее. Целью подобных выставок было показать упадничество искусства до установления правящего режима. Так, сразу после прихода национал-социалистов к власти, в Карлсруэ группа «Союза борьбы за немецкую культуру» открыла выставку под названием «Правящее искусство 1918–1933 гг.». Чуть позже подобные выставки были проведены в других немецких городах – Дессау и Нюрнберге под названием «Палаты ужаса». В Штутгарте была проведена выставка «Паноптикум духа ноября – искусство на службе разложения». В 1934 г. Имперское министерство пропаганды стало инициатором передвижной выставки «Дегенеративное искусство» (название появилось раньше знаменитых выставок), а в марте 1936 г. выставку возобновили по предложению Антикоминтерновского комитета. В сентябре 1936 г. во Франкфурте по инициативе местного отделения «Силы через радость» проходила подобная выставка, где было выставлено примерно 60 картин[20].

В отличие от предшествующих выставок, выставка «Дегенеративного искусства» 1937 г. отличалась огромным количеством представленных работ и особым положением в обществе – это была целая программа, кампания. Выставка была инициирована на высоком правительственном уровне, автором ее идеи был ни кто иной, как министр пропаганды Йозеф Геббельс. В своем дневнике за 5 июня 1937 г. Геббельс писал: «Мне видятся примеры художественного большевизма. Однако теперь я вмешиваюсь… Я хочу устроить в Берлине выставку, посвященную искусству эпохи разложения. Народ должен учиться и вынести свой приговор»[21]. Для создания выставки из многих художественных музеев Германии специальной комиссией были изъяты произведения «эпохи упадка» под руководством Адольфа Циглера, ставшего в 1936 г. президентом Имперской палаты изобразительных искусств. С этого момента начинаются настоящие музейные «чистки». 31 мая 1938 г. был создан закон, по которому Гитлер должен был создать специальную комиссию, которая оценивала предметы искусства относительно их декоративности, описывать их и изымать из музеев и коллекций[22]. Эти меры должны были «очистить» музеи от произведений, чуждых идеологии.

За все годы нацистского режима было конфисковано 5328 картин и 12 000 листов графических работ. На самой же выставке «Дегенеративного искусства» были представлены 730 работ 112 художников. В основном, это были картины экспрессионистов, дадаистов, абстракционистов и других художников-модернистов. Среди работ можно было увидеть картины известных

немецких авангардистов: Нольде (из музеев было изъято 1052 его работы), Кирхнера (изъято 639 работ), Барлаха, Бекмана (конфисковано 508 работ) и многих других. Сама выставка была условно разделена на девять групп, в каждой из которых условно выделялось направление, определявшееся национал-социалистами как «вырождение»[23].

1. Сознательное или обусловленное психической болезнью нарушение общепринятых стандартов живописи.

2. Богохульные картины (прежде всего Нольде).

3. Наличие в картинах «анархистско-большевистского» подтекста.

4. Картины, демонстрирующие пацифистско-марксистское разложение вооруженных сил (например, Отто Дикс).

5. Картины, оскорбляющие общественную нравственность (изображение ночных клубов и женщин легкого поведения).

6. Картины, «пропагандирующие» равенство рас (в духе Гогена).

7. Работы, отрицавшие точное изображение человеческого тела, изображение болезненной сути человека и психически больных людей (как, например, Кирхнер и Хекель).

8. Еврейские художники.

9. Творчество дадаистов как пример «законченного безумия»[24].

Из списка видно, как изощренно пропаганда Третьего рейха внушала обычным гражданам свои понятия об искусстве, лишая человека свободного выбора. Две выставки, проходящие одновременно друг с другом, формировали полярное восприятие искусство: добро, светлое начало, представленное на «Больших выставках немецкого искусства» и «зло», разрушение установленных идеологией канонов на выставке «Дегенеративного искусства». Это был тонкий расчет с точки зрения пропаганды: с одной стороны, непонятная «пачкотня», а с другой – гармоничные сентиментальные пейзажи и образцы скульптуры, обращенные к идеалам античности. Последние быстрее находили путь к сердцу простого немецкого обывателя, который разбирался в искусстве на уровне школьной программы[25].

На открытии первой «Большой художественной выставки» Гитлер произнес: «С открытия данной выставки положен конец художественному разложению и культурному уничтожению нашего народа»[26]. Подобная речь может показаться абсурдной – как авангардное искусство может уничтожить целую нацию? Такие лозунги не давали никакого выбора посетителям – руководящая партия все обдумывала за них; не оставалось ничего иного, как согласится с общепринятой точкой зрения.

Выставки «Дегенеративного искусства» были символом пропаганды Третьего рейха, ополчившейся на авангард, который чернился всеми доступными способами. Немаловажно отметить, что посещаемость «Дегенеративной» выставки была в три раза больше, чем официальной Большой художественной. В итоге ее посетили более двух миллионов человек. Такому большому потоку посетителей содействовало то, что с марта 1938 г. выставка стала передвижной и ее могли увидеть жители других немецких городов.

В итоге следует подчеркнуть, что в нацистской Германии художественные музеи и выставки играли значительную роль в качестве одного из инструментов формирования тоталитарной идеологии. Современное искусство было поделено на два противоположных лагеря: «дегенеративное искусство», враждебное господствующей идеологии, и «идеологически правильное», отражавшее величие и незыблемость германской нации.

По сути, художественные музеи и «Большие выставки германского искусства» должны были показывать посетителям – основной массе населения, какое искусство «хорошее», а какое – «плохое». Люди должны были любить то искусство, которое нравилось их фюреру, независимо от индивидуальных вкусов и предпочтений отдельной личности. Даже архитектура музейных и выставочных павильонов и галерей должна была напоминать посетителям о мощи нацистского государства, содействуя подавлению свободы личности. Ради создания «Дегенеративных» выставок проходили тщательные музейные «чистки», и из коллекций изымались произведения искусства. Далеко не всегда изъятая живопись или графика оставалась в пределах Германии. Очень часто произведения искусства выгодно продавались за рубеж или обменивались на старых мастеров. А многие работы искусства прошлых столетий должны были обрести свое пристанище в гигантском музее в Линце, который задумывал для себя Гитлер как символ доминирования Третьего рейха в Европе. Для пополнения фонда этого «сверхмузея» не гнушались разграблением национальных богатств других государств.

В Третьем рейхе художественные музеи, которые традиционно воспитывают индивидуальные вкусы людей, развивают их эстетически, стали лишь частью беспощадной тоталитарной пропаганды, подавляющей самостоятельные чувства человека.

Примечания

[1] Ципко А. Сначала был коммунизм, а потом – фашизм // Наука и жизнь. 2011. № 7. С. 50.

[2] Spotts F. Hitler and the power of aesthetics. London: Pimlico, 2003. P. 171.

[3] Васильченко А. Арийский реализм: изобразительное искусство в Третьем рейхе. М., 2009. С. 66. (Элегантная диктатура).

[4] Spotts F. Op. cit. P. 172–173.

[5] Васильченко А. Указ. соч. С. 11.

[6] Моссе Дж. Нацизм и культура: идеология и культура национал-социализма. М., 2010. С. 42.

[7] Цит. по: Васильченко А. Указ. соч. С. 88–89.

[8] Цит. по: Там же. С. 89.

[9] Аксенов В. Любимый музей фюрера: украден. сокровища. СПб., 2003. С. 4.

[10] Там же. С. 123.

[11] Цит. по: Spotts F. Op. cit. P. 170.

[12] Цит. по: Васильченко А. Имперская тектоника: архитектура Третьего Рейха. М., 2010. С. 65.

[13] Там же. С. 66.

[14] Spotts F. Op. cit. P. 172.

[15] Ibid. P. 173.

[16] Васильченко А. Имперская тектоника. С. 178.

[17] Клемперер В. LTI: язык Третьего рейха: записная книжка филолога. М.: Прогресс-Традиция, 1998. С. 11–12.

[18] Spotts F. Op. cit. P. 173.

[19] Васильченко А. Арийский реализм. С. 67.

[20] Там же. С. 66.

[21] Цит. по: Там же. С. 67.

[22] Там же. С. 71.

[23] Там же. С. 67–68.

[24] Там же. С. 69.

[25] Spotts F. Op. cit. P. 169.

[26] Цит. по: Васильченко А. Арийский реализм. С. 69.

УДК 72(091)(44)+748.5

Л. В. Жуковская

Витраж из серии «Императоры Священной Римской империи германской нации» Страсбургского кафедрального собора Нотр-Дам, Франция

Статья посвящена исследованию витражной работы, предположительно, об императоре Карле Великом, входящей в витражную серию Кафедрального собора города Страсбурга (Франция) «Императоры Священной Римской империи германской нации». В ходе изучения была произведена попытка уточнить сильно разрозненные и точно не установленные до момента исследования данные: дата создания витража (точность до момента исследования была задана промежутком в сто лет), название (существовало более пяти версий предполагаемых наименований), а также прототип или миниатюра. Был установлен факт дополнения традиционной иконографической программы собора новыми для того времени жанрами. Методом сравнения была осуществлена попытка выявления особенностей написания исторических персонажей на миниатюрах и в витраже.

Ключевые слова: витражная династическая серия, идея храма, эпосно-героическая тематика, рыцарский витраж, миниатюра, дата канонизации, род германских правителей, Священная Римская империя, миниатюра, романского времени, исторические личности

Lyudmila V. Zhukovskaya

Stained-glass window from the series «The Emperors of the Holy Roman Empire of the German nation» of the Strasbourg Cathedral of Notre-Dame, France

The article is dedicated to analysis of stained glass window work, probably about Karl the Great, included in the stained glass windows series of the Cathedral of Strasbourg (France) «Holy Roman Emperors of German nation». During the research author attempted to specify quite separated data, that hasn't been precisely determined before: date of creation the stained glass window (accuracy has been determined in interval of one hundred years), title (there has been more than five versions of supposed title) and prototype or miniature. The fact of addition a new genres to the traditional iconographic program of Cathedral has been ascertained. An attempt to determine peculiarities of imagination a historical personages has been implemented.

Keywords: dynascitc stained glass window series, the idea of the temple, epos-heroic themes, the knight's stained glass window, thumbnails, date of canonization, clan of German rulers, the Holy Roman Empire, miniature, the Romanesque time

> Мы едва можем постигать и то, что на земле, и с трудом понимаем, что под руками, а что на небесах – кто исследовал?
>
> Библия. Премудрости Соломона

Каждый предмет имеет свою историю жизни, и старинный витраж романского периода из кафедрального собора Нотр-Дам г. Страсбург (Франция)[1], входящий в тематическую витражную серию собора «Императоры Священной Римской империи германской нации», посвященный императору Карлу Великому, не исключение.

Какова же история возникновения данного витража?

Начало строительства собора в городе Страсбурге относят к XI в. До этого в 734–760 гг. на месте собора была выстроена кафедральная кирха, позднее каменная крипта в романском стиле. Уже в 1015 г. в крипте были установлены узкие и невысокие расписные окна. На протяжении веков постепенно формировалась иконографическая система храма. В 1176 г. крипту перестраивали.

Величественный храм во имя Девы Марии «Норт-Дам» отстраивали страсбургские и приглашенные мастера из других городов и областей Германии, такие как Эрвин из Штейнбаха или мастера из Шартра, внесшие готические черты при оформлении храма, сочетая их с романскими чертами стиля. До XIX в. Нотр-Дам считался самым высоким собором в Европе, высота шпиля собора 142 метра.

Во внешнем скульптурном оформлении храма и во внутреннем витражном исполнении воплощалась основная идея храма – почитание Девы Марии.

На фасаде кафедрального собора расположены изящные скульптурные композиции (скульптурные работы – дополнения украшения фасада из различных временных периодов): «Коронование Марии», сцены из жизни Иисуса Христа, «Успение Богоматери», библейские сцены, в том числе сцены из «Истории Авраама» (три тимпана, оформленных в XIII в.), воспроизводящие историю рода Авраама, среди которых изображения царей Давида и Соломона…

Скульптурное и витражное художественное убранство собора соединилось воедино великой и прекрасной идеей – гимну небесному и земному царствам.

Ранние сохранившие витражи храма датируются 1150–1200 гг.

В иконографическую тематику романских витражей собора (датируемых периодом около 1150–1200 гг.) входят изображения апостолов, святых, пророков и первых царей. Художественно выразительно представлены библейские сказания, посвященные Царю Давиду и Царю Соломону.

К основной иконографической программе храма постепенно добавлялись витражи, объединенные позднее в витражную серию «Императоры Священной Римской империи германской нации», посвященные истории рода германских правителей Священной Римской империи (надо полагать, расширяя тему скульптурной серии фасада собора о «Истории Авраама»). Эта серия, возможно, являлась своего рода тематической идеей-символом храма по единению героической германской нации и христианской церкви. В нее входили 19 витражей романского времени с изображением императоров, внесших весомый вклад в государственное, политическое, церковное и культурное устройство империи, от витражей с изображением императора Карла Мартелла, Пипина Короткого, Карла Великого и до витража с изображением императора Фридриха II.

В идею художественного оформления Страсбургского собора конца XI – начала XIII в. положено объединение основной, традиционно сложившейся иконографической программы с дополнением новыми, популярными витражными темами. В состав новых тем этого времени, помимо династической императорской серии, входили эпосно-героические и рыцарские тематики или циклы.

Существенно, что в IX–XV вв. начинается период изучения древности посредством обработки героико-народных песен, сказаний, легенд, повлиявших на сюжетно-художественное исполнение в соборах и сложение эпосно-героических витражных циклов и формирование новых литературных жанров (поэм, эпоса, светской поэзии, рыцарского романа, прозы и стихотворных поэм…). И в этот временной период подвергались творческому развитию поэтические истории о Карле Великом: «Жизнь Карла Великого» Эйнхарда, Теодульфа «Послание к королю», поэма Ангильберта «Карл Великий и Папа Лев», «Эклога к королю Карлу», поэма «Песнь о Роланде» и т. д.

Известен витраж, украшающий южный трансепт Страсбургского собора (1240 г.) с манускрипта «Тристан и Изольда» – «Святой Виктор» («Heiliger Viktor»), по произведению Готфрида Страсбургского.

Новая манера изложения и дополнения витражной тематики собора представляется, с одной стороны, осознанным приемом воздействия на народ, с другой – выражением интересов императоров для достижения своих высоких целей в пору переустройства страны, обновлений в церковной, социальной и культурной жизни, в пору борьбы за власть между церковью и императором и раздробленности знатных родов, способных при ослаблении королевской власти взять в свои руки местную исполнительную власть.

Поскольку в 1165 г. Фридрих Барбаросса приказал канонизировать императора Карла Великого (которого он считал своим предком): «В Ахене в противоположность этому Фридрих I Барбаросса с согласия своего антипапы Пасхамия признал святость правителя франков, о чем и сегодня свидетельствует высокохудожественная гробница Карла»[2], – то и в процессе формирования программы храма, вероятнее всего, император Фридрих Барбаросса становится основоположником дополнения новой серией витражей собора «Императоры Священной Римской империи». На это указывает влияние ряда исторических фактов, в частности, таких как «страсбургская клятва» 842 г., проходившая в Страсбурге на соборной площади, именно на том месте, где позднее будет выстроен кафедральный собор Нотр-Дам. Для внуков Карла Великого клятва явилась одной из первых предпосылок к объединению раздробленной территории империи. Или вручение Папой Иоанном XII императорской короны Оттону I в Римской церкви св. Петра 2 февраля 962 г. Получение императорского титула стало лишь частью выполнения разработанной его государственной программы – строительства единой сильной «новой» Римской империи, при опоре на Христианскую церковь (восстановление империи Карла Великого) и другие факты. В 925 г. область за Рейном считалась германской, затем неоднократно переходила то во франкское, то в герман-

ское владение, а в 1262 г. город Страсбург стал вольным имперским городом.

На протяжении около 1000 лет, до 1806 г. почти не прерывалось существование титула «римский император».

«Человек эпохи средневековья не ощущал себя немцем, итальянцем, французом или англичанином. Он жил не для своей нации, а для славы собственных имени и рода. Потомство высшей аристократии Европы с ее слишком многосложной брачной политикой невозможно было бы подвести под шаблон какой-либо нации»[3].

Позднее к термину «Священная Римская империя», применявшемуся императором Фридрихом Барбароссой (с 1157 г.), прибавилось понятие «германской нации» (возможно, к XV в.), с целью наполнения и развития идеологических принципов данной витражной серии.

В витражном цикле: «Императоры Священной Римской империи германской нации» Страсбургского собора, замечается сходство трактовки исторического фона с серией витражей в окнах церкви аббатства в Сен-Дени «Древо Иессеево».

Исторические данные о витраже «Карл Великий», содержащиеся в различных печатных источниках, как в названии, так и в датировке различны и порой противоречат друг другу.

Дата изготовления витража называется с интервалом почти в сто лет от 1180 до 1275 г.

Существует несколько предположений в названии данного витража: «Филипп Швабский, повелитель Священной Римской империи», «Император Карл Великий», «Император Карл Великий с головами слуг, добавленными в XIV в.».

В немецком издании «Glassfenster Strassburg» данный витраж восточного фасада собора (находящийся ранее) относят к времени 1150–1200 гг. и его называют: «Kaiser Karl dem Grosen eingenommen der auf einem Tron und von zwei Akylythen begleitet wurde»[4], или «Император Карл Великий на троне и двое придворных находящихся рядом». Есть основания применять для датирования именно этот временной период возникновения витража и это название для данного витража.

Если время исполнения витража «Император Карл Великий на троне и двое придворных находящихся рядом» учитывать после 1150-х гг. и по 1200-е гг. (1215), то витраж могли подготовить:

– после воздействия пожаров в храме, что являлось причиной починительства поврежденных витражей или выполнения новых (пожары 1136 (в крипте) и 1150-х гг.);

– раньше 1176 г., поскольку, согласно документам собора, в это время происходила перестройка церкви;

– возможно, по заказу от Фридриха Барбароссы к **дате канонизации** Карла Великого – 1165 г., к **дате перезахоронения останков** Карла Великого, поскольку, в городе Ахене шла подготовка к перезахоронению останков Карла Великого и ахенские мастера исполнили саркофаг, бюст, другие предметы для усыпальницы (в 1183–1215 гг.), работать над ними начали, возможно, раньше или к **дате коронования** императорской короной – 1215 г. – Фридриха II в г. Аахене.

– к дате 1188 г. (по 1192 г.), которая известна как 3-й очередной прославленный **Крестовый поход**, который возглавил Фридрих Барбаросса.

Для процесса изготовления витражей было характерно как в средние века, так и, вероятно, ранее, наличие прототипа (рисунка-картона), выполнявшегося с миниатюры или манускрипта. Исходя из этой традиционной практики предполагается существование миниатюр или манускриптов, точно передающих замысел автора (авторов), изготавливавшего витраж «Карл Великий»[5]. Но особо значимо в нашем случае то, что прототипами для определения наиболее самобытных, четко выраженных портретных черт Карла Великого и придворных, стоящих по обе стороны от императора, послужили предметы декоративно-прикладного искусства, миниатюры, манускрипты, выполненные начиная с IX по XII в.

Различные исторические сюжеты и персоны из миниатюр мастер-художник рассматривал как смысловые эпизоды к одному сюжету витража.

Как правило, начиная с IX в., чаще всего в миниатюрах, витражных медальонах и мозаиках, встречались изображения императора Карла с апостолом Петром, с Папой Львом III, Карл с сыновьями, с ученым Алкуином.

На золотом троне, украшенном драгоценными камнями, восседает величественный христианский император Карл Великий со скипетром и державой в руках, голова властителя увенчана короной и окружена нимбом. Одежды его украшены византийскими узорами. По обе стороны от императора стоят его верные помощники. Имитации драгоценных камней, обилие мелкой – почти миниатюрной – росписи делает витраж изысканным. В витраже доминируют красные, синие и желтовато-коричневые тона.

В данном случае при проведении исследования о выявлении особенностей в написании вышеперечисленных персонажей и миниатюрных системообразующих черт в трактовке сюжетных сцен, произошло выделение трех средневековых миниатюр.

Более значительной для художественной обработки представляется первая миниатюра: «Присяга на верность императору Оттону III» из Евангелия Райхенау, начало X в.

Автор миниатюры показал один из важных моментов церемонии принесения присяги на верность императору Оттону III – преподношение даров молодыми женщинами, олицетворяющими четыре крупнейших провинции Священной Римской империи: Славию (славянские земли), Германию, Галлию и Рим»[6]. Император находится в окружении двух епископов и двух герцогов (возможно, исторические персонажи). Герцог с копьем и щитом в руках из указанной выше миниатюры выбирается мастером, рисующим «картон» к витражу, как персонаж для будущего образа героя из свиты императора Карла Великого, символизирующий воина-защитника державы.

Яркое выражение аналогичности написания исторического персонажа замечается во второй миниатюре, относящееся, скорее всего, к витражному циклу об исторических личностях «Карл Великий и ученый Алкуин» из сборника рукописей третьей четверти XII в. из монастыря Гамерслебен, Ганновер.

Ученый Алкуин (Алхвине, из Нортумбрии, ок. 730–804 гг.) – академик, советник королю в делах культуры, школы и церкви, явившийся одним из основателей Придворной академии Карла Великого.

Проявление реалистичных ноток в витражном сюжете достигается автором путем применения метода переноса на «картон» для будущего витража рядом с Карлом Великим изображения академика Алкуина (из миниатюры монастыря Гамерслебен) – второго персонажа.

Основным источником авторского поиска в выборе смыслового содержания, стилистического выражения и композиционного построения для проработки «картона» к витражу становится третья миниатюра «Царь Соломон»[7] (Германия XII в.) – библейский царь, поставленный по великой мудрости Божьей, обширному уму, сердцу «разумному» «творить суд и правду». Миниатюра изображает восседающего на троне со свитком в руках библейского царя Соломона. Изречение на свитке гласит: «Люби справедливость, судящий мир». Рядом с царем по обе стороны стоят ближайшие его помощники. Центральное изображение, символизирующее небесный град, заключено в рамку, состоящую из двенадцати клейм. В клеймах написаны исторические образы (по тексту Библии): священники, писцы, дееписатель, военачальник и другие 12 библейских персонажей. По Библии в «Третьей книге Царств»: «И был Царь Соломон царем над всем Израилем. И вот начальники, которые были у него: Азария, сын Садока священника, Елихореф и Ахия, сыновья Сивы, писцы; Иосафат, сын Ахилуда, дееписатель; Ванея, сын Иодая, военачальник…»[8].

При воспроизведении содержательного парадного «образа» императора в витраже о Карле Великом угадывается влияние написания библейского царя Соломона самобытным мастером в миниатюре «Суд Соломона» (Германия, XII в.), заложившим христианско-гимнографическое настроение и наделившим миниатюру символом христианства – нимбом, символом «судодейства» – весами и пророческой надписью, окружившего сидящего на троне царя Соломона двумя помощниками, обрамившего сюжетную композицию 12 «портретными» клеймами библейских героев. Так и в витраже, формируя образ Карла Великого, автор выстраивает двуплановую композицию, наделяет франкского императора, сидящего на троне, символом христианства – нимбом, атрибутами власти правителя (скипетром и державой), обладая «всевластьем мирским» – императорской властью и властью, наделенной Богом, вершить правосудие на земле. Располагает с двух сторон лучших из помощников императора (возможно, реальных исторических личностей), участвующих в жизни страны в период ее «возрождения». Немаловажно отметить о назывании 12 верных исторически-значимых персон, пребывавших при императоре Карле Великом, автором поэмы «Послание к королю» Теодульфом.

Характерно, что передача Библейского сюжета, а именно – трех сцен из истории «Суд Соломона», находит свое отражение в овальном и круглых витражных медальонах окна романского времени Страсбургского собора.

Почему же витраж имеет разные названия?

Вероятно, для подчеркивания родства по каролингской ветви последующих императоров рисовали с чертами, присущими Карлу Великому. Отсюда и происходит несоответствие названий.

Храмовые витражи обладали высоким предназначением. Подобно иконам, они были наделены «божественным светом», христианскими символами, цветом, играющим немаловажную роль в воздействии на восприятие человека. Помимо этого, они являлись своего рода Библией для бедных людей, разглядывая витражи, прихожане могли узнавать (читать).

Библейские сюжеты, легендарные героические подвиги и житийные циклы народных героев. В основу витражей (подтекстом) мастером закладывались общепринятые **христианские символы**, присущие определенному об-

разу святого. По этим символам люди и узнавали евангелистов, Деву Марию, библейского царя Соломона, канонизированных императоров, святых рыцарей…

Символами являлись и надписи, и аббревиатура, чаще составлявшаяся из латинских букв. Витражные медальоны из Сен-Дени, изображавшие Карла Великого и царя Соломона, были подписаны по-латыни. Карл Великий применял сокращение латинских букв своего имени: его использовали при чеканке на монетах, на печатях. Аббревиатура, принятая императором Карлом Великом, наблюдается в мозаике IXв. «Св. Петр передает Карлу Великому знамя Рима» Римского собора св. Петра.

В данном витраже не удалось обнаружить никаких символов или аббревиатуры из-за плохой сохранности стекол и прежних починок витража, при которых стекла переставлялись или заменялись другими (иллюстрация витража дает возможность это увидеть), однако, в соответствие распространенными витражнымии примерам исполнения, можно говорить ранее о существовавшей над изображением надписи.

Кроме охарактеризованных в предыдущем тексте идейных сюжетных, смысловых, композиционных выражений в витраже автором продумана и героическая тема воина-вождя Карла Великого. При сопоставлении цикла «рыцарских» витражей Страсбургского собора романского периода «Heiliger Viktor», «Soldat der Thebaischen Legion» и изображение короля Конрада II с витражом о Карле Великом, выделилась взаимосвязь, проявляющаяся в написании нимба, т. е. в особом дроблении стекол в виде заостренных расширяющихся от головы полос-лучей; прорисовкой ликов, волос, глаз и сходство с витражами о царе Соломоне – красного цвета нимбов и туник, элементов узоров, (овальный медальон «Das Urteil Salomos»), голубых фонов на втором плане, формой короны, расположением ног. При этом важно отметить, что романские витражи о царе Соломоне принадлежат к одной витражной школе исполнения и являются более ранними, рыцарские же романские витражи и витраж о Карле Великом – другой школы написания и более позднего времени изготовления.

Император Карл явился исходя из почитания культа рыцарей времени XII–XIII вв. «Великим прославленным рыцарем». В XII в. строятся церкви орденов: тамплиеров, кармелитов, доминиканцев и другие, в которых появляются витражи с изображением рыцарей (витраж «Святой Виктор» в Страстбургском соборе, 1150 г.).

Само время продиктовало эти изменения, в программной теме украшения храмов, и церковная власть приняла их, введя различные дополнения.

«Витраж о Карле Великом», по существу, является одним из центральных витражей в упомянутой витражной серии и объединяет в себе вышеперечисленные витражные циклы: религиозный, эпосно-героический, цикл исторической личности и рыцарский.

Карл Великий в годы своего правления вел политику единения церковной и императорской власти, христианизации населения, строительства и объединения церквей, воплощения в жизнь теоретической концепции строительства «Нового Рима» (развитие наук и искусства, монастырских школ, ремесел и т. д.). Для этой цели он организовал Придворную академию, собрав талантливых ученых из разных стран. Карлу Великому удалось сплотить и укрепить разрозненную империю, он был талантливым императором и военачальником.

Тематическая витражная программа рассказывала об исторических личностях империи, а христианский подтекст указывал на значимость христианской церкви в союзе с императорской властью.

Примечания

[1] В данное время витраж находится в собрании музея при соборе Нотр-Дам в Страсбурге.

[2] Хэгерманн Д. Карл Великий / под ред. В. Л. Керова; пер. с нем. В. П. Котелкина. М., 2005. С. 12.

[3] Вис Э. Фридрих II Гогенштауфен. М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. С. 8.

[4] Schultz S. Glasfenster. Das Strasburger Munster. Strasbourg: Editions du Signe, 1999. S. 8.

[5] Панорама средневековья: энцикл. средневекового искусства / под ред. Р. Бартлетта / М.: Интербукбизнес, 2002. С. 152.

[6] Там же. С. 97.

[7] Там же. С. 106.

[8] 3 Царств (4).

УДК 72(091)(540)

А. А. Барахоева

Атрибуция некоторых рельефов буддийской тематики с каменных перил комплекса Махаходхи в Бодхгае

Статья посвящена атрибуции перильной скульптуры храма Махаходхи – первого буддийского храма, построенного на месте Просветления Будды Шакьямуни под деревом Бодхи. Используя старые и новые данные, автор исследует мало изученные рельефы цикла джатак, или прошлых перерождений Будды. Сюжеты многих упоминаемых в тексте джатак публикуются на русском языке впервые.

Ключевые слова: джатаки, истории прошлых перерождений Будды, перила Куранги и Нагадеви, храм Махаходхи, Бодхгая, Индия, атрибуция, буддийская скульптура

Anastasia A. Barahoeva

The First Buddhist temple Mahabodhi in India: attribution of Jataka railing sculpture

The article covers the attribution of Mahabodhi temple's railing sculpture. This temple is the first Buddhist temple constructed on the place of Gautama Buddha's Enlightenment under the Bodhi tree. The author investigates little-known reliefs of Jatakamala-cycle which narrates about last lives of Buddha Shakyamuni.

Keywords: Jatakas, Jatakamala, last lives of Buddha Shakyamuni, railing sculpture of Kurangi and Nagadevi, Mahabodhi temple, Bodhgaya, India, attribution, Buddhist sculpture

Индийский комплекс Махаходхи в Бодхгае (I – пер. пол. II в. н. э.) – памятник религиозной храмовой архитектуры, сооруженный на месте достижения Буддой Шакьямуни под деревом Бодхи полного Просветления (528 г. до н. э.)[1]. Каменные перила вокруг храма Махаходхи были установлены по приказу благородной девы Куранги приблизительно в 100 г. до н. э. В VII в. они были перестроены и расширены раджой Пурнавармой, последним магадским потомком царя Ашоки. Эти бодхгайские рельефы, часто ошибочно называемые перилами Ашоки[2], хронологически и стилистически располагаются между условным искусством Бхархута и свободно-декоративными рельефами Санчи[3]. Высеченные на перилах надписи свидетельствуют о том, что они являются подарком Куранги (супруги короля Индрагнимитры) и Нагадеви (королевы Брахмамитры). Таким образом, можно датировать рельефы самое раннее II в. до н. э. Вместе с тем версия Каннингема об участии в строительстве короля Ашоки не лишена смысла, поскольку первоначальный фундамент периметра ок. 80 метров датируется правлением великого дхармараджи.

Кирпичный фундамент Ашоки был полностью застроен перилами времен Куранги и Нагадеви. Поверх старого фундамента надстроили ограду **ведику** и каменные перила, состоящие из вертикальных стоек (thaba), перекладин (suchi) и парапетных балок (usnisa). Все перила стилистически являются реминисценциями перил Бхархута и Санчи, однако материал перил здесь совершенно иной. Вместо темного базальта бодхгайские перила исполнены из крупнозернистого гранита или каймурского песчаника (Kaimur sandstone). Некоторые ученые (например, В. А. Смит) не акцентируют внимание на различиях материала, полагая, что в одно и то же время могли использоваться разные материалы. Однако нам кажется это различие весьма существенным, поскольку выбор камня здесь напрямую связан с выбором манеры. Рельефы из песчаника представляются определенно более ранними по сравнению с гранитными. Рельефы из гранита в свою очередь соотносятся с периодом Гупта[4]. В частности фигуры гаруд и киртимукх[5] типичны для искусства Гупта и могут быть обнаружены в Сарнатхе и других центрах этого времени. Перила из песчаника и гранита имеют склонность к одинаковой компоновке сюжетов. Так, карнизы и лотосовые розетки обычно украшают парапетные балки и перекладины, в то время как главные сюжеты занимают более редкие в смысле количества стойки перил.

Комплекс Махаходхи изначально строился как буддийский, поэтому наибольший интерес среди рельефов вызывают рельефы именно буддийской тематики, коих в комплексе однако не так много. Причины этой неувязки кажутся нам весьма любопытными. Некоторые ученые во главе с Ансари утверждают, что тематика джатак была хорошо известна среди народа и комплекс не нуждался в столь детальном изображении событий древней истории. Такая версия едва ли

заслуживает серьезного рассмотрения, поскольку, во-первых, джатаки были хорошо известны лишь образованной аристократии и монахам, все же прочие буддисты из простого народа вряд ли обладали подобными глубокими знаниями перерождений Будды. Поэтому буддийские сюжеты были бы очень актуальны и полезны в буддийской святыне мирового значения. Но их здесь практически нет: единицы на фоне многочисленных сюжетов небуддийской тематики. Рассмотрим, однако, эти немногие буддийские рельефы, чтобы чуть позже вернуться к фундаментальному вопросу «почему?».

Первый из рельефов этой группы – **история приобретения рощи Джетавана**[6]. Здесь показан лишь один аспект известной истории, а именно как слуги покрывают площадь золотыми монетами. По легенде Джетавана (санскр. «роща Джеты») близ города Шравасти была даром богатого купца Анатхапиндики. Принц Джета не хотел продавать рощу, но Анатхапиндика предложил ему столько золота, сколько требовалось для того, чтобы покрыть коти[7] всю площадь до самой рощи. Потребовавшаяся сумма составила, по Ниданакагте, 180 миллионов золотых[8]. Бодхгайский рельеф изображает лишь половину сюжета, не показывая зрителю самого Анатхапиндику, как, например, в бхархутском рельефе[9]. Однако столь беспрецедентное действо делает сюжет рельефа совершенно очевидным.

Другой рельеф, изображающий **Будду с королем нагов**[10], обычно трактуется как сцена с нагом Элапатрой. Однако такая трактовка вызывает некоторые сомнения, поскольку дерево заднего плана мало напоминает акацию ширишу или баньян Ньягродха. Возможно, рельеф изображает Брахму, умоляющего Будду даровать Учение[11].

Еще один рельеф изображает **Будду с пахарем**[12]. По легенде, один брахман решил расчистить участок в лесу на берегу реки Ачиравати близ Шравасти под пашню. День за днем трудился пахарь, вырубая лес, вспахивая и орошая землю, сея семена. Все это время Будда часто заходил к брахману, и они стали друзьями. Когда же настало время жатвы, ночью прошел сильный град, с гор скатился паводок, и река полностью смыла урожай до последнего колоска. Брахман долго горевал, пока к нему не пришел Будда, спросивший, вернется ли пропажа, если брахман будет горевать. «А если нет, то к чему горевать? Со всеми людьми так бывает: приходит пора появиться богатству – оно появляется, приходит пора ему пропадать – оно пропадает. Все то, что составлено, не может быть вечным», – наставлял Будда. Услышав такие слова, брахман обрел плод прорезавшегося слуха и перестал горевать.

История джатаки о ненасытной алчности из Суттанипаты[13] разворачивается перед нами буквально: брахман изображен в виде пахаря, держащего в левой руке палку и опирающегося правой на хомут, запряженный волами. Палка в руке брахмана атрибутирована нами как мотыга, воловий хомут гужами соединен с плугом. Согласно данным о развитии сельского хозяйства в магадско-маурийскую эпоху[14], при раскопках поселений, датированных VI–I вв. до н. э., были обнаружены мотыги, лемехи и прочие орудия. Примечательно, что хомутов, насколько нам известно, среди них не было. Рельеф с брахманом-пахарем свидельствует о том, что уже в I в. до н. э. индийское хозяйство давно освоило хомут и плуг. Это заключение необычайно важно в контексте всемирной сравнительной истории, поскольку до сих пор считалось, что наиболее ранние упоминания о хомуте относятся к III в. н. э. – эти изображения хомута найдены на цветных формованных кирпичах эпохи Троецарствия (220–265 н. э.) в гробнице Бао Саньняна в Чжаохуа провинции Сычуань.

Рельеф с брахманом-пахарем свидетельствует, что индийские хомуты появились задолго до китайских и к I в. до н. э. уже успели стать весьма популярными. Остается вопрос – были ли распространены хомуты во времена Будды (VI в. до н. э.), как показывает рельеф, или же это уже более поздняя деталь, привнесенная фантазией художника (I в. до н. э.)? Дальнейшее исследование изобразительных материалов индийского искусства, с точки зрения истории орудий сельского хозяйства, поможет ответить на этот вопрос.

Как видим, немногочисленные рельефы буддийской тематики часто затмеваются в Махаходхи декоративными мотивами, коими изобилуют перекладины и парапетные балки перил. Отчего так происходит? Неужели даже для простого народа сюжеты джатак были настолько очевидны, что их можно столь легко заменить обычным декором? Мало вероятно. Скорее всего, Куранги и Нагадеви постарались привлечь для этой работы лучших резчиков. Однако вовсе не обязательно, чтобы все эти резчики непременно были буддистами. Всем им, вероятно, было приказано наилучшим образом украсить перила; и эта задача была решена весьма виртуозно, однако не стоит удивляться, что значительная доля вдохновения была почерпнута у старых мастеров небуддийских школ, таких как камнерезы Бхархута. Отсюда следует и сюжетная специфика рельефов с явным креном в сторону декоративности.

Существует, однако, довольно большое количество рельефов, чьи сюжеты связаны с

сюжетами джатак не напрямую, но косвенно. В отличие от перил Бхархута, бодхгайские рельефы не снабжены подписями, что порождает множество различных интерпретаций уже известных рельефов.

Одним из рельефов косвенной буддийской тематики можно считать барельеф из шестой секции «**Трое в лодке, или nara-machcha**»[15]. Медальон изображает трех людей в лодке, первый из которых стоит у руля, второй правит лодкой с помощью шеста, третий же совершает простирания перед чем-то или кем-то священным. Лодка показана плывущей по воде, заросшей лотосами. Эта простая сцена по-разному интепретировалась Б. Баруа[16], А. Кумарасвами[17] и другими учеными. Так, А. Кумарасвами полагает, что рельеф изображает **историю Джатилы Кашьяпы**, плывущего в лодке вместе с учеником, чтобы спасти Будду от наводнения реки Нераджана.

Б. Баруа же считает, что рельеф изображает сцену **Силанисамсы-джатаки** с участием ученика Будды Кашьяпы и цирюльника. В Силанисамса-джатаке рассказывается об одном из учеников Будды Кашьяпы, который вышел в море в сопровождении цирюльника. Судно потерпело крушение, и, ухватившись за обломок доски, эти двое выплыли на пустынный остров. Цирюльник убил несколько птиц и съел их, однако ученик Будды отказался от этой затеи и стал медитировать на Три драгоценности. Увидев это, змееподобный нагараджа острова превратился в корабль, ведомый Духом моря в качестве рулевого. Нага предложил отвезти преданного ученика на Джамбудвипу. Плыть хотел и цирюльник, но ему было отказано, так как тот не был святым. Тогда ученик Кашьяпы передал свои достоинства цирюльнику, и он был взят на борт. Прибыв на континент Джамбу, оба были щедро награждены.

По мнению Б. Баруа, кроме цирюльника и ученика Кашьяпы в лодке изображен Самуддадевата у руля. Версия Б. Баруа однако представляется не вполне правдоподобной: лодка мало напоминает корабль, а лотосовый пруд – бурное море. Версия А. Кумарасасвами, в свою очередь, представляется более аргументированной. Кто-то может заметить, что лотосы преимущественно растут в озерах, а не в проточной речной воде, склонной к паводкам. И это верно для большинства водоемов Дальнего Востока России, чьи водоемы зимой обычно замерзают. Русло же реки Нераджана близ Бодхгаи зимой часто полностью пересыхает или превращается в группу мелких озер: притоки, питающие реку, истончаются или уходят под землю, и на несколько месяцев в году в русле реки создаются условия для роста лотосов. Лотосы могут появляться на реке не каждый год и не повсеместно, однако в климатически благоприятные сезоны ими могут быть усыпаны и озерца русла Нераджаны и окрестные слабо проточные небольшие речушки по направлению к Гае. А это значит, что атрибуция А. Кумарасвами рельефа с лодочником вполне актуальна и по сей день, несмотря на сильно изменившийся внешний вид Нераджаны, чьи лотосы сегодня являются скорее предметом воспоминаний, уступившим место зимнему воловьему пастбищу.

Трудности с атрибуцией возникают и в **рельефе со слоном и мужчиной с шестом**[18]. Мужчина внешне напоминает слоновщика, так как движение слона явно ограничивается жестом с шестом. Согласно Б. Баруа, здесь изображена сцена из **Касава-джатаки**[19]. По версии этой джатаки, один бедняк из Варанаси, впоследствии переродившийся в Девадатту, решил охотиться на слонов ради их бивней. Царем слонов был Бодхисаттва. Каждый раз убийца слонов переодевался в шафранные монашеские одежды и поджидал одного из слонов, шедшего в конце стада, чтобы убить его. Узнав об этом, Бодхисаттва сам пошел последним. Бедняк попытался напасть, но, заметив шафранные одежды, разгневанный слон не причинил бедняку вреда, укорив убийцу такими словами:

> Тот, кто надел монашеское платье,
> Но от дурных страстей не отрешился,
> Далек от кротости и самообузданья, –
> Монашеского платья недостоин.
> А кто блюдет – обеты непреложно,
> Навек отрекся от злоумышлений,
> Исполнен кротости и самообузданья –
> Достоин тот монашеского платья[20].

Затем царь слонов наказал бедняку никогда более не приходить сюда, если тот не хочет умереть.

По версии Баруа, на рельефе[21] изображен царь слонов рядом с убийцей, поджидающим Бодхисаттву. Здесь, однако, невозможно разобрать, носит ли убийца шафранные одежды или нет. А значит, окончательно атрибутировать мужчину как бедняка-убийцу из Касава-джатаки мы, к сожалению, не можем.

Следующий **рельеф с шестом баханги** изображает сидящего короля[22], правая рука которого покоится на правом колене, левая же изображена в жесте принятия некоего предмета, поднесенного на шесте баханги[23] дарителем. Позади короля изображена женщина с простым чаури[24] из ячьего хвоста. Эта сцена интерпретировалась различными учеными по-разному. Так, Каннигем атрибутировал сцену как бытовую, в

то время как Б. Баруа настаивает на версии изображения **Сомадатты-джатаки**[25]. Сомадатта-джатака рассказывает о том, как богатый брамин Бенареса, став отшельником в Гималаях, нашел слоненка, дав ему имя Сомадатта. Однажды слоненок объелся и заболел. Чтобы спасти слоненка, брамин отправился на поиски дикого плода, однако когда он возвратился, слоненок был уже мертв. Отшельник был преисполнен горя, и тогда ему явился бодхисаттва Сакка, который напомнил ему, что он оставил жену, богатство и детей вовсе не для этого. В этой джатаке мы, однако, не встречаем никакого упоминания о короле, встретившего мужчину с шестом. А значит, версия А. Каннингема явно ошибочна.

Согласно версии А. Кумарасвами[26], предмет, поднесенный королю, – не что иное, как слоновий бивень, а значит, сцену можно интепретировать как историю из **Чхадданты-джатаки**, в которой рассказывается о восьмитысячном стаде слонов, умевших летать по воздуху и обитавших на гималайском озере Чхадданта. Во главе стада стоял царь слонов с бивнями, сияющими лучами шести цветов. Слоновий царь был Бодхисаттвой, и у него было две супруги: Субхадра старшая и Субхадра младшая. Однажды расцвела роща саловых деревьев, и царь слонов ударил лбом по дереву так, что на Малую Субхадру, стоящую против ветра, посыпались засохшие веточки, пожухлая листва и рыжие муравьи, а на Большую Субхадру, стоящую по ветру, попадала цветочная пыльца и чашелистики. В другой раз некий слон, бродя по мелководью, нашел большой махровый лотос, предвещающий счастье, и поднес Великому. Бодхисаттва взял лотос, стряхнул пыльцу его себе на макушку, а цветок подарил своей старшей супруге – Большой Субхадре. Тогда Малая Субхадра обидилась на царя пуще прежнего, собрала плодов для 500 просветленных и пожелала, чтобы в следующей жизни она родилась королевой Коши, чтобы отомстить Бодхисаттве. Вскоре она умерла и переродилась королевой в Варанаси. Призвав к себе охотников, она выбрала самого сильного и отправила его убить царя слонов напоенной ядом стрелой и отпилить для нее пару его шестицветных бивней. Охотник Сонoттара, впоследствии переродившийся Девадаттой, достиг слоновьего озера лишь через семь лет. Обрядившись в монашеское платье, он смертельно ранил царя. Но увидев монашеское платье, слон не тронул убийцу, который рассказал ему о кознях прежней жены. Огорченный Бодхисаттва, превозмогая боль, сам отпилил себе бивни и отдал охотнику. Получив долгожданный подарок, королева раскаялась и вскоре умерла. Если придерживаться этой версии, логично задаться вопросом, отчего на рельефе отсутствует королева. Невозможность точно атрибутировать предмет подношения и отсутствие на рельефе королевы делает атрибуцию А. Кумарасвами недостаточно убедительной.

И все же есть одна сцена, которую можно с достаточной долей уверенности атрибутировать как сцену из **Аситабху-джатаки**[27], в которой рассказывается, как Бодхисаттва однажды переродился гималайским отшельником. В это же время король Варанаси из зависти к своему сыну принцу Брахмадатте выслал его из города вместе с супругой по имени Аситабху. Изгнанники направились в горы и поселились в хижине из листьев. Однако вскоре Брахмадатта оставил супругу, поддавшись очарованию прекрасной Чандакиннари[28].

Несчастная Аситабху отправилась к Бодхисаттве-отшельнику. Обретя с его помощью различные невероятные способности, девушка возвратилась домой. Туда же вернулся и Брахмадатта, потерпевший неудачу в поисках Чандакиннари. Каково же было его удивление, когда перед хижиной он обнаружил висящую в воздухе супругу, распевающую радостные песни о новообретенной свободе. После ухода супруги Брахмадатта все время пребывал в одиночестве. Когда же его отец скончался, он был возведен на трон. На этом рельефе в центре изображен Брахмадатта в окружении двух девушек. Первая из них положила руки на левое плечо принца, вторая же изображена по правую руку Брахмадатты. Жест Брахмадатты указывает на то, что он прогоняет прицессу Аситабху[29]. Выражение лица и поза принца выражают явно снисходительное отношение к небесной киннари, в то время как отвергнутая супруга удостаивается лишь пренебрежения и неприязни[30].

Другой рельеф изображает восседающего на троне короля с поднятой вверх левой рукой. За королем видна фигура служанки с опахалом-чаури. В центре рельефа показаны две девушки: одна – с блюдом яств, другая – с корзиной[31]. По версии Б. Баруа, здесь изображена сцена из Суджата-джатаки[32]. Согласно этой джатаке, Бодхисаттва однажды переродился священником короля Бенареса. Однажды король услышал на улице голос дочери торговца фруктами Суджаты, продающей сладкие плоды. Очарованный голосом, король послал за девушкой и сделал ее своей супругой. Некоторое время спустя она увидела, что король вкушает плоды с золотого блюда. Не узнав те самые фрукты, девушка наивно спросила, что это за плоды в форме яйца. Король рассердился и простил супругу лишь после заступничества священника-бодхисаттвы. Заметим, что в Суджата-джатаке нет сцены

подношения блюда с фруктами королю, а ведь именно эта сцена изображена на рельефе. А значит, и версия Баруа с Суджата-джатакой не является достаточно аргументированной. По мнению А. Кумарасвами[33], этот рельеф изображает сцену из Киннара-джатаки, однако женская фигура с бодхгайских перил ничем не напоминает киннару. Следовательно, эта версия также мало вероятна.

Трудность с атрибуцией возникает и в рельефе, изображающем мужчину с арфой в левой руке и состоятельную матрону с поднятой рукой. По мнению Б. Баруа, здесь представлена сцена из **Суссонди-джатаки**[34]. В этой джатаке рассказывается о царе по имени Тамба, впоследствии переродившимся Анандой, и его прекрасной супруге по имени Суссонди. Гостивший в Варанаси царь нагов, впоследствии переродившийся царевичем Шакьямуни, влюбился в Суссонди и, наслав на город ураган, тайно похитил царицу, перенеся ее на остров Серумадипа, где они предались любви. Тамба снарядил на поиски царицы музыканта Саггу. Долго странствуя, тот, наконец, оказался на корабле, идущем в Суваннабхуми. Как не отнекивался Сагга, купцы уговорили его сыграть на вине прямо в море – рыбы и морские твари вылезли из пучин, чтобы послушать игру, и одна макара потопила судно. Один лишь Сагга чудом уцелел, уцепившись за обломок доски. Море выбросило его на остров нагов, где он встретил Суссонди, которая была с ним очень ласкова и позвала на царское ложе. Вернувшись через некоторое время в Варанаси, музыкант застал царя нагов за игрой в кости в гостях у Тамбы. Взяв вину, Сагга заиграл и в стихах поведал нагу о случившемся. Огорченный изменой Суссонди, наг возвратил царицу Тамбе. Версия Б. Баруа однако не до конца убедительна, поскольку на рельефе отсутствуют Тамба и нага. Кроме того, арфа с рельефа никак не напоминает маленькую вину из джатаки о красавице Суссонди.

Один из верхних перильных рельефов изображает сидящих на кровати мужчину и девушку[35]. Протянутые к девушке руки свидетельствуют о какой-то просьбе мужчины. Девушка увлекает за собой горничную, чья правая рука лежит на колене. Жест девушки свидетельствует о ее недовольстве мужчиной. Здесь же на полу изображены кувшин с водой и скамеечка для ног. По версии Б. Баруа[36], здесь изображена сцена из **Аттхана-джатаки**, рассказывающей о ненадежности и предательстве женщин. В Аттхана-джатаке повествуется о молодом купце по имени Махадхана, покровительствовавшем одной из куртизанок, давая ей тысячу монет ежедневно. Однажды, не успев сходить за деньгами, он пришел к куртизанке с пустыми руками. Раздосадованная девушка постыдно выгнала купца вон. Предательство возлюбленной было столь отвратительно для Махадханы, что он ушел в отшельники. На рельефе изображена сцена уговоров куртизанки, не вняв которым, девушка приказала служанке выставить незадачливого возлюбленного.

Панель следующей перильной секции изображает **женщину с головой лошади**[37]. А. Кумарасвами настаивает на атрибуции этого рельефа как сцены из **Падакусаламанава-джатаки**[38]. Согласно этой джатаке, королева Бенареса, дав однажды ложную клятву, превратилась в якши с головой лошади. Три года она прислуживала царю якш Вайшраване, после чего ей был дан отдых с разрешением поедать людей определенной местности. Поймав одного богатого и красивого брамина, якши сделала его своим мужем. От брамина у якши родился сын-бодхисаттва. Прознав о печальной участи плененного отца, сын бежал с брамином за пределы местности якши, где ее колдовство было бессильно. Сбежавший Бодхисаттва поступил на службу к королю Бенареса. Узнав о таланте слуги распознавать следы даже через двенадцать лет, король устроил ему испытание, спрятав часть сокровищ в королевском пруду. Юноша без труда разыскал пропажу, однако отказался назвать имена преступников. Затеявшие кражу король и его священник настояли на выдаче виновных. Когда же Бодхисаттва назвал имена воров, разгневанный народ убил короля вместе с духовником. Бодхисаттва же был возведен на престол.

Якши с головой лошади из **Падакусаламанава-джатаки** фигурирует и в других рельефах. В первом из них она показана играющей в квадратную настольную игру внутри маленького павильона. Ее собеседник показан как мужчина, неподвластный контролю бывшей королевы[39].

Другой рельеф[40] изображает женщину с выставленной вперед левой ногой и поднятыми над головой руками. Рядом с ней изображен мужчина, левая рука которого лежит на ее правой руке. Здесь же изображен и мальчик-Бодхисаттва. Некоторые ученые, в частности А. Ансари[41], сомневаются в точности этой атрибуции, подчеркивая, что главным героем джатаки является Бодхисаттва, а не лошадиноголовая якши. А. Кумарасвами трактует последний рельеф как эротическую сцену[42].

Другой рельеф атрибутируется Б. Баруа как сцена из **Рохантамига-джатаки**[43], в которой рассказывается о золотом олене-бодхисаттве, возглавлявшем стадо из восьмидесяти тысяч оленей озера Рохантa. Супруге короля Бенареса во сне привиделся золотой олень, проповеду-

ющий Дхарму. Узнав об этом, король приказал привести этого оленя. Охотник, расставивший близ водопоя капкан, поймал оленя-бодхисаттву. По сигналу тревоги все олени разбежались. Остались лишь олень Читтамига и лань Сутана, готовые умереть рядом с братом. Пораженный их преданностью, зверолов отпустил Бодхисаттву, который научил его Дхарме и дал с собой прядь своих золотых волос. Прядя в Бенарес, охотник поведал свой рассказ королю и королеве, а после, отказавшись от всех наград, ушел в отшельники.

Рельеф с бодхгайских перил показывает оленя, стоящего на высоком пьедестале. Прямо перед ним изображен паренек, а в отдалении видна фигура девушки. Паренек с рельефа, однако, мало напоминает грозного и опытного охотника зрелого возраста. В джатаке описывается золотой король-олень – «мига», в то время как зверь с рельефа скорее напоминает козла. Все эти неточности наводят на мысль о том, что сюжет рельефа далек от событий Рохантамига-джатаки и, вероятно, трактован Б. Баруа ошибочно. По версии А. Кумарасвами, козел перед алтарем предназначен для жертвоприношения[44].

Еще один рельеф изображает отшельника, сидящего перед своей хижиной в позе, когда левое колено подтянуто к носу с помощью пояска «йогапатта». Слева от аскета стоит чаша для подношений, рядом с хижиной виден лотосовый пруд. Лицо отшельника выражает испуг при виде тигра, выходящего из лесной чащи. По версии Б. Баруа, на рельефе представлена сцена из **Титтира-джатаки**[45]. А. Ансари опровергает эту версию, утверждая, что такая атрибуция ошибочна, поскольку в Титтира-джатаке нет никакого упоминания о встрече тигра и отшельника[46]. Заключение Ансари, с нашей точки зрения, чересчур поспешно, поскольку известно четыре различных джатаки под названием «Титтира» (санскр. «куропатка»): 37-я джатака о куропатке, слоне и обезьяне, 117-я джатака о болтливом отшельнике и болтливой куропатке, 319-я джатака о куропатке-приманке, погубившей стаю товарок, и, наконец, 438-я джатака о куропатке, злом отшельнике и тигре. В тексте 438-й Титтира-джатаки рассказывается, что однажды в лесу близ Бенареса поселился известный учитель. Придя с подарками, ученики увидели ручную куропатку, заучившую наизусть текст трех Вед. Среди подарков были ручная ящерица и корова. Когда учитель умер, куропатка стала поучать учеников всему, что знала сама. Через некоторое время в лес приехал злой отшельник, который убил куропатку, ящерицу и корову. У погибшей куропатки было два друга – лев и тигр. Тигр нагнал злого отшельника и убил его. Впоследствии убийца переродился в Девадатту, тигр – в Маудгальяну, куропатка – в царевича Шакьямуни, а учитель – в Махакашьяпу.

Если абстрагироваться от морали Титтира-джатаки, то становится очевидным, что рельеф с отшельником представляет собой ненавязчивое руководство к буддийской практике в уединении, когда йогин развивает дисциплины тела, речи и ума. Изображая на рельефе тигра, скульптор придает рельефу некий конкретный нравоучительный смысл, намекая на то, что без должных наставлений практика не может быть реализована в полной мере. Так, отшельник предстает перед нами побежденным собственным гневом и страстями и изображается непосредственно перед гибелью от зубов тигра, чей образ в буддизме традиционно ассоциируется с разрушительными эмоциями гнева и страсти.

Вышеприведенный анализ группы рельефов буддийской тематики представляет собой попытку исследования небольшой части огромного скульптурного наследия Бодхгаи – места Просветления Будды Шакьямуни. Рельефы, выполненные по заказу благородных дев Куранги и Нагадеви, до сих пор вызывают споры и провоцируют противоречивые интерпретации, обрастают атрибуциями на древнем языке Брахми и современном английском, изобилуют древними автографами в виде прорисей тантрических божеств Гухьясамаджи и Зеленой тары или пестрят синими ярлыками музейных экспликаций. А значит, они **до сих пор актуальны**, что не удивительно, если учесть, что «внушительный учебник буддийской Дхармы в картинках» (коим представляется все буддийское искусство) еще не дочитан нами до конца.

Примечания

[1] Подробнее см.: Барахоева А. А. Перестройки и реставрации первого буддийского храма Махабодхи в Бодхгае // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2011. № 127. С. 247–252; Ее же. Археологические раскопки первого буддийского храма Махабодхи в Бодхгае: буддийские и небуддийские постройки // Наука сегодня: теорет. аспекты и практика применения: сб. науч. тр. по материалам междунар. науч.-практ. конф. 28 окт. 2011 г. Тамбов, 2011. Ч. 5. С. 10–17; Ее же. Исторические предпосылки возникновения комплекса Махабодхи в контексте буддийских воззрений // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 7. Философия. Социология и социальные технологии. 2011. № 1(13). С. 80–84; Ее же. Архитектурный канон буддийских монастырей на примере комплексов Одантапури, Самье, Табо, Махабодхи и др. // Актуальные проблемы науки: сб. науч. тр. по материалам междунар. науч.-практ. конф. 27 сент. 2011 г. Тамбов, 2011. Ч. 5. С. 21–25.

[2] Впервые перила именуются перилами Ашоки

А. Каннингемом. См.: Cunningham A. Mahabodhi or the Great Buddhist Temple under the Bodhi Tree at Buddha Gaya. London, 1892. P. 11. Позднее в работах Фергюссона, Кумарасвами и др. эта точка зрения полностью опровергается.

[3] Барахоева А. А. Атрибуция перильной скульптуры первого буддийского храма Махаходхи в Индии // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2011. № 130. С. 284–291; Ее же. Скульптурное убранство комплекса Махаходхи в Бодхгае: стилистика и взаимовлияния // Современные тенденции в науке: новый взгляд: сб. науч. тр. по материалам междунар. науч.-практ. конф. 29 нояб. 2011 г. Тамбов, 2011. Ч. 3. С. 16–27.

[4] Ansari A. Q. Archaeological Remains of Bodhgaya. New Delhi, 1990. P. 70.

[5] Sinha C. P. Early Sculpture of Bihar. Patna: Indological Book Corp., 1980 P. 49–50.

[6] Chakravarty K. K. Early Buddhist Art of Bodh-Gayā. New Delhi, 1997. Pl. 11.

[7] 1 коти = 10 миллионов золотых.

[8] См.: Пишель Р. Будда, его жизнь и учение. М., 2004. 184 с.

[9] Ray N. R. Maurya and Sunga Art. Calcutta: Univ. of Calcutta, 1945. Fig. 41.

[10] Barua B. M. Gaya and Bodhgaya. Calcutta, 1934. Vol. 2. Fig. 57.

[11] Ansari A. Q. Op. cit. P. 71–72.

[12] Barua B. M. Op. cit. Fig. 57.

[13] Sutta pitaka. Khuddaka nikaya. Jataka. Dvadasa-Nipata. 467 Kamajataka. London, 1877–1897. P. 511–512.

[14] Описание плуга того времени приводится в «Васиштхе-дхармасутре» (II. 34–35).

[15] Chakravarty K. K. Op. cit. Pl. 22.

[16] Barua B. M. Op. cit. P. 107–108, fig. 59.

[17] Coomaraswamy A. K. La Sculpture de Bodhgaya. Paris: Les Éditions d'art et d'histoire, 1935. P. 40–41.

[18] Chakravarty K. K. Op. cit. Pl. 56.

[19] Barua B. M. Op. cit. P. 108.

[20] Эти строфы повторяются в нескольких джатаках о слонах, в том числе и в 514-й Чхадданта-джатаке. Цит. по: Джатака о слоновьем царе // Джатаки: избр. рассказы о прошлых жизнях Будды / пер. с пали А. Парибок, В. Эрман. СПб., 2003. С. 173–174.

[21] Этот рельеф находится в собрании Музея Виктории и Альберта в Лондоне. Изобр. см.: Barua B. M. Op. cit. Fig. 61.

[22] Ibid. Fig. 65.

[23] Баханги – шест, на концах которого привязаны веревки для закрепления груза. Используется для ношения на плече тяжестей.

[24] Чаури – опахало или мухобойка, состоящая из ручки и ячьего хвоста. Чаури обычно держали над головой правителя.

[25] Barua B. M. Op. cit. P. 108–109.

[26] Coomaraswamy A. K. Op. cit. P. 27–28.

[27] Barua B. M. Op. cit. P. 109.

[28] Чандакиннари – киннари по имени Чанда. Киннари в Индии называли небесных сладкоголосых деви с ликом девушки и крупом кобылицы.

[29] Sinha C. R. Op. cit. P. 54.

[30] Ansari A. Q. Op. cit. P. 75.

[31] Barua B. M. Op. cit. Fig. 65.

[32] Ibid. P. 109.

[33] Coomaraswamy A. K. Op. cit. P. 33.

[34] Barua B. M. Op. cit. P. 109.

[35] Ibid. Fig. 65.

[36] Ibid. P. 110.

[37] Ibid. Fig. 66a.

[38] Coomaraswamy A. K. Op. cit. P. 26.

[39] Ibid. Fig. 66b.

[40] Ibid. Fig. 66c.

[41] Ansari A. Q. Op. cit. P. 77.

[42] Coomaraswamy A. K. Op. cit. P. 51.

[43] Barua B. M. Op. cit. P. 111.

[44] Ibid. P. 31.

[45] Ibid. P. 111.

[46] Ansari A. Op. cit. P. 77.

ФИЛОСОФИЯ • СОЦИОЛОГИЯ

Philosophy • Sociology

УДК 117:930.85

А. А. Ледебев

Материальное и материя в культуре и природе: различие и взаимосвязь

Представление о материализме во взглядах на историю, культуру, общество определяет сущность современного философского материализма. Необходимо разграничить понятие физической и философской материи, философскую категорию материального.

Ключевые слова: материальное, материя, идеальное, культура, социальная философия, философская категория, социально-культурная реальность, общество

Anatoly A. Lebedev

Material and Matter in the culture and nature: the distinction and relationship

The concept of materialism views on history, culture, society determines the nature of the modern philosophical materialism. Necessary distinguish between the concept of physical and philosophical materia, philosophical category of material.

Keywords: material, materia, the ideal, culture, social philosophy, philosophical category, social and cultural reality, society

Представление о материализме во взглядах на историю, культуру, общество определяет сущность современного философского материализма. Но проблема сущности материалистического метода в науках о культуре еще далека от решения и продолжает обсуждаться. Показателен в этом отношении сборник статей «Проблема материализма в социальной философии»[1], который разграничен на две части: первая – PRO объединяет сторонников материализма, вторая – CONTRA его противников. Представляется, что авторы обеих частей исходят из упрощенных и устаревших представлений о современном материализме. Отметим, что, в свою очередь, от понимания сущности материализма зависит и трактовка идеализма как его противоположности.

Следует учитывать, что в процессе применения к социально-культурной реальности (СКР) философский материализм качественно изменился. Поэтому одно из решений проблемы заключается в том, чтобы раскрыть, показать такое отличие социально-культурного материализма (СКМ) от предшествующего натуралистического. Такое отличие вытекает из того, что СКМ имеет дело с людьми как **субъектами**, а также с **продуктами и результатами** их деятельности. Природа же в виде **объектов** всегда остается только **условием** деятельности людей, причем лишь познавательной. Классический философский, т. е. домарксистский материализм формировался в ходе рассмотрения главным образом природы и процесса ее познания.

Для материализма природа в целом априори является материальной в философском смысле, а полученные о ней знания – идеальными. Культура и общество как продукты деятельности людей включают идеальные и материальные в философском смысле составляющие. Поэтому встает вопрос о способах, путях определения идеальности или материальности продуктов деятельности людей. Этот вопрос, в свою очередь, требует рассмотрения взаимоотношения категорий «материальное» и «материя», места и роли каждой из них в современном философском материализме.

Большинство современных отечественных авторов ошибочно продолжает считать именно категорию «материя» наиболее общей в современном материализме. В частности, считается, что «в общефилософском плане материализм означает признание первенства материи по отношению к идеальному, к духу. Идеальное рассматривается как свойство высокоорганизованной материи»[2]. Ошибка углубляется, когда такое представление распространяется на историю, культуру, общество, т. е. на материализм «вверху».

Авторы в целом принимают тезис, что собственной или исходной материальностью в философском смысле обладает только материя. Правда, используется и категория «материальное». При этом «постулируется противоположность материального и идеального, но идеальное также трактуется как зависимое от материи»[3]. Получается своеобразный редукционизм, поскольку все другие элементы действительности свою материальность могут получить только от материи, являясь ее продолжением. Сознание, дух, идеальное для определения ма-

териальности в этом случае становятся ненужными. Как следствие, философская категория «материальное» становится вторичной, производной от материи. Отметим, что **исторически** категория «материальное» действительно ведет свое происхождение от материи во всех ее значениях. Но со второй половины XIX в. **логически** наиболее общей и глубокой становится категория «материальное». При этом категория «материя» не отбрасывается, а, фиксируя лишь природно-материальное, в свою очередь, становится логически подчиненной категории «материальное». В современном материализме категории «материальное» и «материя» связаны родовидовыми отношениями. Можно видеть, что и в философии действует общенаучный принцип соответствия.

Тем самым на первый план выдвигается вопрос о понимании материи как категории в новой философской парадигме. В сборнике есть статья, специально посвященная материи, ее онтологической и гносеологической трактовке. Здесь же необходимо выяснить, каким фактическим содержанием наполнена категории «материя» и «материальное» в статьях именно по социальной философии. В явной форме такое содержание не высказано. Приведем несколько фрагментов для выявления такого содержания: «в основе материалистического метода лежит идея производственных отношений, поскольку они материальны, т. е. зависят, в конечном счете, от техники, а не от сознания»[4]; «Производство материальных средств производства и материальных предметов потребления определяет все другие сферы и уровни социальной жизни»[5]. Из приведенных выдержек следует, что материальность **фактически** отождествляется с **вещественностью**. Техника вещественна, и зависимость от нее производственных отношений якобы определяет их материальность. Но подобные представления о материи и материальности принадлежат натуралистическому материализму XIX в. Даже наука отказалась от подобных взглядов и включает в физическую материю невещественные гравитационное и электромагнитное поля. И хотя Л. Уайт отводит решающую роль в развитии культуры уже производству энергии, это не может служить основанием заявлять, что «в этом заключается материалистическое кредо американского культуролога»[6].

Авторы сборника никак не могут оторваться от материи, причем не только как философской категории, но и как физической материи. Между тем уже Вл. Соловьев отметил, что философия «не может остановиться на веществе естествоиспытателей с его молекулами и атомами»[7]. Было уже показано, что следует четко разграничивать: 1) материю как понятие естественных наук, как физическую материю; 2) материю как философскую категорию; 3) философскую категорию «материальное»[8]. При этом, повторим, материя как философская категория относится только к природе, фиксирует лишь природно-материальное, в силу чего становится частным случаем наиболее общей для современного философского материализма категории «материальное». От природно-материального социально-материальное качественно отличается, в частности, тем, что является продуктом деятельности людей.

Показательно, что отдельные авторы сборника, по крайней мере, в формулировках, вынужденно делают главной категорию «материальное», когда пишут: «Таким образом, материальное выступает ведущей стороной противоречия по отношению к конкретному, т. е. является первичным и не зависимым от конкретного». И далее автор выступает против смешения «понятий абстрактно-материального и конкретно-материального»[9].

Но догма о материи как общефилософской категории не отпускает. Более того, автор признается, что он стремится в содержании материи как философской категории сохранить почти все онтологическое содержание материи, фактически физической материи как понятия естествознания. Такое стремление подкрепляется приводимыми фактами физики и космологии. Содержание физической материи и предстает как «конкретно-материальное». Отметим неправомерность указанного выше стремления, поскольку переход от материи естествознания, от физической материи к философской категории «материя» опосредован понятием объективная реальность. Такая опосредованность устраняет остатки вещественности, любого конкретного физического содержания в материи как философской категории. Весьма желательно в философской литературе использовать именно термин «физическая материя», когда речь идет об изучении явлений и объектов природы.

Что же касается определенных общественных отношений, то их материальность тем более никак не связана с какой-либо вещественностью. Применение философского материализма к социально-культурной реальности (СКР) изменяет его содержание и даже сущность, а не только форму.

Абстрактно-материальное в статье сборника означает «существование объекта, предмета, мира и т. д. …когда в онтологическом аспекте объект рассматривается лишь с точки зрения его существования, он выступает как абстракт-

ный, а когда – с точки зрения его изменения, движения и развития – как конкретный. Мир неразличим по абстрактности существования»[10]. Но мир неоднороден. Он разграничивается на социально-культурную реальность и природу, которые очень даже различаются «по абстрактности существования». Объекты природы **уже существуют** без какого-либо содействия со стороны людей. Продукты деятельности людей образуют социально-культурную реальность, которая самостоятельно без людей и вне людей **не существует**. Речь в первую очередь идет об общественных отношениях и учреждениях, которые являются **продуктами**, **результатами практической деятельности** людей. Эти продукты создаются, воспроизводятся, уничтожаются людьми, возникают или исчезают в результате такой деятельности. Такие продукты сначала создаются, возникают, даже исчезают, и лишь после этого становятся предметом изучения, познания. В этом заключается одно из отличий СКР от объектов природы. Чтобы подчеркнуть и закрепить такое отличие в специальной философской литературе, следует отказаться от использования термина «объект» применительно к элементам СКР. Особенно это относится к субъектам различного рода и масштаба. Тем более, что термин и понятие «продукт» больше соответствует постиндустриальному духу.

Вопрос о материальности или идеальности таких продуктов, как правило, не может быть решен до их создания или возникновения. Решается этот один из основных вопросов в ходе рассмотрения, анализа **практической** деятельности, а не познавательной как теоретической. Этот вопрос принадлежит ведению **праксиологии**, а не гносеологии, даже социальной. Соответственно рассматривается **практическое сознание**, которое включает цели, проекты, планы, мотивы и т. п. и обязательно волю. Такие идеальные образования **предшествуют** конкретным получаемым результатам и продуктам. СКР не может существовать и не существует без идеального, поскольку при ее создании и уничтожении люди всегда руководствуются какими-либо целями, мотивами и т. п. Свойство материальности определяется только по отношению к идеальному, прежде всего, сознанию и общественному сознанию в его различных типах. Поэтому неправы те, кто «рассматривает общество как материальную систему». Общество и культура являются дуальными системами, поскольку включают не только материальные, но также идеальные подсистемы в виде различных видов идеального-практического и познавательного сознания, надстройки.

Но и в этом случае надо исходить из того, что «задача универсального материалистического решения основного вопроса философии решается только с помощью признака независимости от сознания»[11]. При этом в СКР этот вопрос решается на конкретном материале, в первую очередь, практического сознания. Это означает, что материальность продуктов и результатов определяется только по независимости их возникновения от точно зафиксированных целей, проектов, мотивов и т. п. А, следовательно, надо точно устанавливать эти цели и проекты такими, какими они были еще до начала деятельности. Материальность в СКР не может быть установлена априори. Впрочем, последнее относится и к конкретным объектам природы.

При рассмотрении взаимоотношения идеального и материального в СКР важную роль выполняет разграничение сущности и существования. Без реализации целей как идеального в СКР материальное возникнуть и воспроизводиться, а, следовательно, существовать не может. Другими словами, **существование** материального в СКР зависит от идеального, так как без реализации конкретных целей данное материальное не появилось бы. Но **сущность** материального в СКР не зависит от этих конкретных целей. Для сравнения, материальность объектов природы включает независимость от сознания, как их сущности, так и существования. Можно видеть, что наличие идеального является обязательным условием существования и определения философской материальности. Идеальность или материальность являются атрибутивными или сущностными свойствами различных сфер и сторон действительности. Обе категории равнозначимы, равноправны, поскольку свойство материальности конституируется, выявляется лишь в сопоставлении с идеальным и наоборот. К этой идее близок, например, В. Л. Обухов, который отстаивает «философское направление, признающее равнозначность материальной и духовной составляющих мира»[12].

Получается, что природа начала приобретать атрибут материальности по мере возникновения, формирования и развития сознания, человеческого духа и культуры. Разумеется, что **физическая** материя во всех ее разновидностях существовала до возникновения человеческого духа, предшествовала ему. Например, принято считать, что темная материя начала существовать с первых секунд после Большого Взрыва. Вместе с возникновением сознания она приобрела абстрактную материальность, но лишь после ее открытия, т. е. признания объективной реальностью по отношению к сознанию человечества можно говорить о полноценной философской материальности темной материи.

В современном материализме онтология и гносеология природы должны учитывать решения СКМ. Люди уже давно живут в окружающей среде, а не в природе. В такой среде сочетаются и переплетаются между собой элементы и процессы естественной природы и созданного человеком искусственного предметно-знакового мира культуры, которые необходимо разграничивать. Наглядно сегодня такая проблема решается при выяснении причин глобального потепления. Но нередко результаты деятельности далеких предшествующих поколений людей на поверхности Земли потомки принимают за чисто природные явления. Поэтому все чаще еще перед началом изучения конкретной, прежде всего земной, системы необходимо предварительно выявлять: какие ее элементы, свойства или система в целом являются естественно-природными, а какие искусственными, антропогенными, т. е. созданы человечеством? Можно назвать это «**исходным культурологическим вопросом**». Решается этот вопрос в ходе рассмотрения продуктов и результатов практической деятельности людей в целом. Затем в ходе выявления роли практического сознания в создании, воспроизводстве или уничтожении; возникновении, сохранении или исчезновении объектов и продуктов решается **основной праксиологический вопрос** философии. Поэтому одной из ключевых дисциплин современного материализма становится праксиология, а не гносеология и даже не аксиология. Тем самым в современной философии решение праксиологических вопросов в ряде случаев предваряет решение гносеологических вопросов. Поскольку природа не создана людьми, постольку при ее философском рассмотрении достаточно решения гносеологического вопроса. Точнее, для того чтобы установить, не является ли открытый или предполагаемый объект природы на самом деле всего лишь идеальным образованием, достаточно рассмотрения процесса познания.

Разграничение продуктов, результатов, их элементов, свойств и т. п. на идеальные и материальные в онтологическом смысле необходимо в силу неодинаковости методов познания идеальных и материальных в философском смысле продуктов и результатов деятельности людей. Схематизируя, можно сказать, что при изучении материальных продуктов надо выявлять степень их отличия от поставленных целей. При рассмотрении идеальных продуктов выявляется степень их совпадения с замыслами. Или, перефразируя изречение В. Дильтея: материальное мы объясняем, а идеальное в первую очередь понимаем.

Ограниченность устаревших представлений о философском материализме имеет разные последствия. Отождествление материальности с вещественностью ведет к неверному выводу, что всегда «информация – это не материальный, а идеальный ресурс». Информация, действительно, невещественна, и не вид энергии, как отмечал еще Н. Винер. Но в природе информационные процессы материальны в философском смысле, поскольку происходят независимо от сознания людей и не могут произвольно направляться живыми организмами. В культуре и обществе информация становится идеальной, превращается в знания, в цели, носителями которых являются знаковые системы. Хотя нельзя исключать, что в СКР есть независимые от людей информационные процессы[13]. Для исключения двусмысленности и ошибочного понимания в специальной, профессиональной философской литературе надо полностью отказаться от использования термина «материальное» в качестве синонима слов вещественное, телесное, физическое.

Недооценка значения разграничения объективности и материальности в СКР выражается в рассмотрении «производственных отношений как отношений объективных, материальных. Их объективность обусловлена зависимостью от производительных сил, от орудий и средств труда, от техники в конечном счете»[14]. Объективным в философии является то, что существует **вне** сознания субъекта или просто **вне** субъекта. Тем самым предмет объективности и его объем зависят от того, кто является субъектом. Для врача-психиатра бред больного является объективной реальностью, хотя онтологически бред есть идеальное. Самолеты объективны для почти всех пассажиров. Но конструкции этих самолетов появились сначала в головах их изобретателей и разработчиков. Конструкторы являются представителями человечества как совокупности всех людей. И в этом смысле самолеты не существуют вне сознания человечества и вообще вне людей. Поэтому по отношению к человечеству в целом самолеты и т. п. не являются объективной реальность. Вот почему конкретные элементы конструкции самолетов можно также включить в группу идеальных продуктов. Только природа по отношению ко всем людям является объективной реальностью, которая существует независимо от любого сознания и в философии обозначается категорией «материя».

Скрытый натурализм прежнего материализма выражается в абсолютизации отношения **зависимости**, что видно и в приведенном выше фрагменте. Современный материализм

на первый план выдвигает отношение **независимости**, которое и позволяет вскрыть, показать материальность части продуктов или их свойств.

Материализм во взглядах на общество формировался в ходе изучения возникновения и развития капиталистических рыночных товарно-денежных, т. е. экономических отношений. Возникают новые вопросы: складываются ли материальные в философском смысле отношения в других жизненно важных сферах деятельности людей, прежде всего, при обеспечении безопасности? Какова взаимосвязь категории «материальное» с непредвидимыми и побочными продуктами деятельности людей?

Примечания

[1] Проблема материализма в социальной философии: сб. ст., посвящ. 70-летию проф. СПбГУ П. Н. Хмылева / отв. ред. В. М. Лукин. СПб., 2008. 162 с.

[2] Лукин В. М. Может ли материализм объяснить сущность информационного общества? // Проблема материализма в социальной философии. СПб., 2008. С. 4. См. также: Лебедев А. А. «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленина: интерпретация и (не)понимание потомками: к 100-летию публикации // Современные проблемы межкультурных коммуникаций: сб. ст. СПб.: Изд-во СПГУКИ. 2010. Вып. 4: Восток-Запад. С. 54–61. (Труды; т. 190).

[3] Лукин В. М. Указ. соч.

[4] Хмылев П. Н. Проблема материализма в социальной философии // Проблема материализма в социальной философии. СПб., 2008. С. 13.

[5] Лукин В. М. Указ соч. С. 4.

[6] Лукин В. М. Материалистическая концепция эволюции человеческого общества Лесли Уайта // Проблема материализма в социальной философии. С. 51.

[7] Соловьев Вл. Материя // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1896. Т. 18. С. 729.

[8] См.: Лебедев А. А. Герменевтический аспект категории «социально-материальное» // Современные проблемы межкультурных коммуникаций: сб. ст. СПб., 2005. С. 156–162. (Тр. СПбГУКИ; т. 163).

[9] Назаров А. Э. Методологическое значение онтологической концепции материи // Проблема материализма в социальной философии. СПб., 2008. С. 102.

[10] Там же. С. 100.

[11] Петров Ю. А. Рец. на кн.: Главные философские труды В. И. Ленина. М., 1987 // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 1989. № 1. С. 93.

[12] Реалистическая философия: учеб. / под ред. В. Л. Обухова, В. П. Сальникова. СПб., 1999. С. 39.

[13] См.: Соколов А. В. Философия информации. СПб.: СПбГУКИ, 2010. С. 61–62.

[14] Хмылев П. Н. Указ. соч. С. 12.

УДК 1(091)(=161.1)

К. С. Пигров

Одиночество Василия Розанова: вечное и плодоносное

Причины неоднозначности рассмотрения личности и творчества В. В. Розанова, своеобразии его религиозной философии и политических взглядов. В. В. Розанов – это интимность, сократическая ирония и вместе с тем трагическая улыбка «фельетонной эпохи».

Ключевые слова: русская философская мысль, постмодернизм, религиозно-философская мысль, научное знание, православие, «фельетонная эпоха»

Konstantin S. Pigrov

Loneliness Vasily Rozanov: eternal and fruit

The reasons for the ambiguity of the consideration of personality and creativity of V. V. Rozanov, originality of his religious philosophy and political views. V. V. Rozanov is the intimacy, Socratic irony, and at the same time, tragic smile of «feuilletonistic era».

Keywords: Russian philosophical thought, postmodernism, religious and philosophical thought, scientific knowledge, orthodoxy, «feuilleton era»

> Он был до такой степени не в ряд других людей, до такой степени стоял не между ними, а около них, что его скорее можно назвать явлением, а не человеком.
>
> З. Гиппиус

Писать о В. В. Розанове весьма сложно, но и совершенно необходимо. Не писать о нем просто невозможно, поэтому о нем и написано очень много. Но как-то Розанов не включается в тезаурус русской философской мысли, не включается в систему российского философского образования. О нем можно сказать то, что Г. С. Сковорода сказал о себе: «Мир ловил меня, но не поймал».

Я, скажем, не могу себе представить, чтобы систематическое обучение на философском факультете обошлось без Сократа и Канта. А без Розанова такое обучение я могу себе представить легко. Более того, мне кажется, что без Розанова многие деканы философских факультетов вздохнули бы с облегчением. – **Розанов мешает! Он какой-то антипедагогичный, неправильный. И как изучать Розанова?!** – Все эти его сомнительные рассуждения о «женственности», о «микве», о евреях, о тайне пола… О чем спрашивать на экзамене?!

Писать о Розанове весьма **сложно** потому, что стиль его сочинений совершенно не укладывается в так называемые «академические рамки»; при поверхностном чтении он не производит впечатления «серьезного» мыслителя, которого, тем более, следует «изучать в высшей школе». Розанов – мистик, он «весь в хаосе, в минутах, в переживаниях, в проблесках. Все его книги точно дневник» (Г. Флоровский). Заговор молчания о Розанове в советский период, когда его только огульно хулили причем «сквозь зубы» но совершенно не издавали, этот заговор молчания не мог, естественно, создать традицию представления его учащимся в школе.

Говорить о Розанове в школьном учебном пособии в то же время **необходимо** потому, что Розанов, как теперь становится все более очевидным, обозначил принципиально новый этап в эволюции гуманистических идей. Прошло почти сто лет с года его смерти, и теперь мы можем осознать, что Розанов был по существу своеобразным предтечей того типа рассуждения о человеке, которое развилось гораздо позже, уже в 60–80-е гг. XX в., причем, в первую очередь, не в России, а первоначально в Западной Европе и Америке и было названо **постмодернистским**.

Розанова за тот переворот, который он обозначил в развитии русской религиозно-философской мысли, называли «русским Ницше» (Д. Мережковский), хотя он не только не стоял на близких к Ницше позициях, не только был по многим позициям ему противоположен, но и вообще вряд ли был знаком с трудами великого немца. М. К. Мамардашвили, один из наиболее ярких отечественных философов советского периода, как-то, выступая в конце восьмидесятых годов в ленинградском Доме ученых, сказал о той эпохе

русской культуры, который называется «серебряным веком»: «Много тогда было гениев, но был только один умный человек. Это – Василий Васильевич Розанов».

Биография Розанова несложна. Он родился в Ветлуге в бедной провинциальной семье. Детство его проходило в тяжелой обстановке. У него не было нормальной семьи, что, возможно, потом в зрелые годы заставило его особенно внимательно исследовать роль семейных отношений в жизни человека. Именно семья, где человек, с одной стороны, вполне вменяем и может принимать действительно ответственные решения, а с другой – прикасается не только к самым основам социального и даже космического, именно семья и представляет достойную арену человеческой деятельности, активности, его доблести и мужества. «Индивидуум прочнее общества, долговечнее, семья ближе к нему, она может еще стоять, а общество уже рухнуло». «Семья и личная совесть гибнут в истории последними» («Сумерки просвещения»).

По окончании гимназии Розанов поступает в Московский университет на филологический факультет и по выходе из него получает место преподавателя гимназии в глухом провинциальном городе. Статья Розанова «Сумерки просвещения», где он едко и зло характеризовал состояние учебных заведений, вызвала репрессии против ее автора, которому оказалось невозможным совмещать преподавание и свободное писательство. Благодаря хлопотам видного в то время философа Н. Н. Страхова, Розанов получил место в Петербурге в Государственном контроле. Публицистика доставила Розанову известность и материальное благосостояние. В годы революции 1917 г. Розанов оказался в Сергиевом Посаде и здесь в страшной нищете и голоде умер.

Философское движение Розанова своеобразно. Поначалу он хотел быть «академическим» философом и написал толстый том в 737 страниц под названием «О понимании» (1886). Здесь Розанов выступал как рационалист кантовского толка, стремился найти принцип, обеспечивающий цельность всего научного знания. Такой принцип – это понимание. В отличие от эмпирического знания, понимание представляет собой деятельность разума. Эта книга, однако, оказалась неудачей. Он сам ее не любил. Ее не заметили в свое время, а сегодня ее переиздают не столько потому, что она сама по себе хороша или особенно важна, а просто потому, что Розанов как своеобразный философско-религиозный мыслитель создал после нее много другого, не только действительно важного, но и решающим образом выразившего суть того крестного пути, который прошел российский человек за XX в. Сам Розанов считал, что лучшая его книга «Уединенное», написанная так просто и читающаяся так легко, что ее поймут даже дети малые.

Розанова заметили в российской интеллектуальной элите после книги «Легенда о Великом инквизиторе» (1891). Под влиянием идей К. Леонтьева Розанов видел человека как мистический узел – сложный мир задатков и потенций человека. Этот узел не постигается с помощью науки, а схватывается только религией. Потребность **поклонения** – мистическое свойство человека, и религия поэтому вечная функция сознания. Глубокая религиозность есть одна из высших ценностей человеческой жизни, без которой человек не полон. «Человек религиозный более просвещен, чем человек нерелигиозный. Религиозный знает кто он, для чего рожден» («Сумерки просвещения»).

Всякое отношение к миру должно быть религиозным. Секрет успеха книги «Легенда о Великом инквизиторе» был не только в том, что его философия приняла гораздо более органичную для Розанова публицистическую форму, не только в том, что «Великий инквизитор» продолжал русскую традицию философствования, сближавшую философию и литературу (Розанов обнаружил свою глубинную близость к поздним славянофилам, к Достоевскому и Вл. Соловьеву). Главное было в совершенно новом осмыслении фундаментальной богословской проблематики, прежде всего фигуры Христа.

Собственно, европейский гуманизм всегда питался идеей Христа. Более того, сама идея гуманизма в известном смысле есть ключевая для христианства, осмыслившего роль Христа как **посредника** между непостижимым, немыслимым Богом как Абсолютом и прозой, грязью и мелочами земной жизни. Христос в европейской культуре, подобно зеркалу, проходя через века, выражал в каждую эпоху самое глубинное в понимании человека, живущего на грани двух миров, мира горнего и мира дольнего.

Как религиозный мыслитель Розанов прошел несколько этапов. Сначала, на первом этапе, он всецело принадлежит православию. Он резко критикует Запад; западное христианство представляется ему «далеким от мира», «антимиром» («Религия и культура», 1901). В православии «все светлее и радост-

нее». В свете православия христианство представляется как «полная веселость, удивительная легкость духа – никакого уныния, ничего тяжелого».

На втором этапе своего развития Розанов начинает скептически относиться ко всему «историческому христианству», как западному, так и восточному: «Глубин христианства **никто еще не постиг**». Розанов одним из первых выдвинул тезис о «достоинстве христианства и недостоинстве христиан», подхваченный впоследствии Н. А. Бердяевым. Розанов противопоставляет Голгофу как «поклонение смерти» Вифлеему во имя Вифлеема как символа жизни и рождения. Проблема семьи становится в центр его богословских и философских размышлений. И в связи с этим христианство отходит на второй план, чтобы уступить место «религии Отца», Ветхому Завету.

И, в конечном счете, Розанов приходит к предпочтению Ветхого Завета Новому. Новый Завет – Евангелие – холодная, рационалистическая книга, где не поют (так же как и Герцен не пел, за всю жизнь не сложил и двух стихотворных строчек). И это не могло не вести к принижению Христа.

«Дух дышит, где хочет». Для Розанова божественное начало обнаруживается в быту, в бытовых религиозных обрядах, в «волненьях повседневности прекрасной», как назовет быт впоследствии В. Набоков. Бог Розанова, представая как обнаружение внутреннего опыта человеческой персональности, в конечном счете черпает свою силу именно в повседневности, в обыденности, в том самом быте, который был так унижен начиная, по крайней мере, с эпохи Просвещения. Церковь, говорит Розанов, – «одно в мире теплое, самое теплое на земле». Уютность, домашность Бога, религии и церкви – сквозная тема Розанова: «Бог есть самое „теплое“ для меня». И отсюда совершенно иная религиозность Розанова. Это не религиозность как исполнение некоего холодного и мучительного долга, но как самое органичное, самое человечное человеческое бытие. «В конце концов Бог – моя жизнь». «Я только живу для Него, через Него. Вне Бога – меня нет». Он жил в Боге, как живут в домашнем уюте. «Владимир Соловьев думал о Боге, Толстой учил, Розанов „жил в Боге“» (К. В. Мочульский).

Противопоставление бытового религиозного сознания, с одной стороны, и метафизически и богословски обоснованной веры, с другой, чаще всего заканчивалось тем, что мыслители все-таки склонялись к необходимости теоретически фундированной религиозной веры. Розанов, напротив, с метафизическими основаниями бытия Бога уравнивает бытовое православие. Он показывает значимость того повседневного в религии, которым многие склонны были пренебрегать. В мае 1918 г., в голоде и нищете, когда жить ему оставалось меньше года, Розанов записывает в Сергиевом Посаде: «Только что простоял „со свечечками“. И опять пережил умиление».

Для Розанова человек, человеческая природа, человеческое бытие были не столько «проблемой», нуждающейся в разрешении или разгадке, сколько «методом» решения всех коренных философских проблем. В таком подходе его можно представить как последователя древнегреческого философа Протагора, утверждавшего, что «человек есть мера всех вещей». Но у Розанова речь идет не о каком-то абстрактном человеке вообще, как ставил вопрос сам Протагор, как мыслили гуманисты эпохи Возрождения, а в Новое время – просветители. «Розановский человек» – известный ему неизмеримо лучше всех других – сам автор, Василий Васильевич Розанов: с одной стороны, Розанов во всей бесконечной своей «одной-единственности» и случайностности, и в то же время, с другой стороны, – Розанов во всей своей тотальности, всеобщности, универсальности его самого, «одного-единственного». Он в конце концов рассказывает только о себе, но рассказывает так, что высвечивается вся суть человечности, человечества и всемирной человеческой истории. **Интимность** – вот ключевое слово, характеризующее особенность философствования Розанова: «В сущности, вполне метафизично: „самое интимное отдаю всем“…».

Самое интимное в конечном счете оказывается наиболее важным, общезначимым, самым прочным: «Нежная-то идея и переживет железные идеи. Порвутся рельсы. Поломаются машины. А что человеку „плачется“ при одной угрозе „вечною разлукою“ – это никогда не порвется, не истощится. Верьте, люди, в нежные идеи. Бросьте железо: оно – паутина. Истинное железо – слезы, вздохи и тоска». Он сам пытался понять и высказать, что нового есть в его главном произведении «Уединенное»: «Новое – тон… манускриптов, до Гутенберга, для себя. Ведь в средних веках не писали для публики, потому что прежде всего не издавали. И средневековая литература во многих отношениях была прекрасна, сильна, трогательна и глубоко плодоносна в своей невидности» («Опавшие листья. Короб первый»).

Здесь вопрос о стиле философствования

перетекает в совершенно иное, непривычное для новоевропейского человека видение европейского исторического процесса. Речь идет о фундаментальном оправдании средневековья вообще. Это вовсе не «темные времена», где человек был подавлен церковью, крепостничеством и т. п. Именно «великое самоограничение человека, тянувшееся десять веков, дало между XIV и XVI в. нашей эры весь цвет так называемого Возрождения… Средние века были великим кладохранилищем сил человеческих: в их аскетизме, в их отречении человека от себя; в презрении его к красоте своей, к силам своим, к уму своему – эти силы, это сердце, ум были сбережены до времени. Эпоха Возрождения была эпохой открытия этого клада… В этом великом тысячелетнем молчании душа человека созрела» («Декаденты», 1904).

Интимность розановской стилистики философствования, таким образом, вовсе не его «открытие», но давняя, хотя и во многом забытая традиция практического философствования. Природа розановского письма состоит в том, что сам этот процесс для него осознанная физиологическая потребность. Процесс писания – сама его жизнь. Он записывает везде: на улице, в вагоне, в редакции, на извозчике, в уборной, в постели ночью. Он пишет на всем: на клочке бумаги, на обороте транспаранта, на конверте полученного письма. Розанов обречен на постоянное письменное «выговаривание» своей жизни, что доставляет ему радость, но радость мучительную. Он терзается своим безволием перед непреодолимой потребностью все вынести напоказ, «на площадь», хотя, как он говорит про себя, «в душе моей вечно стоял монастырь».

Все эти особенности произведений Розанова, к сожалению, делают их, по существу, непереводимыми на другие языки. (Впрочем, на все языки мира он переводится.) Значительность и сам смысл его работ неуловимо ускользают в переводе. Это затрудняет воздействие Розанова на мировую философию. Перед нами судьба многих русских мыслителей, таких, например, как М. Салтыков-Щедрин, А. Платонов, и только ли русских?! Непереводимость Розанова существенна и для процессов, происходящих в самой русской культуре; ведь мы, увы, готовы прислушиваться только к тем авторам, которые, подобно М. М. Бахтину и Ф. М. Достоевскому, получили признание на Западе, т. е. оказались «переводимыми».

Из той особенности философии Розанова, коренящейся в предельной индивидуальности и субъективности, вытекает ее принципиальная фрагментарность, незавершенность, свободное движение не только между разными жанрами философского творчества, но и между журналистикой, литературой, философией, литературоведением.

Отсюда же вытекает и его существование вне политических партий и политических пристрастий. Современников раздражало, что Розанов сотрудничает как в «правых», так и «левых» изданиях, зачастую высказывая противоречащие друг другу тезисы. Им казалось, что он «беспринципен», «продажен» и т. д. За такую «позицию» П. Б. Струве предлагал «исключить Розанова из литературы»[1]. В. И. Ленин относил Розанова к числу «известных своей реакционностью (и своей готовностью быть прислужником правительства) писателей». Мнение Л. Д. Троцкого (1922) еще более уничтожающее: «Червеобразный человек и писатель: извивающийся, скользкий, липкий, укорачивается и растягивается по мере нужды». Сегодняшний взгляд на эту способность Розанова разыгрывать самые разные роли, как «левые», так и «правые», скорей в такой «театральности» обнаруживает его способность возвыситься над «злобой дня сего». Розанов действительно «двусмысленен», «протеистичен», он – «двуликий Янус», он колеблется между противоположными взаимоисключающими точками зрения на те вопросы, которые жгуче его волнуют: быт, христианство, иудаизм, пол, судьба России и т. п. Он не ставит точек над «i». Он убежден, что нет рационально выводимой окончательной истины. У него «множество сердец», и ему мало одной единственной точки зрения на предмет.

Что же касается политики, то такая ли уж доблесть быть активным в политическом отношении? «Я боюсь, что правительство когда-нибудь догадается вместо „всех свобод“ поставить густые ряды столов с „беломорскою семгою“. „Большинство голосов“ придет, придет „равное, тайное, всеобщее голосование“. Откушают. Поблагодарят. И я не знаю, удобно ли будет после „благодарности“ требовать чего-нибудь» («Опавшие листья. Короб первый»).

Демократия, говорит Розанов, имеет под собой одно право, проистекающее из голода. «Если демократия начнет морализировать и философствовать, то она обращается в мошенничество» («Опавшие листья. Короб второй»). Поэтому и «революция сложена из двух пластинок: нижняя и настоящая… горечь, злоба, нужда, зависть, отчаяние. Это чернота,

демократия. Верхняя пластинка золотая: это сибариты, обеспеченные и не делающие, гуляющие… Но они чем-то „на прогулках" были уязвлены» («Опавшие листья. Короб первый»)[2].

И прогноз, данный как бы между прочим, в начале XX в., прогноз, который полностью оправдался в начале XXI в.: «Социализм пройдет как дисгармония. Всякая дисгармония пройдет. А социализм – буря, дождь, ветер… Взойдет солнышко и осушит все. И будут говорить как о высохшей росе: – Неужели он (соц.) был? И барабанил в окна град: братство, равенство, свобода?» («Опавшие листья. Короб первый»).

У Розанова мы получаем урок фундаментальной относительности всей этой политической суеты, разделения на «правых» и «левых», на фракции, партии и т. п. Чаще всего эта борьба, выглядящая как очень «серьезная» и «принципиальная», на самом деле просто обнаруживает честолюбивые амбиции политиков, прикрываемые «интересами народа», «прогресса».

Розанов – это трагическая улыбка «фельетонной эпохи». Предельная искренность и обнаженность в высказывании самого сокровенного о себе в то же время сплетаются у Розанова с озорством и мистификацией. «Я прежде всего не исповедуюсь», – заявляет он о себе в одном из самых интимных своих произведений. Розанов рассказывает о себе как о человеке языком не выспренним и темным, – не языком надменного немецкого профессора, а цедит меткие словечки попросту, с хитроватым прищуром русского мужичка. Смех, явный или скрытый, витает над его произведениями. Сократическая ирония неискоренима в нем. Она не могла быть уничтожена серьезными минами самодовольных немецких профессоров философии, изрекавших с кафедры, подобно Гегелю, «истины в последней инстанции». Трагическая улыбка философа, проистекающая из принципиальной несопоставимости Абсолюта, с одной стороны, и повседневной жизненной суеты, с другой, органически присуща Розанову. В этой трагической улыбке некоторая потаенная правда подлинного гуманизма: «каждый человек заслуживает только жалости».

Розанов всецело принадлежит к «фельетонной эпохе», так презрительно уничтожавшейся О. Шпенглером и вслед за ним Г. Гессе. Он оправдывает своим творчеством жанр **фельетона** как своеобразного философского жанра в «срочной словесности», т. е. в журналистике. Он – «публицист с душой метафизика и мистика» – говорит о нем современный исследователь В. А. Фатеев. «Фельетонная эпоха» продолжается и сегодня в средствах массовой информации, и, вопреки проклятиям в ее адрес, набирает метафизическую силу в постмодернистском принципе «двойного кодирования», когда произведение, на первый взгляд, «легкое», общепонятное, в то же время внутри себя таит серьезное философское содержание. Хорошо это или плохо, но перед нами некоторая объективная закономерность современной духовной сферы, и Розанов обозначил это ее свойство еще сто лет назад, показав, как можно «философствовать фельетоном» (подобно тому как Ницше «философствовал молотом») в эпоху мировых войн и средств массовых коммуникаций.

Но, находясь в самой гуще «фельетонной эпохи», активно в ней участвуя, Розанов дистанцируется от нее. Критика в адрес «желтой прессы» начала XX в. оказывается поразительным образом критикой современной тирании телевидения: «Любят люди пожар. Любят цирк. Охоту. Даже когда кто-нибудь **тонет** – в сущности любят смотреть. Сбегаются… И литература сделалась мне противна» («Уединенное. Почти на праве рукописи», 1912). «Все писатели – рабы… своего читателя. Это все Мефистофель-Гутенберг устроил» («Опавшие листья. Короб второй»). Удивительно, как мысли М. Мак-Люэна, канадского мыслителя конца XX в., говорившего о печатном слове как о «Гутенберговой галактике» и, конечно, не читавшего Розанова, даже в своем образном строе совпадают с мыслями русского философа и публициста.

Розанов мыслит не столько рационально, сколько эмоционально: «**Боль** жизни могущественнее **интереса** к жизни». По поводу самой фундаментальной сути человеческого бытия Розанов знал не меньше, чем впоследствии М. Хайдеггер, но поведал об этом просто и понятно, скорей, языковым жестом и экспрессивным намеком, чем собственно отвлеченной логикой «строгих» философских понятий или хайдеггеровских экзистенциалов. Эта стилистика сближает Розанова с другим русским мудрецом, появившимся примерно через сто лет, уже в наше время – с Венедиктом Ерофеевым.

Розанов – патриот, но его патриотизм – это не патриотизм духового оркестра, а, так сказать, патриотизм, исполняемый на скрипке. Вслед за великим поэтом он может сказать: «Люблю отчизну я, но странною любовью».

«Счастливую и великую родину любить не велика вещь… Именно когда наша „мать"

пьяна, лжет, и вся запуталась в грехе, – вот мы и не должны отходить от нее» («Опавшие листья. Короб первый»).

Главный вопрос для русского патриота – это отношение к Западу. Розанов не питает никаких иллюзий в этом отношении: «Как дух – западничество ничто. Оно не имеет содержания. Но нельзя забывать практики, практического ведения дел. Всего этого „жидовства“ и „американизма“ в жизни, которые нужно целиком предоставить западникам, ибо они одни это умеют в России» («Опавшие листья. Короб первый»). И дальше, через несколько лет следует уж вообще эпатажная тирада. Это ни более ни менее как предложение «сдаться немцам»: «Ей-ей, под немцами нам будет лучше. Немцы наведут у нас порядок, – „как в Риге“. Устроят полицию, департаменты… Министерию заведут. Не будут брать взяток, – наконец-то… Мы научим их танцевать, музыканить и петь песни. Может быть, даже научим молиться» («Апокалипсис нашего времени»).

Мы «сдадимся» немцам, но «некогда Германия зальется русской вонью, русским болотом, русской мутью, русским кабаком… И отлично». («Опавшие листья. Короб второй»).

Самое главное «открытие», которое сделал Розанов в русской гуманистике («открытие», впрочем не такое уж и новое), было то, что он **частную жизнь поставил на первое место** по отношению с жизнью публичной. Сегодня этот тезис формулируется как приоритет интересов личности перед интересами государства. После русских декабристов, рахметовых, народников и т. п., которые едва ли не основным своим врагом выставляли русского обывателя, мещанина, для которого, мол, «своя хата с краю», Розанов эпатажно-торжественно заявил: «Народы, хотите ли, я вам скажу громовую истину? Частная жизнь выше всего». О себе он провозгласил: «Я – вечный Обломов». Судьба бережет тех, кого лишает славы, а тот, кто стремится к известности, подобен смешному и жалкому Добчинскому, для которого самое важное, чтобы о нем узнали в Петербурге. Бердяев назвал Розанова «гениальным обывателем». Историю делают именно обыватели: «Не Чацкий-Пестель, а Фамусов-Кутузов держит на плечах своих Россию, какая она ни есть».

Розанов писал о себе: «Люблю чай, люблю положить заплаточку на папиросу (где прорвалось). Люблю жену, свой сад (на даче)… Люблю покой… и закат вечера, и тихий вечерний звон».

Отсюда и негативное отношение к «социальному прогрессу», к «прогрессивным изменениям». Людям «нижнего яруса» весь этот «прогресс» не нужен. Тем, «которые во власти не участвуем и не хотим участвовать, которые любим стихи и звезды, микроскоп и нумизматику, – совершенно явно мы должны оставить все как есть и не становиться в оппозицию к настоящему королю во имя короля будущего, Желябова № 1… «Нам все равно». Т. е. успокоимся и будем делать свои дела» («Опавшие листья. Короб первый»).

Связывая с семьей, ставит Розанов и проблему образования. При всей своей «неакадемичности» Розанов, имевший значительный и действительно им осмысленный опыт преподавания в гимназии, глубоко понимал и сумел выразить самую суть образования, его драматические противоречия и решающую роль в человеческом бытии вообще. «Каждое время имеет ту школу, которой оно заслуживает», «не исцелишь школу, не исцелишься школой». Как современно звучит ирония Розанова: «представляется, что секрет улучшения школы состоит в отыскании наилучшей трафаретки». (Как тут ни вспомнить ЕГЭ!)

Розанов исходит из постулата, что «детский мир серьезнее мира взрослых – ребенок долен быть всегда серьезен».

Образование было осмыслено им не только и не столько как «формальное», даваемое в гимназии или университете, но и как главным образом «информальное», которое происходит в семье и в церкви. Из уст в уста, из глаз в глаза. «Семья сформировала ребенка, укрепила, дала ему веру и серьезность – остальное может сделать школа». Человек воспринимается художественно и религиозно в целом семьей и церковью, а государство и связанная с ней формальная школа «делит человека на части». Господство бюрократии, государства приводит к тому, что «школа и у нас, и на Западе бескультурна». «Школа стала интенсивно работающей фабрикой по производству человеческих душ. И все стало непоправимо». Тем не менее нужно удалить из школы чиновника, который создает «давящую бумажную отчетность у учителей». Вызывает осуждение Розанова «учитель без родины», без корней, учащийся в разных местах, эдакий «коммивояжер просвещения». Воспитывать следует бытовыми формами, без слов, без поучений, одним своим духом. Необходимо ограничить время обучения. Продолжительная школа – просто неумелая. Мужчин нужно прекращать учить в 20 лет, а женщин – в 15. (См. его работы, собранные в сборнике под названием «Сумерки просвещения», 1899).

* * *

Да, Розанов фундаментальным образом одинок. Молодой российский философ, студент философского факультета, пусть и не надеется, что Розанова ему преподадут в лекциях и семинарах. Это такая философская литература, которую по определению нужно читать из-под полы. Розанова можно обсудить только в доверительном разговоре с таким профессором, который может быть для тебя другом.

Но не потому ли Розанов одинок, что прямо ставит подлинно философские, самые главные вопросы, которые **по определению** не укладываются в рамки учебных программ? Не такова ли судьба также философа Блеза Паскаля, который и до сих пор «нежелательная и маргинальная фигура» в учебных философских курсах? Разумеется, гораздо легче изучать смертного противника Паскаля Вольтера. Но если Вольтер суетился по поверхности, то именно Блез Паскаль сказал может быть самые главные слова о человеческом бытии: «До чего мы нелепы с нашим желанием найти опору в себе подобных! Такие же ничтожные, такие же бессильные, как мы, они нам не помогут: в смертный свой час человек один. Значит, и жить ему надобно так, словно он один на свете. Но станет ли он тогда строить себе роскошные палаты и т. д. ? Нет, он сразу углубится в поиски истины. А не сделает этого, – что ж, значит, людское мнение для него дороже истины»[3].

Примечания

[1] И, заметим, где в русской литературе сам П. Б. Струве?! Просто забыт! И растущая значимость Розанова…

[2] Как тут ни вспомнить Болотную площадь 2012 года!

[3] Паскаль Б. Мысли / пер., послесл. и коммент. О. Хомы. М.: Refl-book, 1994.

УДК 1(091)(=161.1)

П. Б. Клевцов

Философское наследие русского космизма в контексте XXI в.

Философские идеи русского космизма сохраняют свое значение для человека XXI столетия. Победа над смертью и космическая экспансия вполне могут стать целями современной цивилизации. Тем не менее, идеи русского космизма все еще остаются для нас утопией.

Ключевые слова: космизм, смерть, бессмертие, время, пространство, утопия

Pavel B. Klevtsov

Philosophical heritage of Russian cosmism in the context of the 21st century

The philosophical ideas of Russian cosmism are still important for men in the 21st century. A victory over death and a space expansion would become goals of the modern civilization. On the other hand, the ideas of Russian cosmism still remain for us an utopia.

Keywords: cosmism, death, immortality, time, space, utopia

Цель данной статьи – коротко напомнить основные положения русского космизма (главным образом, философии Н. Ф. Федорова) и попытаться понять, насколько они актуальны сегодня в XXI в., какие философские аргументы можно привести «за» и «против» них.

Основатель русского космизма Николай Федорович Федоров (1828/1829–1903) занимает особое положение в истории отечественной мысли. С одной стороны, он явно оказывается вытесненным такими «хэдлайнерами», как В. С. Соловьев и Н. А. Бердяев, В. В. Розанов и Л. Шестов, имя Федорова не часто можно встретить в учебниках по истории русской философии. С другой – в некоторых интеллектуальных кругах интерес к Федорову огромен – например, в Интернете ссылок на него можно увидеть достаточно много (уж не говоря об официальном сайте его последователей www.nffedorov.ru, где пользователь сможет найти корректно выложенные труды самого Федорова и книги о нем). Эта амбивалентность статуса великого русского мыслителя в истории нашей культуры, в определенной степени, связана со специфическим образом мысли и жизни, который был ему присущ, в частности с тем, что желания напечатать свои тексты (а поначалу – даже писать их) у него почти не было. Но причина здесь, конечно, и в другом – в своеобразной «экстремальности» идей Федорова. Автор статьи на собственном преподавательском опыте знает, что изложение этих идей перед современной студенческой аудиторией всегда наталкивается на некоторый шок с ее стороны. Если философское наследие упомянутых выше В. С. Соловьева, Н. А. Бердяева и других, при всем своем интересе, достаточно абстрактно, то, в случае с Федоровым, мы имеем набор «безумных», но вполне практических проектов, которые в восприятии современного человека больше смахивают не на философию, а на сценарий фантастического блокбастера или триллера (например, на «Восставших из ада»).

Важнейшее философское достижение космизма в целом, и Федорова в частности, заключается не только в тех или иных конкретных идеях, но и в самом методе, в особом подходе к феномену человечества. Оно рассматривается как часть Вселенной, огромной космической реальности. Это и называется космизмом. Т. е. «угол зрения» на человечество, на его историю, на его проблемы и противоречия словно выносится за рамки самого человечества в космос. Все рассматривается неким гипотетическим наблюдателем. Что это за наблюдатель, и какие ему присущи черты? По крайней мере очевидно, что это некий идеализированный аналог человека, разумное существо. С его гипотетической точки зрения и анализируется жизнь на планете Земля. Конечно, те или иные авторы – Федоров, Циолковский и другие, вплоть до их современных последователей – могут «вкладывать» в сознание этого гипотетического наблюдателя свои собственные идеи, которые, кстати, могут в чем-то противоречить друг другу. Т. е. содержательное наполнение может быть, подчас, разным, но сам по себе этот космистский подход, это вынесение угла видения за пределы Земли имеет огромную ценность. В этом смысле, уж если продолжать сравнение с «хэдлайнерами» (Соловьевым, Бердяевым и другими), то они, в отличие от Федорова и космистов, все еще оставались на Земле (и даже их христианство было все еще слишком земным). Классик современной экологической идеологии А. Печчеи в своей знамени-

той книге «Человеческие качества», призывая к ограничению роста промышленности, говорил именно о том, что гипотетический сторонний наблюдатель за нашей планетой из космоса осудил бы нас за безудержное производство и потребление. Так вот впервые с этим наблюдателем мы встречаемся в философии Федорова. Именно такое удаленное, стороннее видение и должно быть присуще современному человечеству, запутавшемуся во внутренних противоречиях. Это видение помогает понять главное.

Далее, заняв позицию Космического наблюдателя, Федоров говорит, что человечество находится в небратском состоянии. Тема «небратства» – главная для философа (отсюда и название его основного труда – «Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т. е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства»[1]). «Чем занят человек в своей индивидуальной жизни и человечество в своей истории?» – спрашивает Федоров. И отвечает: «Борьбой с другими людьми». Но, если для науки (например, для Ч. Дарвина) данная борьба – объективный закон существования всего живого, то для Федорова это всего лишь возможное состояние человека и человечества. Он смотрит на факт небратства не с позиций объективной науки, а с позиций морали, он вершит над человечеством моральный суд. Состояние небратства не является данностью, которой нужно поклоняться, это – **принципиально преодолимое состояние**. При этом свою моральную оценку и свой призыв преодолеть небратство Федоров выражает в категориях православного учения – греха и победы над ним. По сути, великий русский мыслитель хотел сказать нам, что энергия человечества, с точки зрения того самого Космического наблюдателя, тратится неправильно, идет не в тот канал. Эту энергию нужно пустить не на борьбу с себе подобными, т. е. на институционализированное саморазрушение, а на борьбу с другим началом, которое и является истинным врагом человечества.

Что это за «другое начало»? Федоров учил, что состояние небратства возникло не просто так: оно есть подчиненность человека стихийной неразумной природе, ведь именно в ней, в частности в животном мире, мы и наблюдаем борьбу за существование. Но человек, как известно, имеет принципиальное отличие от этого животного мира – разум. С точки зрения Федорова, мы имеем разум, но данный факт оказывает очень слабое влияние на нашу реальную жизнь. Борьба за существование между людьми неразумна, но именно она, как уже говорилось, и составляет основное содержание человеческой жизни. Поэтому главное, что должно сделать человечество, – обратить свою жизненную энергию от внутренней саморазрушительной борьбы на борьбу с природой. Например, армии должны перестать участвовать в войнах между государствами и начать бороться с засухой и т. д.

Впрочем, говоря о борьбе с природой, Федоров имел в виду не только такие локальные вещи, как засуха, но и вещи намного более масштабные. Главный враг человека, кульминация нашей зависимости от природы, говорит Федоров (ссылаясь в том числе и на апостола Павла), – это смерть. Смерть делает жизнь человека неполноценной, неразумной, слишком природной, именно она заставляет нас посвящать большую часть своей жизни борьбе с другими людьми. Поэтому цель человечества, по Федорову, должна заключаться в создании с помощью науки таких технологий, которые смогут победить смерть.

Больше того, речь идет не только о личном бессмертии каждого нынешнего жителя планеты, но и о воскрешении всех мертвых. Эта часть федоровского проекта (так называемое «имманентное воскрешение») обычно вызывает наибольшее количество вопросов и возражений (когда автор статьи рассказывает об этой идее Федорова студенческой аудитории, то в качестве реакции он всегда натыкается на сердобольные замечания студенток о том, где же все воскрешенные будут жить – видимо, сама по себе идея воскрешения не кажется им такой уж фантастичной). Тем не менее Федоров настаивал на воскрешении всех мертвых: он утверждал, что ситуация «живые сыновья – мертвые отцы» тоже (как и жизнь, ограниченная смертью) неполноценна. Кстати говоря, в этом смысле он выдвигал крайне интересный, с точки зрения истории философии и культуры, аргумент о том, что использование ныне живущими людьми результатов деятельности предыдущих поколений, уже сошедших в могилы, – безнравственно и неразумно. Крайне несправедливо, что те люди, которые вольно или невольно работали на прогресс, не могут воспользоваться его высшими плодами. По Федорову, главная цель прогресса, главная цель деятельности всех людей, живших на планете Земля (неважно, насколько она ими осознавалась), как раз и заключалась в том, чтобы на вершине прогресса новое поколение смогло создать технологические средства для восстановления всех предыдущих поколений. Цель прогресса не в том, чтобы современный человек вел расслабленный гедонический образ жизни, танцевал на могилах отцов, а в том, чтобы он приобщил к радости всеобщего прогресса всех когда-либо живших людей.

В свете этого аргумента нельзя не вспомнить хорошо известную мысль великого русского писателя Ф. М. Достоевского, которую он устами многих своих героев неоднократно высказывал. Споря с социалистами, которые, естественно, защищали прогрессисткое мировоззрение, Достоевский говорил, что, в таком случае, каждый конкретный человек – удобрение для прогресса, его винтик. Стоит ли, вопрошал Достоевский, работать на прогресс, если воспользуются этой работой следующие поколения, тогда как я, конкретный живой человек, уже буду лежать в могиле?

Данная аргументация Достоевского очень часто использовалась богословами и религиозными философами как оружие в борьбе с социалистическим и либеральным прогрессизмом, причем это оружие всегда воспринималось как абсолютно неотразимое в полемике. Поразительно, что Федоров давал совершенно оригинальное разрешение этой проблемы, разрешение, которое лежало, если можно так сказать, по ту сторону и светского прогрессизма, и его религиозной критики. Федоров соглашался с этим аргументом, но при этом говорил не об отказе от прогресса, а об изменении его цели. Он словно говорил – конечно, бессмысленно жить для прогресса, если ты не воспользуешься его плодами, ну так давайте сделаем так, чтобы мы ими воспользовались. Между прочим, к сведению богословов и религиозных философов, можно упомянуть и о другом – сам Достоевский, как известно, был знаком с идеями Федорова и отзывался о них положительно, поэтому ничто не мешает нам предположить, что его аргумент об удобрении для прогресса также не является отрицанием необходимости самого прогресса и что здесь мы видим намек на идею Федорова (в целом, стремление многих современных авторов провести «тотальную православизацию» Достоевского представляется несостоятельным).

Как бы то ни было, идея воскрешения мертвых – важнейшая часть федоровской «философии общего дела». Человек должен победить смерть, воскресить мертвых, а также освоить Солнечную систему и подчинить ее своим потребностям (а в перспективе – выйти за ее пределы). Речь идет, фактически, о принципиальном изменении онтологического статуса человека, причем основой этого изменения является разум. Федоров писал, что «человечество должно быть не праздным пассажиром, а… экипажем нашего земного… корабля…»[2], т. е. мы должны стать регуляторами природных, космических процессов. Все эти идеи и стали основой русского космизма. Мы находим их, например, в философских трудах другого великого русского ученого и мыслителя К. Э. Циолковского. Будучи, в отличие от Федорова, который постоянно подчеркивал свою принадлежность к православной церкви, материалистом, Циолковский ничего не говорил о воскрешении мертвых, но писал, что в будущем люди превратятся в бессмертные эфирные существа, которые будут населять не только Землю, но и всю Солнечную систему, питаясь непосредственно солнечной энергией.

Излишне говорить, что философское наследие русского космизма оказало огромное влияние на всю современную науку и культуру, как российскую, так и западную. В качестве примеров этого влияния можно приводить и писателей-фантастов (С. Лем, Ю. Никитин и другие), и серьезных академических ученых (В. Ф. Купревич, И. В. Вишнев и другие), и даже «парарелигиозные» движения, для которых мечты Федорова, Циолковского и других, чуть ли ни символ веры (например, так называемое «трансгуманистическое движение»). Наверное, главный и ощутимый для всех, в том числе и для людей, ничего не знающих о русском космизме, результат его влияния – это освоение человечеством космоса, начавшееся в XX в.

Тем не менее, если воспринимать русский космизм как целостный проект, то он сегодня, в начале XXI в., все еще предстает, в большей степени, как утопический. Да, люди вышли в космос, но освоение всей Солнечной системы, а тем более выход за ее пределы, все еще кажется нам чистой фантастикой (на сегодняшний момент, как известно, реалистичная цель, поставленная перед космонавтикой, – высадка человека на Марс). Что же касается бессмертия человека, то здесь дело обстоит еще хуже. Конечно, сегодня есть немало ученых, берущихся за эту проблему, но, похоже, до ее разрешения еще очень далеко, а, возможно, что оно не будет достигнуто никогда. Все эти факты порождают вокруг русского космизма и его проектов множество дискуссий, все чаще раздаются голоса о проблематичности его идей.

Желая внести в эти дискуссии свой скромный вклад, автор статьи будет рассуждать следующим образом. Если теоретически резюмировать русский космизм, то можно сказать, что смысл истории человечества заключается в постоянном преодолении двух факторов – пространства и времени. В самом деле, именно это мы и видим в истории человечества – люди постоянно осваивали и осваивают новые территории внутри национальных государств и вне их, они занимаются экономическим, социальным и культурным воспроизводством пространства. При этом очевидно, что к XX в. фактически все пространство Земли было освоено человеком,

что и сделало вполне логичным наш шаг уже во внеземное пространство.

То же самое и со временем. Человек в своей истории всегда хотел преодолеть время. В этом смысле человеческая культура – это и есть наилучший из возможных сегодня способов такого преодоления. Обладая, в отличие от животных, разумом и речью, человек имеет уникальную возможность зафиксировать свое существование на том или ином материальном носителе (на камне, на бумаге, на «цифре» и т. д.). Данное «культурное бессмертие» и есть единственная на сегодняшний момент возможная для нас, людей, форма бессмертия. Как писал А. С. Пушкин, «я памятник себе воздвиг нерукотворный…».

Представляется, что все эти рассуждения достаточно очевидны и не нуждаются в обширных доказательствах. Идеи русских космистов, фактически, это ни что иное, как доведение тенденций борьбы человека со временем и пространством до логического конца. Если смысл жизни человека в принципе, в значительной степени, заключается в преодолении пространства, а мы это видим, то это значит, что когда-нибудь он освоит всю Солнечную систему и даже выйдет за ее пределы. Если смысл жизни человека в принципе, в значительной степени, заключается в преодолении времени, а мы это тоже видим, то это значит, что когда-нибудь он победит смерть, потому что смерть – это и есть власть времени над человеком. В этом смысле, проекты русских космистов представляются, по крайней мере, логически обоснованными.

Особое внимание следует уделить теме смерти и ее преодоления, ведь, как уже говорилось выше, если освоение пространства в том направлении, на которое указывали космисты, уже началось, то освоение времени в том направлении, на которое они указывали, остается сегодня делом весьма спорным, как в теоретическом, так и в практическом отношении (оговорим, что здесь и далее речь будет идти о теме личного бессмертия; тема воскрешения всех мертвых, которую из космистов отстаивал только Федоров, при определенной логической привлекательности, все-таки, слишком экзотична).

Главное, с чем мы здесь сталкиваемся, – это ментальное и теоретическое неприятие самой идеи победы человека над смертью, самой необходимости такой победы и стремления к ней. Очень часто можно услышать – и от богословов, и от светских ученых, и от обычных людей, что человеку вообще и не нужно стремиться победить смерть, что это явный перебор, завышение его научно-технологических, материальных возможностей, что в этом стремлении человек ставит себя на место Бога. Кроме этого, указывается и на то, что, если смерть будет побеждена, то жизнь человека потеряет смысл, ведь именно перспектива смерти заставляет нас постоянно отвечать себе на вопросы о том, правильно ли мы тратим нашу короткую жизнь, не погрязли ли мы в суете и телесных наслаждениях, забыв о подлинном духовном существовании.

Все эти аргументы требуют своего ответа. Автор попытается дать его исходя из общего контекста рассуждений Федорова, Циокловского и других русских космистов. На самом деле, следует признать, что как раз жизнь смертного человека имеет, скажем так, ограниченный смысл. Есть ли в нашей жизни смысл? Да, есть. Но, одновременно, нет. Нам, людям, стоит признаться самим себе, что смерть обессмысливает нашу жизнь. Об этом в один голос говорили все философы, все деятели мировой культуры. Есть ли у смертного человека способы бороться с этой проблемой? Да, есть. Мы можем готовить себя к смерти, можем преодолеть страх смерти, можем родить детей и увидеть в них свое бессмертие, можем создавать великие произведения культуры, чтобы обессмертить себя в веках. Все это мы делаем, и все это нам помогает. Решает ли это проблему в ее сущности? Давайте признаем, что нет. Мы, смертные люди, насколько смогли, высветлили тьму небытия, тьму смерти, но это не значит, что мы в сущности ее победили. Поэтому до сих пор многие люди кончают жизнь самоубийством, осознавая, что, сколько бы ты ни ставил заслонок от смерти, культурных, социальных, биологических, она все равно есть, она все равно придет за тобой и все равно, хотя бы в какой-то степени, обессмыслит твое существование.

Поэтому правда заключается в том, что человек в своей истории всегда стремился к бессмертию. Что иное означает, например, постоянное продление средней продолжительности жизни в нашей истории? Постоянная – и успешная – борьба с болезнями? Что, как ни стремление к бессмертию, означают, с другой стороны, многочисленные религиозные учения о том, что человек не умирает после смерти, что его душа живет в потустороннем мире? Все эти и многие другие факты позволяют нам сделать предположение, что в человеческой культуре имеет место стремление к бессмертию.

Что касается других аргументов, то ответить на них еще проще. Присваивает ли себе человек, если ставит перед собой цель достигнуть бессмертия, прерогативы Бога? Этот аргумент не работает для неверующих людей, кроме этого, с его помощью можно запретить человеку не только стать бессмертным, но и, например,

бороться с болезнями (если можно бороться с болезнями, почему нельзя бороться со смертью – главной болезнью? Где граница и кто ее устанавливает?).

Резюмируя, можно сказать, что все общепринятые рассуждения о смысле жизни смертного человека и о якобы «бессмысленности» бессмертного вполне логичны – да, но лишь в рамках наших антропологических параметров, нашей смертности. Как только эти параметры принципиально изменятся, наши «смертные» мысли будут казаться нам верхом абсурда. Забывать об этом не стоит.

Что означает все вышесказанное? Что автор статьи призывает людей немедленно бросить все свои дела и заняться «общим делом» – осваивать космос и искать «эликсир бессмертия»? Конечно же, нет. Он просто хочет показать, что идеи русских космистов, в том числе и те, которые обычно воспринимаются как утопические, на самом деле, имеют серьезное обоснование – логическое, историческое, антропологическое и т. д. Деятели современной науки, культуры, человечество в целом должны уделять философскому наследию русского космизма больше внимания. Особенно важен тот факт, что, как показано выше, идеи космистов касаются не только нашего внешнего существования – полетов в космос и т. д., но и самых интимных экзистенциальных проблем человека – нашей смертности и потенциального бессмертия.

Есть ли в наследии русского космизма элемент утопии? Конечно, есть, было бы глупо его отрицать. Если выше говорилось в защиту проектов русских космистов, то теперь можно сказать и два слова против них. Самое уязвимое место в их построениях, конечно же, – это укоренившееся в философском и научном сознании гегелевское отождествление логического и реального (в сущности, это «ахиллесова пята» любой утопии, в том числе и, например, марксистской). Логично ли для человека стремиться к бесконечному освоению пространства и времени? Да, логично. Но ведь это совсем не значит, что он действительно будет к этому стремиться. Есть ли в нашей человеческой истории тенденции освоения пространства и времени? Да, есть, но это, опять-таки, не значит, что схематически прочерченная линия этих тенденций в будущее окажется истиной в последней инстанции. Логично ли, чтобы человеческий разум освоил не только поверхность второстепенной по своим размерам планеты одной из миллионов планетных систем космоса, но и значительно большее пространство? Да, логично, но, возможно, что в реальности мы не освоим даже всей Солнечной системы.

Если русские космисты были уверены в рациональной прозрачности, логичности человека, то современная культура, что стало уже общим местом, в этом совсем не уверена. Автор считает, что сегодня иррациональность человеческой природы намеренно преувеличивается, но, в любом случае, говорить о полной логичности существования человека, конечно же, не приходится. Иногда он логичен, иногда – нет. Федоров и Циолковский создавали свои проекты, рассчитывая на полную познаваемость поведения человека для научного разума и как бы «накрывали» этими проектами реальное человечество, игнорируя в нем все, что не входило в «прокрустово ложе» их утопий. Между тем, насколько это было верно с их стороны? Насколько, например, люди могут отказаться от борьбы за существование как биологического принципа своей жизни (что требовал от нас Федоров)? Максимум, что в этом смысле было достигнуто людьми, – это некоторое смягчение данной борьбы, ее канализация в более или менее приемлемые русла экономической, политической, социальной или культурной конкуренции. Вполне возможно, что борьба за существование – неустранимый параметр жизни.

Проблематика утопизма в проектах русских космистов заставляет нас задуматься о коренном пороке любого утопизма вообще. Он, по всей видимости, заключается в том, что утопическое сознание – неважно, марксистское или космисткое, – убеждено, что в будущем наступит некое состояние, в котором все принципиальные проблемы человечества разрешатся. По Марксу, наступит эпоха бесклассового общества, по Федорову – эпоха полного господства человека над природой. Однако современная культура, обжегшись на советском тоталитаризме, вполне оправданно задается вопросом – а наступит ли такое идеальное состояние когда-нибудь? Не являются ли утопии такого рода – парарелигиозной верой, где «царство божие» переносится из потустороннего в посюсторонний мир? Не обстоит ли дело так, что мы не можем представить себе человека из этих идеальных будущих состояний, что это уже не человек в нашем смысле слова, а нереальное ангелоподобное существо? Опять-таки, вера утопистов в будущее совершенное состояние тоже, конечно, является логическим продолжением реально наблюдаемых в истории тенденций.

Обвинения в утопизме вполне оправданны. Однако, с другой стороны, на них тоже можно кое-что ответить. Мы знаем, что в истории человечества будущее, если не всегда, то довольно часто, представало в утопическом образе. Это, если можно так сказать, «дефект зрения у

пророков», что вполне понятно – они не могут видеть будущее во всех деталях. Важнее даже другое – эти видения будущего человек очень часто «нагружал» собственными страхами и ожиданиями, в том числе и укоренной в нем верой в возможность «рая» (в каком бы формате этот «рай» ни представал, в том числе и в чисто светском). Есть ли эта вера в русском космизме? Да, есть. Но ведь мы вполне можем «зачистить» от нее данный проект. Мы можем принять положение, что то будущее, о котором говорили русские космисты, – это не «рай», не полное и абсолютное разрешение всех проблем человека. Но, с другой стороны, это более оптимальное его состояние, чем сейчас, в этом смысле, ценностная основа русского космизма – столь для него важная – никуда не исчезает. В таком случае наше возможное будущее предстанет для нас, людей XXI в., достаточно привлекательным, чтобы стремиться к нему, но, с другой стороны, достаточно реалистичным, чтобы не пугать нас своей божественной монументальностью.

Что же нам в конечном итоге делать? Как относиться к наследию русского космизма? Не запутал ли автор статьи своих читателей, а, главное, не запутался ли сам? На эти вопросы можно ответить, что нам следует, как всегда, воспринимать реальность во всей ее сложности. Совсем не исключено, что человечество не услышит призывов Федорова и его последователей и так и останется в нынешних пространственных и временных пределах. В конечном итоге это его право, и это будет вполне «по-постмодернистски».

Но лично автор, осознавая все аргументы «за» и «против», помня о всех опасностях утопизма, от которых нас предостерегает исторический опыт, хотел бы надеяться, что человек призван к большему, чем просто «сидеть на Земле», и что однажды он не сможет удержаться от соблазна освоить еще неосвоенное – космос и смерть. Ведь именно тогда он познает себя намного глубже, чем сейчас. В этом случае человеку и понадобятся русские космисты, которые первыми проложили, пусть еще только самые приблизительные, карты в Неизведанное.

Примечания

[1] См., например: Федоров Н. Ф. Философия общего дела. М., 2008.

[2] Там же. С. 367.

УДК 141.82

В. Е. Семенков

Одиннадцатый тезис Маркса о Фейербахе: новая наука или новая прагматика философии?

Знаменитый 11-й тезис Маркса о Фейербахе – тезис принципиально двузначный. Двузначность этого тезиса обусловлена тем, что Маркс одновременно позиционирует себя и как философ, и как политик. Эта позиция задавала возможность такой языковой игры, в контексте которой однозначно интерпретировать этот тезис нельзя

Ключевые слова: философия практики, философская практика, перформативные высказывания, субстанциальная истина, событийная истина

Vadim E. Semenkov

The eleventh's thesis of Marx about Feuerbach: new science or new pragmatics of philosophy?

The article is focused on the interpretation of famous 11th thesis of Marx about Feuerbach. The author of the article asserts the 11th thesis does not have only one dimension; by way of contrast, it must be analyzed through different perspectives. If Marx himself took antiphilosofical position more seriously, modern philosophers look at the 11th thesis as at a new direction of philosophy.

Keywords: philosophy of practice, practice philosophy, performative utterances, the substantial truth, event-truth

Луи Альтюссер еще в 1965 г. указал на неоднозначность и мнимую прозрачность смысла знаменитых тезисов о Фейербахе Карла Маркса: «Подобно краткой вспышке молнии, „Тезисы о Фейербахе" бросают яркий свет на всех тех философов, которых они затрагивали, но каждый знает, что молния скорее ослепляет, чем освещает, и что в пространстве ночи труднее всего определить место разрывающего его взрыва света. Когда-нибудь нам придется сделать полностью зримой загадочность этих мнимо прозрачных одиннадцати тезисов»[1].

Представляется возможным сказать, что XI тезис о Фейербахе, будучи самым кратким, является одновременно и самым сложным для интерпретации: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его». Эта лаконичная фраза как будто бы задавала новую функцию философам: не «объясняющую», а «преобразующую». Именно так спустя полвека ее истолковал Лабриола, а позднее, уже в XX в., – Грамши; оба они определяли марксизм как новое философское **учение**, как «философию практики», и, соответственно, XI тезис рассматривался ими как декларация новой философии. Такая позиция в отношении философии, если рассматривать этот тезис как выражение позиции, стала отправной базой для создания и нового философского учения, и новой идеологии: идеологии революционного пролетариата. Однако как идеология революционного пролетариата марксизм исчерпал себя уже к середине XX в. Следует ли из этого, что провозглашенная революция в философии не состоялось? Ответ не может быть однозначным, если принять во внимание высказывание Луи Альтюссера: «Марксизм не является некоей (новой) **философией практики**, он является некоей (новой) **философской практикой**» (выделено мной. – *В. С.)*[2]. Чтобы разобраться в этой словесной эквилибристике, необходимо различать, что имел в виду сам Маркс и каковы наши ожидания от возможных интерпретаций этого тезиса.

Каков контекст написания этих тезисов? Они были написаны весной 1845 г. в Брюсселе после неудачной попытки начать карьеру академического философа в немецких университетах, а через два года после этого, в 1847 г., Маркс написал работу «Нищета философии» для того, чтобы доказав нищету философии Прудона, указать на такое же состояние современной философии в целом.

По мнению Карла Маркса, современная ему философия в академической форме продолжает вековые традиции старой метафизики; ее носителями являются профессора философии, т. е. интеллигенты, работающие в рамках данной системы образования, подчиненные этой системе и в силу этого выполняющие социальную функцию трансляции ценностей господствующей буржуазной идеологии. Потому и господствующая философия, проводники которой – ее преподаватели, подчинена господствующей иде-

ологии, а, значит, не нужна. Ввиду этого представляется возможным сказать, что изначально у Маркса речь шла не о новой философии, а об **отказе от философии вообще** как дисциплины, идеологически ангажированной. Причем отказ от философии не означал отказа от критического и систематического осмысления реальности. Уже достаточно давно Луи Альтюссер сказал об этом, что «мы должны рассматривать XI Тезис о Фейербахе не как провозглашение новой философии, а как заявление об отказе от философии вообще, поскольку необходимо освободить место для создания новой науки»[3]. И тем не менее философы сегодня толкуют XI тезис совершенно по-разному. Например, Владимир Бибихин категорически не согласен с его первой половиной: «Первая половина этого тезиса неверна. Философии приписано больше, чем она делала. Она остерегалась объяснять мир; самое большее, на что она замахивалась, было видеть мир. Мир невидим. Вторая половина тезиса очень странная. „Дело заключается в том, чтобы изменить его". Чье дело заключается в этом? Дело философии, по-видимому. Она должна взяться за изменение мира… Мир насилия разрушить»[4].

Однако Маркс в момент написания этих тезисов не собирался ничего обсуждать, подразумевая в данном случае просто некий факт, который либо принимают, либо не принимают. Перед нами не тезис для обсуждения, а демонстрация политической воли в философии. Позиция, заявленная этим тезисом, не предлагает новой философии, но и не упраздняет философию как таковую. Луи Альтюссер прав: здесь предложена не новое философское учение, а новая **философская практика**.

Причем эта новая философская практика способна изменить саму философию, а уже в силу этого **способствовать** изменению мира. Но это возможно при условии, если философ как субъект мысли найдет адекватного своей философии субъекта воли, ставшего некоей политической силой. Встает вопрос: кто является субъектом действия, способным изменить мир в нужном направлении? Ответим словами Владимира Бибихина: «Это выполнит класс, сила которого в том, что он нищий, еще больше нищает и обязательно абсолютно обнищает!»[5]. Но тогда философия редуцируется к обнаружению субъекта действия, и максимум, что должен сделать философ, – превратить волю этого субъекта в политическую. Философия в рамках подобного подхода поверяется прагматической ориентацией на политику, ибо создает систему политической аргументации. Но это совсем не новый подход в истории философии! От Платона идет традиция, согласно которой философия, во-первых, представляет собой лучший язык для разговора о государстве, и поэтому, во-вторых, государство (полис у самого Платона) выступает как адресат философского высказывания.

Необходимо иметь в виду, что у философского знания может быть совсем разная прагматика. Одни философы видят задачу философии в том, чтобы прояснить связь языка и мира и устранить двусмысленности. Прагматика философии, согласно такой позиции, состоит в развитии науки: философия не создает ценности, а обосновывает, проясняет основания науки и искусства. В этом смысле показательно название работы Гуссерля – «Кризис европейских наук». В ней философ осмысливает кризис сложившегося научного дискурса и самого научного сообщества. Такой подход можно определить как **аналитический** подход к прагматике философского знания.

Другие философы видят задачу философа в построении эффективных языковых правил. В его рамках нет различия между литературным текстом и текстом идеологическим. Философу нужно переосмыслить саму творческую функцию: не создание словаря, а перевод смыслов, обновление смыслов в новой языковой парадигме. Прагматика философии состоит уже в том, чтобы учить считыванию смыслов, связанных с открытием истины в тех или иных областях. Адресатом высказывания в таком подходе выступает литературоцентричное, текстопорождающее сообщество. Здесь показательна позиция Жака Деррида, писавшего в «Грамматалогии», что современная культура – это культура не открытия смыслов, а их обновления. Такой подход, исходя из изложенного ранее, можно определить как **деконструктивистский**.

Наконец, существует линия в философии, предполагающая концептуальное переосмысление традиции, и, ввиду этого, дело философа рассматривается как творческая отмена прошлого. Эта отмена прошлого предполагает апелляцию к проверке философии политикой. Отсюда у философии, всегда оперирующей умозрительными концептами, возникает необходимость отождествить себя с таким практическим авторитетом, который обеспечил бы ей статус и прагматическую значимость. Очевидно, что здесь философ обращается не к культурному сообществу, а к политическому, к той сфере, где возникает новый и авторитетный субъект действия. Такой **креативный** подход к прагматике философии был задан, как уже было сказано ранее, Платоном. Но если у Платона адресатом философского высказывания является государство (полис), а у Жана-Жака Руссо – гражданское

общество, то у Маркса таким практическим авторитетом выступает пролетариат, обладающий политической волей, и задача философа состоит в том, чтобы разделять и отстаивать интересы этого класса. Подобная тактика и есть залог успешности самого марксистского проекта (если о таком можно говорить): изменение мира как элиминирование из него частной собственности, государства, идеологии и самой политики (последняя понимается как перераспределение отношений господства и разрешение антагонизмов, сопутствующих этим перераспределениям). Политика, государство, классы понимались Марксом сугубо негативно, ибо мешали творить новые социальные формы и воплощать их в жизнь. Ставка на пролетариат мыслилась как гарантия успешности такого социального преобразования. Спустя почти 100 лет примерно также рассуждал философ совсем иной методологической и политической ориентации: Мартин Хайдеггер. У Хайдеггера также речь шла о творении новых социальных форм, только гарантией эффективности этого творчества являлась не честность философа по отношению к рабочему классу, а готовность интеллектуала разделить историческую судьбу немецкого народа, ибо именно народ имеет дело с историей как с реальностью. Есть ли различие между философским императивом Маркса и хайдеггеровским пониманием задач философа? Безусловно, есть.

Мартин Хайдеггер в своей речи на митинге в Лейпциге в 1933 г. говорил о необходимости «воли к образованию подлинного сообщества народов», подчеркивая, что она, эта воля, «далека как от беспочвенного и ни к чему не обязывающего „мирового братства", так и от слепого, основанного на насилии господства одних народов над другими… Что происходит в подобном волении? …Происходит лишь ясное осознание **неприкосновенной самобытности каждого народа**» (выделено мной. – *В. С.*)[6].

Современный философ Жак Деррида подчеркивал радикальное расхождение этих двух мыслителей, указывая на мессианство как неизгладимый знак наследия Маркса. «При отсутствии мессианства справедливость может вновь свестись к морально-юридическим правилам, нормам или представлениям внутри всеохватного (тотального) горизонта (там осуществляется справедливость как возвращение, искупления или присвоения отнятого). Хайдеггер идет на такой риск, как он всегда это делает, потому что он, как всегда, отдает преимущество объединению и тождественности (**Versammlung, Fuge, legein** и т. д.) перед рассогласованностью всякого моего обращения к Другому; перед несогласием, лежащим в основе уважения, которое, в свою очередь, лежит в основе согласия; перед различием, уникальность которого, став рассеянными углями и развеянным пеплом абсолюта, никогда не гарантировано в Едином»[7].

У Хайдеггера тоже шла речь о новой философии, но не столько как о шаге вперед, сколько как о возвращении к утраченному наследию: «Мы уверены в том, что в нашу жизнь снова возвращаются ясная твердость и оправдываемая делом несомненность непреклонно простого вопроса о сущности бытия. **Вопрошание для нас… означает следующее: открыто предоставлять себя на милость возвышенности вещей и законов их бытия**…» (выделено мной. – *В. С.*)[8].

Для Жака Деррида подобная философская практика, возможно, основанная на работе «тотализирующего» сознания, не представляется приемлемой. Деррида указывает на то, что тоталитарные институты – продукт тоталитарного сознания и что сознание можно изменить посредством текста, в том числе и философского текста. Деррида (и не только он) был озабочен тем, чтобы сделать философский текст плацдармом для других голосов; в частности голосов тех, кто травмирован политическим. Именно эта травма позволяет воспринять философский текст как акт или событие.

Лингвисты и философы давно заметили, что литературный и философский язык не только **говорит**, но и **действует**. Еще английский философ-аналитик Джон Остин указал, что существует класс речевых высказываний, которые являются, в первую очередь, действиями. Такие высказывания он предложил называть **перформативными**. Существенно то, что возможно литературное высказывание, равно как и философское, которое подобно перформативу, не отсылает к предшествующему ему положению вещей и не является истинным или ложным, но в некоторых отношениях создает положение вещей, о котором сообщает. Жак Деррида, развивая мысль Остина о речевых воздействиях, трансформирующих объект, дает, как он сам указывает, «неортодоксальное определение перформатива… неортодоксальное как с точки зрения теории речевых актов, так и с точки зрения XI Тезиса о Фейербахе»[9].

Очевидно, что философская позиция может считаться успешной только тогда, когда она воплощена в текст, когда этот текст опубликован, прочитан и признан в качестве философского текста. Но Деррида задается вопросом: что должно содержать литературное или философское произведение, чтобы имела место трансформация объекта? Он связывает перформатив с общей проблемой начинающих или открываю-

щих что-то действий, которые порождают нечто новое как в сфере литературы, так и в сфере политики.

Перформативные высказывания – это риторические операции, речевые акты, используемые для создания нового положения вещей, т. е. используемые не для описания мира, а для его реорганизации. В качестве примера перформативного высказывания, предполагающего самим фактом его произнесения реорганизацию положения дел, Деррида указывает на ключевое положение Декларации независимости США: «Мы <…> торжественно записываем и заявляем, что эти соединенные колонии являются и по праву должны быть свободными и независимыми штатами». Декларация о том, что штаты **являются** независимыми, представляет собой перформативный акт, призванный создать новую реальность, о которой и идет речь. Однако осуществление этого акта неразрывно связано с констатирующим заявлением, что штаты **должны** быть независимыми[10].

Встает вопрос: как это относится к Марксу? Благодаря используемой стратегии чтения текстов немецкого философа, Деррида раскрывает присущую им внутреннюю конфликтность. С одной стороны, Маркс предстает в них как художник, драматург, наследник Шекспира (недаром в первой же фразе «Манифеста коммунистической партии» появляется призрак: «Призрак бродит по Европе – призрак коммунизма»), с другой – в наследии философа наличествует то, что впоследствии породило марксизм: репрезентация способа познания мира, основанного на логике и системосозидании. Наследие Маркса не одномерно, оно состоит из «более, чем одной речи», причем соприсутствующие языки в данном случае с одного на другой не переводимы.

Именно эта нетождественность текстов философа самим себе предопределяет их существование в режиме постоянного «возвращения»: возвращения, как настойчиво повторяющегося вопрошания, требования занять какую-либо позицию. Притом ответ не может быть окончательным: он всегда не достаточен по отношению к оригиналу. Так, Деррида подвергает критике попытки привести учение Маркса в систему, представив его как «великого философа»: «Маркса собираются изучать спокойно, объективно, непредвзято: по академическим правилам, в университетах, в библиотеках, на коллоквиумах! И делают это систематически, соблюдая нормы герменевтической, филологической и философской экзегезы… Я бы хотел, обращаясь или возвращаясь к Марксу, попытаться сделать нечто совершенно иное…»[11]. По Деррида, для текстов немецкого философа более органично их постоянная переинтерпретация, когда за одним прочтением следует другое, которое также не исчерпывает оригинала, как предыдущее, и, возможно, с точки зрения формальной логики, его исключает. В противном случае осуществляется деполитизация марксистской позиции, приглушается присущий речам философа призыв к революционному действию. «Мы готовы принять возвращение Маркса или возвращение к Марксу, лишь бы умолчать о том, что Маркс заповедовал не просто расшифровать свои тексты, но еще и действовать или превратить расшифровку (интерпретацию) в преобразование, которое „изменит мир“»[12], – подчеркивает философ. Перформативное воздействие речей Маркса мыслится Ж. Деррида как порождение процесса бесконечного смыслообразования. Причем этот процесс тождественен для него «перманентной революции». Именно это делает определение перформатива Деррида неортодоксальным с точки зрения XI тезиса о Фейербахе.

Нельзя не заметить, что Маркс противопоставляет интерпретацию мира его трансформации. Деррида исходит из представления о герменевтичности мира: выход за пределы культуры, языка, знаковой системы не представляется ему возможным. Согласно такому подходу, единственно возможное поле действия для философа – поле текстов и единственно возможное преобразование мира – его (текстуального поля) реструктуризация. Таким образом, для Деррида интерпретация не только не противопоставлена трансформации, но и вбирает трансформацию в себя, делая ее подвластной процессу перманентной интерпретации. Такова логика деконструктивистского подхода к философии.

Итак, указание на преобразующую функцию философии следует понимать, имея в виду теорию перформативных актов. Если проект Маркса и предполагал философию как новую философию, то именно как новую философскую практику, практику перформативных высказываний относительно сферы политики.

Однако следует признать, что именно политический аспект марксизма является самым уязвимым в этом учении. Учет этого обстоятельства неминуем при любой попытке **творчески** реполитизировать марксизм. Одной из самых интересных и перспективных попыток творческой реполитизации марксистского учения является концепция современного французского философа Алена Бадью. Бадью согласен с тем, что классический марксизм, марксизм в версии

XIX – начала XX в., потерпел неудачу. Для него политическая неудача марксизма обусловлена неверным видением политически реального, а политически реально то, что травматично и порождает событие. Поясним ниже расхождение Маркса и Бадью.

По Марксу, истина субстанциальна, ввиду того, что существует связка «субъект – субстанция». Для Алена Бадью истина не субстанциальна, а событийна. Поэтому, если для Маркса важно понять субстанцию как субъект, то для Бадью важно понять, что субъект – это событие, но это уже иное понимание субъекта и иное понимание истины: не онтологическое, а субъективное. В данной работе не ведется речь об отрицании онтологичности истины вообще, мы говорим только об отрицании онтологичности истины в марксизме редакции Бадью. Для него марксистское понимание истины не онтологично, ибо онтология – это дело математики, а не философии. Поэтому и политическая мысль должна быть событийной, т. е. сингулярной и нелинейной, а не закономерной и субстанциональной. Субстанциональное понимание реальности видит и ищет закономерности, а не случайности, фиксирует факты, а не события. Но, очевидно, что апелляция к закономерностям чревата деполитизацией марксизма как учения. Если коммунизм как высшая стадия развития общества опирается на законы истории, то тогда незачем заниматься политикой, ее надо, как и полагал сам Маркс, мыслить сугубо негативно. Конечно, закон можно понимать по-разному, в том числе и как вызов, и общество может быть адекватно этому вызову или не адекватно. Здесь встает вопрос о творческом, позитивном отношении к политике. Именно осмысление политического действия как творческого действия, как определенного **изобретения** находится в центре внимания Бадью в его размышлениях о будущем марксизма.

Ален Бадью исходит из того, что «всякая философия обусловлена той или иной **реальной** политикой, которую она прикрывает посредством некоей особой транскрипции, предназначенной для того, чтобы произвести чисто философские последствия»[13]. Если для Ханны Арендт политика является всем чем угодно, кроме истинностной процедуры, то для Алена Бадью политика сопряжена с философией именно через истину: «…даже Платон прекрасно знал, что для того, чтобы философ стал царем, необходимы реальные политические обстоятельства, напрямую философии не касающиеся»[14].

Политика выступает в теории Бадью условием философии, но никак не наоборот, ибо именно политика – истинностная процедура. Поэтому у него «политика является активной интерпретирующей мыслью, а не принятием какой-то власти»[15]. Истина, согласно такой теории, производится в политических, поэтических, научных и антропологических процедурах. Сам философ истину не производит, но именно он дает философское измерение той или иной уже произведенной истины, осуществляя процедуру согласования тех истин, что производятся в четырех ранее указанных процедурах. Согласно теории Бадью, именно согласование различных истин и является функцией философии. Но это согласование истины с четырьмя вышеуказанными процедурами нужно, прежде всего, самой истине, ибо истина не может жить без определенного типа языковых игр. Любая значительная философская теория представляет собой особый дискурс, особую языковую игру, в частности это совмещение родовых процедур производства истины. Но и нефилософские процедуры производства истины нуждаются в согласовании истин: их непротиворечивое расположение друг к другу необходимо для устойчивого сосуществования. Только будучи согласованы между собой не противоречивым образом, они становятся **со-временными**. Соответственно, истина в политике будет современной только в случае согласования с той же антропологической истиной. В подтверждение этого тезиса Бадью можно указать на те места в «Манифесте коммунистической партии», где Маркс обращает внимание на то, что социальное положение рабочих таково, что они антропологически лучше всего мотивированы к революционному политическому действию. Ввиду этого, XI тезис утверждает первичность политического действия по отношению к любому философскому объяснению. Из объяснения мира еще не следует действия, точнее такая связь – «объяснение – действие» – возможна только для очень простых ситуаций, а не для революционных преобразований. Всякое понимание сложных преобразований возможно только в рамках следования этим преобразованиям. Понимать (сложные вещи) – значит следовать правилу, которое априори еще не является понятным. Согласно концепции Бадью, мир надо изменять, в том числе и политически, и уже в контексте его изменения должна возникнуть новая философия.

Реалия любого значительного политического конфликта требует презентации в языке. Презентация в языке определенной социальной и политической группы дает этой группе возможность репрезентации уже всего общества как общества определенного типа: классового, буржуазного, модернизируемого и т. д. Эта ре-

презентация должна быть принципиально двойственной, так как претендуя на объективность (взгляд на все общество в целом), она одновременно достаточно партийна. Так возникает возможность для производства неоднозначного дискурса.

XI тезис Маркса о Фейербахе принципиально двузначен. Его двузначность состоит в том, что Маркс одновременно позиционирует себя и как философ, и как политик. Для Маркса было принципиально важно, чтобы его точка зрения на истину имела отношение и к сфере политической практики (марксизм как новая политика), и к сфере научной теории (марксизм как новая наука). Эта позиция задавала возможность такой языковой игры, в контексте которой однозначно интерпретировать этот тезис нельзя. XI тезис, именно в силу его двузначности, принадлежит языковой игре, и это не ставит под вопрос его истинность, ибо истина, как уже было сказано, не может жить без определенного типа языковых игр.

Если для Жака Деррида философская интерпретация сама по себе является трансформацией мира, то для Алена Бадью продуктивная философская интерпретация возможна только в ходе **политической** трансформации общества. Две этих позиции являются на сегодня двумя полюсами толкования XI тезиса, и выбор того или иного полюса обусловлен уже нефилософскими соображениями.

Примечания

[1] Альтюссер Л. За Маркса / пер. с фр. А. В. Денежкина. М.: Праксис, 2006. С. 55.

[2] Альтюссер Л. Ленин и философия. М.: Ад Маргинэм, 2005. С. 76.

[3] Там же. С. 34.

[4] Бибихин В. В. Нищета философии // Наше положение: образ настоящего / О. А. Седакова, В. В. Бибихин, А. А. Ахутин и др. М.: Изд-во гуманитар. лит., 2000. С. 49.

[5] Там же.

[6] Хайдеггер М. Национал-социалистическая школа знания // Бурдье П. Политическая онтология Мартина Хайдеггера / пер. с фр. А. Т. Бикбова, Т. В. Анисимовой. М.: Праксис, 2003. С. 264.

[7] Деррида Ж. Призраки Маркса: государство долга, работа скорби и нов. интернационал / пер. с фр. Б. Скуратова; под общ. ред. Д. Новикова. М.: Logos-altera: Ecce homo, 2006. С. 46.

[8] Хайдеггер М. Национал-социалистическая школа знания. С. 265.

[9] Деррида Ж. Призраки Маркса. С. 79.

[10] Derrida J. Declarations of Independence // New political science. 1986. Vol. 15. P. 7–15.

[11] Деррида Ж. Призраки Маркса. С. 50.

[12] Там же. С. 51–52.

[13] Бадью А. Мета/Политика: можно ли мыслить политику?: крат. трактат по метаполитике / пер. с фр. Б. Скуратова, К. Голубович. М.: Логос, 2005. С. 199.

[14] Там же.

[15] Там же. С. 16.

УДК 314.17(091)(470+571)"17"

М. Б. Глотов

М. В. Ломоносов о демографических проблемах России

В статье рассмотрены социально-демографические воззрения М. В. Ломоносова, изложенные в трактате «О сохранении и размножении российского народа». Выделены основные проблемы воспроизводства российского населения, для решения которых великий русский ученый предложил конкретные практические рекомендации, сопроводив их обстоятельными объяснениями, основанными на личных наблюдениях за жизнью народа и научном анализе социальных факторов. Обращено внимание на актуальность предлагаемых М. В. Ломоносовым рекомендаций для улучшения демографической ситуации в России.

Ключевые слова: воспроизводство российского населения, сохранение и размножение российского народа, увеличение количества и сохранение рожденных, неравенство супружества, уменьшение младенческой смертности, смертность от несчастных случаев, вредность церковных обрядов, борьба с болезнями, распространение медицинских знаний, разумный образ жизни, миграция, отношение государства к подданным

Michail B. Glotov

Michaylo V. Lomonosov on the demographic problems of Russia

This article analyses socio-demographic views of M. V. Lomonosov, represented in his treatise «Maintenance and Reproduction of Russian people». The article discusses main problems concerning the reproduction of the Russian population, as well as specific practical recommendation suggested by this great Russian scientist. Lomonosov supported them with the solid explanations which were grounded on his own observations among Russian people as well as on scientific analysis of social facts. Particular attention is given to the topicality of Lomonosov's recommendations of how to improve the demographic situation in Russia.

Keywords: reproduction of the Russian population, maintenance and growth of Russian people, increase in the number and preservation of newborn, marriage inequality, reduction of infant mortality, mortality from accidents, harmfulness of religious rites, disease control, the spread of medical knowledge, a reasonable way of life, migration, the state's attitudes to the population

Среди многочисленных трудов Михаила Васильевича Ломоносова по естественным, социально-экономическим и гуманитарным наукам долгое время оставался практически неизвестным его трактат «О сохранении и размножении российского народа», который был составным разделом отправленного 1 ноября 1761 г. письма И. И. Шувалову – члену Российской академии наук и первому куратору Московского университета. Впервые этот трактат был опубликован по цензурным соображениям частично в 1819 г., а полностью – только в 1871 г. Первые отклики на него юриста И. К. Сухоплюева, историка И. А Тихомирова, философа и социолога Г. В. Плеханова появились в начале XX в.[1], а затем к 250-летию со дня рождения М. В. Ломоносова[2]. Детальный анализ трактата был представлен в монографии В. П. Лысцова, которой отметил, что в предыдущих публикациях о М. В. Ломоносове вопросу «о социальной направленности выраженных в трактате идей уделялось недостаточно внимания»[3]. В этих публикациях М. В. Ломоносов в большей степени был охарактеризован как экономист и статистик, хотя содержание его трактата обнаруживает всю широту понимания великим русским ученым социально-демографических проблем тогдашней России. Содержание трактата М. В. Ломоносова позволяет признать его одним из предшественников отечественной социологии и демографии как наук.

В середине XVIII в. появляются первые научные публикации, посвященные демографическим проблемам. Так, работавший в то время в Российской академии наук швейцарский ученый Даниил Бернулли опубликовал цикл статей о продолжительности брака. Он построил первую таблицу прекращения брака и в ней рассчитал вероятность этого события для среднестатистической пары. Соотечественник Д. Бернулли, академик Российской академии наук, математик Леонард Эйлер определил порядок вымирания поколений и ввел новое понятие – «вероятность продолжительности предстоящей жизни», сегодня оно именуется как «возраст дожития». Предложенный им метод построения таблиц смертности, как и таблица смертности Джона Граунта, до настоящего времени применяется в демографии.

В отличие от швейцарских ученых, М. В. Ло-

моносов в своем трактате впервые глубоко и всесторонне представил научный анализ главной демографической проблемы – воспроизводства российского населения и предложил комплекс практических рекомендаций по ее разрешению. К проблеме сохранения и размножения российского народа он подходил с позиций социально-экономических интересов государства Российского, которые в то время были в поле внимания правительства. Русский ученый, по всей вероятности, был знаком с проектом «О разных государственной пользы способах» (или «О сохранении народа») двоюродного брата И. И. Шувалова и фактического руководителя правительства при Елизавете Петровне П. И. Шувалова и с проектом Законодательной комиссией «О состоянии подданных вообще»[4], в которых предлагалось принять законы, облегчающие жизнь малоимущего населения. Также М. В. Ломоносов высказывался одобрительно о попытках Елизаветы Петровны, давшей обет никого не предавать смертной казни, ограничить законодательно ее применение, избавляя «подданных от смерти, хотя бы иные по законам оной и достойны были»[5].

В письме к И. И. Шувалову М. В. Ломоносов, предлагая меры по улучшению хозяйственного и политического развития страны, на первое место поставил вопрос о необходимости решения демографических проблем. Он считал, что сохранение и размножение российского народа является «самым главным делом», и заявлял, что именно в населении страны состоит «величество, могущество и богатство всего государства, а не в обширности, тщетной без обитателей». С его точки зрения, вопросы о росте численности населения, его здоровье и воспроизводстве являются вопросами первостепенной государственной важности. Призывая к использованию государственного законодательства и административных мер для решения демографических проблем, М. В. Ломоносов в трактате обращает внимание также на вопросы отношения с церковью, изменения быта и обычаев, от которых зависит сохранение российского народа.

Предлагаемые М. В. Ломоносовым в трактате практические рекомендации по воспроизводству российского народа можно выделить в три группы:

1) для увеличения количества рождающихся;

2) для сохранения рожденных;

3) для устранения факторов, влияющих на здоровье людей и воспроизводство населения.

Для увеличения количества рождающихся – «для обильнейшего плодородия родящих» – М. В. Ломоносов считал необходимым:

– запретить неравенство супружества, когда «малых ребят, к супружеству неспособных, женят на девках взрослых» или «когда мужчина в престарелых летах женится на очень молодой девушке, которое хотя и не столь опасно, однако приращению народа вредно»;

– не допускать брак по принуждению, «ибо, где любви нет, не надежно и плодородие»;

– разрешить вступать в брак четвертый раз и даже в пятый после смерти предыдущей жены, так как запрета на это нет «в наших узаконениях» и «никакими соборными узаконениями не утверждено»;

– не допускать принудительного пострижение молодых овдовевших священников и дьяконов в монахи, «что натуре человеческой противно» и «чем к греху, а не к спасению дается повод, и приращению народа не малая отрасль пресекается»;

– мирянам запретить принятие монашества – женщинам до 45, а мужчинам до 50 лет, так как монашество в молодости наносит «знатный ущерб размножению человеческого рода».

Для сохранения рожденных М. В. Ломоносов рекомендовал:

– учредить народные богадельные дома для приема внебрачных детей для сохранения жизни неповинных младенцев» и чтобы избежать случаев, когда «в отчаянии матери детей своих убивают»;

– для уменьшения младенческой смертности издать и распространить «хорошие книжки о повивальном искусстве» и «наставления об излечении младенческих болезней»;

– отменить вредный обряд крестить младенцев в холодной воде, «потому что холодная изшедшему недавно из теплой матерней утробы младенцу конечно вредна».

Для устранения факторов, влияющих на здоровье людей и воспроизводство населения, М. В. Ломоносов считал целесообразным:

– всеми мерами содействовать более разумному образу жизни;

– отказаться от изнурений себя в Великий пост, что «здоровья своего никоею мерою починить не могут, употребляя грубую постную пищу, которая и здоровому желудку тягостна»;

– вести борьбу с болезнями путем организации надлежащей медицинской помощи и широко распространять медицинские знания;

– открыть в каждом городе аптеки, чтобы лекарства «не трудно было сыскать везде в России»;

– устранять причины смерти от несчастных случаев;

– прекратить притеснения раскольников и рекрутчину, от которых «русские люди бегут за границу».

Особенность трактата «О сохранении и размножении российского народа» состоит в том, что свои рекомендации М. В. Ломоносов сопроводил обстоятельными объяснениями, основанными на личных наблюдениях за жизнью народа и научном анализе социальных факторов, которые препятствуют естественному процессу воспроизводства населения, таких как семейно-брачные отношения, предписания церкви, образ жизни людей, состояние медицинского обслуживания, отношение государства к подданным.

Так, по поводу неравных браков, когда муж намного моложе жены, что было вызвано желанием родителей жениха приобрести опытную работницу, М. В. Ломоносов замечает следующее: во-первых, такие браки зачастую бывают бесплодными, во-вторых, отражаются на здоровье подростков, в-третьих, иногда возможны убийства ребенка, зачатого от постороннего мужчины, в-четвертых, могут привести к умерщвлению мужа и осуждению жены на смертную казнь. Что касается брака, когда муж намного старше жены, то такой брак, по его мнению, является отступлением от естественных норм и способствует супружеской неверности со стороны молодой жены. С точки зрения автора трактата, следует запретить вредное приумножению и сохранению народа неравенство супружества и придерживаться следующих правил: невеста жениха не должна быть «старее, разве только двумя годами; а жених старее может быть 15 летами», но лучше, когда муж старше жены на 7–10 лет. Это правило целесообразно, так как женщина, особенно от частой беременности, скорее старится, чем мужчина. К тому же женщины родят «едва далее 45 лет, мужчины часто и до 60 лет к плодородию способны». То, что идея М. В. Ломоносова об ограничении неравных браков, была реализована Синодом, сообщают И. К. Сухоплюев и И. А. Тихомиров. Они ссылаются на предложенный Синодом проект, согласно которому запрещалось венчать 17–18-летних юношей с женщинами старше 35–40 лет, и 50–55-летних стариков с девушками моложе 17–18 лет. На основании этого проекта в 1775 г. был принят соответствующий синодский указ[6]. В современном российском законодательстве подобная рекомендация отсутствует.

Необходимость принятия мер для запрета принудительных браков предлагалась уже в первой половины XVIII в. в законодательных проектах Петра I и в публицистических выступлениях В. Н. Татищева. Так, Петр I указом Синоду от 5 января 1724 г. предписывал родителям и господам под страхом большого штрафа не принуждать детей к бракосочетанию, а в процессе венчания тем, кто устраивает свадьбу, заявлять о том, что с их стороны нет принуждения. Ссылаясь на теорию естественного права и указ Петра I, В. Н. Татищев признавал преимущества свободного выбора тех, кто вступает в брак, и недопустимость насилия в этом вопросе. Однако признание неправомерности принудительных браков носило сословный характер и провозглашалось с целью не допустить браки дворян с представителями низших сословий, особенно с крепостными крестьянами.

В трактате «О сохранении и размножении российского народа» М. В. Ломоносов выступал против принуждения к браку независимо от того, в какой сословной среде оно происходит. Он отмечал, что в семьях, созданных по принуждению, несогласия, споры и драки вредят зачатому плоду и нередко являются причиной преждевременных родов или рождению нездорового ребенка. Для недопущения брака по принуждению М. В. Ломоносов предлагал обязать священников, совершающих обряд венчания, если им станет известно «о невольном сочетании», не допускать этого под угрозой лишения их чина священнослужителя. Если указ Петра I от 5 января 1724 г. требовал наказания штрафом только тех, кто принуждает к браку, то М. В. Ломоносов считает, что заслуживает наказания и священник, который не воспрепятствует этому и не спросит пред обрядом жениха и невесту о принуждении их к браку.

В трактате М. В. Ломоносова много внимания уделено узаконенной церковью норме, запрещающей вдовцам вступать в брак четвертый раз. Апеллируя к своим наблюдениям того, что в условиях высокой смертности женщин в России многие мужчины остаются в молодом возрасте за короткое время вдовцами трижды и могли бы еще жениться, ученый полагал, что «было б законам непротивно, если бы для размножения народа и для избежания непозволенных плотских смешений» разрешить четвертый, «а по нужде и пятый брак». При этом М. В. Ломоносов ссылается на отсутствие четких юридических оснований и противоречий обычаям христианских народов этому запрету. Однако он рекомендует, чтобы те, кто вступает в четвертый и пятый брак, предоставляли свидетельство соседей или родственников умерших жен, что их поступки в предыдущих браках были «незлобны и беззазорны». Если же у кого-то «окажутся вероятные знаки неверности или свирепости, а особливо в двух или во всех трех супружествах – тем лицам не позволять четвертого

брака». Предложение о возможности четвертого брака не было реализовано, более того 29 марта 1767 г. Синод издал закон «О недействительности четвертого брака».

Также осталась без внимания и рекомендация М. В. Ломоносова относительно монашества молодых овдовевших священников и увеличения возраста пострижения в монахи для молодых женщин и мужчин, несмотря на то, что еще в 1722 г. правительство пыталось ограничить уход не достигшей 30-летнего возраста молодежи в монахи. Свою рекомендацию ученый аргументировал следующими соображениями: «Монашество в молодости ничто иное есть, как черным платьем прикрытое блудодеяние и содомство, наносящее знатный ущерб размножению человеческого рода, не упоминая о бывающих детоубийствах».

Предложение М. В. Ломоносова по сохранению и воспитанию внебрачных и подброшенных детей основывалось на изданных в первой половине XVIII в. указах об устройстве богаделен или госпиталей в губерниях, также при церквях и монастырях, куда должны помещаться незаконнорожденные и подкидыши. Эти заведения обязаны были содержаться за казенный счет, привлекать искусных нянь для ухода за младенцами, обучать детей грамоте и ремеслам. Более подробно вопрос об организации воспитания беспризорных детей русским ученым будет рассмотрен в трактате «Об исправлении и размножении ремесленных дел и художеств», о чем он упоминает в письме И. И. Шувалову.

К проблеме младенческой смертности М. В. Ломоносов подходит как демограф, приводя статистические данные. По его расчетам, если предположить, что мужское население России составляет 12 миллионов, из которых 1 миллион состоит в таком супружестве, что в два года рождается по ребенку, то ежегодно должно появляться полмиллиона новорожденных. Однако в течение трех лет их жизни половина младенцев умирает. А если учитывать вновь нарождающихся за это время, то ежегодно младенческая смертность будет составлять по 100 тысяч родившихся. Согласно статистическим данным, большое количество младенцев погибает во время родов от неумения повивальных бабок и неосторожности рожениц. Еще больше детских жизней уносят различные болезни и неспособность врачей лечить их. В связи с этим М. В. Ломоносов обращается к правительству: «Не стоит ли труда и попечения нашего, чтобы, хотя десятую долю, т. е. десять тысяч, можно было удобными способами сохранить в жизни?»

Среди причин высокой младенческой смертности М. В. Ломоносов особо обратил внимание на православный обряд крещения, который требовал погружать все тело ребенка с головой в холодную воду независимо от времени года, так как, согласно церковному предписанию, вода в купели должна быть натуральной, лишенной каких-либо примесей, в качестве которых признавалась и теплота. Подвергая резкой критике данный обряд, ученый, опираясь на современные физические теории, доказывал несостоятельность взглядов церкви на природу теплоты. Понимая непреклонность церковных устоев, он заявлял: «Однако невеждам попам физику толковать нет нужды; довольно принудить властью, чтобы всегда крестили водою, летней в рассуждении теплоты равною». При этом погружение ребенка с головой даже в умеренно теплую воду небезопасно, «когда мокрота в глаза, в уши, в ноздри, а иногда и в рот вливается; а когда рот и ноздри поп запирает рукою, тогда пресекается дыхание». Более того, М. В. Ломоносов указывает, что от крещения в холодной воде «в следующих болезнях, кои всякой младенец после преодолеть должен», возможен смертельный исход.

Продолжая полемику о вредности церковных обрядов, М. В. Ломоносов рассматривал пагубность для взрослого населения России соблюдения поста и празднования церковных праздников. В качестве аргумента ученый приводил тот факт, что «неравное течение жизни и круто перемененное питание тела не токмо вредно человеку, но и смертоносно, так что вышеписанных строгих постников, притом усердных и ревностных праздниколюбцев, самоубийцами почесть можно». Именно в эти дни «мертвые по кабакам, по улицам и по дорогам и частые похороны доказывают то ясно».

М. В. Ломоносов также считал, что Великий пост в России и церковные праздники приходятся «в самое нездоровое время года, что здесь не принята в соображение жестокая природа севера». Так как Масленица, Великий пост и Пасха приходятся на первую половину весны, когда преобладает холодная погода, тает снег, повышается влажность воздуха, происходит гниение отбросов, усиливаются вредоносные испарения, отсутствует свежая растительная пища, то это способствует увеличению инфекционных заболеваний и смертности людей. Он предлагает изменить календарь православных постов и праздников. По его мнению, целесообразно, чтобы Масленица была в мае, Великий пост в конце весны и начале лета, а Пасха ближе к Петрову дню, что способствовало бы «сохранению здоровья движение тела в крестьянах пахот-

ною работою, в купечестве – дальнею ездою по земле и по морю, военным – экзерциемею и походами». В результате было бы меньше праздности, меньше пирушек, пьянства, неравного питания, «надрывающего человеческое здравие». Кроме того, тот, кто возвращался домой, напившись на Масленицу, не замерз бы, а на Пасху – не провалился бы под лед. Как в прежние времена, так и сегодня российские церковные и государственные законодательные институты оставляют без внимания эти аргументы великого ученого.

Целесообразность переноса церковных праздников на конец весны – начало лета М. В. Ломоносов обосновывал также тем, что на севере – это «по концам тучное, а в середке сухое время есть самая праздная часть года». В это время «крестьяне не имеют никакой большой работы», купцам в распутицу «почти нет проезду из города в город с товарами», для моряков затруднено плавание, а для военных из-за «слякоти не могут быть удобно экзерциции».

Предвидя возражения отцов церкви о невозможности изменения укоренившегося с древнейших времен сроков проведения церковных праздников, М. В. Ломоносов, обращает их внимание на то, что эти сроки были установлены для народов Земли обетованной и Греции задолго до крещения русского народа и не имели в виду природно-климатические условия России. И все же он рекомендует им для «сохранения жизни столь великого множества народа» собрать в России Вселенский собор и изменить календарь церковных постов и праздников.

Уделяет внимание М. В. Ломоносов и качественному составу пищи, ее роли в физическом развитии представителей разных народностей и областей. Так он отмечает, что там, где питаются исключительно рыбой, народности малорослы, слабосильны и малочисленны. Там же, где употребляют в пищу в основном мясо, они отличаются более крупным и крепким телосложением и большей численностью. В областях, которые изобильнее скотом, многолюднее, чем в тех «местах, где скотом скудно, и в мясоед по большей части питаются рыбою или пустыми щами с хлебом».

Одним и факторов, препятствующих сохранению российского народа, М. В. Ломоносов считал отсутствие в России надлежащего состояния медицинской науки и здравоохранения; распространение, особенно в сельской местности, безграмотных целителей, которые «лечат наугад» и своими «вороженьем и шептаниями» умножают болезни людей, «приближая их скорее к смерти». Однако ученый не отрицает возможностей народной медицины и одобрительно отзывается о тех, кто действительно знает, как лечить некоторые болезни. Он приводит в пример коновалов и костоправов, которые «иногда и ученых хирургов в некоторых случаях превосходят». И все же, заявляет он, необходимо «учредить лечение по правилам, медицинскую науку составляющим».

Вызывает тревогу у М. В. Ломоносова малочисленность медицинского персона в войсках, где «лекари не успевают перевязывать и раненых, не токмо, чтобы всякого осмотреть, выспросить обстоятельно, дать лекарства», от чего те, кто мог бы выжить, умирают. Ученный был обеспокоен увеличением смертности из-за совершенного отсутствия в русских деревнях врачей. Он предлагает свой план налаживания врачебного дела в России.

Во-первых, требуется «по всем городам довольное число докторов, лекарей и аптек, удовольствованных лекарствами» иметь. Во-вторых, для изучения лечебного дела «послать довольное число российских студентов в иностранные университеты и учрежденным и впредь учреждаемым внутри государства университетам» предоставить «власть достойных производить в доктора», а также аптекарей и врачей обязать обучать учеников своему искусству. М. В. Ломоносова не удовлетворяла распространенная в России практика приглашения иностранных докторов, в большинстве случаев немецких. Он заявлял, что немецкими докторами «всего государства не наполнишь». Кроме того, иностранные лекари плохо знают русский язык, придерживаются чуждых российскому народу веры и нравов, дорого берут за лечение. Некоторые из рекомендаций М. В. Ломоносова были реализованы еще при его жизни. Так в ноябре 1763 г. была учреждена Медицинская коллегия, в ведение которой были переданы больницы и аптеки, а также подготовка медицинских кадров и присуждение звания доктора медицины. Однако, как отмечал И. А. Тихомиров, медицинских учреждений было по-прежнему очень мало, и главную роль в их деятельности продолжали играть немцы[7].

В поле зрения М. В. Ломоносова не остался без внимания вопрос о предотвращении смертности, вызванной такими несчастными случаями, как стихийные бедствия, эпидемии, наводнения и пожары, утопление и замерзание, пьянство и драки. Для предупреждения о стихийных бедствиях и эпидемий ученый предлагал сочетать применение административных мер по оповещению народа с просветительской работой по изданию и распространению специ-

альных руководств. Чтобы уберечься от наводнений, М. В. Ломоносов предлагал запретить около великих рек «на низких местах, вешней особливо воде подверженных» строить жилища, что делают для того, «чтобы вода и сено и всякая от воды удобность была близко».

Относительно предупреждения смертности от пожаров, утоплений и замерзаний, пьянства и драк автор трактата намеривался рассмотреть их в письмах «Об улучшении государственной экономии» и «Об истреблении праздности». В данном же трактате М. В. Ломоносов подробно описывает, как предотвратить кровопролитие, вызванное поземельными спорами, и каким образом следует избавиться от разбойничьих нападений, что «будет служить не токмо для общей безопасности и к сбережению российского народа».

В отличие от попыток правительства избавиться от разбойников, используя специальные военизированные подразделения, М. В. Ломоносов отдавал предпочтение оборонительным мерам, с помощью которых возможно перекрыть доступ разбойникам в города и села. Он считал, что применение оружия противоречит самой идее сохранения народа, к тому же, как показывала практика, вывести таким образом «сие зло, или, хотя знатно убавить, нет почти никакой надежды». Другое дело, если закрыть разбойникам доступ в населенные пункты и с помощью местных жителей можно будет часто ловить их по одиночке. М. В. Ломоносов также советует установить строгий контроль за предоставлением ночлега приезжающим. Действенным, по его мнению, будет и объявление жителям о вознаграждении за поимку разбойника («за всякую голову по 10 рублей»), а за поимку главарей и сообщение о тех, «кто держит воровские прибежища по 30 рублей». Через два года после написания М. В. Ломоносовым трактата в 1763 г. был принят указ о вознаграждении за донос на содержателя притона – 50 рублей, за поимку и привод атамана – 30 рублей, разбойника – 10 рублей[8]. Сегодня некоторые из предлагаемых М. В. Ломоносовым рекомендаций могли бы быть использованы в борьбе против террористов и бандитов.

Одним из факторов, которые влияют на численность российского населения, М. В. Ломоносов считал миграцию. И если П. И. Шувалов в своем проекте основной причиной бегства русских людей за границу объявлял тех, которые, «учинив какое либо воровство или преступление скрыться желают»[9], то автор трактата утверждал, что «побеги бывают более от помещичьих отяготений крестьянам и от солдатских наборов». В большинстве случаев совершают побеги жители приграничных с Польшей сел. В этой связи М. В. Ломоносов предлагал, что «лучше пограничных с Польшею жителей облегчить податями и снять солдатские наборы, расположив их по всему государству». В то же время ученый предлагал поощрять иммиграцию, тем самым пополнять «место беглецов за границы» приемом иностранных граждан, не только одиночками, но и целыми семьями. Он считал, что пространственные земли России «в состоянии вместить в свое безопасное недро целые народы и довольствовать всякими потребами, кои единого только посильного труда от человеков ожидают к своему полезному произведению». Большие размеры иммиграция в Россию приняла с 1763 г. в царствование Екатерины II, тогда были приняты специальные указы, созданы правительственные учреждения по делам иностранных переселенцев, которым предоставлялись значительные льготы. Сегодня российское правительство более озабочено нахлынувшей волной нелегальной миграции гастарбайтеров, чем оттоком отечественных и привлечением иностранных высококлассных специалистов.

Заканчивая письмо графу И. И. Шувалову, М. В. Ломоносов попытался составить демографический прогноз на ближайшие 20 лет с учетом, что его рекомендации будут использованы для «сохранения и приращения подданных» российского государства. По его расчетам, возможное увеличение численности населения России может составлять «до полумиллиона душ», что даст увеличение численности населения Росси за 20 лет «до 10 миллионов». При этом он надеется, что его рекомендации «не будут ничем народу отяготительны, но будут служить к безопасности и успокоению народному».

Сегодня, когда в России наблюдается нарастание демографического кризиса, многие высказанные М. В. Ломоносовым 250 лет назад рекомендации и советы по сохранению и размножению народа российского, являются актуальными и могут быть учтены учеными и политиками при разработке и реализации современной демографической политики государства.

Примечания

[1] См.: Сухоплюев И. К. Взгляды Ломоносова на политику народонаселения // Ломоносовский сборник. 1711–1911. СПб., 1911; Тихомиров И. А. О трудах М. В. Ломоносова по политической экономии // Журн. М-ва нар. просвещения.

1914. Кн. 2; Его же. О трудах М. В. Ломоносова по статистике России // Там же. 1915. Кн. 2; Плеханов Г. В. История русской общественной мысли: в 3 т. М.; Л., 1925.

[2] См., например: Бак И. С. Михаил Васильевич Ломоносов (к 250-летию со дня рождения) // Вопр. экономики. 1961. № 11; Иванов П. В. Великий патриот и гуманист: М. В. Ломоносов о роли народа в историю. Курск, 1961; Перевалов В. А. Вопросы статистики населения и труда в работах М. В. Ломоносова // Вестн. статистики. 1961. № 11; Птуха М. В. М. В. Ломоносов как статистик // Ломоносов: сб. ст. и материалов. М.; Л., 1961. Т. 5.

[3] Лысцов В. П. М. В. Ломоносов о социально-экономическом развитии России. Воронеж, 1969. С. 205.

[4] См.: Проект П. И. Шувалова 1754 г. «О разных государственной пользы способах» // Ист. арх. 1962. № 6; Проект нового Уложения, составленный Законодательной комиссией 1754–1766 гг. // О состояниях подданных вообще. СПб., 1893.

[5] Здесь и далее цитаты даны по первоисточнику: Ломоносов М. В. Письмо к его Высокородию Ивану Ивановичу Шувалову // Полн. собр. соч. / АН СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 8: Поэзия, ораторская проза, надписи, 1732–1764. С. 289–290.

[6] Сухоплюев И. К. Указ. соч. С. 190–191; Тихомиров И. А. О трудах М. В. Ломоносова по политической экономии. С. 251.

[7] Тихомиров И. А. О трудах М. В. Ломоносова по политической экономии. С. 255–256.

[8] Лысцов В. П. М. В. Указ. соч. С. 242.

[9] Проект П. И. Шувалова 1754 г. С. 107.

УДК 378(091)(470.23-25)

П. Н. Базанов

Международная конференция «Смирдинские чтения»

Petr N. Bazanov

International conference «Smirdinskiy Reading»

«Смирдинские чтения» проходят в Петербурге с 1978 г. раз в два года под эгидой кафедры библиографоведения и книговедения Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. Основали конференцию профессора нашего университета И. Е. Баренбаум и И. А. Шомракова. «Смирдинские чтения» посвящены известному петербургскому издателю и книгопродавцу Александру Филипповичу Смирдину (1795–1857). Он знаменит более всего как издатель «Бахчисарайского фонтана» и «Евгения Онегина» А. С. Пушкина, «Басен» И. А. Крылова, «Ивана Выжигина» Ф. В. Булгарина, сборников «Новоселье и «Сто русских писателей», собраний сочинений русских классических писателей XVIII-XIX вв. Заслуга А. Ф. Смирдина перед отечественной культурой и литературой состоит и в том, что он первым в России стал выплачивать гонорары авторам, т. е. способствовал профессионализации писательского труда. А. Ф. Смирдин первым открыл книжный магазин в Санкт-Петербурге с витринами на Невском проспекте и сделал русскую книгу доступной по цене для небогатых людей.

В то же время «Смирдинские чтения» никогда не замыкались на биографии и творчестве А. Ф. Смирдина и рассматривали проблемы книжного дела Петербурга, историю книги, книжной культуры, теорию и практику библиографии и книговедения, историю читателя и библиотек в самом широком ракурсе. Последние пятнадцать лет постоянной темой нескольких докладов является книжное дело русской эмиграции.

Состав участников конференции всегда был чрезвычайно разнообразным – от академиков до студентов. Хотелось бы, конечно, выделить имена известных ученых, регулярно принимавших участие в «Смирдинских чтениях». Неоднократно выступали с докладами и сообщениями такие известные петербургские ученые, как книговеды И. Е. Баренбаум, И. А. Шомракова, С. В. Белов, Е. И. Григорьянц, Б. В. Сапунов, А. В. Шевцов; библиографоведы Г. В. Михеева, Е. К. Соколинский; историки Д. Н. Альшиц (Даниил Аль), Г. А. Тишкин, О. Б. Кох, А. С. Мыльников, Е. Р. Ольховский, Е. В. Петров и многие другие. Желанными гостями на конференции всегда были библиофилы, особенно выделялись доклады доктора философских наук, профессора Санкт-Петербургской государственной лесотехнической академии В. А. Петрицкого. Всегда яркими и запоминающимися были выступления директора Северо-Западного университета печати Санкт-Петербургского государственного технологии и дизайна Н. Б. Лезуновой и начальника архива УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области С. К. Бернева. А кто только не приезжал выступить на «Смирдинских чтениях»: член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор, генеральный директор Академиздатцентра «Наука» РАН, директор Научного центра исследований истории книжной культуры, председатель Комиссии по истории книжной культуры и комплексному изучению книги Научного совета РАН «История мировой культуры» В. И. Васильев; директор Российской книжной палаты» доктор филологических наук, профессор Б. В. Ленский и и. о. директора радио «Свобода» в Москве М. В. Соколов. Украшением конференции были доклады известных историков книги А. П. Толстякова, А. Ю. Самарина из Москвы, С. А. Пайчадзе из Новосибирска.

Иностранные гости съезжались на нашу конференцию, в прямом смысле, со всего мира. Из Америки приезжали выступить заведующий Славяно-балтийским отделом Нью-Йоркской публичной библиотеки доктора Э. Касинец, куратор русской коллекции Гуверовского института Стенфордского университета А. В. Шмелев, заведующий славянским фондом библиотеки того же университета В. Залевский, библиотекарь Университета штата Джорджия Л. Тейлор. Наука Западной Европы представлена на «Смирдинских чтениях» именами известного польского теоретика книговедения К. Мигоня, немецкого историка книги Г. Кратца директора Флорентийской библиотеки «Вьессе» Л. Дезидери, председателя итальянской ассоциация «Русь» Б. Марабини Цеггелер и неаполитанского исследователя М. Г. Талалая. Не забывают нас и бывшие соотечественники – профессор Таллиннского педагогического университета историк книги М. А. Лотт, профессор Белорусского

государственного университета историк-американист В. И. Меньковский, израильские ученые и исследователи М. Жидовецкий, Т. Б. Друбецкая, Э. Мазовецкая, С. Лапицкая и др.

С середины 1990-х гг. благодаря энтузиазму профессора И. А. Шомраковой удавалось издавать в издательстве нашего университета сборники статей по материалам «Смирдинских чтений». Многие из этих сборников носили красивые индивидуальные названия: «Книга. Культура. Читатель», «Книга. Культура. Общество», «XX век. Две России – одна культура» «Деятели книги: М. Н. Куфаев» и всегда пользовались интересом и популярностью у книговедов, библиографоведов, библиотековедов и просто у любителей книги.

Последние XVII «Смирдинские чтения» прошли 16–17 апреля 2012 г. и были посвящены теме «Традиции и инновации в книжном деле». Всего было 48 докладов и сообщений. Пленарное заседание открыла доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе нашего университета О. Б. Кох. Она первой поставила модный вопрос о будущем печатной книги. К этой же актуальной теме обратились и следующие докладчики, друзья СПбГУКИ и «Смирдинских чтений». В. А. Петрицкий поставил вопрос о сохранении традиций книжной культуры Санкт-Петербурга, а Н. Б. Лезунова о сочетании электронной и печатной книги в современности и будущем. Генеральный директор «Дома Книги» Л. Г. Пасхина с точки зрения практики дополнила доклад Н. Б. Лезуновой интересными фактами из деятельности самого большого в нашем городе книжного магазина.

В первой секции «Издательское дело и книжная торговля» наибольший интерес вызвали сообщения кандидатов филологических наук сотрудника Российской национальной библиотеки Е. А. Голлербаха о начале издательской деятельности З. И. Гржебина и доцента Северо-западного института печати Е. И. Григорянц о футуристических традициях в современной русской книге. Неподдельный интерес к этим сообщениям лишний раз доказывает, что история книги всегда актуальна для культурной публики.

Вторая секция носила традиционное название «Библиотека, Библиография». Здесь лучшими выступлениями можно считать «старожила» «Смирдинских чтений» доктора педагогических наук Г. В. Михееву с докладом о библиографии по экономике в годы Гражданской войны и молодого ученого старшего преподавателя СПбГУКИ Д. Б. Сугака с сообщением о характере библиографической информации на сайтах кафедр вузов.

Новинкой для XVII «Смирдинских чтений» была впервые сформированная аспирантско-студенческая секция. Аспирант Е. В. Крылова показала, как социальные сети книжной тематики становятся не просто источником информации для издателей, но и помогают им выпускать востребованную в обществе литературу и определять читательскую моду. Многие доклады студентов были на высоком научном уровне, не хуже, чем у титулованных ученых. Интерес у присутствующих вызвали доклады студента 21311 группы С. В. Степанова и 21511 М. М. Аболиной. С. В. Степанов на основе ранее неизвестных архивных данных восстановил историю Санкт-Петербургской губернской типографии, а М. М. Аболина сопроводила свое выступление о берлинском эмигрантском издательстве «Петрополис» удачно подготовленной презентацией.

В заключение можно смело написать – конференция удалась. Интерес одинаково вызывали и традиции, и инновации в книжном деле. Большой популярностью продолжает пользоваться история книги, издательств, библиографии. С другой стороны, общественность живо интересуется вопросом вытеснит ли электронная книга печатную, каково будущее библиографии в связи с обширной библиографической информацией в Интернете, как устанавливается современное авторское право на эти новые явления.

П. Н. Базанов

Рецензия на монографию М. В. Соколова «Соблазн активизма» (М., 2011)

Petr N. Bazanov

Review of the monograph by Mikhail V. Sokolov «The Temptation of activism» (M., 2001)

Соколов М. В. Соблазн активизма : русская республиканско-демократическая эмиграция 20–30-х гг. XX в. и ОГПУ СССР / Михаил Соколов. – М. : Азбуковник, 2011. – 550 с.

Книга кандидата исторических наук Михаила Владимировича Соколова посвящена весьма важной и актуальной в научном и общественном отношении проблеме, которая находится в наши дни на пике интереса в исторической науке, и до сей поры не являлась предметом специального исследования. Тема русского зарубежья, эмиграции из России в XX в. привлекает уже тысячи отечественных ученых.

М. В. Соколов выбрал наиболее интересный сюжет истории «Великого Государства Зарубежная Русь». Он максимально досконально и подробно исследовал деятельность одной из самобытных политических организаций «Крестьянской России» – Трудовой крестьянской партии (ТКП). Можно честно и прямо написать, что до этой работы истории ТКП практически не было. Существовали отдельные упоминания (не всегда соответствовавшие действительности), работы о некоторых лидерах «Крестьянской России», несколько опубликованных партийных документов и раздел монографии и докторской диссертации П. Н. Базанова об издательской деятельности ТКП. Благодаря статьям М. В. Соколова и его диссертации, мы имеем монографическое исследование о «Крестьянской России». Им подробно исследовано создание партии. Надеюсь, отечественные авторы, повторяющие кочующий из статьи в статью ошибочный штамп от науки, перестанут, наконец, называть эту организацию эсеровской, так как ее лидеры сразу отреклись от социализма, что и привело к появлению новой организации. Автор поставил своей целью исследовать идеологию, историю и политическую деятельность этой крупнейшей политической партии русского зарубежья. С этой целью М. В. Соколов исследовал широкий круг проблем, в том числе изучил процесс создания, функционирования и идейной эволюции «Крестьянской России» – Трудовой крестьянской партии, выявил основные сферы политической деятельности партии, характерные черты ее идейной, пропагандисткой и агитационной работы. Отдельно нужно выделить контакты ТКП с антисоветским подпольем в СССР и попытки регулярного проникновения членов «Крестьянской России» в метрополию.

Автором монографии проделана большая и трудоемкая работа по обобщению достаточно обширной историографии, касающейся отдельных вопросов темы исследования. Вместе с тем М. В. Соколовым выявлены, проанализированы и введены в научный оборот новые исторические документы. Исследование может послужить примером того, какой должна быть источниковая база у работы по истории политической организации русской эмиграции. В ходе этой работы были обследованы 115 фондов из 10 архивов в России и за рубежом. Это фонды отечественных архивов: Государственный архив Российской Федерации, Государственный архив Хабаровского края, отдел рукописей Российской государственной библиотеки, Российский государственный архив социально-политической истории, Российский государственный военный архив, Центральный архив ФСБ, архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, архив Службы безопасности Украины (Киев); иностранные архивохранилища: Бахметевский архив Колумбийского университета в Нью-Йорке, Литературный архив Чехии в Праге и архив Лондонской школы экономики.

История «Крестьянской России» – ТКП и ее идеологии – одна из самых интересных страниц жизни русской эмиграции. Буколика традиционно характерна для русской культуры, а с XIX в. появляется крестьянофильство в общественной мысли России. Политическая кристаллизация крестьянофильства – это и есть идеология «Крестьянской России» – ТКП. Именно эта организация русского зарубежья отказалась от социализма как утопической и даже вредной идеи для сельского хозяйства в России и перешла на удовлетворение нужд и чаяний не только «богатого», но и трудолюбивого, отнюдь не ленивого русского крестьянства. В условиях, когда в Российской Федерации уходит в города дееспособное сельское население, когда собственно крестьянства уже почти не осталось, идеи «Крестьянской России» – ТКП по укреплению этого общественного слоя оказываются как никогда жизненны и актуальны.

В то время как в СССР в течение более чем 70 лет господствовала одна идеология – коммунизм,

одухотворенная марксизмом-ленинизмом, в понимании правящего генсека и его окружения, наше зарубежье являлось своеобразным «полигоном свободной русской мысли». Действительно, в существовавшем идеологическом спектре учений русской эмиграции можно найти **любые** актуальные концепции и идеи для обоснования проблем и вопросов современности. «Россия вне России» усиленно разрабатывала альтернативные концепции переустройства России, чтобы свергнуть большевизм и в постсоветском пространстве построить новую, но **нашу** страну. Поэтому, на взгляд рецензента, совсем не удивительно, что М. В. Соколов из огромного политического спектра от анархистов и троцкистов до черносотенцев и фашистов выбрал именно «Крестьянскую Россию» – ТКП как наиболее ему близкую по идеологическим взглядам организацию, пытавшуюся соединить западнические демократические идеалы с реальной «почвой»: интересами большинства – тогда на три четверти крестьянского населения России.

Отдельно нужно сказать и о главном герое книги М. В. Соколова – Сергее Семеновиче Маслове (1887–1945?). Как все русские эмигранты первой «волны», он типичный и одновременно колоритный представитель Серебряного века. С. С. Маслов пережил характерное для интеллигенции конца XIX – начала XX в., увлечение социализмом (в народническом варианте), веру в спасительную «Революцию». В партии эсеров он достиг поста члена ЦК и даже выиграл выборы в Учредительное собрание, которое, как и Зимний дворец, предлагал защитить силой оружия. Во время Гражданской войны С. С. Маслов – активный участник антибольшевистского подполья, «Союза возрождения России» – третьей силы между белыми и красными. Одним из первых в руководстве партии эсеров он признает ошибочность борьбы против Белого движения и абсолютную опасность для России побеждающего коммунизма. В 1921 г. ему удалось выехать за границу, и начался эмигрантский период жизни, неотделимый от истории «Крестьянской России» – ТКП.

Жизнь С. С. Маслова похожа на увлекательный авантюрный приключенческий роман с трагическим концом. Мы так и не знаем, где и как умер С. С. Маслов, после того как его больного тифом после нацистского концлагеря арестовали в Праге агенты Смерша. Никаких документов, подтверждающих какую-либо из существующих версий, так и не обнаружено.

Существенных замечаний к автору у рецензента не возникло, но вместе с тем хотелось бы уточнить некоторые аспекты темы. В принципе М. В. Соколову могут бросить упрек, что в его монографии, особенно во введении, четко видна позиция показать и идеологию, и программные положения «Крестьянской России» – ТКП как образец для современного российского демократического движения. Как считает автор, крестьянофильская идеология ТКП будет востребована настоящими и будущими партиями Российской Федерации, ориентирующимися на сельское население нашей страны. С такой позицией легко можно поспорить. Обратить внимание можно и на то, что автор не проводит параллелей с другими активистскими организациями русского зарубежья. При этом в тексте монографии изложена история «Республиканско-Демократического Объединения», «Борьбы за Россию», «Опуса», но почти нет РОВС, НТСНП и русских фашистов. Есть «Киевский центр действия», но нет Выборгского (Северного). Какие контакты или противоречия, например, были у ТКП с другой активистской организацией русской эмиграции – «Братством Русской Правды»? Столь ли уверен М. В. Соколов в своем тезисе о перевербовке большинства агентов ТКП в СССР в конце 1920-х гг.? Не являлось ли это обычной двойной игрой со стороны эмигрантов в желании хоть как-то сохранить возможность бывать на советской территории? Как историк эмигрантской печати не могу не заметить – мало рассказано про издательскую деятельность «Крестьянской России» – ТКП. Где издавались листовки, которые забрасывались в СССР и о которых идет речь в тексте монографии?

Самостоятельное научное значение имеет приложение «Персоналии» – биографический справочник всех деятелей «Крестьянской России» – ТКП и союзных организаций. К тому же, в том числе и по инициативе М. В. Соколова, в издательстве «Наука» недавно была переиздана книга С. С. Маслова «Колхозная Россия». Большой интерес представляют и оригинальные, по большей части впервые публикуемые, фотографии, имеющие прямое отношение к теме монографии.

В конце можно сделать вывод: книга М. В. Соколова о «Крестьянской России» – Трудовой крестьянской партии – образцовая монография по истории политических организаций русской эмиграции, именно так и надо писать. В ней использованы эмигрантские архивы, находящиеся в Российской Федерации и за рубежом, привлечены архивы ФСБ и других спецслужб. Использованы печатные издания русского зарубежья, в том числе редкие и малодоступные. Изучена и проанализирована вся новейшая литература по теме почти со 100 % исчерпывающей полнотой – редкое явление в наши дни. Воссоздана внутренняя история «Крестьянской России» – создание, этапы развития, механизм функционирования (1920–1953 гг.). К положительному фактору нужно причислить и большой объем – более 35 п. л., при этом ничего лишнего нет – именно то, что называется «исследование темы с исчерпывающей полнотой».

В. Е. Семенков

Рецензия на монографию «Университет и город в России (начало XX в.)» (М., 2009)

Vadim E. Semenkov

Review of the monograph «University and city in Russia (beginning of the XX century)» (M., 2009)

Университет и город в России : (начало XX в.) : сборник / под ред. Т. Маурер и А. Дмитриева. – М. : Новое лит. обозрение, 2009. – 777, [1] с. – (История науки).

В аннотации к данной работе сказано, что «сборник посвящен исследованию городского контекста эволюции университетов Российской империи предреволюционного периода». Историки из России, Германии и Эстонии переосмысливают жизнь «университетского человека» в плане изучения условий производства знания и его институциональной основы, «отходя от привычных – ведомственно-факультетских или идейно-политических – подходов». Во вступительной статье к этому изданию один его авторов заявляет о намерении «представить свои соображения по развитию нескольких российских университетов, а также определить задачи для последующих исследований» (с. 13). Такова была заявка этого проекта. Для полноты картины представленных показателей стоит указать на авторов и названия их статей.

Профессор Геттингенского университета Труде Маурер написал два весьма обстоятельных статьи: «Университет и (его) город: новая перспектива для исследования истории российских университетов» и «Русский Юрьевский университет и немецкий Страсбургский университет: утраченные форпосты», редактор журнала «Новое литературное обозрение» Александр Дмитриев – «По ту сторону „университетского вопроса“: правительственная политика и социальная жизнь российской высшей школы (1900–1917 гг.)», доцент Санкт-Петербургского государственного университета Евгений Ростовцев – «Университет столичного города (1905–1917 гг.)», научный сотрудник Московского государственного университета Дмитрий Цыганков – «Московский университет в городском пространстве начала XX в.», профессор Искандер Гилязов – «Город Казань и Казанский университет в начале XX в.», научный сотрудник Тартуского университета Сирье Тамул – «Тарту и его университеты (1905–1918 гг.)».

Каковы были принципы отбора городов и университетов? Авторами коллективной монографии были выбраны три университета: один столичный, один провинциальный и один пограничный, находящийся в транзитивной и конфликтной области взаимодействия различных культур. Для России это Санкт-Петербургский, Казанский и Юрьевский университеты. Однако, как пишет Труде Маурер, «с точки зрения отношения города и университета… показалось целесообразным принять также во внимание и Москву – как тогдашнюю фактическую **вторую** столицу и как город, где находится старейший русский университет с самостоятельной и самобытной традицией (который в напряженных отношениях между государством и высшей школой вел себя иначе, чем Петербургский)» (с. 35).

Данная весьма объемная работа написана сугубо академично: один профессор адресует свое сообщение другому профессору. Никаких аллюзий и намеков на текущую российскую ситуацию, никаких «соображений по развитию российских университетов» ни один из авторов не делает. Видно, что все они исповедуют принцип объективности, научной беспартийности, политической беспристрастности. В принципе, такая позиция вполне допустима, но надо отдавать себе отчет, что такой подход сказывается на востребованности данного исследования у широкой неакадемичной, но интеллектуально ангажированной аудитории.

Чем интересна и полезна эта честно и ответственно написанная работа? Автору данной рецензии значимым представляются две вещи: 1) выводы о развитии автономности университетов в Российской империи и 2) используемый категориально-понятийный аппарат. На протяжении всей книги мы видим ценные концептуально-методологические замечания о том, как стоит говорить на эту тему.

Труде Маурер: «Российский университет – вопреки процентным нормам для евреев и поляков – являлся с сословной и с национальной точки зрения учреждением открытым. Это касалось как студенчества, так и преподавательского корпуса. На основе русского языка и ввиду общих целей и задач здесь могли встречаться и сотрудничать представители различных со-

словий и национальностей – как едва ли где-нибудь еще в тогдашней Российской империи» (с. 73) и далее очень ценное замечание: «…непосредственно накануне и во время революции 1905 г. встречаются упоминания и о трениях на национальной почве, например среди студентов в Одессе или в Юрьеве. В этом отношении университет не был **объединяющим** различные национальности элементом, а являлся объектом, за который они стали **конкурировать**» (с. 75). Очень хорошее замечание о том, что открытость института/корпорации способствует не только интеграции, но и конкуренции.

Александр Дмитриев: «Несмотря на то, что студенты университета составляли пополнение образованной элиты общества, это отнюдь не свидетельствовало о блестящем материальном положении студентов. Поскольку Россия начала XX в. была обществом быстро модернизирующимся, образование для многих универсантов было способом не столько **воспроизводства** жизненных стратегий и капиталов родителей (по П. Бурдье), сколько их **повышения** и приращения собственных „ставок" и притязаний» (с. 135). Четко сказано, что в одну эпоху высшее образование может обеспечивать воспроизводства статуса, а в другую – может предоставлять шанс на его повышения.

Евгений Ростовцев: «Масштаб участия (профессорско-преподавательского состава в культурной жизни столицы. – *В. С.*) был весьма широк, и мы вряд ли можем представить себе научную, культурную и светскую жизнь столицы без представителей ее университета. Однако следует подчеркнуть, что участие почти во всех общественных начинаниях… петербургских профессоров и преподавателей носило **индивидуальный,** а не коллективный характер» (с. 251). Хорошо замечено, что надо различать корпоративное и индивидуальное участие профессуры в культурной и политической жизни города.

Таких методологически ценных положений разбросано немало по страницам этой работы. Так же хорошо прописано и методологическое обоснование разговора на тему автономии университета в России.

Евгений Ростовцев предлагает различать понятия **формальная** и **фактическая автономия.** С **формально-юридической точки зрения**, автономия столичного университета в Петербурге, как и других университетов империи, носила весьма ограниченный характер и была основана на Университетском уставе, государственных правилах и указах. Однако при рассмотрении истории борьбы университетов за автономию необходимо прежде всего учитывать, что проблема университетской автономии русском обществе было неразрывна связана с русским освободительным движением. «В начале XX в. профессорско-преподавательский состав высших учебных заведений, по существу, являлся одним из основных ресурсов оппозиционной самодержавию кадетской партии. В этой ситуации предоставление университетам требуемой ими юридической автономии означало бы с точки зрения власти передачу системы высших учебных заведений под полный контроль оппозиции» (с. 280). «В то же время, – указывает Евгений Ростовцев, – **фактически** профессорские советы имели решающее значение для определения всего хода внутренней жизни университетов. Таким образом, **фактическая** автономия университетов была несравненно больше формальной. Любое вмешательство министерства (несмотря на его формально-юридическую обоснованность) в то, что профессура считала своей нераздельной компетенцией, встречало предельно жесткий отпор преподавательской корпорации» (с. 280). Неудивительно, что при таких отношениях с правительством и министерством сама идея автономии понималась как фактическая независимость от власти. Евгений Ростовцев делает указание, что «в этих условиях… практически не было места для формирования позитивной программы сотрудничества власти и преподавательской корпорации» (с. 285).

В конце своей работы о Петербуржском университете в 1905–1917 гг. Евгений Ростовцев предлагает следующий вывод: «Отношения университета с городским сообществом, таким образом, показывают, что в определенной степени идея автономии университетов от государства в российских условиях, в ситуации отсутствия прочных гражданских институтов, превращалась в идею автономии университетов от общества… В то же время бюрократизация, тотальная регламентация со стороны государства сковывала университет… создавала почву не для совместной работы, а для совместной фронды по отношению к центральной власти.

Так крупнейший научный и общественный центр в столице Империи превращался в „башню из слоновой кости", спекулируя на своей фактической свободе и академической автономии». Такой эскапизм негативно сказался на положении университета после революции 1917 г.: «в 1920-е гг. произошла ликвидация не только „университетской автономии", но и почти всех общественных структур, созданных при университете в начале XX в.» (с. 321).

Это, пожалуй, самый значимый вывод всей коллективной монографии.

Вторым по значимости выводом являются замечания Труде Маурера о том, что степень

вложенности университета в городское пространство прямо обратна величине этого города.

Рассматривая треугольник отношений «университет – государство – город», Маурер указывает, что город и университет были как разнонаправленные полюса, стремившиеся к самостоятельности и преследовавшие свои собственные и противоположные друг другу интересы. Поэтому на уровне города речь шла скорее о спорадических контактах, чем непрерывном и упорядоченном сотрудничестве: «И наоборот, университеты в малых городах, уже за счет своего экономического значения для небольших городов, были сильнее интегрированы в городские структуры. Поэтому города были особо заинтересованы в благополучии „своих" университетов и готовы к более тесному сотрудничеству и поддержке» (с. 70).

Это любопытное замечание, из которого можно сделать вывод, что по мере роста города возрастает сложность интеграции университета в городское пространство. Однако по прочтении работы открытым остается вопрос о модели автономии и необходимости университета. Отчего должен быть автономен университет: от общества или от государства? Если от общества, то каким образом, по какой модели должны сейчас выстраиваться отношения университетского профессора и государственного чиновника? История российских университетов ответа на этот вопрос не дает.

Сведения об авторах

Information about authors

Алякринская Марина Андреевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры культурологии и русского языка Санкт-Петербургского института-филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Alyakrinskaya Marina Andreevna, PhD of philological studies, associate professor of Department of Cultural studies and Russian language of North-West Institute of Public Administration of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg) (marinsky@inbox.ru)

Артановский Сергей Николаевич, доктор философских наук, почетный профессор СПбГУКИ

Artanovsky Sergey Nikolaevich, doctor of philosophy, honored professor of Saint-Petersburg State University of Culture and Arts (artanovskaj2012@yandex.ru, marina_rio@mail.ru)

Базанов Петр Николаевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры библиографоведения и книговедения СПбГУКИ

Bazanov Petr Nikolaevich, doctor of history, professor of Department of Bibliography Studies of Saint-Petersburg State University of Culture and Arts (bazanovpn@mail.ru)

Барахоева Анастасия Александровна, аспирантка кафедры музеологии и культурного наследия СПбГУКИ; научный руководитель Мухин Андрей Сергеевич, кандидат философских наук, доцент кафедры музеологии и культурного наследия СПбГУКИ

Barahoeva Anastasia Alexandrovna, post-graduate student of Department of Museology and Cultural Heritage of Saint-Petersburg State University of Culture and Arts; supervisor of studies Mukhin Andrey Sergeevich, PhD of philosophy, associate professor of Department of Museology and Cultural Heritage of Saint-Petersburg State University of Culture and Arts (ingvarrpost@mail.ru)

Боголюбова Наталья Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных гуманитарных связей факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета

Bogolubova Natalja Michajlovna, PhD of history, associate professor of Chair of International Humanitarian Connections at the Department of International Relations of Saint-Petersburg State University (mollycat@mail.ru)

Божченко Ольга Александровна, директор Музея становления демократии в современной России им. А. Собчака (Санкт-Петербург)

Bozhchenko Olga Alexandrovna, Director of Museum of Development of Democracy in Modern Russia named by Anatoliy Sobchak (Saint Petersburg) (ol-bozh@yandex.ru**)**

Васильчук Евгений Олегович, кандидат политических наук, преподаватель общественных дисциплин Черкасского государственного бизнес-колледжа (г. Черкассы, Украина)

Vasilchuk Evgeny Olegovich, PhD of political sciences, lecturer of public disciplines of the Cherkassy State Business-college (Cherkassy, Ukraine) (asdp_ua@bk.ru, skm042006@rambler.ru)

Гиляревский Руджеро Сергеевич, заслуженный деятель науки РФ, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделением научных исследований по проблемам информатики Всероссийского института научной и технической информации Российской академии наук (ВИНИТИ РАН) (Москва)

Giliarevski Rudzhero Sergeevich, honored figure in Science of Russian Federation, doctor of philology, professor, head of the Department of scientific research in All-Russian Institute of scientific and technical information of Russian Academy of Sciences (VINITI RAN) (Moscow) (giliarevski@viniti.ru)

Глотов Михаил Борисович, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и политологии СПбГУКИ

Glotov Michail Borisovich, doctor of sociology, professor of Department of sociology and political science of Saint-Petersburg State University of Culture and Arts (glotov.m@mail.ru)

Жуковская Людмила Владимировна, магистр реставрации (Санкт-Петербург)

Zhukovskaya Lyudmila Vladimirovna, master of restoration (Saint-Petersburg) (ludmila.vzh@yandex.ru)

Захарчук Татьяна Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры информационного менеджмента СПбГУКИ

Zakharchuk Tatiana Viktorovna, PhD of pedagogics, associate professor of Department of Management of Information of Saint-Petersburg State University of Culture and Arts (tzakhar56@gmail.com)

Сведения об авторах

Information about authors

Клевцов Павел Борисович, кандидат философских наук, доцент кафедры межкультурных коммуникаций СПбГУКИ

Klevtsov Pavel Borisovich, PhD of philosophy, associate professor of Department of Intercultural Communications of Saint-Petersburg State University of Culture and Arts (pavel-klevcov@yandex.ru)

Клименко Екатерина Владимировна, кандидат культурологии, старший преподаватель кафедры социально-культурной деятельности СПбГУКИ

Klimenko Ekaterina Vladimirovna, PhD of culture studies, senior lecturer of Department of Socio-Cultural Activities of Saint-Petersburg State University of Culture and Arts (cvk79@mail.ru)

Корнев Петр Казимирович, заслуженный артист РФ, кандидат культурологии, доцент кафедры музыкального искусства эстрады СПбГУКИ

Kornev Petr Kazimirivitch, honoured artist of Russian Federation, PhD of culture studies, associate professor of Department of Musical Art of Variety of Saint-Petersburg State University of Culture and Arts (peter@arsnovajazz.ru)

Купрякова Вера Сергеевна, специалист по работе с молодежью отдела по организации работы с молодежью управления по учебно-воспитательной работе и связям с общественностью СПбГУКИ

Kupryakova Vera Sergeevna, specialist on work with youth of the Department of organization of work with youth of Chair of educational work and public relations of Saint-Petersburg State University of Culture and Arts (verakuprjakova@gmail.com)

Лебедев Анатолий Александрович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии СПбГУКИ

Lebedev Anatoly Aleksandrovich, PhD of philosophy, associate professor of Department of philosophy of Saint-Petersburg State University of Culture and Arts (satropin@mail.ru)

Мастеница Елена Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры музеологии и культурного наследия СПбГУКИ

Mastenitsa Elena Nikolaevna, PhD of history, associate professor of Department of Museology and Cultural Heritage of Saint-Petersburg State University of Culture and Arts (elenamast@yandex.ru)

Михеева Галина Васильевна, заслуженный работник культуры РФ, доктор педагогических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела истории библиотечного дела Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург)

Mikheeva Galina Vasiljevna, honored figure in Culture of Russian Federation, doctor of pedagogics, professor, senior research assistant of Department of History of Libraries in National Library of Russia (Saint-Petersburg) (mikheeva@nlr.ru)

Николаева Юлия Вадимовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных гуманитарных связей факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета

Nikolaeva Julia Vadimovna, PhD in history, associate professor of Chair of International Humanitarian Connections at the Department of International Relations of Saint-Petersburg State University (mollycat@mail.ru)

Петрова Людмила Ивановна, старший научный сотрудник отдела хранения открыток Государственного музея истории Санкт-Петербурга

Petrova Ludmila Ivanovna, senior research officer of Department of Postcard Collection of The State Museum of History of Saint-Petersburg (ludpetrova@list.ru)

Пигров Константин Сергеевич, доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии и истории философии Санкт-Петербургского государственного университета

Pigrov Konstantin Sergeevich, doctor of philosophy, professor of Department of social philosophy and the history of philosophy of Saint-Petersburg State University (kspugrov@yandex.ru)

Прокуденкова Ольга Викторовна, кандидат культурологии доцент кафедры теории и истории культуры СПбГУКИ

Prokudenkova Olga Victorovna, PhD of culturology, associate professor of Department of Theory and History of Culture of Saint-Petersburg State University of Culture and Arts (proolg2000@mail.ru)

Самарина Наталья Гурьевна (1958–2011), кандидат исторических наук, профессор

Samarina Natalya Gurevna (1958–2011), PhD of history, professor (muzeologkaf@mail.ru)

Сведения об авторах

Information about authors

Семенков Вадим Евгеньевич, кандидат философских наук, доцент кафедры социальных наук Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы

Semenkov Vadim Evgenjevich PhD of philosophy, associate professor of Department of Social Studies of Saint-Petersburg State Institute of Psyhology and Social Work (semenkov1959@rambler.ru)

Соколов Аркадий Васильевич, заслуженный деятель науки РФ, доктор педагогических наук, действительный член РАЕН и МАИ, профессор кафедры информационно-управляющих и мультимедиа систем СПбГУКИ

Sokolov Arkadiy Vasilevich, honored figure in Science of Russian Federation, doctor of pedagogics, full member of Russian Academy of Natural Sciences, full member of International Informatization Academy, professor of Department of information management and multimedia systems of Saint-Petersburg State University of Culture and Arts (sokolov1@front.ru)

Старинкова Елена Валентиновна, хранитель фонда декоративно-прикладного искусства Всероссийского музея А. С. Пушкина (Санкт-Петербург)

Starinkova Elena Valentinovna, curator of The National Pushkin Museum (Saint-Petersburg) (estarin@mail.ru)

Сугак Дмитрий Борисович, преподаватель кафедры информационного менеджмента СПбГУКИ

Sugak Dmitriy Borisovich, lecturer of Department of Management of Information of Saint-Petersburg State University of Culture and Arts (dima1327@yandex.ru)

Триодин Владимир Евгеньевич, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный работник культуры РФ, доктор педагогических наук, профессор кафедры социально-культурной деятельности СПбГУКИ

Triodin Vladimir Evgenevich, honored figure in Science of Russian Federation, honored figure in Culture of Russian Federation, doctor of pedagogics, professor of Department of Socio-Cultural Activities of Saint-Petersburg State University of Culture and Arts (bonicat@list.ru)

Усачева Ольга Игоревна, аспирантка кафедры музеологии и культурного наследия СПбГУКИ; научный руководитель Грицкевич Валентин Петрович, доктор культурологии, профессор кафедры музеологии и культурного наследия СПбГУКИ

Usatchova Olga Igorevna, post-graduate student of Department of Museology and Cultural Heritage of Saint-Petersburg State University of Culture and Arts; supervisor of studies Gritskevich Valentin Petrovich, doctor of culturology, professor of Department of Museology and Cultural Heritage of Saint-Petersburg State University of Culture and Arts (mlleboitette@mail.ru)

Ухтинская Мария Владимировна, аспирантка кафедры социально-культурной деятельности СПбГУКИ; научный руководитель Демьяненко Святослав Русланович, кандидат педагогических наук, доцент социально-культурной деятельности СПбГУКИ

Ukhtinskaya Mariya Vladimirovna, postgraduate student of Department of Socio-Cultural Activities of Saint-Petersburg State University of Culture and Arts; supervisor of studies Demiyanenko Svyatoslav Ruslanovich, PhD of pedagogics, associate professor of Department of Socio-Cultural Activities of Saint-Petersburg State University of Culture and Arts (ymariya88@gmail.com)

Щипина Римма Владимировна, кандидат философских наук, доцент кафедры истории русской культуры СПбГУКИ

Shhipina Rimma Vladimirovna, PhD of philosophy, associate professor of Department of Russian Culture of Saint-Petersburg State University of Culture and Arts (rimma107@mail.ru)